Муниципальное бюджетное учреждение культуры
МИНУСИНСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА

МАРТЬЯНОВСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВЫПУСК XVII

Сборник докладов и сообщений

(2023)

МИНУСИНСК
2024

ББК 63.3 (253)
УДК 930-9
М 29

Руководитель проекта:
С. А. Борисова, директор музея им. Н. М. Мартьянова

Редакционный совет:
В. Г. Чернышёва, зав. издательским отделом
Е. Ю. Сидорина, зав. научной библиотекой
М. Г. Зарко, научный сотрудник
Е. Ю. Шабаева, библиотекарь

Дизайн, вёрстка, техническое редактирование:
О. В. Войда, дизайнер-верстальщик

Мартьяновские краеведческие чтения [текст] : сб. докладов и сообщений
М 29 (Минусинск, 2023) / МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова» [ред. В. Г. Чернышёва]. – Вып. 17. – Минусинск: – 2024. – 204 с. : с ил.

ISBN 978-5-0064-6045-4

Настоящий сборник является 17 выпуском докладов и сообщений, которые были представлены учёными, исследователями, краеведами, преподавателями, сотрудниками музеев и работниками библиотек на XXXIV Мартьяновских краеведческих чтениях (2023 г.).

В сборник вошли 47 докладов и сообщений 58 авторов, в т. ч. зарубежных (КНР, Эстония) по археологии и палеонтологии, этнографии коренного населения, истории регионов в XIX–XX вв. и др., а также некоторым аспектам экологии, географии и другим вопросам естественных наук и родословию.

ББК 63.3 (253)
УДК 930-9

© МБУК «Минусинский региональный
краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова»

ISBN 978-5-0064-6045-4

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗОЛЮЦИЯ Международной научно-практической конференции «XXXIV Мартьяновские краеведческие чтения», посвящённой дню Памяти основателя музея – Н. М. Мартьянова, 200-летию города Минусинска, 145-летию со дня основания научной библиотеки Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова.....6

РАЗДЕЛ I. МУЗЕЙНАЯ СИБИРЬ И БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО.....8

Борисова С. А. Знаменательный для Мартьяновского музея 2023 год.....8
Белгородская Л. В. Рисунки Китая из коллекции Геннадия Васильевича Юдина: проблемы атрибуции и бытования.....13
Бердникова Ю. О. Роль городского музея в этнокультурном воспитании учащихся.....15
Ермилова В. В. Дар потомка купца Г. М. Вильнера Минусинскому музею.....17
Лактионова Е. А. Книжное наследие XIX – начала XX века енисейских купцов Баландиных в фонде Государственной научной библиотеки Красноярского края. Опыт реконструкции утраченного собрания.....19
Лю Лицю, Валеев Р. М., Валеева Р. З. Музейное наследие Н. Ф. Катанова и перспективы изучения: вещевые коллекции (краткий обзор фондов российских центров).....26
Максимова И. А. Издания в фондах музейной библиотеки как источник для изучения латинизации хакасского алфавита первой четверти XX века.....30
Решетникова И. Л. Сохранение исторической памяти о советских репрессиях в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н. М. Мартьянова.....34
Тугужекова В. Н. Вклад Минусинского музея в изучение истории и культуры Хакасско-Минусинского края.....37
Филиппова О. Г. Изучение этнических аспектов региональной истории в конкурсных работах школьников и студентов на примере конкурса «Алтай. История. Память».....38
Шоева М. П. Ядро пушечное и не только... (Музейные предметы как исторический источник).....41

Раздел II. АРХЕОЛОГИЯ И ПАЛЕОНТОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....45

Августовский А. И. Сердцевидные святилища.....45
Бурашникова К. С., Митько О. А. Состав погребальной пищи Тесинского населения Тагарской культуры (по материалам могильника Сагайская Протока 2).....48
Губенко Е. В. Комплексный подход к изучению бусинных наборов Среднего Енисея VII в. до н. э. – V в. н. э.....50
Есин А. Е. «Решётка» и «Лабиринт»: знаки Тесинской культуры.....52
Киргинеков Э. Н. Исследования археологической экспедиции ХНКМ им. Л. Р. Кызласова в 2023 году (деятельность и направления).....56

Лигачева А. А. Височные кольца из херексура Битуугийн Цагаана V на севере Монголии.....58
Петренко А. Л., Гиренко С. А. О возможности использования древесины для изготовления наконечников стрел в традиционных обществах Евразии (от мезолита до начала нового времени).....61
Половников И. С. Набор костяных орудий для обработки шкур первой половины I тыс. н.э. Хакасско-Минусинской котловины (по материалам коллекций Минусинского музея).....64

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ СИБИРИ.....69

Кикилова У. С. Конопля в традиционной культуре крестьян Присаянья (конец XIX – начало XX века).....69
Кривоносова Е. Л. Выбор направления и проектные работы строительства Ачинско-Минусинской железной дороги.....71
Ойдупаа А. А. Спецкомендатура министерства внутренних дел Тувинской Народной Республики в 1930–40-е гг. XX в.....76
Мариловцев Д. В. Нереализованные проекты Енисейска: железная дорога Ачинск-Енисейск.....80
Топчеев В. В. Методы управления медициной на примере истории здравоохранения Хакасии в 1920–1940-е гг.....84
Шекшеев А. П. Ревкомовская власть. Организация и деятельность Революционных комитетов на Енисее.....89
Шестакова К. И. Роль архивных фондов в сохранении социокультурного наследия (на примере фондов Государственного архива Красноярского края).....100

РАЗДЕЛ IV. ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....105

Мартыненко Т. Л. Экопросвещение в Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал» на примере работы Музея природы и охраны окружающей среды.....105
Начинкина Л. В. «Нордвик. Территория недоступности».....108
Сайбулина Р. Р. Раздельный сбор мусора как форма экопросвещения учащихся омских школ.....111
Спириденко И. А., Идиатуллина И. А. Преображение Таймыра – программа-концепт комплексной экспедиции на научно-экспедиционном судне «Сибирский исследователь» (грант Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»).....114

РАЗДЕЛ V. КРАЕВЕДЕНИЕ И РОДОСЛОВИЕ.....120

Артамонова А. А. Подвиг медиков-томичей в годы Великой Отечественой войны.....120
Алавердян Л. И. Друзья семьи Каратаевых.....122
Дрозд Ю. П., Маньковская В. И., Нагорных В. В. Два юбилея.....125
Йатарола Н. В. Абрамовы села Лугавское.....133
Йатарола Н. В. Забытая фамилия.....138
Калюга А. Е. К 90-летию образования Курагинского лесничества.....142

Киселёва Т. А., Полежаева Н. В., Старков О. Г. Пограничный столб как переход в другую систему ценностей.....145
Кун Вэйжань. Абакан. Семья Ли. Четыре поколения разных самоидентификаций: советская женщина в Китае – китайцы в России – русский китаец – китайская девушка, ничего не знающего о Китае.....148
Лыхин А. П. История одного колокола.....151
Пивоваренко Н. Г. Участники переписи 1897 г. в Минусинском округе.....155
Серебренникова М. Е. Книги и публикации меценатов Кузнецовых.....162
Чепашева А. Ф. Клеточное звероводство.....166

РАЗДЕЛ VI. ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ.....172

Белоусова С. С. Герой Советского Союза Сотниченко Михаил Иванович.....172
Горская И. А. Пока горит свеча памяти… 174
Саянский (Попков) О. Хребет Крыжина. Точка на карте Южной Сибири.....181
Савкова О. А. Человек, освещающий путь.....190
Пилипенко В. С. Топонимический словарь Кемеровской области и его создатель Владимир Шабалин.....193

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....195
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....198
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....201
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.....203

РЕЗОЛЮЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «XXXIV МАРТЬЯНОВСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ», ПОСВЯЩЁННОЙ ДНЮ ПАМЯТИ ОСНОВАТЕЛЯ МУЗЕЯ — Н. М. МАРТЬЯНОВА, 200-ЛЕТИЮ ГОРОДА МИНУСИНСКА, 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ МИНУСИНСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ им. Н. М. МАРТЬЯНОВА

14-15 декабря 2023 г. в муниципальном бюджетном учреждении культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова» состоялась международная научно-практическая конференция «XXXIV Мартьяновские краеведческие чтения» на тему «Историческое наследие и современность».

В работе конференции приняли участие 220 человек: представители научного сообщества, образовательных учреждений, лабораторий, архивов, музеев, библиотек, органов местного самоуправления, культурных и общественных организаций, а также краеведы и независимые исследователи из России, Эстонии, Китая и Казахстана.

В ходе работы конференции состоялись:

− Дискуссионная площадка на тему «Сохранение, изучение и популяризация историко-культурного наследия».

− Круглый стол «Межведомственное взаимодействие в сохранении историко-экологического наследия».

− Съезд краеведов Енисейской Сибири.

− Открытие выставочных проектов.

- «Петроглифы Южной Сибири», посвящённый памяти историка и археолога Н. В. Леонтьева.
- «Моё отечество». Автор – В. С. Пилипенко, краевед, фотограф, публицист, член Союза журналистов России, член ВОО «Русское географическое общество».
- «Дневник штурмана Альбанова» – в рамках сотрудничества МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова» и Красноярского краевого отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество».

Презентация изданий музея, в т. ч. издательского проекта, подготовленного в рамках сотрудничества МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова» с ГНИУ «Институт истории материальной культуры Российской академии наук», – монографии Н. В. Леонтьева и А. В. Полякова «Памятники карасукского времени на территории Минусинского района Красноярского края (по материалам раскопок 1965-2006 гг.)».

Подведение итогов XIV Межрегионального открытого конкурса «Музей года. Енисейская Сибирь – 2023» и IX творческого фестиваля музейных работников Красноярского края, Республик Хакасия, Тыва, Алтай «Искра таланта».

По итогам работы конференции участниками Мартьяновских чтений была принята следующая резолюция:

1. Опубликовать материалы конференции 2023 г. в издании «Мартьяновские краеведческие чтения. Сборник докладов и сообщений» и в сборнике «Учёные записки Минусинского краеведческого музея имени Н. М. Мартьянова», включённом в систему РИНЦ с размещением на платформе elibrary.ru (Научная электронная библиотека).

2. Провести в 2024 г. юбилейную международную научно-практическую конференцию «XXXV Мартьяновские краеведческие чтения», посвящённую 180-летию Николая Михайловича Мартьянова – основателя Минусинского музея.

3. Обратить внимание Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края на проведение мониторинга по установлению границ объектов культурного наследия регионального значения территорий юга Красноярского края с целью сохранения материального исторического наследия территории.

4. Создать межведомственную рабочую группу с целью проработки Концепции взаимодействия в сохранении историко-экологического наследия и развития туризма. Рекомендовать включить Концепцию в материалы по социально-экономическому развитию территорий Красноярского края. Включить в рабочую группу представителей Законодательного собрания Красноярского края, Министерства образования Красноярского края, Министерства культуры Красноярского края, Министерства природных ресурсов и лесного комплекса Красноярского края, Министерства экологии Красноярского края, Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края, Агентства по туризму Красноярского края, АНО «ККЦРБ МКК», МБУК «Минусинский региональный краеведческий музея им. Н. М. Мартьянова», СТЛ «Три сферы». Проработать план-график по этапам реализации проекта «Койское Белогорье». Провести установочное совещание в г. Красноярске.

С. А. Борисова,
Председатель Оргкомитета, директор МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова»

.

РАЗДЕЛ I.
МУЗЕЙНАЯ СИБИРЬ И БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

С. А. Борисова,
г. Минусинск

Знаменательный для Мартьяновского музея 2023 год

Знаменательный 2023 год завершается. Год, значимый не только для Минусинска, который отметил своё 200-летие, но и для МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова»!

Одним из главных событий стало завершение ремонтно-реставрационных работ во II корпусе музея и галерее каменных изваяний, а также создание новой экспозиции «Тень тысячелетий… Хакасско-Минусинский край – очаг древнейших культур Южной Сибири», которую мы представили минусинцам и гостям города в праздничные дни августа.

Это был важный и ответственный проект, ведь создание новой экспозиции для каждого музея является значимым этапом развития и определённым критерием оценки профессионализма всего коллектива. Была проведена большая подготовка: создана концепция каждого из 16 залов, выполнены тематико-экспозиционные планы, создан совместно с дизайнерами художественный дизайн-проект, отобраны и частично отреставрированы предметы, осуществлены работы непосредственно по сборке экспозиции.

И всё это – параллельно с решением технических вопросов, подготовкой необходимой научно-проектной и проектно-сметной документации, ежедневными встречами с подрядчиками, ремонтными и благоустроительными работами. Важно напомнить, что работы по сохранению объекта культурного наследия II корпуса музея начались ещё в 2015 году. Профессионализм, знания, уникальный музейный фонд – всё это позволило достойно презентовать экспозицию в обновлённых залах музея.

В уходящем году Мартьяновский музей представил гостям и жителям города новые выставочные проекты: «История времени. Минусинские градоначальники с 1875 года по сегодняшний день…»; выставочный проект «Дорога дружбы и сотрудничества», посвящённый Усинскому тракту; «Минусинский музей и Русское географическое общество»; выставочный проект «Петроглифы Южной Сибири», посвящённый памяти археолога Н. В. Леонтьева и ставший достойной частью экспозиции галереи каменных изваяний; фотовыставка В. С. Пилипенко «Моё отечество»; выставка «Дневник штурмана Альбанова», предоставленная Красноярским краевым отделением РГО.

Целый ряд успешных совместных проектов был реализован в течение года. Так, проект «Место силы», подготовленный совместно с Красноярским художественным музеем им. В. И. Сурикова, позволил показать минусинцам и гостям города подлинные работы знаменитого земляка-юбиляра, а также картины из художественной коллекции музея, раскрыв историческое развитие Минусинска. А в ноябре выставочный проект «Место силы» отправился в художественный музей им. В. И. Сурикова, где продолжит работать до марта 2024 года и уже сейчас получает хорошие отзывы и привлекает большой интерес жителей и гостей Красноярска.

Совместным проектом Енисейского музея-заповедника, Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова и музея-заповедника «Шушенское» стала выставка «Предприни-

мательство на Енисее в кон. XIX – нач. XX в.», рассказывающая о предпринимателях Сибири, которые вкладывали средства в строительство, образование, науку и культуру, экспедиции и исследования. В Минусинске передвижной выставочный проект откроется в апреле 2024 года.

Декоративная ландшафтная скульптура – выставка «Степные легенды» Алеся Яковлевича Мигаса, доброго друга Мартьяновского музея, – вызвала неподдельный интерес минусинцев: голосуя в социальных сетях, они сами решали, какие скульптуры автор передаст в дар музею и, конечно же, городу! Мы приняли решение, что эти скульптуры будут установлены в Визит-центре Мартьяновского музея – как объекты, символизирующие территорию Хакасско-Минусинской котловины, с которыми можно сфотографироваться.

Кропотливая работа была проведена коллективом музея в информационной и научно-исследовательской части концепции празднования 200-летия Минусинска. Собраны многочисленные исторические материалы для подготовки праздника, для сценария проведения мероприятий, для аудиогидов в автобусах, для пешеходных маршрутов по историческому кварталу и окрестностям Минусинска. Кроме того, музеем выполнена методическая подготовка гидов-волонтёров из Красноярского края для проведения в дни празднования пешеходных экскурсий по городу. В рамках V гуманитарно-просветительского медиафестиваля «Спас на Енисее – 2023» для представителей СМИ, блогеров, журналистов музей подготовил познавательные пресс-туры, ещё раз подчеркнув в них уникальность истории Минусинска и перспективы его развития!

В Год педагога и наставника мы нарабатывали опыт, активно принимая участие в различных образовательных и просветительских мероприятиях и конференциях. Знаковым стало заседание Научного совета исторических и краеведческих музеев при Министерстве культуры Российской Федерации по теме «Краеведение в российских музеях», проводившееся в рамках торжественных мероприятий, посвящённых 145-летию Омского государственного историко-краеведческого музея. Директор МБУК МКМ Светлана Борисова выступила с докладом «Мартьяновский музей и краеведение: взаимодействие науки и практики». Организаторами мероприятий стали Министерство культуры Российской Федерации, Министерство культуры Омской области, Омский государственный историко-краеведческий музей, Государственный исторический музей (г. Москва). Было подписано соглашение о сотрудничестве с Омским государственным историко-краеведческим музеем.

Важным для Мартьяновского музея стало участие в Первой конференции памяти почётного академика РААСН Марка Яковлевича Вильнера – потомка Герша Вильнера, знаменитого жителя Минусинска. Проведение стало возможным благодаря Российской академии архитектуры и строительных наук г. Москвы.

В октябре мы стали почётными гостями в Государственном музее истории ГУЛАГа на междисциплинарной конференции, посвящённой истории и наследию советских массовых репрессий. Традиционно приняв участие в одном из крупнейших в стране научно-гуманитарных мероприятий – X Международном Сибирском историческом форуме «Сибирь и Россия: история и культура», успешно выступили организатором секции «История сибирских городов». Работа секции была двухдневной. Резолюция, принятая по итогам проведения, даёт возможность музею и в следующем году организовать такую площадку на Сибирском Историческом форуме.

Специальная военная операция. Помимо сбора экспонатов по этой теме, Мартьяновский музей весь год принимал в своих стенах группы подростков из Луганской Народной Республики, налаживал связи со Свердловским краеведческим музеем, находящимся

в г. Свердловск ЛНР. Отметили мы и первую годовщину со Дня воссоединения Новороссии и Донбасса с Россией – участием в совместном выставочном виртуальном проекте Красноярского художественного музея им. В. И. Сурикова «По родной стороне». В ноябре музей успешно принял участие в 15 Красноярской музейной биеннале «АВЕНИСЕЕСИНЕВА», где была представлена интерпретация некоторых предметов музейного фонда в творческих работах талантливых молодых художников.

Мартьяновский музей успешно продолжает работу в издательском направлении. В период с января по декабрь 2023 г. музеем подготовлено и напечатано семь изданий: пятый выпуск «Учёные записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова»; научно-популярное краеведческое издание «История минусинских улиц»; дайджест-издание «Минусинский музей. Исторические очерки»; а также два краеведческих сборника — 16 выпуск «Мартьяновские краеведческие чтения» (2022) и «Страницы истории» (сборник статей местных краеведов).

А впереди ещё много нового! Коллектив музея совместно с ООО «Издательство Поликор» занят подготовкой фотоальбома неизвестных фотографов XIX века «Эпоха глазами минусинских фотографов» для участия в конкурсе «Книжное Красноярье – 2024» в номинации «Красноярское наследие». Кроме того, идёт работа над дополненным переизданием воспоминаний Герша Мордуховича Вильнера «Как сибирский крестьянин стал купцом первой гильдии». Подготовлен электронный библиографический указатель «Минусинску 200 лет» для размещения на сайте Мартьяновского музея к юбилею города. Подготовлена и издана брошюра «Программа международной научно-практической конференции «XXXIV Мартьяновские краеведческие чтения». Готовится 3 том трилогии «Н. М. Мартьянов. Жизнь и призвание», который будет посвящён друзьям и соратникам Николая Михайловича. И уже в следующем году, в год 180-летия со дня рождения Н. М. Мартьянова, мы будем презентовать трёхтомник об основателе нашего музея.

В конце декабря в рамках открытия выставки «Петроглифы Южной Сибири» был представлен ещё один издательский проект – монография Николая Владимировича Леонтьева и Андрея Владимировича Полякова «Памятники карасукского времени на территории Минусинского района Красноярского края» (по материалам раскопок 1965–2006 гг. из фондов Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова). Проект реализован в рамках сотрудничества с Южносибирским филиалом Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). Это ещё один замечательный результат сотрудничества Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова с Институтом истории материальной культуры РАН Санкт-Петербурга.

Мартьяновский музей всегда рад творческому партнёрству. В мае настоящим украшением ежегодной международной акции «Ночь музеев» стали выступления образцового ансамбля русской песни «Толокно» детской музыкальной школы, театрализованное представление «Красная горка» в исполнении фольклорного театра «Белогорье» Минусинского колледжа культуры и искусства, студии «Грация» сельскохозяйственного колледжа г. Минусинска.

А в августе мы познакомились с творческой командой педагогов, туроператоров, музейщиков и, конечно, юных следопытов, приняв участие в разработке образовательных туристических маршрутов в рамках Всероссийской программы «Классная страна». Музей выступил объектом показа и одним из авторов образовательного маршрута «Дорогой Ильича», который уже в ноябре был успешно апробирован. Кстати, именно дети стали инициаторами создания этого маршрута.

Реализация экологических проектов давно и прочно вошла в деятельность музея. Помимо проведения Всероссийской эконедели, акций по высадке деревьев, мы вместе с нашими друзьями – Красноярским краевым отделением Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», Минусинским кадетским корпусом, воспитанниками и наставниками Детского дома, а также с ФКУ Тюрьма ГУФСИН России по Красноярскому краю – стали участниками Всероссийского проекта «Родники РГО» и в качестве подарка к юбилею города произвели благоустройство родника, который является истоком реки Минусинки.

Продолжают работу традиционные музейные проекты. Клуб «Краевед» освещает тему краеведения и истории. На базе музея проходят встречи Ассоциации литературных объединений юга Красноярского края и Республики Хакасия «Сибирская лира». Клуб любителей локальной истории и археологии «Реплика» проводит заседания, в том числе с онлайн-участием учёных со всей страны.

Мы гордимся тем, что 30 музеев Красноярского края представили свои достижения в рамках 14 конкурса «Музей года. Енисейская Сибирь – 2023». Значит, Минусинскому музею как организатору удаётся достичь своей цели: объединить и вдохновить музеи Енисейской Сибири! И мы ещё раз благодарим всех за сотрудничество! Отдельная благодарность **Николаю Ивановичу Дроздову – профессору кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета, руководителю Центра исторической регионалистики Енисейской Сибири Сибирского федерального университета**, – поскольку сегодня практически выступает нашим научным консультантом и наставником в области археологии и истории!

Одним из главных направлений деятельности Мартьяновского музея на протяжении последних лет является международное сотрудничество, которое реализуется через ряд совместных проектов. Музей работает в рамках соглашений, заключённых с научными институциями Китая, Казахстана, Монголии, Киргизии, Республики Беларусь.

Укрепляются межнациональные культурные связи городов-побратимов – Минусинска и города Ивье Гродненской области Республики Беларусь. В юбилейный для научной библиотеки год в её фонды поступили материалы о самом городе Ивье (информационные буклеты, путеводители, карты), а также учебные пособия и художественная литература на белорусском и арабском языках.

В этом году нас посетили и коллеги из Турции. С музейной коллекцией древнетюркской руноподобной письменности ознакомилась делегация в составе Мехмета Калпакли – члена правления Национальной комиссии Турции по делам ЮНЕСКО, Мехмета Ольмеза – профессора Стамбульского университета, члена международной научной организации «Урало-алтайское общество» (Германия), и их учеников. Запланирована совместная деятельность.

В 2018 году между Мартьяновским музеем и Археологическим институтом Цзилиньского университета (город Чанчунь, КНР) был подписан договор, в рамках которого в 2021 году издан каталог археологических предметов «Сокровища бронзовых изделий Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова». В июне 2023 года мы посетили Цзилиньский университет, где были проведены переговоры о сотрудничестве и подписано соглашение о совместной деятельности Музея им. Н. М. Мартьянова и Школы археологии Цзилиньского университета (КНР). Также было принято решение о проведении летней школы музеологии на базе Мартьяновского музея для сотрудников музея Цзилиньского университета, студентов-музееведов и археологов.

А уже в ноябре коллеги посетили нас с ответным визитом для изучения антропологической коллекции Мартьяновского музея. Благодарю директора Джау Бинфу, профессора Вэй и помощника профессора Цюаня Цянькуня, магистрантов Школы археологии Цзилиньского университета за организацию поездки и плодотворное сотрудничество.

Подводя итоги, отмечу, что в 2023 году по результатам независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры Минусинский музей признан учреждением культуры, которому не предъявлено замечаний в работе. А в ежегодном рейтинге посещаемости российских музеев ТОП-50 Мартьяновский музей занял 42 место и вошёл в число самых посещаемых музеев страны.

Вспоминая работу с ведущими образовательными учреждениями Красноярского края, благодарим ректора Сибирского федерального университета Максима Валерьевича Румянцева за подписание соглашения о сотрудничестве. Нами достигнута договорённость о совместной деятельности, и уже летом 2024 года в музей приедут студенты университета для прохождения практики. Уверена, впереди ещё немало интересных и важных этапов совместной работы. Мы благодарим всех наших друзей, партнёров, коллег за понимание, за готовность к реализации новых планов и проектов и уверены, что только вместе у нас всё получится!

Что ждёт город Минусинск и Мартьяновский музей в 2024 году. Музей отметит 180-летие со дня рождения основателя Николая Михайловича Мартьянова и 285 лет Минусинску как поселению. Юбилейные, памятные мероприятия и акции уже включены в годовой план работы музея. Также мы примем активное участие в организации и проведении мероприятий в связи с празднованием 90-летия Красноярского края. Минусинский музей планирует принять участие в XI Сибирском историческом форуме. Продолжится реализация ряда издательских проектов, в том числе завершение уже подготовленных в 2023 году, и будет выполнена печать изданий. Будут проведены юбилейные «XXXV Мартьяновские краеведческие чтения», XV открытый конкурс «Музей года. Енисейская Сибирь – 2024» и X творческий фестиваль музейных работников Красноярского края, Республик Хакасия, Тува, Алтай «Искра таланта».

Ставится задача увеличения числа посетителей, в том числе по проекту «Пушкинская карта». Будет продолжено участие в грантовых проектах и конкурсах – в том числе реализация проекта «Как сибирский крестьянин стал купцом первой гильдии», одержавшего победу в 2023 году в конкурсе грантовой поддержки музейных инициатив и выставочных проектов некоммерческой организации благотворительного фонда «Российский еврейский конгресс» в номинации «Еврейские истории в музее».

Продолжатся ремонтные работы на объектах ул. Мартьянова, 14; ул. Ленина, 60, корп. 4. В 2024 году музею предстоит перемещение собрания музея в фондохранилище II корпуса, а также библиотечного собрания – в отремонтированное здание научной библиотеки, по окончании ремонтных работ. Будет активизирована работа Визит-центра для популяризации туристических маршрутов и города в целом. Продолжится повышение квалификации специалистов учреждения, укрепление материально-технической базы музея.

2024 год продолжит череду традиционных мероприятий и даст начало новым интересным проектам, важным для развития Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова.

Л. В. Белгородская,
г. Красноярск

Рисунки Китая из коллекции Геннадия Васильевича Юдина: проблемы атрибуции и бытования

В современных условиях роста политического и научного интереса к истории двусторонних отношений России и Китая актуальным представляется исследование вопроса о том, как история и культура Китая была представлена в российских частных и государственных книжных коллекциях, какова история их создания и в чем состояли особенности бытования и презентации артефактов, связанных с Поднебесной. В коллекции Минусинского музея им. Мартьянова хранятся рисунки китайских художников. Коллекция ждёт своего исследователя.

Среди книжных и документальных собраний, сформированных частными лицами в дореволюционной России, выделяется своим богатством и сложной судьбой книжная, художественная и документальная коллекция успешного купца-библиофила, красноярца Геннадия Васильевича Юдина (1840–1912 гг.). Основная коллекция к началу прошлого века составляла 80 тыс. книг (по некоторым данным около 100 тыс.) и около 500 тыс. единиц документальных материалов. Это была самая большая и ценная частная библиотека в дореволюционной России.

В силу целого ряда причин, включая семейные, финансовые, опасение за судьбу собрания в условиях начавшейся революции, она была продана Библиотеке Конгресса США в 1906 г. В 1907 г. книжное собрание и небольшая часть рукописного собрания (преимущественно по русско-американским отношениям) поступили в Вашингтон, где большая часть коллекции в настоящее время и хранится. Потом Г. В. Юдин собрал вторую коллекцию, которая сейчас находится сейчас в основном в архивах Москвы и в фондах Красноярской краевой научной библиотеки. В Юдинском собрании было практически все, связанное с Сибирью, Русской Америкой и Дальним Востоком. Если первые две части собрания изучены хорошо, то материалы по истории Дальнего Востока еще не стали предметом исследования для историков и библиографов. В последние годы жизни библиофил много внимания уделял литературе по истории этого региона.

Историография Юдинского собрания весьма обширна. В свет вышли монографические исследования, сборники документов, издано 17 отраслевых выпусков печатного каталога Юдинского собрания в Красноярске, 8 сборников материалов Юдинских чтений. В Сибирском федеральном университете в 2018 г. вышла в свет книга об обстоятельствах продажи знаменитой коллекции [2, с. 3]. Американские библиографы тоже внесли вклад в развитие юдиноведения.

Г. В. Юдина всегда интересовал и тянул к себе Китай, уже в преклонном возрасте он приглашал своего знакомого А. А. Титова поехать с ним на Дальний Восток, а дальше махнуть в загадочный Китай, пожить в Харбине. Этим планам не суждено было сбыться. В настоящее время в фондах КУНБ находится 13 фундаментальных трудов по истории Китая и 17 книг по географии страны из второй библиотеки купца, собранной в 1906–1912 гг. [4, с. 51–55], [5, с. 131–132]. Особенную ценность представляют раритетные издания, приобретённые библиофилом у знаменитого книготорговца и антиквара В. И. Клочкова. Они снабжены экслибрисом петербургского коллекционера.

Большую ценность представляет двухтомный труд художника П. Я. Пясецкого «Путешествие по Китаю в 1874-1875 гг. через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний

и Северо-Западный Китай», поступивший в библиотеку Юдина в 1909 г. В издании помещены десятки превосходных авторских изображений, связанных с повседневной жизнью Китая и китайцев. Образы чиновников, женские прически, ландшафты страны талантливо визуализированы автором. Примечательно, что китайская тема получила дальнейшее развитие в творчестве художника. П. Я. Пясецкий написал девятисотметровое полотно, представляющее панораму самой длинной железной дороги мира – Транссибирской магистрали. На Всемирной выставке в Париже полотно демонстрировалось французам необычным способом: лента медленно перематывалась за окнами специального вагона, зрители в течение часа любовались красочными видами России, включая и Красноярск. Конечным пунктом дороги, что отражало геополитические цели Российской империи в начале XX в., было изображение воображаемой конечной станции дороги – Пекина.

Интерес для историка представляет книга Александра Васильевича Верещагина из красноярской части Юдинского собрания «По Манчжурии». Автор много внимания уделил покупке произведений прикладного искусства у китайцев во время своего путешествия по стране. Художник-баталист В. В. Верещагин, в том числе и под влиянием брата, создал циклы этнографических картин, портретов и зарисовок, сделанных в разных экзотических для европейцев странах. Визуальная картина «мира Верещагиных» включала в себя яркий и загадочный Китай. Купец приобрёл в том же году у Клочкова книгу немецкого путешественника Эрнеста фон Гессе-Вартега «Китай и китайцы: жизнь, нравы и обычаи современного Китая», содержащую 32 гравюры, 114 рисунков и карту Китайской империи.

В настоящее время в России под эгидой Санкт-Петербургского университета ведётся активная работа над проектом «Китай в произведениях российских художников XVIII-XIX веков». Можно согласиться с мнением руководителя проекта Н. А. Самойлова, который в статье, подводящей предварительные результаты поиска, заметил: «Кроме того, совершенно очевидно, что круг имеющихся картин и рисунков существенно шире и не ограничивается теми, что находятся в указанных выше музеях» (России – Л. Б.) [3, с. 39]. Особый интерес представляют находящиеся в отделе репродукций и фотографий Библиотеки Конгресса США **гравюры, литографии, рисунки** из Юдинской коллекции. Речь идёт о 333 рисунках, собранных в один альбом, собирательно названных научными сотрудниками Russian drawings of China («Русские рисунки Китая»). Большей частью визуальный материал представляет собой наброски к будущим картинам. Некоторые изображения содержат тексты и пометки на русском и китайском языках. К настоящему моменту не выяснена точно история создания и обстоятельства появления альбома в собрании красноярского купца. Нами установлено, что на задней обложке альбома есть ярлык В. И. Клочкова, уже упомянутого выше знаменитого петербургского библиофила, антиквара, издателя и книготорговца.

Анализ визуальных изображений позволяет сделать вывод, что рисунки принадлежат нескольким авторам. Часть работ можно атрибутировать как работы профессионала, работавшего в «русской манере». К тому же, между рисунком «Портрет азиата» и точно атрибутированной картиной «Китайские нищие на холоде», находящейся в настоящее время в Третьяковской галерее, много общего в передаче черт лиц, изображении рук, фона. Есть основания полагать, что в американской части Юдинского собрании находятся работы художника XIV Духовной миссии Л. С. Игорева. Система аргументов в пользу этой атрибуции изложена в статье красноярских историков [1, с. 103]. Изображения из альбома репродуцируются в трудах по истории христианизации Китая [6, с. 79]. К ошибкам автора указанного сочинения Д. Мангелло следует отнести его пояснительный текст о том, что Г. В. Юдин был автором рисунка.

Часть рисунков выполнена китайскими мастерами. На это указывают специфика

композиции изображений, склонность авторов к обобщениям, приверженность к развернутым фронтальным изображениям. Наконец, наличие многочисленных иероглифов справа и слева от изображения говорит в пользу этой версии. Интерес к китайской коллекции Юдина проявили ученые Китайской Народной Республики. Историки Красноярска и китайские коллеги в настоящее время ведут совместную научную работу по изучению коллекции рисунков Китая в коллекции Г. В. Юдина.

Таким образом, американская и российская части библиотеки Г. В. Юдина содержат книжные и художественные коллекции по истории и культуре Китая. Они попали в область научных интересов исследователей России, Китая и США. Дальнейшее исследование темы связано с дальнейшей атрибуцией изображений и выяснением истории бытования книг и рисунков из Юдинского собрания по истории и культуре Китая. В Минусинском музее им. Н. М. Мартьянова тоже хранится коллекция китайских рисунков. В планах автора изучение и атрибуция визуальных источников, осуществление сравнительно-исторического анализа изображений.

Библиографический список:

1. Белгородская Л. В., Дроздов Н. И. Альбом «Русские рисунки Китая» из коллекции красноярского библиофила Г. В. Юдина (Библиотека Конгресса США): опыт источниковедческого анализа // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. №59. С. 103-109.

2. Библиотека Геннадия Васильевича Юдина. Жизнь после жизни. Красноярск: Изд-во СФУ. 149 с.

3. Самойлов Н. А. Китай в произведениях российских художников XVIII-XIX вв. // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. №1(82). С. 25-41.

4. Юдинское собрание Красноярской краевой научной библиотеки. Каталог. Вып. 14. География. Красноярск, 2004. 118 с.

5. Юдинское собрание Красноярской краевой научной библиотеки. Каталог. Вып. 13. История. Красноярск, 2006. 215 с.

6. Mungello D. E. The Great Encounter of China and the West, 1500-1800. 4 ed. Rowman & Littlefield Publishers, 2009. 167p.

Ю. О. Бердникова,
г. Черногорск, Республика Хакасия

Роль городского музея в этнокультурном воспитании учащихся

За последнее десятилетие этнические проблемы стали одними из самых актуальных в мире. Растущий интерес общественности к этим проблемам обусловлен полиэтническим характером мирового сообщества.

Подрастающее поколение не знает о своих этнических характеристиках и испытывает трудности с определением своей этнической принадлежности. Поэтому в школьном возрасте важно прилагать целенаправленные усилия для формирования этнической идентичности. Однако в общеобразовательном учреждении не всегда возможно решить эти проблемы. Необходима систематическая работа педагогического коллектива, педагогов дополнительного образования, сотрудников музеев, чтобы сформировать у учащихся этнически богатую образовательную среду.

Автор статьи в своей педагогической практике внедряет этнокультурный компонент в образовательные программы и активно использует методы и приёмы на своих уроках. Наибольшую наглядность учебного материала дают уроки-экскурсии в городской музей.

СОШ № 5 активно сотрудничает с городским музеем истории города Черногорска. История города Черногорска богата героическими событиями прошлого, интересна настоящим. Музей собирает, хранит, изучает и публикует музейные предметы и музейные коллекции, представляющие особую историческую, художественную или иную культурную ценность. Благодаря всем, кто принимает активное участие в жизни музея, и сохраняется культурно-историческая ценность для будущих поколений. В музее работают постоянные выставки-экспозиции «Во славу Державы», «Черногорск во время Великой Отечественной войны», «Загадки кургана Майский», «Хакасская юрта», «Русская этнография», «История города Черногорска», «Спортивная гордость Черногорска» и другие. На музейных уроках учащиеся знакомятся с традициями, обычаями и обрядами родного края, праздниками православной культуры, народным искусством и промыслами Хакасии, государственными символами Республики Хакасия. Научно-исследовательская работа – одно из основных направлений деятельности музея, направленных на формирование, использование и сохранение историко-культурного наследия города Черногорска.

Городской музей играет важную роль в культурной жизни общества. Это уникальное пространство, где хранятся и выставляются экспонаты, связанные с историей и культурой города Черногорска. Кроме того, городской музей оказывает значительное влияние на этнокультурное образование учащихся.

В СОШ № 5, согласно социальному паспорту учреждения, учащиеся представляют 10 различных этнических групп, среди которых 4 % – народы Северного Кавказа, 7 % граждане Центральной Азии и 2,5 % Азербайджана и Армении. Многие из них не знают историю и традиции нашего региона. Городской музей организует этнокультурную образовательную программу, направленную на изучение культуры, истории и традиций города Черногорска, что особенно важно для молодого поколения, которое имеет очень поверхностное представление об истории и культуре родного города.

В рамках образовательной программы введён курс «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Педагоги привлекают музейных сотрудников, которые могут наглядно и интересно рассказать учащимся о культуре, традициях и обычаях жизни разных народов нашей страны. При содействии городского музея с использованием театральных элементов учащиеся узнают об основах межэтнического общения, нормах поведения в разных культурах, ритуалах и праздниках разных этнических групп.

Культурные мероприятия, такие как концерты и торжества, организованные городским музеем в сотрудничестве со школой, способствуют укреплению этнических отношений и образованию. Расширение кругозора и накопление знаний играют важную роль в формировании диалога культур в учебном заведении, а музей играет ключевую роль в этом процессе.

Посещение городского музея в рамках образовательного процесса позволяет интегрировать содержание школьных предметов. Цикл музейных уроков «Черногорск в годы Великой Отечественной войны» стал значимым событием для всего города. Важно сохранить подлинную и неискаженную память о событиях Великой Отечественной войны. Наши учащиеся разных национальностей собирают и приносят в музей информацию о своих славных предках, одержавших Победу над фашизмом. Понимание того, что в годы войны было единство всех национальностей для достижения общей цели, способствуют межэтнической гармонизации сегодня.

С 2011 г. ведётся работа по оформлению Книги Почёта города Черногорска. Занесение имён горожан происходит в соответствии с Постановлениями Администрации города Черногорска, начиная с 1999 г. В 2012 г. была оформлена выставка – экспозиция и Книга «Почётные граждане города Черногорска». В 2013 г. реализация программы «Имя в истории

города» продолжилась в совершенно новом формате, с очень важной и актуальной для жителей города темой: необходимо помнить не только о героях, но и о тех, кто своим трудом в мирное время заслужил уважение. Ведётся работа с историческими и мемориальными источниками, фондовыми документами, сбор информации и фотографий жителей города Черногорска – участников и ветеранов Великой Отечественной войны, для продолжения оформления выставок-экспозиций и проведения мероприятий «Имели честь родине служить», «Победа ковалась не только в бою, Победа ковалась в тылу». В 2019 году выпущен информационный сборник «Имели честь Родине служить».

Воспитание в духе культуры мира, ненасилия и гражданской ответственности предполагает работу всего преподавательского состава. Вместе с учителями городской музей создает правовую культуру, которая позволяет представителям разных национальностей жить в мире и согласии. За последние несколько лет в школе случаев этнического / межрелигиозного конфликта зафиксировано не было. В этом заслуга педагогического коллектива СОШ № 5 и сотрудников музея истории города Черногорска.

Библиографический список:

1. Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю. Методика преподавания истории в школе: практическое пособие пособие / Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю. – Москва: Владос, 2001. – 178 с. – ISBN 5691000381

2. Троянская, С. Л. Музейная педагогика и её образовательные возможности в развитии общекультурной компетентности: учебное пособие / С. Л. Троянская. – Ижевск: Научная книга, 2007. – 131 с.

3. Шевцова А. А., Гринько И. А. Дети мигрантов и музеи: мифы и реальность / А. А. Шевцова, И. А. Гринько // Этнодиалоги: научно-информационный альманах. – 2013. – № 3 (44). – С. 94-101.

В. В. Ермилова,
г. Минусинск

Дар потомка купца Г. М. Вильнера Минусинскому музею

Раритеты XVIII-XIX вв.– начала XX в. поступили в дар Минусинскому краеведческому музею им. Н. М. Мартьянова от Льва Борисовича Волкова, двоюродного внука купца Г. М. Вильнера. Он проживает в Санкт-Петербурге, находится на пенсии.

Л. Б. Волков родился в Красноярске в 1951 г. в семье Лейзаровича Бориса Леонтьевича (в крещении Абрам). Дед дарителя Лейзарович Леонтий Осипович был служащим в магазине Вильнера и был женат на двоюродной сестре Герша Мордуховича – Дине Яковлевне Вильнер. Она – дочь Якова Гершевича (Григорьевича), родного брата Боруха Мордхая (Марка Григорьевича), отца Герша Вильнера.

Лев Борисович принял фамилию своей матери Волковой. Он учился в Ленинграде в морской академии им. Адмирала Макарова. Работал на Камчатке и на Северном морском пути. В 1969 г. его родители переехали в Ленинград. Отец Волкова работал на атомной станции до самой пенсии. У Льва есть младший брат Олег 1952 г. р., проживающий в Адлере. У Льва Борисовича трое детей: Жанна, Екатерина и Борис. Есть внук Иван.

Лев Борисович, выйдя на пенсию, открыл антикварный магазин в центре Петербурга, у Летнего сада. Старинные вещи собирали и его родители.

Жена Волкова – Ольга Анатольевна – по образованию искусствовед, реставратор и художник. Она окончила Академию художеств и пользуется известностью среди коллег.

В 2022 г. Лев Волков подарил музею хрустальный шестичастный графин рубежа XVIII-XIX вв. Сейчас он демонстрируется в зале № 19 новой экспозиции.

В августе 2023 г. Л. Б. Волков с женой и сыном посетили музей им. Н. М. Мартьянова. 18.08.2023 г. на торжественном мероприятии в день открытия новой экспозиции II корпуса Л. Б. Волковым был подарен портрет его двоюродного деда Г. М. Вильнера, выполненный по личному заказу в 2023 г. Автор – Ксения Андреевна Бекман (1990 г. р.), потомок российской художественной династии Бенуа, творческих деятелей Серебряного века. Она – художник-реставратор Музея истории религии г. Санкт-Петербурга.

Портрет. Герш Мордухович Вильнер – минусинский купец I гильдии. Купец изображён с бородой и усами, сидящим в кресле за столом с бумагами. Портрет поясной в пол-оборота направо. Правая рука купца лежит на столе, левая – в кармане брюк. Одет в чёрный сюртук с жилетом, с золотой цепочкой от карманных часов. На шее повязан белый платок. На обороте холста дарственная надпись: «Портрет Г. М. Вильнера (1869-1942), купца первой гильдии».

Осенью 2023 г. семья Л. Б. Волкова прислала в дар музею 21 раритет из семейной коллекции антикварных предметов XVIII-XIX вв. – нач. XX в. Среди них столовые приборы, письменные принадлежности и бытовые вещи, которыми пользовались в семье Вильнер.

Столовые приборы. Кувшин медный, посеребренный, с гравировкой и чеканкой в восточном стиле, XVIII в. Изготовлен в г. Гянджа (в советское время г. Кировабад Азербайджанской ССР). По словам дарителя Л. Б. Волкова, кувшин был откопан на берегу р. Качи в г. Красноярске.

Прибор для специй (солонка, перечница и стаканчик для зубочисток). Персия, XIX в. Украшен чеканкой с арабскими мотивами (пирамиды, сфинксы, пальмы, минареты). Из металла с серебрением.

Ситечки чайные из латуни, с серебрением, нач. XX в. Клеймо: Варшава.

Кольца салфеточные с гравировкой. Латунь, серебрение. Нач. XX в.

Письменные принадлежности.

Письменный женский бронзовый прибор с двумя стеклянными чернильницами. Бронза, литьё. Нач. XX в. Прибор принадлежал Дине Яковлевне Вильнер, двоюродной сестре Г. М. Вильнера.

Печать хрустальная с отпечатком «И. Я. Броницкий». XIX в. Имеет форму восьмигранника с зауженной нижней частью. Случайное поступление в коллекцию.

Печать из красной яшмы. XIX в. Имеет форму восьмигранника с зауженной нижней частью. Случайное поступление в коллекцию.

Карандаш дорожный в металлическом футляре плоской формы. Германия, клеймо «W. Faber», нач. XX в. Имеется кнопка для выемки карандаша, кольцо для подвески. Г. М Вильнер бывал в Германии у сына, учившегося в немецком лицее. Г. М. Вильнер купил канцелярские товары и раздал их своим торговым служащим в Минусинске. Таким карандашом пользовалась и Дина Яковлевна, кассир магазина Вильнера.

Бытовые вещи:

Шкатулка стеклянная для хранения ювелирных изделий, окантована никелированным металлом. Закрывалась на замочек с ключом. Начало XX в. Принадлежала Дине Яковлевне Вильнер, бабушке дарителя.

Очки-пенсне (– D) с золочёной дужкой, в футляре. Стёкла овальной формы. XIX в. Футляр дерматиновый чёрного цвета, подклад – бархат чёрного цвета. Принадлежали кому-то из детей Г. М. Вильнера.

Термометр настенный со шкалой Реомюра от +40 до –20 град. В деревянном корпусе

с петлёй на подвеске. Франция, нач. XX в. (Шкала Реомюра переводится в шкалу Цельсия делением на 0,8. Ещё в 30-х гг. XIX в. ссыльный декабрист А. П. Беляев писал в своих воспоминаниях о климате в Минусинске: «Когда я приехал к брату Петру на Енисей, стояли страшные жары», т. е. была жара 40º Цельсия. (Но в 2013 г. здесь летом температура достигла даже 45º). По семейной легенде, термометр могла привезти Елена Ильинична, жена Г. М. Вильнера, из Австрии, когда она с дочерью Ревеккой лечилась на минеральных водах в Баден-Бадене.

Щётка одёжная детская на деревянной колодке, с натуральной щетиной. Верх покрыт посеребрённой пластиной с гравировкой в виде завитков и цветов. Нач. XX в. Изделие иностранного производства. Сбоку имеются клейма «RG5», «875». Дерево, щетина, серебрение, чеканка.

Таким образом, Минусинский музей получил в дар раритетные предметы, бытовавшие в семье Г. М. Вильнера, которые пополнили этнографические коллекции XVIII-XIX вв. – нач. XX в. Такие антикварные предметы могут быть использованы в экспозиционных и исследовательских целях.

Весной 2024 г. Л. Б. Волков с семьёй посетил Минусинский музей и продолжил совместное сотрудничество.

Е. А. Лактионова,
г. Красноярск

Книжное наследие XIX — начала XX века енисейских купцов Баландиных в фонде Государственной научной библиотеки Красноярского края. Опыт реконструкции утраченного собрания

Двести лет в России идёт процесс изучения личных книжных собраний, за это время он претерпел несколько этапов в своём развитии: менялся подход в изучении личных библиотек, формировался понятийный аппарат; шли споры, по каким критериям определять типы личных библиотек, какими признаками руководствоваться при определении владельца книги; частные книжные собрания каких сословий прежде всего нужно изучать.

Безусловно, личные библиотеки — явление уникальное, на каждом книжном собрании лежит отпечаток предпочтений владельца библиотеки: подбор изданий, разнообразие владельческих переплётов, наличие конволютов, дарственных надписей, маргиналий, выбор экслибрисов (шрифтовых, сюжетных) – всё это определяет уникальность и неповторимость книжного собрания. Частные библиотеки олицетворяют эпоху, в которую они создавались, отображают репертуар книг того времени, характеризуют владельца, его литературные, эстетические пристрастия.

В настоящей работе речь пойдёт о книжном наследии енисейских купцов Баландиных. Их многогранная деятельность в Сибири широко освещалась в исследовательских работах по краеведению.

Баландиных по праву можно назвать пионерами Енисейской губернии во многих начинаниях: это и судоходство на Енисее, и первый частный банк, внедрение механизации в золотодобывающую и угольную промышленности. Александр Алексеевич Баландин (1857–1919) был первым дипломированным учёным-естественником в Енисейской губернии. Его сын Алексей Александрович Баландин (1898–1967) был первым из Енисейской

губернии, кто стал академиком Российской академии; он автор мультипленной теории гетерогенного катализа, впервые опубликованной в 1929 г. Впоследствии мультипленная теория оказала огромное влияние на всю химическую науку и была признана во всём мире.

Вера Арсеньевна (урожд. Емельянова) Баландина (1871–1943), мать академика, – профессиональный химик. Перечислю только малую часть её деяний: она открыла первый в Сибири алмаз, за что была избрана действительным пожизненным членом Минералогического общества при Санкт-Петербургском университете; опубликовала более пятидесяти печатных трудов; сделала более двадцати научных докладов; в советское время Баландина имела льготу от Министерства путей сообщения — бесплатный проезд по всему Советскому Союзу – за вклад в развитие железнодорожного транспорта в стране (строительство железнодорожной ветки Ачинск-Минусинск).

В случае с Баландиными мы должны говорить как минимум о пяти утраченных книжных собраниях, среди них два собрания для общественного пользования платного и бесплатного. О каждой библиотеке есть хотя бы малое упоминание в разных документах, о реальности их существования говорят экземпляры, осевшие в фонде Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края (далее – ГУНБ КК).

После октябрьского переворота 1917 г. все книги из учреждений, частных библиотек, церквей и учебных заведений были экспроприированы у бывших владельцев в пользу образовавшегося государства Советов, и уже государство распределяло, куда и кому будут переданы книги для дальнейшего использования. Библиотеки Баландиных в городе Енисейске – как частная, так и общественные – были распределены во вновь образованные библиотеки: в районную и центральную городскую города Енисейска.

Постановление ЦК КПСС от 22 сентября 1959 г. «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране» сделало невозможным нахождение литературы, изданной до 1917 г., в массовых библиотеках. Этим постановлением ЦК КПСС поставил задачу «добиться превращения библиотек в действительные центры массовой пропаганды политических, общеобразовательных, научно-технических, сельскохозяйственных и профессиональных знаний, в опорные пункты партийных организаций по коммунистическому воспитанию трудящихся» [6], дореволюционную литературу стали отправлять в научные, краевые, областные библиотеки.

В Краевую научную библиотеку баландинские книги начали поступать в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого столетия из обменно-резервного фонда. Книги эти принимались в фонд библиотеки для заполнения лакун, чтобы репертуар книг прошлых столетий был представлен в более полном объёме. Таким образом собрание распылялось по разным библиотекам. Купечество – чуждый класс для советской власти, и сохранить его библиотеки в полном объёме никто не стремился, и задачи такой не стояло.

В 2014 г. сотрудники Отдела редких книг и книговедения ГУНБ КК (далее – ОРК ГУНБ КК) приняли решение о реконструкции Библиотеки А. А. Баландина (семейной библиотеки Баландиных в Енисейске), разработали план поисково-исследовательской работы, который включал следующие пункты.

1. Поиск и изучение источников (архивных документов, каталогов, воспоминаний, упоминаний в переписке и т. п.) о наличии у енисейских Баландиных личной библиотеки, её составе, истории формирования.

2. Изучение истории бытования баландинского собрания в целом и отдельных экземпляров в частности.

3. Выявление изданий с владельческими книжными знаками Баландиных в фонде ГУНБ

КК, а также поиск книг, принадлежавших Баландиным, в фондах других библиотек города Красноярска.

О библиотеках Баландиных есть сведения в публикациях краеведов. Красноярский краевед И. Т. Лалетин (владелец большого массива личного архива семьи Баландиных) писал о хранении части запрещённой литературы из библиотеки Баландиных на летней даче, выстроенной у устья реки Сыда в Абаканской волости (сейчас Краснотуранский район) [5].

Минусинский краевед А. А. Шадрин в своей работе цитировал выдержки из архивных документов, хранящихся в городском архиве города Минусинска. Это выписки из Прошения в губернский департамент земельных имуществ от 27 августа 1908 г. Александра Алексеевича Баландина о выделении ему участка земли на длительный срок, возле горы Унюк (сейчас это территория Республики Хакасия), где расположен его мукомольный завод. В прошении сказано, что нужна земля в размере сотни десятин на 100 лет в аренду для строительства каменного здания для размещения его библиотеки: «...химическая лаборатория, устроенная моею женою, помещалась в деревянном доме. Она имела назначение производства анализа почв и ряда других научных работ, касающихся Минусинского уезда, была оборудована прекрасно. Аппараты, приборы и реактивы приобретены были по указанию специалистов от лучших зарубежных фирм. При лаборатории имелась основательно подобранная химическая библиотека. В 1902 году, в наше отсутствие, в заводском здании лаборатории всё погибло от пожара, вследствие неосторожного обращения с огнём. Убытки от этого мы понесли 10 тысяч рублей и лишились возможности проводить работы по химии. До 1908 года мы проводим часть года в Енисейске. Но так как мы не предполагаем проживать в Енисейске продолжительное время, то намерены книги нашей библиотеки из Енисейска перевести на завод. Но поместить библиотеку в деревянном здании значит подвергнуться риску потери». [7]

В этом документе сам владелец А. А. Баландин сообщает о наличии у него библиотеки в городе Енисейске, и запрашиваемый им размер надела земли для постройки каменного здания для хранения библиотеки опосредованно говорит о немалом размере книжного собрания.

Сведений о вывозе книг из Енисейска на территорию мукомольного завода нет.

Об этой же библиотеке упоминает внучка А. А. и В. А. Баландиных, Нина Алексеевна Баландина (1935–2013) в своих статьях о Баландиных: «Александр Алексеевич … имел огромную библиотеку в Енисейске, каталог её занимал 128 страниц. …Своим детям Алексею и Вивее[1] они прививали трудолюбие, самообладание и кротость, развивали в них любознательность, таланты и любовь к прекрасному, обучали музыке, рисованию, иностранным языкам. Дети могли работать в домашней химической лаборатории. В Енисейске в их распоряжении была огромная библиотека отца... Алексей и Вивея получили очень хорошее образование. Перед революцией они окончили одну из лучших передовых гимназий Москвы. Там мальчики и девочки учились вместе. Ряд предметов вели преподаватели Московского университета, они прививали учащимся навык самостоятельного мышления, знакомили с новинками науки, культуры, техники». [2]

«В доме Баландиных была богатая библиотека. В детском возрасте Алёша Баландин начал изучать европейские языки. В 1908 году родители решили, что их сын должен окончить гимназию Поповой в Москве, которая славилась своими педагогами. С этой целью они переехали в Москву, где жили в течение каждой зимы, постоянно возвращаясь в Сибирь на школьные каникулы. Гимназию А. А. Баландин окончил в 1916 году с золотой медалью». [3]

[1] Вивея Александровна Баландина (1902–1970).

В своих рассказах об отце (академике), бабушке и дедушке Баландиных Нина Алексеевна не упоминает, была ли у Баландиных в Москве библиотека, перевозили они книги из Енисейской библиотеки в Москву (возможно, частично) или в Москве была другая (продолжение библиотеки Енисейской). Мы ведь понимаем, что дать детям великолепное воспитание, блестящее образование, обучить музыке, рисованию, свободному владению несколькими европейскими языками и не обращаться каждодневно к книгам, нотам – невозможно.

В годы обучения детей в Москве Баландины жильё арендовали, в среднем один раз в три года они переезжали. В 1908 году снимали квартиру № 12 в знаменитом Доме Кокошкина (известном ещё как «Соловьиный дом») у З. А. фон Брискорн, на углу Никитского бульвара и Воздвиженки. В 1909 году – в доходном доме на ул. Тверской, в доме Бахрушина, квартира № 20. С 1910 по 1912 год – также в доме у З. А. фон Брискорн. С 1913 по 1917 г. снимали квартиру в доме № 15 на ул. Знаменка[2].

Основополагающим документом, которым руководствовались сотрудники Отдела редких книг при выявлении баландинских книг и реконструкции библиотеки, стал «Каталог книг библиотеки А. А. Баландина в Енисейске» 1899 года издания (далее Каталог).

При проведении книговедческой идентификации экземпляров выявляли основные признаки, позволяющие установить владельца, – книжные знаки (экслибрисы, суперэкслибрисы, ярлыки, печати, штемпели и т. д.). Это позволило выявить книги, принадлежавшие разным членам семьи Баландиных, и книги Баландиных, не входившие в состав библиотеки А. А. Баландина в Енисейске.

Каталог находится в фонде Отдела редких книг, среди книг известного красноярского библиофила Геннадия Васильевича Юдина[3]. Каталог был подарен ему супругами Баландиными. Отец Веры Арсеньевны, Арсений Иванович Емельянов (1830–1902), был другом Юдина, Вера знала Юдина с детства, о нём и его библиотеке она написала в своих воспоминаниях.

Баландины заказали печатать Каталог своей библиотеки томскому издателю П. И. Макушину. Вера Арсеньевна была знакома с Петром Ивановичем Макушиным[4] ещё до замужества, разделяла его взгляды на устройство народного образования в России, создание народных училищ и бесплатных библиотек, выпуск доступной для народа печатной продукции.

Баландины являлись подписчиками периодических изданий Макушина, так в Каталог вошли подшивки газет: «Томский справочный листок» за 1894 и 1895 г.; «Сибирская жизнь» за 1898 г.; «Томский листок» за 1897 г.

Цензорское разрешение на издание каталога было получено 8 марта 1899 г., в том же году каталог был издан, объёмом 128 страниц, размером 19 х 14 см. Полное название каталога: «Каталог книг библиотеки А. А. Баландина в Енисейске».

В каталог вошли книги на русском языке, изданные в России, в основном в Петербурге, Москве, а также Одессе, Омске, Томске, Красноярске, с 1846 по 1898 г. по всем отраслям знаний. Всего в Каталоге 1878 наименований, в т. ч. периодические издания (38). Самое раннее издание относится к 1846 г. – трёхтомник Иоанна Златоуста «Беседы на евангелие Матфея» (М.: Синод. тип.).

---

[2] Адреса проживания Баландиных указаны по справочнику «Вся Москва: адресная и справочная книга» за годы: с 1908 по 1917.

[3] Г. В. Юдин (1840–1912) – библиофил, купец 2-й гильдии. Собрал крупнейшую в России частную библиотеку, часть которой в 1906 г. продал в Библиотеку Конгресса (США).

[4] П. И. Макушин (1844–1920) – видный деятель народного просвещения в Сибири, издатель, книгопродавец, основатель первой в Томске публичной библиотеки.

В Каталоге нет предисловия, в котором его составитель или владелец библиотеки охарактеризовал бы описываемую библиотеку, привёл сведения о других книжных собраниях Баландиных, указал источники комплектования библиотеки, наличие ранее изданных каталогов своей библиотеки, отметил наиболее ценные для своего собрания издания, обосновал их ценность, указал дату создания библиотеки. Отсутствие подобной информации осложняет работу исследователя, остаётся много вопросов.

Сведения, которые мы почерпнули из Каталога, говорят нам о том, что это не библиофильское собрание книг. Енисейская библиотека Баландиных 1899 года с книгами, подобранными по всем отраслям знаний, собрана прежде всего для получения необходимой информации для работы, учёбы, расширения кругозора, проведения досуга.

Внутренняя организация каталога такова:

– Алфавитный указатель авторов;

– Алфавитный указатель книг, авторы которых неизвестны;

– 14 Отделов, где представлены издания по тематике и отраслям знаний, с перечнем книг, составленным согласно требованиям того времени к отнесению литературы к определённым отраслям знаний. Отдел 1 «Священное Писание. Богословие и книги духовно-нравственного содержания», в эту часть вошло 30 названий; Отдел 2 «Философия, логика и психология» – 78 названий, Отдел 3 «Педагогика, методика и дидактика» – 31 название, Отдел 4 «Правоведение, политико-экономические и общественные науки. Публицистика» – 149 названий, Отдел 5 «История и её вспомогательные науки», Отдел 6 «География, этнография и путешествия», Отдел 7 «Математика и астрономия», Отдел 8 «Естествознание, медицина и гигиена», Отдел 9 «Языкознание, история литературы, теория словесности, теория и история искусств, критика и биография», Отдел 10 «Сельское хозяйство, торговля, промыслы, технология, ремёсла и проч.», Отдел 11 «Беллетристика», Отдел 12 «Детская книга» (внутри отдела литература разделена по возрастам: младший, средний, старший), Отдел 13 «Справочная книга и смесь», Отдел 14 «Периодические издания».

Издатель даёт количественное значение наименований в заглавии первых четырёх Отделов, Отделы с 5 по 14 не содержат таких данных в заглавиях.

В Каталоге значится 1878 наименований изданий, фактически – 1713 наименований. Разночтения возникли из-за того, что одному наименованию присваивалось несколько номеров, например, в Отделе 14 «Периодические издания» журналу «Книжки “Недели”: журнал романов и повестей» присвоены порядковые номера: № 1285 за 1891 год, № 1286 – за 1892 г., № 1287 – за 1893 г., № 1288 – за 1896 г., № 1289 – 1897 г., № 1343 – за 1898 г. Одному наименованию дано шесть номеров, то есть посчитали количество единиц хранения. Также в Отделе 1 Библия (одно наименование), имеет два номера: № 85 – на русском языке и № 1420 – на церковнославянском. Подобное наблюдается и с другими периодическими изданиями, а также и при описании некоторых многотомных изданий, когда каждому тому присваивался свой номер.

Подобное присвоение номеров вносит путаницу и затрудняет определение фактического числа наименований изданий, вошедших в каталог.

Сегодня трудно сказать, кто являлся инициатором такого подсчёта наименований — заказчик или издатель. Возможно, это технические ошибки при наборе текста, и нам надо ориентироваться не на количество наименований, а на количество единиц хранения в библиотеке на 1899 год, но тогда нужно считать каждый том в многотомных изданиях как самостоятельную единицу, а мы видим, что в некоторых многотомных изданиях указано количество томов, входящих в издание, а номер присвоен один, по наименованию издания.

Работа с Каталогом предстоит большая, системная. Чтобы точно сказать, сколько было

в Енисейской библиотеке А. А. Баландина на 1899 год единиц хранения и сколько наименований изданий, нужно перепроверить полноту издания каждого наименования, указанного в Каталоге, по каталогам Российской государственной библиотеки (РГБ, Москва) и Российской национальной библиотеки (РНБ, СПб), а также выверить наименования изданий, авторов и год выхода изданий, так как мы, работая с Каталогом, уже выявили ряд расхождений, которые, видимо, нужно считать опечатками.

Сколько вообще было единиц хранения у А. А. Баландина в личной библиотеке в Енисейске на момент свершения государственного переворота в октябре 1917 г., нам неизвестно. Таким образом, утраты мы можем рассчитать только по Каталогу 1899 года.

На сегодняшний день на хранении в ГУНБ КК находится 435 экземпляров книг, ранее принадлежавших Баландиным, из них 132 экземпляра указаны в Каталоге 1899 года. Остальные 302 экземпляра в Каталоге не значатся, 288 экземпляров имеют книжные знаки Библиотеки А. А. Баландина, 14 экземпляров входили в состав бесплатной библиотеки (на них экслибрис Читальни имени А. С. Баландина), одна книга не входила в состав семейной библиотеки, но принадлежала одному из членов семьи Баландиных.

Вывод. Библиотека книг А. А. Баландина в Енисейске практически утрачена. Бесплатная библиотека (Читальня) имени А. С. Баландина утрачена. Библиотека запрещённой литературы – книги авторов, запрещённых к изданию в России царским правительством (по философии, экономике, статистике, политологии, социологии) и издававшихся за границей, – утрачена. Химическая библиотека утрачена в 1902 году – она сгорела. Мы не знаем, как маркировались книги Баландиных для платной библиотеки в Енисейске, поэтому о них сказать нечего. Также неизвестна судьба библиотеки Веры Арсеньевны, что до её замужества находилась в Красноярске, в доме Емельяновых по адресу ул. Песочная, 24.

Что касается наличия книжного наследия Баландиных в других библиотеках Красноярска, то пять книг, обладающих владельческими признаками библиотеки А. А. Баландина, были выявлены коллегами из Центральной городской библиотеки им. А. М. Горького города Красноярска. Мы, работая с этими книгами de visu, проведя книговедческую идентификацию, установили, что четыре экземпляра входили в состав Библиотеки А. А. Баландина в Енисейске (в Каталоге не значатся). На пятом экземпляре — дарственная надпись рукой Веры Арсеньевны Баландиной, она подарила его в фонд бесплатной Потанинской библиотеки, и книга в состав семейной библиотеки Баландиных не входила (это книга Конради Е. И. «Исповедь матери», изданная В. А. Баландиной в Санкт-Петербурге в 1899 году).

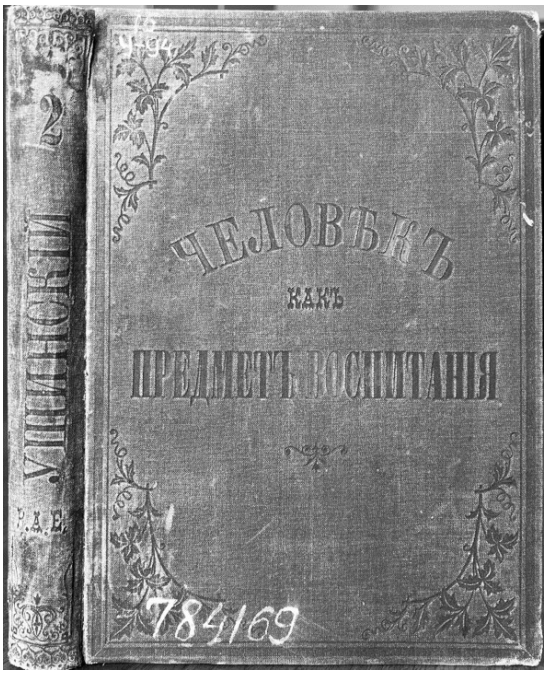
Книжные знаки Баландиных

Сведения об одном экслибрисе библиотеки А. А. Баландина опубликовал известный российский исследователь и коллекционер экслибриса С. И. Богомолов, он дал описание овального штемпеля (без изображения): «30х50 мм, в зубчатой рамке, с виньетками между строк, надп. Библиотека| А. А. Баландина| въ г. Енисейскъ» [4]. Описания других книжных знаков Баландиных в литературе пока не выявлено.

В процессе изучения экземпляров нами было выявлено ещё восемь видов владельческих знаков членов семьи Баландиных, их описание и изображение впервые вводятся в научный оборот.

Для маркировки своей библиотеки в Енисейске Александр Алексеевич использовал ещё один штемпель: 22х55 мм, прямоугольный, в рамке орнаментального типа, надпись «Библиотека | А. А. Баландина | въ г. Енисейскъ».

В процессе работы обнаружены личные книги (мемориальные), являвшиеся собственностью членов семьи, а позже вошедшие в состав библиотеки А. А. Баландина в Енисейске.



Книга с суперэкслибрисом на корешке Веры Арсеньевны Емельяновой (Баландиной)

Так, Александр Баландин на книгах, принадлежавших ему, при заказе владельческого переплёта просил переплётчика на корешке (кожа) проставлять буквенный суперэкслибрис, без рамки, конгревное тиснение золотом, с инициалами: «А. Б.» (Александр Баландин).

В число книг библиотеки вошёл экземпляр, принадлежавший Вере Арсеньевне до замужества. Во владельческом изящном муаровом переплёте с орнаментальным тиснением на крышках переплёта и тиснением инициалов золотом на корешке, суперэкслибрис (5х10 мм): «В. А. Е.» (Вера Арсеньевна Емельянова). Из воспоминаний Веры Арсеньевны мы знаем, что она в девичестве имела собственную библиотеку, которую сама комплектовала [1], вся ли её библиотека вошла в состав семейной или частично, неизвестно, на сегодняшний день нами выявлен один экземпляр из её личной библиотеки.

Отцу А. А. Баландина, Алексею Софроновичу Баландину (1823–1896) принадлежали два владельческих знака: рукописный буквенный (5х20 мм), инициалы «А. С. Б.» (Алексей Софронович Баландин) и экслибрис конгревного тиснения (12х43 мм), с текстом «Алексей Софронович| Баландин».

Когда А. А. Баландин в память о своём отце откроет в 1898 году в Енисейске бесплатную библиотеку, то книги, входившие в её состав, будут маркированы штемпелем (25х50 мм) – прямоугольный в линейной рамке, с надписью «Безплатная народная | читальня | имени А. С. Баландина».

Сын Веры Арсеньевны и Александра Алексеевича, Алексей Александрович Баландин на своём личном экземпляре от руки указал владельца: Alexeï Balandin. У книги был утрачен переплёт, на котором, возможно, был штемпель, говоривший о принадлежности книги к семейному собранию. На самой книге, кроме рукописного владельческого знака, других не выявлено.

Работа сотрудников отдела редких книг ГУНБ КК по поиску книг Баландиных продолжается, выявленные книги в общем фондохранилище ГУНБ КК переведены на хранение в отдел редких книг, объединены в коллекцию «Библиотека Баландиных», внесены в электронный каталог ГУНБ КК, а также в алфавитный карточный каталог отдела редких книг, отдельно на коллекцию в ОРК ведётся карточный каталог. Книги систематизированы по отраслям знаний, внутри по алфавиту.

Овальный экслибрис Александра Алексеевича Баландина

Книги Баландиных выдаются читателям в читальном зале отдела редких книг. По правилам работы отдела редких книг, книги из фонда отдела не выдаются читателям на дом. В прошлом году, юбилейном для города Енисейска, некоторые экземпляры книг вывозились в Енисейск, экспонировались на выставке.

По итогам проделанной работы автором статьи подготовлена презентация, прочитаны лекции о книжном наследии енисейских купцов Баландиных, в 2022 году автор с презентацией и докладом принимала участие в работе международной научно-практической конференции «Личные книжные собрания и архивы в фондах библиотек (к 80-летию со дня рождения Б. С. Елепова)» в рамках 65-летия СО РАН в Новосибирске, в секции «Личные книжные собрания: история поступления, вопросы изучения и использования».

Библиографический список:

1. Баландина В. А. Воспоминания Веры Арсеньевны Баландиной // Енисейские встречи: альманах Литературного музея. – Вып. 2. – Красноярск, 2009. – С. 115.

2. Баландина Н. А. Вклад Баландиных в дело Победы нашей страны в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Сборник материалов IV краеведческих межрегиональных чтений им. В. А. Баландиной, 25–26 февраля 2005 г. – Черногорск, 2005. – С. 7.

3. Баландина Н. А. Отец всегда жил по совести и любимому делу отдал себя без остатка // О времени, о Норильске, о себе: воспоминания / ред.-сост. Г. И. Касабова. – Москва, 2003. – Кн. 3. – С. 485–509.

4. Богомолов С. И. Российский книжный знак, 1700–1918. – Москва, 2010. – С. 65.

5. Лалетин И. Т. Просветительная и научная деятельность В. А. Баландиной // Сборник материалов I краеведческих чтений им. В. А. Баландиной, 25–26 февраля 2002 г. – Черногорск, 2002. – С. 29.

6. Руководящие материалы по библиотечному делу: сборник. – Москва, 1968. — С. 12

7. Шадрин А. А. Аграрные дела Баландиных в Минусинском уезде // Сборник материалов II краеведческих чтений им. В. А. Баландиной, 25–26 февраля 2003 г. – Черногорск, 2003. – С. 108–109.

Лю Лицю, г. Нанкин (КНР),
Р. М. Валеев, г. Казань, Республика Татарстан
Р. З. Валеева, г. Казань, Республика Татарстан

Музейное наследие Н. Ф. Катанова и перспективы его изучения: вещевые коллекции (краткий обзор фондов российских центров)

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РНФ и Кабинета Министров Республики Татарстан в рамках научного проекта № 23-28-10046 и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

На современном этапе актуальными остаются дальнейший поиск, изучение, систематизация и введение в научный оборот неопубликованного архивного и музейного наследия профессора Казанского университета Н. Ф. Катанова – одного из ярких и колоритных национальных ученых и мыслителей российской науки, образования и культуры, выдающегося представителя хакасского народа и тюркоязычных народов Евразии.

Статья посвящена краткому обзору основных музейных фондов и коллекций Н. Ф. Катанова, в особенности неизвестным его вещевым коллекциям, хранящимся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге, Национальном музее Республики Татарстан, Музее изобразительных искусств Республики Татарстан, Этнографическом музее Казанского федерального университета, собранным путешественником в Минусинском округе, Урянхайском крае и Синьцзяне во время его

научной экспедиции в 1889–1892 гг. и в последующих научных экспедициях в период жизнидеятельности в Казани (1894–1922 гг.).

Изучение историко-культурного и научного наследия российских тюркологов, в том числе профессора Н. Ф. Катанова, является актуальным направлением современных гуманитарных исследований, в том числе музееведческих.

На современном этапе реализуется исследовательский проект Российского научного фонда, посвящённый поиску, анализу и систематизации в российских архивных и музейных центрах тех фондов, собраний и материалов, которые посвящены биографии и наследию выпускника восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1888 г.), выдающегося хакасского востоковеда-просветителя, тюрколога, профессора, заведующего кафедрой турецко-татарского языка Казанского университета Н. Ф. Катанова (1894–1922 гг.). Его научно-исследовательская, педагогическая и общественная оказала большое влияние на вклад в российскую и европейскую ориенталистику, тюркологию и музеологию XIX–XX вв.

Особого исследовательского внимания заслуживает комплексная систематизация, реконструкция и каталогизация музейных фондов, собраний и материалов Н. Ф. Катанова из российских культурных центров. Это позволит оценить документальную, информационную и культурную ценность музейных предметов и коллекций Н. Ф. Катанова, сохраняющихся в запасниках и экспонирующихся на выставках центральных и региональных музееведческих центров России. С 1888 г. Н. Ф. Катанов изучал традиционную культуру этносов и народов Сибири, Синьцзяня и Волго-Уральского региона не только на основе письменных источников и нарративных документов, но и с привлечением археологических и этнографических источников и коллекций, предметных и иллюстративных, позволяющих расширить источниковедческую базу.

Переломным рубежом жизненного и профессионального пути Николая Катанова стало научное путешествие в 1889–1892 гг. в Центральную Азию с целью изучения языков и этнографии тюркских народов, организованное и поддержанное Русским географическим обществом, Петербургской академией наук и Министерством народного просвещения. В музейном наследии Н. Ф. Катанова важное значение имеют последующие экспедиции и путешествия в Волго-Уральском регионе, Сибири и Европе в конце XIX – нач. XX в.

В рамках регионального грантового проекта РНФ историко-архивоведческая и музееведческая работа будет сопровождаться комплексным изучением академической биографии Н. Ф. Катанова, социальной и профессиональной обстановки и социального окружения, ключевых исследовательских результатов ученого, его научных и музееведческих идей – на базе опубликованных и особенно неопубликованных собраний и материалов. Жизненный путь и научно-просветительское наследие Н. Ф. Катанова будут освещены в пространстве общественно-политических и социокультурных перемен и развития тюркологических музееведческих исследований в России и Европе второй половины XVIII – начала XX в.

Основные выявленные музейные фонды и вещевые коллекции Н. Ф. Катанова хранятся в Казани (Национальный музей Республики Татарстан, Музей изобразительных искусств Республики Татарстан, Этнографический музей КФУ и др.), рукописные и коллекционные материалы о феномене дешифровки древнетюркских памятников, металлическое зеркало с арабской надписью, археологические и этнографические предметы (диоритовый камень с отпечатками растений, китайские монеты и облигации и др., всего более 45 историко-культурных вещей) – в Минусинске (Минусинский региональный краевед-

ческий музей им. Н. М. Мартьянова) [Краткий обзор..., с. 194–218] и Санкт-Петербурге (Кунсткамера) и др.

В Национальном музее Республики Татарстан выявлено пока «более 20 коллекций, собранных Н. Ф. Катановым или имеющих отношение к нему» [Газизуллин, с. 206–210]. В Этнографическом музее Казанского федерального университета «имеется небольшая по числу экспонатов, но очень богатая по содержанию коллекция…» [Масалова, Столярова, с. 210–215], связанная с музейной деятельностью и наследием профессора Н. Ф. Катанова в казанский период его жизни (1894–1922 гг.). В Музее изобразительных искусств Республики Татарстан также представлена оригинальная буддийская коллекция Н. Ф. Катанова [Вербина, с. 130-135].

Отмеченные и другие музейные фонды, коллекции и материалы Н. Ф. Катанова показывают ключевые направления его комплексной музееведческой деятельности и наследия: организаторское, собирательское и научное в период экспедиции в Сибирь и Синьцзянь и особенно работы в Казани в 1894–1922 гг.

В одном из своих неопубликованных писем из Казани основателю Минусинского публичного музея Н. М. Мартьянову (1844–1904) Н. Ф. Катанов писал: «На своем веку я видел до 30 музеев, но людей, к<отор>ые бы любили музей ради науки, как любите музей и его вещи Вы, сознаюсь, я нигде не встречал. Дай Бог Вам здоровья крепкого за то, что Вы бескорыстно создали свой музей и держите его единственно своею любовью к науке» [АМКМ. ОФ. 11071/9. Л. 174 об.].

Гуманистическая и исследовательская позиция Н. Ф. Катанова в отношении феномена музеев и их основателей ярко представлена в оценке роли Н. М. Мартьянова в создании публичного музея: «Вечная слава Вам, создавшему почтенный Музей собствен<ной> энергией и любовью…» [АМКМ. ОФ. 11071/9. Л. 174].

До последнего времени не была известна и не вошла в научный оборот группа вещевых коллекций Н. Ф. Катанова в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН) в Санкт-Петербурге [Чебодаева, Валеев, Данькина, с. 82–97]. Единственным значимым из фонда МАЭ РАН памятником, введённым в научный оборот, стала публикация рукописи Н. Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли», содержащей интересный иллюстративный материал об этнографических предметах и имеющей неоценимое значение для истории, этнографии и культуры Тувы и сопредельных этнокультурных пространств Центральной Азии.

Эти и другие коллекции Н. Ф. Катанова из ряда отечественных музейных центров недостаточно изучены и мало привлекались исследователями к работе.

Музейные коллекции и наследие путешественника Н. Ф. Катанова, представленные в российских культурных центрах, показывают его принципы и методы, образно-сюжетные направления собирательской, коллекционной и научной деятельности.

Комплексные музейные предметы раскрывают социальный и культурный контекст традиционной жизни народов Сибири, Синьцзяня и Волго-Уральского региона (Евразии), вызывают эстетическую и художественную оценку. Катановские описания и атрибутации переданных музеям предметов развертывают семантику вещевых коллекций, их функциональные назначения и ясно указывают на не случайность, а закономерность ситуации и экспедиционный результат, когда они оказались в поле зрения собирателя и путешественника.

В целом при оценке музейного коллекционного наследия Н. Ф. Катанова в совокупности с другими источниками прослеживаются теоретические и прикладные подходы и представления ученого: вещественные предметы оценивались в многообразии типов

и видов; археологические и историко-этнографические предметы были органической составляющей материальной и духовной культуры этноса и народов Сибири, Синьцзяня и Волго-Уралья; они вызывают научный, познавательный и художественный интерес; предметы содержат информацию о народном быте, эстетических, религиозных представлениях и особенно о внутреннем мире человека и социуме; дают значимые сведения об уровне культуры и цивилизации и др. В музееведческом наследии Н. Ф. Катанова выделяются основные идеи и положения первичной систематизации и научного описания будущих музейных предметов.

В МАЭ РАН сохранилось письмо Н. Ф. Катанова академику В. В. Радлову, написанное 14 сентября 1889 г. из с. Аскиза: *«Ваше Превосходительство, Василий Васильевич! Сим честь имею известить Ваше Превосходительство, что 9 сентября <1889 г.> отправил на имя Вашего Превосходительства нижепоименованные вещи урянхайского изделия, купленные мною… во время путешествия по Урянхайской земле с научною целью, по поручению Императорской Академии Наук. Если вещи окажутся лишними, то прошу передать их в Антропологический музей»* [МАЭ РАН. Дело коллекции МАЭ. № 197. Л. 1].

Комплекс вещевых коллекций, представленных в музейных центрах по итогам собирательской деятельности Н. Ф. Катанова, показывает, что заметны основные исследовательские принципы: он описывал каждый предмет, отмечал оригинальные этнические названия вещей, указывал место их приобретения, авторскую принадлежность для последующей обработки и публикации. Также прослеживается отпечаток субъективного подхода путешественника-собирателя.

Музейное наследие Н. Ф. Катанова – яркое свидетельство комплексного изучения языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Синьцзяна, Поволжья и Приуралья. Его хакасские, тувинские, китайские, татарские и финно-угорские коллекции отражают материальную и духовную стороны жизни народов России: традиционное хозяйство, ремесла и промыслы, жилище, одежду, утварь, детское воспитание, праздники и обряды, буддизм, шаманизм, ислам, декоративно-прикладное искусство. Его вещевые и предметные коллекции, сохраняющиеся в центральных и региональных музеях современной России, остаются уникальными, вышедшими из повседневного жизненного пространства. К началу XX в. в Казани он стал известным собирателем, знатоком и исследователем археологических, нумизматических, этнографических памятников.

Дальнейшее изучение музейных коллекций Н. Ф. Катанова позволит воссоздать зримые образы и страницы традиционной культуры и быта народов регионов, где он путешествовал, и комплексно оценить его вклад в тюркологию, этнографию и музееведение народов России.

Н. Ф. Катанов по праву вошёл в плеяду известных собирателей коллекций МАЭ РАН и современных музейных центров Республики Татарстан, Республики Хакасии и Красноярского края.

В настоящее время формируется издание «Катанов Н. Ф. – путешественник и исследователь: российские музейные коллекции (Каталог)».

Библиографический список:

1. Газизуллин И. Р. Наследие Н. Ф. Катанова в фондах Национального музея Республики Татарстан (вещевые материалы) // Валеев Р.М., Тугужекова В.Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. – Казань – Абакан, 2008–2009. – С. 206–210.

2. Вербина О. Коллекция Николая Фёдоровича Катанова // Казанские коллекции и коллекционеры. – Казань: Заман, 2013. – С. 130 – 135.

3. Краткий обзор музейной деятельности, вещевых коллекций и архивных материалов Н. Ф. Катанова в Национальном музее РТ, Этнографическом музее КФУ и Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартьянова см.: Валеев Р. М., Тугужекова В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. – Казань – Абакан, 2008–2009. – С. 194–218.

4. Масалова О. А., Столярова Г. Р. Коллекции Н. Ф. Катанова в Этнографическом музее Казанского университета // Валеев Р.М., Тугужекова В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. – Казань – Абакан, 2008–2009. – С. 210–215.

5. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН). Дело коллекции МАЭ № 197. Письмо Н. Ф. Катанова В. В. Радлову. 14 сентября 1889 г. Автограф. Л.1.

6. Чебодаева М. П., Валеев Р. М., Данькина Н. А. С берегов Аскиза до берегов Невы. Научный путь профессора Н. Ф. Катанова (1862–1922). – Санкт-Петербург: Издат-полиграф. Центр Политехнического университета, 2023. – С. 82–97.

7. Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. ОФ. 11071/9. Л. 174–174 об.

И. А. Максимова,
г. Абакан, Республика Хакасия

Издания в фондах музейной библиотеки как источник для изучения латинизации хакасского алфавита в первой четверти XX века

Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова – учреждение культуры, обладающее крупнейшим хранилищем историко-культурного наследия в регионе. Музей вносит весомый вклад в развитие региональной и национальной культуры. Обогащая, в первую очередь, культурную среду всего сибирского региона, культурная институция расширяет знания об отечественной культуре в целом. В фондах научной библиотеки музея, представляющей собой «слепок музея», проводник его идей, занимают достойное место редкие издания, в том числе на латинизированном хакасском языке. Отражение социально-политических изменений в стране и в Хакасии 1930-х гг. в хакасских изданиях на латинской графике, публиковавшихся в стране около 10 лет, представляет, несомненно, огромный интерес как для историков, так и для лингвистов – как свидетельство эксперимента по форсированной латинизации хакасского языка.

Идея латинизации алфавитов, основанных на других системах письменности, была весьма популярна во второй половине XIX – начале XX в., и в первую очередь в странах Азии и Ближнего Востока. «Это было связано с распространением европейского культурного влияния» [7, с. 215]. Эксперименты по проведению алфавитной реформы предпринимались в этих странах, но где-то были остановлены в самом начале, где-то были осуществлены частично. Лишь у немногих стран появился успешный опыт по латинизации алфавитов.

Молодое советское государство также было вовлечено в этот мировой языковой эксперимент. Созданию единой унифицированной письменности в стране с большим многообразием культур и языков предстояло взять на себя «роль фундамента, цементирующего первоосновы общества нового типа» [1, с. 53], что стало бы мощным фактором консоли-

дации народов Советского государства. Перевод языков с арабской графики, кириллицы был начат в 20-х гг. XX в.

Латинская основа, разработанная под руководством ведущих тюркологов Г. Нугайбека, Л. В. Щербы, С. Агамалы-оглы, первоначально должна была заменить арабскую, на которой базировались алфавиты мусульманских народов [6, с. 18]. Впервые латинизированный алфавит был введён в СССР в Азербайджане в 1923 г. [5, с. 8.], после чего продолжилась латинизация алфавитов всех тюркских народов СССР. Идея форсированной латинизации, внедренная государством, начала реализовываться с большим энтузиазмом, но постепенно под влиянием множества важных факторов «перестала отвечать требованиям и интересам советского руководства и его политике ″ускоренного сближения и слияния народов″ [5, с. 10.]. В 1932-1933 гг. начался обратный процесс – свёртывание латинизации, а в 1935 г. – переход созданных наспех алфавитов обратно на кириллицу. Официально перевод национальных алфавитов с латинской графики на кириллическую успешно завершился в июне 1941 г., но на самом деле латинизация продержалась до 1950-х гг.: у курдов – до 1946 г., у уйгуров – до 1947 г., у дунган – до 1953 г. [7, с. 53, 135].

Обращаясь к вопросу латинизации хакасского языка, необходимо совершить экскурс в историю Хакасии 1920-х гг. Окончание гражданской войны на территории Хакасии поставило задачи восстановления разрушенного хозяйства, «культурного строительства», первоочередной задачей которого стала ликвидация безграмотности коренного населения. Ликвидация безграмотности стала более планомерной и систематической после создания в 1923 г. Хакасского уезда, значимого консолидирующего события для хакасского народа. Решение этой задачи было невозможно выполнить без создания письменности хакасского языка. «25 апреля 1924 года Енисейский губернский отдел народного образования принял решение ″О выработке хакасской письменности″ [9, л. 16]. Хакасский язык относился к бесписьменным языкам. Попытки создания его письменности предпринимались во второй половине XIX века и в 1921-1922 гг. В результате её разработкой занялась утверждённая приказом Хакасского уездного революционного комитета от 4 сентября 1924 г. при уездном отделе народного образования специальная комиссия по созданию хакасской письменности под руководством председателя Хакасского исполкома Г. И. Итыгина, которая к началу ноября 1924 г. закончила работу по составлению хакасского алфавита на основе русской графики. «При разработке хакасского алфавита был использован и опыт первого хакасского алфавита, созданного миссионерами до революции» [2, с. 367]. Точку поставила алфавитная комиссия в Москве, утвердившая хакасский алфавит на основе русской графики в 1925 г. В 1926 г. были изданы первые хакасские учебники и другая литература, написанные местными авторами. В дальнейшем стали издаваться газеты на хакасском языке – это был первый этап. «Ввод хакасской письменности сразу же дал положительные результаты в деле всеобуча. С появлением хакасских учебников национальные школы стали переходить на родной язык обучения» [11, с. 510]. С созданием письменности активизировались процессы культурного строительства в регионе.

Процесс латинизации алфавитов набирал обороты в стране. Проведённый в 1926 г. в Баку I тюркологический съезд, на котором была представлена и делегация из Хакасии, принял решение о внедрении алфавита на основе латиницы для всех тюркских народов СССР. «Это решение основывалось на тезисе, что латиница более отвечает особенностям тюркских языков» [11, с. 510]. Переход алфавитов сибирских тюркских народов на латинскую основу осуществлялся под руководством созданного в 1928 г. Сибирского (с 1930 г. – Западно-Сибирского) краевого комитета нового алфавита, подчинявшегося

Центральному комитету нового тюркского алфавита (ЦК НТА). Что касается Хакасии, «в декабре 1928 г. на заседании бюро Хакасского окружкома партии была заслушана информация о работе I Всесоюзного тюркологического съезда, после чего был рассмотрен вопрос о переходе НТА, о создании ячеек НТА» [10, л. 63]. Период латинизации хакасского языка охватывает 1929-1938 гг. Архивные документы того времени указывали, что «этот переход, хотя и сопряжён с определёнными трудностями, вызванными, главным образом, тем, что ново-тюркский алфавит более соответствует хакасскому произношению и тем самым облегчает в значительной степени приобщение к культуре бедняцким малоимущим слоям улусов» [3]. С 1929 г. издание литературы на хакасском языке, сначала приостановленное, было возобновлено, вся литература и газеты издавались на латинизированном алфавите. Из архивных документов мы узнаем, что «вся работа по хакасской письменности к концу 1932 г. переведена на НТА [4]. В дальнейшем процесс латинизации замедлился, сопровождаясь слабой работой или полным отсутствием работы по дальнейшему внедрению латинизированного алфавита, большими материальными трудностями, отсутствием национальных научных кадров, непопулярностью нового алфавита среди населения и др. Репрессивная политика государства 1930-х годов прошлась по представителям национальной хакасской интеллигенции, участвовавшим в латинизации хакасского алфавита. Наиболее активные авторы и переводчики хакасской национальной литературы обвинялись в контрреволюционном национализме, антисоветской пропаганде, не единожды делались государством участниками судебных разбирательств, и некоторые из них были уничтожены. В 1938 г. неудачная языковая реформа достигла критической точки, после чего в 1939 г. начался обратный перевод хакасского латинизированного алфавита на русскую графику.

Среди источников по латинизации хакасского языка и социально-историческим преобразованиям, происходившим в стране в 1930-е гг., в научной библиотеке музея представлены две брошюры из фонда редких книг. Издания обладают рядом объединяющих признаков: 1. Оба издания – брошюры. 2. Изданы в один хронологический период – 1930-е годы; 3. Напечатаны в Хакасском филиале Красноярского КрайГИЗа, издательстве, входящем в единую и практически монопольную организацию – Объединение Государственных Издательств, созданную в 1930 г. в результате реформы издательского дела в СССР. Продукция ОГИЗа должна была носить издательскую марку Объединения и того издательства, которым она была выпущена, это наблюдается на обложках этих брошюр. 4. Издания представляют собой малообъёмные брошюры в бумажной обложке. Так выглядела массовая политическая и производственно-техническая книга1930-х гг. 5. Наборно-шрифтовое оформление обложек брошюр однообразно и безлико.

В 1930-е годы главными задачами книжного дела считались удовлетворение потребностей в утилитарно-практических знаниях (технических, сельскохозяйственных) и идеологическая задача. Именно этим требованиям отвечают представляемые брошюры библиотеки музея: одна – сельскохозяйственная, вторая – медицинская.

Брошюра Середкина П. И. «Борись с потерями зерна в уборочной» – руководство по рациональному ведению сельскохозяйственных работ, связанных с зерновым производством, издана в 1933 г., когда быстро рос выпуск изданий на латинизированном хакасском языке. «Если с 1926 по 1931 г. было издано 162,25 печатных листа, то лишь за один 1933 г. было издано литературы общим объёмом 137 печатных листов [12, Л. 88]. Эта брошюра, одно из пяти изданий сельскохозяйственной литературы, изданных в 1933 г. общим тиражом 7200 экземпляров [13, с. 96]. Брошюра вышла в Абакане под эгидой Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства тиражом 1000 экзем-

пляров. Издание вышло в период, когда коллективизация вызвала спад сельскохозяйственного производства, особенно в первой половине 1930-х гг. Здесь содержатся сведения по технике безопасности, инструкции для бригадиров и др. Издание снабжено иллюстрациями. Переводчик – М. Арыштаев, отв. редактор – Г. Кучендаев, выпускник Коммунистического университета народов Востока, утвержденный в 1933 г. заведующим Хакасского отделением Партиздата. На титульном листе и на с. 19 находится штамп Хакасского областного национального издательства 193… года на латинизированном и русском алфавитах. На обложке и на титульном листе представлен экслибрис. По сведениям архивных документов, в 1933 г. было издано пять изданий сельскохозяйственной литературы общим тиражом 7200 экземпляров. Издание не представлено в фондах НА РХ, НБ им. Н. Г. Доможакова, научной библиотеки ХГУ им. Н. Ф. Катанова.

Второе издание представляет медицинскую литературу – брошюра врача Х. Г. Кайбышева «Борьба с трахомой в Хакассии». Брошюра вышла под эгидой Хакасского областного отдела здравоохранения в том же Хакасском филиале Красноярского КрайГИЗа в 1937 г. в Абакане тиражом 1000 экз. Такое же издание в том же году вышло на русском языке. Издание было подготовлено на материале Хакасии. В 1930-е гг. удалось приостановить в Хакасии такие болезни, как холера, оспа, сыпной тиф, но ещё была высокой заболеваемость таких болезней, как трахома, брюшной тиф, дизентерия, туберкулез, венерические заболевания, детские инфекции. Работа санэпидслужбы стала проводиться на основе планирования – в первом пятилетнем плане развития здравоохранения были предусмотрены противоэпидемические мероприятия. Среди этих мероприятий – издание подобных медицинских брошюр санитарного характера, информирующих население о том, как не заболеть и куда обращаться в случае болезни. Это издание даёт представление о масштабах болезни, принимаемых здравоохранением мерах по борьбе с трахомой. Мы узнаем, что на тот период больше всего эта болезнь встречалась в Аскизском, Таштыпском, Усть-Абаканском и Ширинском районах. Издание снабжено сведениями о том, как распространяется болезнь, о лечении и соблюдении элементарных правил гигиены, чтобы не заразиться этой болезнью. Из издания исследователь почерпнет сведения по статистике здравоохранения Хакасии: финансирование в цифрах по борьбе с трахомой в 1934-1936 гг., а также освоение финансов и, как результат, открытие диспансеров по борьбе с болезнью в Аскизском, Таштыпском и Ширинском районах. Автором брошюры (имя и отчество не удалось выяснить) был практикующий врач Кайбышев Х. Г., который привлекался, как многие другие врачи, к работе в созданной в 1934 г. фельдшерско-акушерской школе, занимавшейся подготовкой медицинских кадров средней квалификации в Хакасии. При работе с документами архива музея удалось выяснить, что в состав Совета музея, состоявшего в 1944 г. из 10 человек, входил доктор медицины – биолог Кайбышев [8, Л. 2].

Из отчёта музея за 1944 г. мы узнаем, что, «занимаясь научно-исследовательской работой в музее, ″Очерк промысловой фауны″ с соответствующим подбором экспонатов выполняет биолог – доктор медицины Кайбышев» [8, Л. 3]. Возможно, этот человек прибыл в Хакасию в составе отрядов врачей, которые ввиду острой нехватки врачей командировались в Хакасию из других регионов Сибири. Переводчик брошюры – Т. Н. Балтыжаков, один из авторов первого учебника на латинизированном алфавите Naacol, изданного в 1929 году.

Латинизированные хакасские издания, хранящиеся в библиотеке музея, источники по истории, в том числе, региональной, а также хакасскому языкознанию, дают представление об исторических и языковых процессах Хакасии и страны 30-х гг. XX в. Вероятно, освещение редких изданий этого периода, учитывая, что брошюра Середкина П. И. «Борись с потерями зерна в уборочной» на хакасском латинизированном алфавите вводится в науч-

ный оборот впервые, может иметь важное значение для новых открытий исследователей и учета редких изданий региональной литературы.

Библиографический список:

1. Базарова В. В. Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920-1930-е гг. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – 238 с.
2. Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. Хакасский язык (Фонетическая структура, словарный состав и грамматический строй). – М. 1953. – 128 с.
3. ГАРХ. Ф. Р.-16. Оп. 1. Д. 32. Л. 23, 31-33.
4. ГАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 31. Л. 41.
5. Даудов А. Х., Мамышева Е. П. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 2. – 2011. – С. 7-12.
6. Измайлов И., Каримов И. Бумеранг яналифа // Родина. – 1999. – № 11. – С. 17-18.
7. Мусаев К. М. Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР) // Алматы: Гылым, 1993. – 242 с.
8. НА ХНКМ. Оп. 1. Д. 2/2а Отчёт Хакасского областного музея за 1944 год. – 7 л.
9. НАРХ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 19. Л. 16.
10. Отдел документов новейшей истории Национального архива Республики Хакасия (далее – ОДНИ НАРХ)]. Ф. 1. Оп. 1. Д. 222. Л. 63.
11. Очерки истории Хакасии (с древнейших времён до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. – 672 с.
12. ПАХО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 84. Л. 88.
13. Хакасское книжное издательство (1925-2001 гг.): сборник архивных документов. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. – 335, [1] с.

И. Л. Решетникова,
г. Минусинск

Сохранение исторической памяти о советских репрессиях в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н. М. Мартьянова

Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова реализует большой комплекс мероприятий по сохранению исторической памяти политических репрессий в регионе.

По инициативе директора Мартьяновского музея В. А. Ковалёва 9 января 1989 г. в г. Минусинске был официально создан «Минусинский общественный координационный комитет по созданию Мемориала жертвам сталинских репрессий» как структурное подразделение Общества охраны памятников истории и культуры. Комитет осуществлял сбор сведений о лицах, репрессированных на территории южных районов Красноярского края. Производились опросы населения, изучались архивные документы, регулярно публиковались различные материалы в местных газетах на тему политических репрессий. Проводилась широкая научно-просветительская деятельность.

С конца 1991 г. в местной прессе были опубликованы «Книги памяти Минусинского Мемориала». Основой для них послужили поименные анкеты на лиц, подвергшихся политическим репрессиям, составленные сотрудниками музея и членами «Мемориала». Анкеты хранятся в научном архиве Минусинского музея и систематизированы по географическому принципу, т. е. сгруппированы по населённым пунктам и районам края. Некоторые анкеты имеют приложения в виде воспоминаний репрессированных и их родственников,

фотоснимков и копий документов. Есть и личные дела на отдельных репрессированных. Всего в архивной описи насчитывается 176 дел. Общее количество учтенных жертв репрессий не подсчитано.

В галерее музея им. Н. М. Мартьянова в конце 1980-х гг. была открыта «Стена памяти» с поименным перечнем имён репрессированных. В 1991 году в связи со значительным увеличением количества собранных материалов по репрессивной тематике «Стена» была преобразована в «Зал памяти». Он функционировал на втором этаже музея до начала 2000-х гг.

Долгое время тема репрессий в экспозициях Мартьяновского музея не была представлена. С 2015 года началась реконструкция второго корпуса, которая была завершена в августе 2023 года. В обновленной экспозиции с мультимедийными и интерактивными элементами тема политических репрессий нашла своё отражение. Здесь представлены фотоснимки наших выдающихся сограждан, которые были расстреляны или погибли в лагерях. В ходе обзорной экскурсии сотрудники музея выстраивают диалог о «трудном прошлом» с детской и семейной аудиторией.

30 октября 1992 года в Минусинске был открыт памятник жертвам политических репрессий. Местом для установки мемориала был выбран минусинский бор (у подножия горы Лысухи) – предполагаемое место, где проводились массовые и индивидуальные казни осужденных. Стела из необработанного белого мрамора высотой 2,5 м, на которой лежит металлический крест, олицетворяет человека, несущего свой крест. На задней грани надпись: «Жертвам репрессий 30–50 годов, павшим в Минусинске». Авторы памятника: В. А. Ковалёв, директор музея им. Мартьянова; Н. В. Леонтьев, старший научный сотрудник музея; художник – В. Ю. Фомаиди. Памятник установлен на средства администрации и добровольных пожертвований минусинцев, предприятий и организаций города. Освящение памятника произвел настоятель Спасского собора отец Михаил.

Ежегодно 30 октября в День памяти жертв политических репрессий Минусинский музей им. Н. М. Мартьянова принимает участие в траурном митинге около Мемориального знака, установленного в память о жертвах политических репрессий, организует выставки.

В начале 2000-х гг. на основе архивных материалов Мартьяновского музея был создан сайт «Мартиролог Минусинского региона 1920-1950-х гг.» http://мартиролог.музей-мартьянова.рф/, на котором любой может просмотреть имеющиеся музейные архивные данные по жертвам политических репрессий (более 10 000 фамилий). Автор проекта – старший научный сотрудник Н. В. Леонтьев. Мартиролог является важнейшим источником данных для исследователей по вопросам истории советских репрессий Красноярского края. Результаты научных изысканий представляются на научно-практических конференциях и выставках.

В 2020 году Минусинский музей вошел в состав Ассоциации музеев памяти, которая была создана в 2015 году по инициативе Государственного музея истории ГУЛАГа и объединяет музеи, посвящённые истории советских массовых репрессий. Цель работы Ассоциации музеев памяти – создание среды для совместной деятельности, обучения и обмена опытом среди музеев, работающих с темой истории массовых репрессий в СССР.

В рамках сотрудничества в июне 2022 года музей представил свои коллекции на Всероссийской выставке «Музейное дело. Сибирь» в Государственном музее истории ГУЛАГа (г. Москва). Выставка была посвящена жизни и деятельности репрессированных сотрудников семи сибирских музеев. Цель выставочного проекта – восстановление исторической справедливости через раскрытие фактов. Музей им. Н. М. Мартьянова представил документы, касающиеся А. В. Харчевникова – директора Минусинского музея (1929–1937 гг.),

который стал жертвой политических репрессий и был расстрелян в 1937 г. Среди материалов были представлены цифровые копии писем, документов, фотографии и негативы, а также следственное дело А. В Харчевникова, переданное в музей в 2020 г. из Архива УФСБ Красноярского края.

В октябре 2023 года музей принял участие в междисциплинарной конференции, посвящённой истории и наследию советских массовых репрессий — MEMORY FORUM 2023. В рамках форума состоялся практический семинар «Матрица выставочных решений: работа с коллекцией, контекстом экспонирования и аудиторией» в котором от музея им. Н. М. Мартьянова приняла участие заместитель директора по научной работе И. Л. Решетникова.

В декабре 2023 года в Мартьяновском музее прошли V Епархиальные Рождественские чтения «Православие и отечественная культура: потери и приобретения минувшего, образ будущего». В рамках чтений Ирина Решетникова представила результаты исследовательской работы о жизни почти не почитаемого нашими современниками исповедника Русской Православной Церкви – Всеволода Васильевича Попова (1885-1961). Сделан вывод о сложном жизненном пути В. В. Попова в годы сталинизма. По итогам конференции было принято решение о проведении мероприятий по увековечиванию памяти В. В. Попова – установке памятной доски на территории Храма Казанской иконы Божией Матери в с. Малая Минуса.

Подводя итоги, хочется отметить, что Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова реализует проекты, направленные на сохранение, исследование, обеспечение доступности наследия советских политических репрессий, способствует популяризации этой темы среди широкой аудитории и привлекает интерес к ней со стороны профессионального сообщества.

Библиографический список:

1. Борисова С. А. Итоги деятельности музея им. Н. М. Мартьянова за 2022 год // Мартьяновские краеведческие чтения. Сб. докладов и сообщений. Выпуск 16. Красноярск 2023. С. 308

2. В память безвинно погибших. Газета Власть Труда» № 67 (18 386) от 01.11.2018 г. [Электронный ресурс] URL: https://vtruda.ru/ (дата обращения: 12.02.2024).

3. Мартиролог Минусинского региона конец 1920-1950-х гг. [Электронный ресурс] URL: https://мартиролог-музей-мартьянова.рф/ (дата обращения: 24.01.2024).

4. Памятник жертвам политических репрессий 1930-1950-х гг. Город Минусинск. [Электронный ресурс] URL: https://музей-мартьянова.рф/2022/06/28/памятник-жертвам-политических-репре/ (дата обращения: 18.02.2024).

5. Решетникова И. Л. Музейное дело. Сибирь [Электронный ресурс] URL: https://музей-мартьянова.рф/2022/06/27/музейное-дело-сибирь/ (дата обращения: 18.02.2024).

В. Н. Тугужекова,
г. Абакан, Республика Хакасия

Вклад Минусинского музея в изучение истории и культуры Хакасско-Минусинского края

Минусинский краеведческий музей с момента создания (1877 г.) и до сегодняшнего дня играет важную роль в изучении истории и культуры Хакасско-Минусинского края.

Научный интерес к нашему региону связан с научной экспедицией Д. Г. Мессершмидта в Сибирь в 1719-1727 гг. Один из самых знаменитых памятников древнетюркской письменности, открытый Д. Г. Мессершмидтом в 1721 г., был обнаружен им на территории древнего могильника в левобережной части среднего течения реки Уйбат. Памятник находится в Минусинском музее. Надпись на этом памятнике была позднее в 1889 г. тщательно скопирована финской экспедицией, ещё до расшифровки рунического письма.

Позднее над текстом работали известные тюркологи В. В. Радлов, С. Е. Малов, И. В. Кормушин и другие исследователи.

О роли и значении экспедиции Д. Г. Мессершмидта шла речь на конференциях, прошедших в 2011 и 2022 годах. [1].

Вот уже более 300 лет Хакасско-Минусинская котловина вызывает интерес учёных. На протяжении XVIII в., а затем и XIX в. прошли по территории маршруты академических экспедиций Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, И. Е. Фишера, П. С. Палласа, И. Г. Георги, которые собирали уникальные историко-этнографические и другие материалы.

Важное место в научном изучении региона, а главное в хранении исторической памяти занимает Минусинский краеведческий музей с его создания до сегодняшнего дня. Благодаря самоотверженному труду и энтузиазму Н. М. Мартьянова музей становится известным в научных кругах не только в России, но и за рубежом. С момента своего создания музей существовал в основном на общественные пожертвования, 75 % из них составляли вклады простых горожан и крестьян. [2, с. 4].

Музей имеет уникальную библиотеку, которая формировалась прежде всего за счёт дарения книг или денежных пожертвований. К 1887 году в библиотеке насчитывалось 11 286 томов, к 1901 году – 20 064. [3, с. 49].

В 1902 г. Ф. Я. Кон издаёт в Казани «Исторический очерк Минусинского местного музея. За 25 лет. (1877-1902)». За этот период было издано 26 наименований различных изданий. Особый интерес представляют книги по истории и этнографии. Это издания Д. Клеменца «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох» (Томск, 1886); И. Т. Савенкова «Каменный век в Минусинском крае» (М., 1897); Е. Яковлева «Этнографический обзор инородческого населения Южного Енисея» (Минусинск, 1900) и другие [4, с. 183].

Традиции, заложенные Н. М. Мартьяновым, продолжают бережно охраняться и развиваться музеем.

Через три года (2027 г.) Минусинский музей будет отмечать своё 150-летие.

С его деятельностью можно ознакомиться в ежегодных отчётах, с которыми выступает директор С. А. Борисова на Мартьяновских чтениях. [5, с. 6-14].

Музей, как и во второй половине XIX века, стал местом притяжения учёных, краеведов, любителей истории и культуры, общественности, молодёжи и студентов. В музее вот уже больше 10 лет работает «Домашний театр Мартьяновского музея», широко известен за пределами города клуб «Краевед», создан Центр музейного волонтерства «Музейный волонтёр» и т. д.

Положительно следует отметить издательскую деятельность музея, с презентациями новых книг участники Мартьяновских чтений знакомятся ежегодно. Особо следует выделить сборник «Учёные записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова», первый выпуск которого вышел в 2019 году.

Сегодня Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова считается лучшим музеем не только Енисейской Сибири, но и Евразии. В 2008 году на III Международном открытом конкурсе «Музей года. Евразия» в основной номинации «Муниципальный городской музей», музей им. Н. М. Мартьянова стал обладателем золотой медали и звания «Музей Евразии–2008».

Следует пожелать музею новых достижений в научных исследованиях совместно с учёными России и Зарубежья, а также появлению интересных экспозиций и изданий.

Библиографический список:

1. Древние и современные народы Южной Сибири: язык, история, культура (к 290-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта). Материалы международной научно-практической конференции. 21-24 сентября 2011 г. Абакан. 2011. 188 с.; Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта, в рамках Года археологии в Республике Хакасия. (г. Абакан, 19-22 октября 2022). Абакан. 2022.

2. Минусинский музей – первый на Енисее. Коллекция Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. / ред., сост. В. Г. Чернышёва; автор вступ. ст. Т. М. Ломанова. Красноярск. 2018. 224 с.

3. Минусинск: очерки истории города. / О. М. Долидович, Т. Г. Карчаева, Л. Е. Мариненко, А. С. Жулаева, М. Д. Северьянов и др. Красноярск. 2023. 238 с.

4. Минусинский музей. Исторические очерки к 200-летию города Минусинска и к 145-летию научной библиотеки Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. Красноярск. 2023. 240 с.

5. Борисова С. А. Итоги деятельности музея им. Н. М. Мартьянова за 2022 год // Мартьяновские краеведческие чтения (2022 г.). Сборник докладов и сообщений. Выпуск XVI. / Ред. В. Г. Чернышёва. Красноярск. 2023. 308 с.

О. Г. Филиппова,
г. Барнаул

Изучение этнических аспектов региональной истории в конкурсных работах школьников и студентов на примере конкурса «Алтай. История. Память»

Алтайский край является одной из самых многонациональных территорий России. Во время Всероссийской переписи населения 2010 года на территории региона было учтено 142 национальности. Край стал второй родиной для немцев и украинцев, казахов и татар, узбеков и киргизов, чувашей и литовцев.

В разные годы жизнь региона определяли разные векторы – в XVIII веке получило развитие горнорудное дело и Алтайская губерния была главным поставщиком серебра в казну Российской империи. В конце XIX – нач. XX в. Алтай развивался как агарный регион, славившийся своим зерном, маслом и другими товарами. В XX веке вместе со всей страной ковалась Победа в Великой Отечественной войне – геройскими подвигами фронтовиков, женщин и детей, оставшихся в тылу, трудами работников предприятий, эвакуированных

с европейской части страны. И всегда цепь исторических событий складывалась из сотен и тысяч человеческих судеб наших земляков. В XX веке край окончательно сложился как многонациональный регион с настоящим «калейдоскопом» народностей. Алтай стал той территорией, на которой соседствуют обычаи и традиции русского, украинского, немецкого, казахского, татарского и многих других этносов. Порой в одной семье переплетаются судьбы людей, разных по своему этническому происхождению. Это становится поводом для возникновения новых традиций, продолжающихся в следующих поколениях.

Сейчас в регионе активно развивается школьное краеведение – школьные музеи и муниципальные музеи становятся центрами по изучению истории края, педагоги и сотрудники музеев готовят вместе с детьми исследовательские работы и представляют их на конкурсах и конференция разного уровня. С 2019 года Алтайский государственный краеведческий музей присоединился к этому направлению и в год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне впервые провел краевой конкурс «Дети XXI века о детях войны» [2].

С 2021 года проект стал проходить в формате краевого ежегодного конкурса исследовательских проектов «Алтай. История. Память». Его организаторами помимо музея выступали: АНО «Многоликий Алтай», Министерство культуры Алтайского края, Министерство образования и науки Алтайского края. Организаторы расширили хронологические рамки возможных исследований, и теперь конкурсантам предлагалось «зафиксировать» историческую память о событиях послевоенных лет на Алтае, а также провести сбор воспоминаний среди участников различных военных конфликтов XX века.

Неизменной осталась цель конкурса «Алтай. История. Память» – сохранение исторической памяти о событиях региональной истории, национальных и культурных традициях народов Алтайского края. Её достижение возможно через решение разных задач, каждая из которых обладает своей ценностью: вовлечение подрастающего поколения в научную, исследовательскую и поисковую деятельность по изучению истории своей семьи, села, города; изучение вопросов сохранения исторической памяти о своих земляках и увековечения памяти об ушедших героях; воспитание чувства уважения к истории малой родины, старшему поколению и формирование положительной оценки исторического прошлого страны.

В 2022 году проект получил финансовую поддержку Правительства Алтайского края в рамках реализации государственной национальной политики, благодаря чему удалось провести серию онлайн-семинаров для участников конкурса, а также совершить выезды в районы края для записи воспоминаний земляков и для общих встреч с педагогами и учениками.

Проверить свои силы юные краеведы могли в разных номинациях: «Точка на карте», «Известные и неизвестные имена», «О чем расскажет экспонат», «Герои с нами», «Этническая мозаика Алтая». Изучение вопросов традиционной материальной и духовной культуры народов Алтая в прошлом и в настоящем стало одним из направлений исследовательской деятельности школьников.

В качестве наиболее ярких примеров приведём работы победителей конкурса в 2022-2023 гг. Изучением диалектных слов в речи местных жителей занялась Попова Алена, ученица Хлопуновской СОШ Шипуновского района. Сделав записи речи жителей своего села, она не только обратила внимание на особенности произношения отдельных слов, но и определила, к какому говору, северорусскому или южнорусскому, относится говор односельчан. На основе проведённых исследований ею был составлен словарь диалектных слов местного населения и выявлена особенность влияния говора на письменную речь учащихся.

Целая серия исследовательских работ в номинации «Этническая мозаика» была посвящена свадебному обряду различных этносов, населяющих Алтай. Так, темой изучения Екатерины Бражниковой из Шипуновского района Алтайского края стала традиционная пища свадебных обрядов конца XIX – середины XX века, нашедшая отражение в говорах жителей Шипуновского района. Основой для исследования послужили аудиозаписи воспоминаний старожилов различных сёл района, хранящиеся в школьном музее. На их основе юный исследователь делает вывод о том, что свадебный стол включал ряд традиционных (обязательных) блюд: холодец, блины, мясо, кисель (*тисель*) молочный и ягодный. Мясные блюда готовились с помощью тушения (томления в русской печи), жарения и варки. В говорах отмечены такие языковые единицы: *жарёха* (поросят не продавали, сами жарили жарёху). Традиционными напитками на свадьбе были квас, бражка, медовуха, горилка, самогон, вино (*краснэ*), взвар.

Украинцы готовили несколько видов кваса: хлебный, свекольный (*буряковый*), берёзовый (на берёзовом соке). Потомки русских переселенцев в основном готовили хлебный квас. Другим напитком, широко употребляемым украинскими переселенцами, является *узвар* – отвар на основе сухофруктов. Русские переселенцы готовили компот из различных ягод, которые были в это время: смородина, черёмуха, ежевика, яблочки дички, калина и боярка, шиповник. Эти сведения подтверждаются и научными трудами [1].

На основе изучения записей речи жителей района конкурсантка отразила не только особенности свадебного ритуала середины прошлого столетия, но и представила определённую систему, доказывающую взаимопроникновение национальных устоев и традиций в среде русских и украинских переселенцев. При этом юный исследователь отметила, что до настоящего времени сохранившимся обязательным атрибутом свадьбы остался только свадебный каравай, подаваемый молодым на рушнике.

Чубакова Елена, ученица этой же школы, продолжила изучение темы свадебной обрядности через изучение лексико-фразеологических особенностей населения Шипуновского района Алтайского края середины XX века. Она изучила свадебный обряд жителей нескольких сёл района и привела различные примеры фразеологизмов. Например, *«развозить красоту»* – элемент свадебного обряда – катание на повозках, украшенных разноцветными лентами: «Красоту-то развозили по деревне на лошадях, на тройках, украшали лентами дуги и развозили по деревне» (с. Нечунаево). Или *«везти коробью»* – везти приданое невесты в дом жениха: «Как нивесту пъвезли венчать, къробью везут» (с. Быково). Что означает выражение *«сыр метать»* – дарить подарки на свадьбу молодым: «Спирва сыр мятают, а потом гуляют» (с. Красный Яр). Приведём и другие примеры: *«барахлить невесту»* – расплетать косу невесты, *«бегом воровать»* – брать невесту замуж, тайком, без согласия родителей, *«брать добром»* – сватать невесту с согласия её родителей, *«брать околишну»* – требовать символический выкуп с жениха у ворот невесты, *«выгрести девку»* – сосватать невесту, *«ехать на блин»* – быть на угощении у тещи после свадьбы, *«вылизывать посуду»* (укр.) – заниматься уборкой дома после свадьбы и многие другие.

Большое количество работ из Шипуновского района связано с тем, что это переселенческий район – в основном его заселяли русские переселенцы из Рязанской, Воронежской, Курской, губерний и выходцы из Украины, которые составляли значительную часть населения: 44 % всех переселенцев.

Интересно, когда вопросами изучения свадебных традиций занимается сам носитель определённой этнической культуры. Так, Кареян Ани из Клепечихинской СОШ Поспелихинского района представила на конкурс исследование, связанное с изучением особенностей проведения армянской свадьбы, и выявила высокую степень сохранения традиций

празднования в армянских семьях, проживающих в районе. Например, невеста может самостоятельно выбирать себе пару, но по национальности мужья непременно должны были быть армянами. В ходе специально проведённого опроса ей удалось выявить сохранение следующих составляющих обычая. В ходе проведения современной свадьбы чаще всего транслируется обычай подносить подарки невесте *«сини»* – подносы с подарками. Частично сохранился обряд одевания невесты. Отмечается, что наиболее важной частью обряда ранее была замена девичьего головного убора женскими – невесте закрывали лицо вуалью; женатый человек, имевший детей, выводил невесту из-за занавеса и ставил рядом с женихом. Обряд одевания невесты сохраняется и сейчас, но теперь лицо невесты открыто, а её свадебный наряд ничем не отличается от европейского. В качестве обязательного события в ходе свадьбы также отмечается встреча в доме жениха с лавашами и мёдом, разбивание тарелки каблуком новобрачной перед входом в дом своего мужа.

Кроме перечисленных тем, в своих исследованиях участники затрагивают и многие другие аспекты исторических событий, происходивших на Алтае и в стране: миграции XX века, политические репрессии 1930–1940-х гг., эвакуация промышленных предприятий с европейской части страны во время Великой Отечественной войны, поднятие целины и приезд молодёжи по комсомольским путёвкам в 1950-е гг. и многое другое. Разные по этническому происхождению группы приносили в край новые традиции, обычаи и праздники. Как происходила адаптация людей на новом месте, как складывались отношения со старожилами, как с течением времени трансформировался жизненный уклад – всё это становится объектами изучения в краеведческих исследованиях школьников. В публикации приведены лишь отдельные примеры из работ победителей конкурса. Всего за период действия проекта в нём поучаствовало около 300 школьников и студентов. Практически в каждой второй исследовательской работе были затронуты аспекты этнической истории Алтая.

Библиографический список:

1. Жигунова М. А. Российские переселенцы в Сибири: этнокультурный аспект // Вестник РУДН. История России. – 2013. – № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-pereselentsy-v-sibiri-etnokulturnyy-aspekt (дата обращения: 19.01.2024).

2. Филиппова О. Г. «Дети XXI века о детях войны»: об опыте реализации краевого конкурса исследовательских проектов «Дети XXI века о детях войны» // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 10-й междунар. науч. конф., посвящ. тридцатилетию Центра устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 2-4 декабря 2020 г.). Вып. 10 / под ред. Т. К. Щегловой. – Барнаул: АлтГПУ, 2020. – С. 357-361.

М. П. Шоева,
г. Абакан, Республика Хакасия

Ядро пушечное и не только... (Музейные предметы как исторический источник)

Музеи хранят богатейший материал – как для посетителей, так и для исследователей. Где, как не в музее, можно увидеть письма на камне, познакомиться с бытом коренного населения в хакасской юрте или увидеть предметы, принадлежавшие людям, внесшим достойный вклад в историю нашей земли. Музейные предметы, являясь историческими

источниками, могут быть как документальными, так и вещественными. У каждого музейного предмета есть главное историческое предназначение – беречь информацию о прошлом, ведь даже то, что было полвека назад, уходит в историю. При приёме в фонды ценность каждого музейного предмета определяется специальной комиссией, которая решает: быть или не быть ему в музее. Перед тем как представить предмет, ему требуется атрибуция, то есть выявление характерных для него признаков: материал, цвет, вес, размеры, легенда, несомненно, время бытования. Если размеры, цвет определяются визуально и замерами, то временной период иногда становится тайной за семью печатями. Мы не говорим сегодня о радиоуглеродном анализе, который применим не к каждому предмету. Свои правила датировки есть у археологов, они определяют даты по керамике, металлу, оружию, украшениям, бытовавшим в афанасьевской, окуневской, андроновской, карасукской и других культурах. Однако и в археологической коллекции есть предметы, обозначенные как предметы неизвестного назначения (ПНН), которые находили на поясе у колесничих. Подобные предметы, назначение которых не определено доподлинно, есть и в других музейных коллекциях, в коллекциях фонда истории техники, например. Предметы этого фонда датируются по клеймам, по шильдикам, по выявлению подобных образцов в других источниках, но когда нет никаких данных, возникает масса вопросов, на которые не всегда есть ответы.

Сегодня речь пойдёт о таких предметах, оказавшихся на музейной полке. В фонде истории техники Хакасского краеведческого музея имени Л. Р. Кызласова хранятся два образца округлой формы в виде шара. А ещё «гостит» в музее предмет, атрибутированный как «пушечное ядро». Поступило ядро по акту ПВП № 26 от 02.10.2014 из Белоярского музея в связи с тем, что у коллег на тот момент не было условий для хранения предметов палеонтологии, археологии, этнографии. Да и сейчас они пока не имеют возможности разместить их в своём музее.

По данному акту на временном хранении у нас хранятся кости мамонта, верхняя плита ручной каменной мельницы, кованый самодельный багор, который использовался для сплава брёвен на реке Абакан, железные гвозди, применявшиеся при строительстве церквей (два гвоздя), и другие предметы. Каждый из этих предметов по-своему интересен, будь то полностью замещённый фрагмент ствола дерева, которое росло 65–70 млн. лет назад, или двугранный наконечник стрелы из средневековья. Всего 32 единицы хранения.

Почему же в этом списке предметов привлекло внимание именно пушечное ядро? Да потому, что возникли вопросы, а откуда в Сибири пушечное ядро? Если есть ядро, то должна быть пушка. Информации по этому предмету немного. В акте оно записано как «Пушечное ядро, 18 век, железо, вес 2200 граммов. Номер временного хранения – ВХ 645/30, ржавое, подарок Терещук Н. П., с. Белый Яр». На самом предмете имеется инвентарный номер Белоярского музея.

Ядро округлой формы, поверхность с точечными углублениями, образовавшимися при отливке. Клейма на шероховатой поверхности разобрать не удалось. Клеймо облегчило бы задачу в определении места и даты изготовления.

Давайте возьмём за исходную точку XVIII век, обозначенный в учётной карточке. Не связано ли наличие ядер и пушек с острогами и форпостами? Вот где могли пригодиться пушечные ядра. Если не брать во внимание построенные ранее XVIII века Енисейский (1619) и Красноярский (1628) остроги, то это как раз то время, когда в 1707 году в кратчайшие сроки был выстроен Абаканский острог. А в 1718 году – Саянский острог. Вот где могли пригодиться пушечные ядра.

И ядра, и пушки, действительно, были. В книге актов поступлений Хакасского краеведческого музея за 1958 год имеется трудовое соглашение на изготовление макета острога, подписанное директором музея А. М. Мишуровым и подрядчиком – научным сотрудником Минусинского музея И. П. Каргановым. Этот документ директор дополняет справкой об Абаканском остроге-крепости. В ней он указывает, что острог был построен по указу русского царя Петра I в августе 1707 года и был грозным сооружением с огнестрельным оружием и даже пушками: «…На всех четырёх углах были башни с пушечным боем, на стене, выходящей в степь – два пушечных боя и самая высокая наблюдательная вышка, такие же вышки были и на всех углах, на башне, выходящей на Енисей. По углам и под стенами были подземные склады для хранения военных припасов и продуктов питания» [3].

Имелись пушки и в Саянском остроге. Про пушки и пороховой погреб в этом остроге упоминают такие известные исследователи, как Г. Ф. Миллер и П. С. Паллас. На них ссылается в своих исследованиях известный учёный, кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета Сергей Григорьевич Скобелев. Огромная работа под его руководством была проведена по исследованию этого оборонительного сооружения. Во время раскопок территории острога среди объектов материальной культуры были обнаружены предметы вооружения и снаряжения. Это «железное пушечное ядро для однофунтового орудия (по письменным источникам известно, что в остроге было две таких пушки), свинцовые пули, большое количество ружейных кремней, детали ружейных замков, свинцовые болванки и тигли для отливки пуль, костяные мерки для пороха, панцирные пластины, костяные рукояти и фрагменты сабель, колёсиковая опора, костяные и железные наконечники стрел, «свистунки» на стрелы, фрагменты казачьих котлов – «ермаков» [6]. Часть предметов, найденных при раскопках, С. Г. Скобелев передал в 2004 году в фонды музея-заповедника Шушенское, в том числе фрагмент ружейного замка (ОФ № 33325), кремень ружейный (ОФ № 33324), фрагмент керамического тигля (ОФ № 33326) и другие предметы.

К началу XIX века остроги и форпосты уже не имели такого военно-административного значения, как прежде. За ненадобностью пушечные ядра и другие предметы вооружения могли продаваться населению. Недавно коллега из Белоярского музея рассказала, что в её детстве в семье хранилось такое же ядро. Поскольку Саянский острог территориально ближе к Белому Яру, то можно допустить, что ядро попало из его порохового склада. Как и пушечное ядро из Белоярского музея. Есть даже официальный документ в Минусинском архиве (Ф. 34. Оп. 1. Д. 327. Л. 82) о «Переписке с частным комиссаром по розыску беглых колодников, вещей и скота…» за 1810 год. В нём имеется список продаваемых и перевозимых артиллерийских предметов из форпостов Абаканского и Саянского. На листе 8 в «Регистре учинённой в Минусинском комиссарстве проверки артиллерийских орудий в форпостах Абаканском и Саянском» значится следующее: «В Абаканском 2,5 фунтовых ядер – 49; двухфунтовых – 9; полуторафунтовых – 114; однофунтовых – 31. Замков без ключей 5, а также порох мушкетный, чугунная и винтовочная пушки, медные винтовки…». Так и растеклись по ближайшим населённым пунктам ядра, винтовки и порох.

Своя история у двух аналогичных предметов, хранящихся в фонде «Истории техники» Хакасского краеведческого музея. Один из них записан в КП ОФ под № 4495 как ядро чугунное, один край при отливке смазан, дата создания: конец XIX – начало XX века. Производство заводское, диам. 13 см. Ядро чугунное было приобретено за 4 рубля у Полякова Виктора, школьника из Абакана.

Второй предмет КП ОФ № 6770/3 – шар металлический с неровной поверхностью, с частично сточенной верхней частью помещён в приспособленный ящик, на котором имеется

надпись «Белый яр». В музейные фонды сдал предмет Малахатько Владимир Николаевич, пенсионер, в прошлом инженер-геофизик, запись в КП № 16 лист № 157. Обнаружен случайно в п. Расцвет Усть-Абаканского района.

Возможно, атрибуция ядра чугунного, переданного школьником, могла быть ошибочной. Хотя во второй половине XIX века ещё были пушки на Абаканском железоделательном заводе. Что касается второго ядра от Владимира Николаевича Малахатько, то это мог быть шар помольный, он мог использоваться для дробления строительных и рудных материалов в шаровых мельницах в XIX – начале XX века.

Мы познакомили вас с музейными предметами, которые триста лёг назад могли держать в руках наши потомки. К сожалению, история оставляет нам не только предметы, являющиеся историческими источниками прошлого, но и загадки, которые иногда остаются без ответа.

Библиографический список:

1. Бахрушин С. В. Очерки по истории уезда Красноярского края в XVII в. // Научные труды IV. – Москва, 1959. – 257 с.

2. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ея насельников. – Харьков, 1889. – 345 с.

3. Книга актов приёма ГАУК ХНКМ им. Л. Р. Кызласова. – Абакан, 1958. – 64 с.

4. Мессершмидт Д. Г. Дневники Томск – Абакан – Красноярск 1721–1722. – Абакан, 2012. – 160 с.

5. Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II. – Москва–Ленинград, 1941. – 637 с.

6. Скобелев С. Г. Саянский острог – первый русский населённый пункт в Присаянье // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. – Абакан, 1998. – С. 73.

7. Три века Саянского острога: история, значение, перспективы: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 300-летию Саянского острога (1718 – 2018), 27 июля 2018 г. / Музей-заповедник «Шушенское». – п. Шушенское, 2019. – 100 с.

8. Шоева М. П. К истории одного экспоната // Сборник материалов II-х межрегиональных краеведческих чтений, посвящённых Леониду Романовичу Кызласову / ГАУК ХНКМ им. Л. Р. Кызласова. – Абакан, 2013. – С. 251 – 257.

РАЗДЕЛ II.
АРХЕОЛОГИЯ И ПАЛЕОНТОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

А. И. Августовский,
г. Абакан, Республика Хакасия

Сердцевидные святилища

В 2014 году с помощью «Google Планета Земля» в горном массиве Сахсаары удалось обнаружить объект сердцевидной формы

Координаты сердцевидного объекта: 53°30´24¸60″ с. ш. 90°42´08¸10″ в. д. Размеры (внутренние) 16,5 х 8,5 м. С применением квадрокоптера была выполнена съёмка объекта (рис. 1).

Объект расположен на пологом склоне ЮЗ экспозиции, у основания останца, сложенного из диорита. При обследовании останца в верхней его части с восточной стороны обнаружено небольшое кострище.

Левая сторона сердцевидного объекта имеет менее выраженное очертание из-за крупных камней, скатившихся с вышерасположенного скального выхода, и из-за переноса почвы. Контур сердцевидного объекта образован рядами камней средней величины, уложенных на некотором расстоянии друг от друга, взятых с расположенных рядом останцев. Нижняя часть объекта образована пятью рядами кладки, что позволило сформировать откос большей крутизны, чем местность. Каждый ряд кладки незначительно возвышается над предыдущим. В результате внутри каменной кладки создана площадка, имеющая меньший уклон, чем окружающая местность. Число рядов кладки, образующих контур объекта сердцевидной формы, с пяти в середине постепенно уменьшается до двух к его верхней части (рис. 1).

Внутри с двух сторон практически симметрично расположены круги, образованные камнями, уложенными на некотором расстоянии друг от друга. Диаметр каждого круга равен приблизительно 2,3 м. Форма контура объекта, два круга внутри него, вид широких откосов, напоминающих бахрому, заставляют задуматься о сходстве объекта с хакасским женским нагрудным украшением пого.

Рисунок. 1. Снимок объекта сердцевидной формы с квадрокоптера (белая рейка — 2,0 м).

Практически на равном удалении от центра святилища, с двух его сторон, в границах верхней части контура уложены под углом друг к другу по два камня. Такое расположение камней и треугольной формы пространства между ними воспринимается как «рожки», сходные с имеющимися на сердцевидных бляшках [1].

Установлено, что на закате солнца

в непосредственной близости от объекта, имеющего сердцевидную форму, происходит заслуживающая внимания игра света и тени — светотеневая «картина». В её «создании» принимают участие два останца, небольшая седловина между ними, дугообразной формы свечение над тенью от останца.

Дугообразное свечение достаточно чётко видно глазами, однако оптическими устройствами фиксируется намного хуже. Тень ассоциируется с пастью хищника, пожирающего световое пятно сердцевидной формы. Изображение сцены пожирания солнца хищником присутствует на ряде стел и изваяний, относящихся к окуневской археологической культуре.

Было установлено, что сердцевидный объект, находящийся в горном массиве Сахсаары, не единственный в своём роде.

В работах исследователей Сундука 1 (Ларичева В. Е. и других) описывается святилище, получившее название «Овал». На топографическом плане комплекса «Овал», выполненном В. Н. Комиссаровым, показано расположение этого святилища, примыкающего вплотную к площадке «Малый овал». Святилище «Овал» является составной частью астрокомплекса «Овал» [2].

Изучение святилища «Овал» показало, что по своей форме, технологии создания, выбору места, ориентации оно идентично сердцевидному объекту, находящемуся в горном массиве Сахсаары. В этой связи уместно сердцевидные объекты в горном массиве Сахсаары и на Сундуке 1 («Овал») назвать сердцевидными святилищами. В то же время следует отметить, что по эффектности «световой картины» сердцевидное святилище («Овал») превосходит святилище, расположенное на Сахсаарах (рис. 2).

На «светотеневые картины» в районах расположения окуневских валов впервые обратил внимание геолог Николай Гаврилович Ренев, о чём сообщил более 10 лет тому назад художнику С. В. Карлову, который увидел это явление на Сундуке 1 и рассказал о нём В. Е. Ларичеву. Позднее С. В. Карлов передал мне несколько снимков, запечатлевших это явление. Можно сравнить

В 2023 г. совместно с работниками ООО «Арктур» были выполнены наблюдения изменения формы светового пятна, возникающего на закате солнца, — с трёх точек, с фото- и видеофиксацией. Их можно сравнить с фотографиями, предоставленными С. А. Паршиковым, которые сделаны несколько лет тому назад с точки, расположенной на правой террасе каньона Сундука 1. Это сравнение позволяют сделать следующие выводы.

Рисунок 2. Световое пятно сердцевидной формы в каньоне Сундука 1 в момент нахождения над сердцевидным святилищем (фото Раднюк Н. В.) и изменение его формы (фото Паршикова С. А.)

Форма светового пятна, возникающего на закате солнца, постоянно меняется, происходит изменение его размеров вплоть до полного исчезновения (рис. 2).

В период нахождения светового пятна над сердцевидным святилищем пятно принимает сходную со святилищем форму. Этот факт может служить объяснением появления в конкретном месте сердцевидного святилища. Лучшее время наблюдения светотеневой картины — на закате солнца в день летнего солнцестояния.

В период создания святилища форма светового пятна была более близкой к его

форме, за прошедшие тысячелетия участок верхней террасы каньона Сундука 1, участвующий в создании светового пятна, в результате эрозии и чрезвычайно большого антропогенного воздействия претерпел изменения.

Сердцевидное световое пятно могло отожествляться создателями святилища с уходящим солнцем, отображение его на поверхности земли — стремление людей удержать его от поглощения тьмой и желание скорейшего возрождения.

Световое пятно на фоне чёрной тени представляется Солнцем (носителем жизненного начала), исчезающим в пасти зверя (чёрной тени — тёмной силы, ассоциирующейся со смертью), пожирающего Солнце. Подобные сюжеты изображены на окуневских стелах и изваяниях, они размещены в самой нижней части стел, олицетворяющей мир тьмы (например, изваяние кургана со станции Ширa) [3].

Световое пятно над святилищем наблюдается от «Серафимова» камня, находящегося на юго-западе от сердцевидного святилища («Овал») на расстоянии около 4 км, рядом находятся объекты окуневской археологической культуры. От нескольких крупных, многотонных валунов, установленных в этой местности окуневцами, в первой половине дня отражаются лучи солнца, которые видны от святилища. Можно предположить, что создатели двух археологических объектов — сердцевидного святилища и большого по площади ритуального комплекса — считали, что два световых явления обеспечивают сакральную связь между ними.

В 2024 году планируется детальный осмотр ещё двух сердцевидных каменных кладок.

Неизвестно, создавали ли окуневцы сердцевидные святилища по пути следования в Минусинскую котловину, или эта традиция зародилась в новых землях.

Рассматриваемые сердцевидные святилища обладают сходством с контуром личины, изображённой на рисунке 1 под номером 3 в работе Русаковой И. Д.: «Личина, выбитая правее и ниже личины 2, представляет собой сердцевидный контур, слегка вытянутый в ширину. Ни глаз, ни рта не прослеживается» [4].

Сердцевидные святилища не изучены археологами. В связи с чем мною направлено в Государственную инспекцию по охране объекта культурного наследия Республики Хакасия заявление о включении сердцевидного святилища, находящегося в горном массиве Сахсаары, обладающего признаками объекта культурного наследия, в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Мною получено уведомление: «Согласно указанной в заявлении информации объект, обладающий признаками объекта культурного наследия «Сердцевидное святилище», является памятником археологии»… «Дополнительно сообщаем, что на 2024 год Госохраниспекцией запланирована работа по выявлению объектов археологического наследия. Объект, обладающий признаками объекта культурного наследия «Сердцевидное святилище» будет включён в указанный план по выявлению» [5].

Библиографический список:

1. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // Археология СССР. Свод археол. источников. Вып. Е3-18. / Под общ. ред. акад. Б. А. Рыбакова. – М. : Наука, 1983. – С. 99, Табл. XI, 70, 74.

2. Ларичев В. Е., Гиенко Е. Г., Паршиков С. А. (и другие). «Сундуки» – великий сакральный центр северной Хакассии (мифологическое, эпосное и естественнонаучное в культовых памятниках древних культур юга Сибири, совмещенных с творениями природы). Астроархеология – естественнонаучный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. Сборник научных статей. – Красноярск: Издательство «Город», 2009. – 200 с. – С. 82.

3. Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан, 2006. – С. 143, Рис. 103.

4. Русакова И. Д. Личины и «солярные» знаки Томской писаницы, Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница». Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница», 2020. Выпуск 12. – С. 90, Рис. 1, 3.

5. Письмо Государственной инспекции по охране объекта культурного наследия Республики Хакасия № 430-59 ОГ от 18.09.2023.

К. С. Бурашникова, О. А. Митько,
г. Красноярск

Состав погребальной пищи Тесинского населения Тагарской культуры (по материалам могильника Сагайская Протока 2)

Пища является необходимым средством существования человека, она насыщает его и даёт силы для повседневной деятельности. Однако в то же время пища является одним из компонентов погребального обряда практически всех этносов. Население тесинского этапа тагарской культуры также сопровождало мёртвых погребальной пищей. Целью настоящей статьи является анализ результатов ПЦР-тестирования образцов, полученных с поверхности керамических сосудов тесинского населения, проживавшего на территории Минусинской котловины во II–I вв. до н. э.

Остеологические данные свидетельствуют о том, что тесинцы разводили коров, овец и лошадей. Находки сельскохозяйственных орудий позволяют предполагать, что тесинское население либо занималось примитивным растениеводством, либо собирало дикие виды растений, такие как кандык, сарана, черемша.

В работе использовались материалы, полученные в ходе исследования кургана 2 могильника Сагайская протока 2, которое проводилось в 2021 году в зоне строительства второго главного пути на перегоне Чартыковский — Камышта Красноярской железной дороги.

Образцы для ПЦР-тестирования отбирались с внутренней поверхности керамических сосудов. Для этого заточенным металлическим инструментом соскребался верхний слой керамики, потенциально соприкасавшийся с пищей. Измельчённый верхний слой собирался смоченной в воде ватной палочкой и помещался в пробирку. Образцы просушивались в течение двух суток, после чего передавались в лабораторию.

Суть метода ПЦР-тестирования заключается в многократном копировании (амплификации) в пробирке определённых участков ДНК в процессе повторяющихся температурных циклов. В процессе амплификации участвуют праймеры, которые синтезируют новую цепь ДНК. Праймер — это короткий фрагмент нуклеиновой кислоты, который совпадает с изучаемым фрагментом ДНК. В нашем исследовании мы использовали праймеры проса, овса, пшеницы, ячменя, коровы, овцы и курицы. На каждом цикле амплификации синтезированные ранее фрагменты вновь копируются ДНК-полимеразой. Благодаря этому происходит многократное увеличение числа определённых фрагментов ДНК.

Всего в работе были проанализированы образцы с шести керамических сосудов. В сосуде № 80 из могилы 3 ДНК не была обнаружена. Это может свидетельствовать о том, что сосуд был поставлен в погребение пустым, либо в него была налита вода.

В сосуде № 89 из могилы 6 содержались ДНК проса, ячменя и пшеницы, в сосуде № 77

из могилы 10 была обнаружена ДНК проса. Употребление тагарским населением в пищу проса и ячменя известно благодаря исследованию Серебряковского могильника, когда были зафиксированы остатки этих злаков. Однако факт использования пшеницы прежде не был засвидетельствован. Перечисленные злаковые растения могли входить в состав каши или похлёбки, которая была налита в сосуд в качестве погребальной пищи.

Сосуд № 97 из могилы 7 содержал ДНК коровы. Этот результат может означать содержание как мяса, так и молока. Учитывая это, мы можем предположить, что в сосуд была налита жидкая кисломолочная пища, мясная похлёбка или бульон. Аналогичные выводы можно сделать и на основании результатов анализа содержимого сосуда № 95 из могилы 8. В этом сосуде содержалась ДНК овцы, в него могла быть налита схожая пища, но из баранины или овечьего молока.

В сосуде № 78 из могилы 9 было обнаружено содержание ДНК овса, пшеницы, проса, коровы, овцы, курицы. Такой широкий набор продуктов можно объяснить тем, что сосуд длительное время использовался в быту. Курятина — нетипичный продукт для рациона тагарских племён. Л. Р. Кызласов выдвинул гипотезу о том, что тагарцы могли заниматься куроводством. Своё предположение он выстроил на основании того, что было обнаружено большое количество яичной скорлупы в некоторых погребениях последующей, таштыкской эпохи, и что на отдельных бронзовых тагарских булавках изображались петухи, однако это лишь косвенные свидетельства. Наличие ДНК курицы в тесинском сосуде может подтвердить гипотезу о существовании куроводства в тагарскую эпоху.

В результате проведённого исследования были подтверждены имеющиеся свидетельства того, что тесинское население разводило овец и коров и употребляло в пищу их мясо и молоко, а также готовило пищу из злаков — проса и ячменя. Были получены новые сведения о том, что тесинцы употребляли в пищу зёрна пшеницы. Однако остаётся открытым вопрос: выращивался ли этот злак, собиралась ли его дикорастущая форма или пшеница экспортировалась с других территорий. Также были получены новые данные, фиксирующие факт употребления тесинцами курятины в пищу. Для подтверждения гипотезы о существовании куроводства в тагарскую эпоху необходимы дальнейшие исследования.

Библиографический список:

1. История Сибири: в 4 т. Т. 2: Железный век и Средневековье. – Новосибирск : Изд-во ИЭАТ СО РАН, 2019. – 643 с.

2. Патачаков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). – Абакан : Хакасское книжное издательство, 1958. – 121 с.

3. Раскопки тесинских и таштыкских памятников на могильниках Сагайская протока 2, 5 и 8 / Тимощенко А. А., Митько О. А., Морозов А. А., Зубков В. С., Фролов Я. В., Поселянин А. И., Тетерин Ю. В., Половников И. С., Давыдов Р. В. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2021. – Т. 27. С. 1020–1027.

4. Ребриков Д. В. ПЦР «в реальном времени» / Д. В. Ребриков, Г. А. Саматов, Д. Ю. Трофимов и др. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. – 223 с.

5. Тихонов Б. Г., Гришин Ю. С. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 208 с.

Е. В. Губенко,
г. Новосибирск

Комплексный поход к изучению бусинных наборов Среднего Енисея VII в. до н. э. — V в. н. э.

Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Миноборнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

С эпохи поздней бронзы на территории степной зоны Среднего Енисея начали формироваться бусинные наборы, разнообразные по составу. Особенно большое количество находок бусин относится к концу раннего железного века и гунно-сарматскому времени. В этот период на территории Хакасско-Минусинской котловины получили развитие три сменившие друг друга археологические культуры: тагарская, тесинская и таштыкская [6; 1]. Сочетание многочисленных импортных и местных украшений из камня, стекла, кости и рога является отличительной особенностью коллекций, относящихся к VII в. до н. э. – V в. н. э. Стоит отметить, что бусины относятся к информативным источникам, которые помогают изучать миграцию носителей технологий и идей, а также культурные контакты и торгово-экономические связи древнего населения.

Долгое время бусины не являлись предметом отдельного изучения. С 20–30-х гг. XX в. развиваются отдельные аспекты исследования этой категории украшений, в первую очередь типологизация и классификация материала. Позже, в 50–60-е гг. XX в. возникают иерархические классификации украшений по технологическому основанию. Только начиная с 2000-х гг. по настоящее время постепенно меняется подход в изучении бусин. Он становится комплексным: выделяются типы бус на основании технологических и морфологических признаков, типы украшений по хронологической шкале, а также продолжается изучение химического состава стеклянных бус. Только в результате комплексного исследования ювелирных изделий изучаемого времени возможно решить частные вопросы и увидеть общую картину.

При соотношении основных направлений изучения бусинных наборов (историко-археологическое, технологическое и семантическое) с историческими аспектами, касающимися древней истории изучаемого региона, для проведения полноценного исследования необходимо использование как специально археологических, так и междисциплинарных методов. Комплексный подход подразумевает привлечение данных из других наук: геологии (минералогии), криминалистики (трасологии), химии (аналитическая химия), географии (картографирование).

На наш взгляд, привлечение новых источников и исследование их в рамках комплексного подхода с применением естественно-научных методов не только позволяет представить оценку социально-экономической истории населения Минусинской котловины, но и может служить основанием для сравнительного анализа с аналогичными явлениями на соседних территориях Горного Алтая, Кузнецкой котловины и Тувы.

Источниковая база по изучению бус степной зоны Среднего Енисея этой эпохи составляет более 15 тыс. экз. украшений, происходящих из 44 типологически различных видов археологических памятников. Отдельные крупные собрания бусин могут в определённой степени служить эталоном для исследования этнокультурных, миграционных, торгово-обменных процессов, протекавших на территории Среднего Енисея. Так, на наш взгляд, для тагарской культуры показательной коллекцией украшений служат изделия могильника Белый Яр I, для таштыкского времени – бусины из памятника Черноозёрное II [5; 3].

Как уже отмечалось ранее, коллекции со Среднего Енисея разнообразны по материалу: камень, стекло и стекловидная паста, а также рог. Первоначальным требованием при исследовании коллекций бусин считается систематизация и характеристика украшений по морфологии: форме, размеру, цвету [4].

Каменные бусины в первую очередь требуют определения материала их изготовления. В настоящее время существует много справочных пособий – определителей минералов и горных пород. Однако для точности и достоверности установления материала необходимо обратиться за консультацией к геологам. Макросъёмка канала отверстия и поверхности каменных изделий является обязательной при исследовании бусин на предмет технологии их производства. Это позволяет определить последовательность технологических операций, приёмы и инструменты, которыми пользовался мастер.

Характеристика структуры стекла в результате макросъёмки поверхности изделий даёт представление о технологии изготовления стеклянных бусин. Так, элементы структуры стекла, растянутые в тончайшие каналы, идущие параллельно друг другу, свидетельствуют о том, что бусина была изготовлена делением тянутой трубочки или палочки. В то время как элементы структуры стекла, которые располагаются вокруг продольной оси бусины по спирали, идущей от одного конца украшения к другому, фиксируют технологию изготовления путём навивки.

Изучение химического состава стеклянных бус и применение различных физико-химических методов является отдельным и одним из перспективных направлений исследования по данной тематике. В результате изучения стекла как материала изготовления фиксируются признаки, характерные для отдельных районов. В ходе распределения материала на группы, подгруппы считается возможным выделение химических типов стекла. При формировании типа учитываются как стеклообразующие элементы, так и другие, входящие в состав и превышающие 3 % содержания в стекле. Оптический эмиссионный спектральный анализ, самый распространённый в исследовании стекла древности, даёт возможность разделения стеклянных изделий на группы стеклянных и стекловидно-пастовых бусин для изучения технологии изготовления каждой группы [2].

Определение исходного сырья для изделий косторезного производства имеет большое значение. Часто в публикациях некорректно даётся информация: кость путается с рогом, а рудименты естественного строения материала, сохраняющиеся в готовых изделиях, трактуются формально-типологическими признаками. Это важно в понимании технологии расщепления материала, из которого изготовлена бусина.

К сожалению, отсутствуют методические работы по изучению бусинных украшений. Однако изделия входят в категорию массовых археологических находок, особенно в памятниках степной зоны Среднего Енисея. Единственное, хочется отметить труды Ю. Л. Щаповой, посвящённые вопросам в области истории стекла и древних производств, в том числе и учебно-методическое пособие по морфологии, технологии и химическому составу древнего стекла [7; 8]. Оно до сих пор является базовым для исследования стеклянных бусин. Тем не менее, алгоритмы и приёмы работы за последние 20 лет поменяли свой характер. В связи с этим у специалистов возникает необходимость составления методики работы с бусинными коллекциями, основанной на комплексном подходе.

Библиографический список:

1. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб : Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – 440 с.

2. Галибин В. А. Особенности состава фаянсовых и стеклянных украшений из памятников

Южной Сибири V в. до н. э. – I в. н. э. (по данным количественного спектрального анализа) // КСИА. – М. : 1985. – № 184. – С. 14–21.

3. Готлиб А. И. Ярусные захоронения таштыкского могильника Черноозёрное II в Хакасии // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края: Сб. науч. тр. / Под ред. С. П. Нестерова; Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2007. – С. 8–38.

4. Губенко Е. В. Типология коллекции бус таштыкской культуры Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова // Археология: Материалы 57-й Междунар. науч. студ. конф. 14–19 апреля 2019 г. / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : ИНЦ НГУ, 2019. – С. 43–44.

5. Губенко Е. В., Поселянин А. И. Коллекция украшений из тагарского могильника Белый Яр I (Алтайский район, Республика Хакасия) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – Абакан : Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2022. – № 3 (41). – С. 6–10.

6. Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб : Издательство Айсинг, 2011. – 456 с.

7. Щапова Ю. Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. Учебное пособие. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 120 с.

8. Щапова Ю. Л. Из истории древнейшей технологии стекла / Ю. Л. Щапова // Очерки технологии древнейших производств. – М. : Наука, 1975. – С. 150–151.

А. Е. Есин,
г. Новосибирск

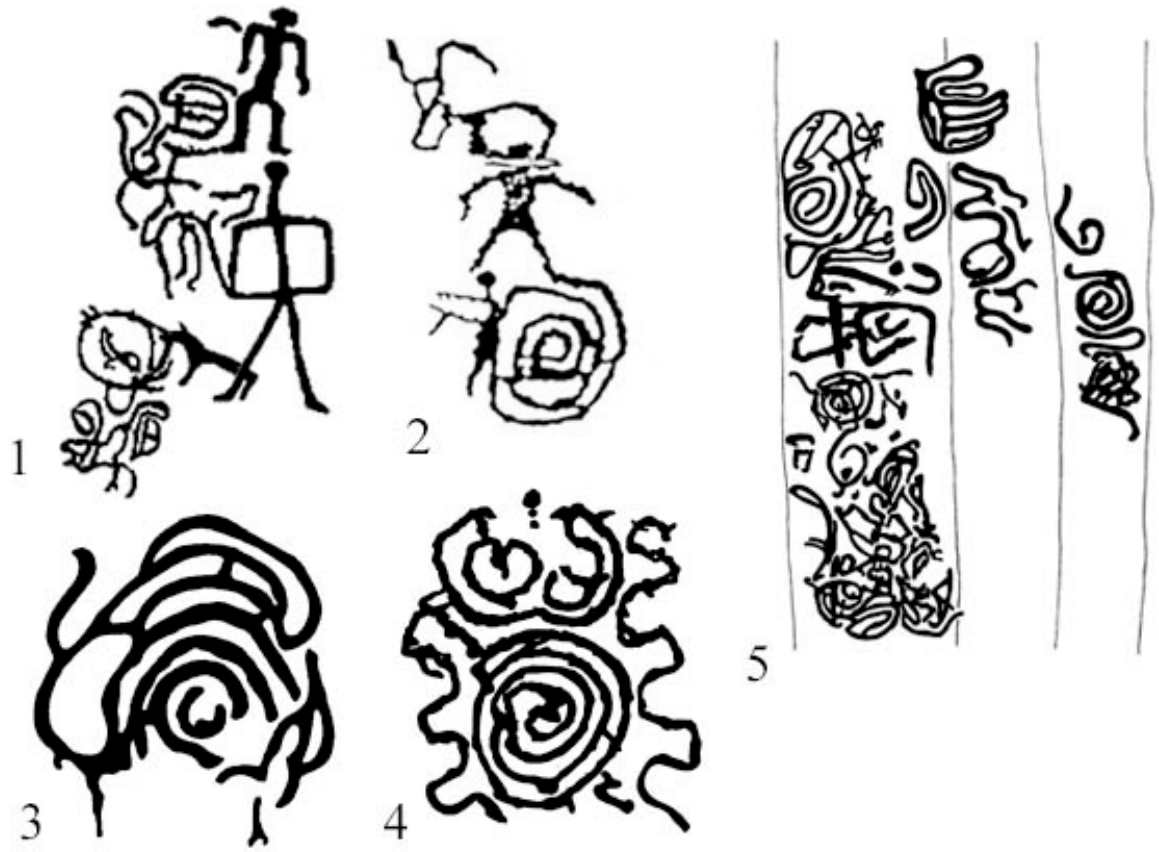
«Решётка» и «Лабиринт»: знаки Тесинской культуры

С учётом серии радиоуглеродных данных тесинская культура существовала на территории Хакасско-Минусинской котловины в хронологических рамках II в. до н. э. – IV в. н. э. [2]. Помимо разнообразных видов погребальных сооружений и форм погребальной обрядности для неё характерно наличие большого количества изображений, нанесённых на наскальные поверхности и плиты погребальных сооружений.

Тесинское изобразительное искусство помимо реалистичных композиций включает систему фигуративных и абстрактных знаков. Д. Г. Савиновым на основании материалов могильника Есино III были выделены пять групп абстрактных изображений сложных и неоднократно повторяющихся форм: простые, волютообразные, противостоящие, «решётки» и «лабиринты» [10]. Последние две группы представляют наибольший интерес по двум причинам. Во-первых, существует большое количество стилистически близких изображений. Во-вторых, сложность исполнения художественных и знаковых изображений исключает возможную случайность их многократного воспроизведения. Поэтому, на наш взгляд, эти изображения можно рассматривать как условные знаки, обладающие сложной для понимания семантикой.

«Лабиринты» представляют собой спирали, дополненные перемычками и/или перегородками. Для этого знака существуют различные варианты изобразительного контекста: в соединении с антропоморфной или зооморфной фигурой; в окружении двух змей; с другими абстрактными знаками; вне композиции (рис. 1).

Многократно фиксируемые композиции антропоморфных или зооморфных фигур, соединённых линией, на наш взгляд, позволяют сделать предположение об общности семантического содержания этих изображений (рис. 1; *1–2*). На основании общности композиционного контекста можно предположить, что неспиральные переплетающиеся линии в тесинском изобразительном искусстве могут нести аналогичное семантическое содержание, что и для выделенных Д. Г. Савиновым «лабиринтов». Устойчивость композиций,



Тесинские «лабиринты»: 1 — мог. Есино X (по [9]); 2 — скопление петроглифов Абакано-Перевоз (по [8]); 3, 4 — мог. Есино III (по [10]); 5 — мог. Арбан IV (по [10]).

как нам представляется, даёт основания предположить использование знаковой системы в качестве пиктографической записи отдельных сюжетов в рамках тесинской культуры. Их центральными образами являлись фигуры, изображающие людей, копытных животных, змей и лабиринт.

На современном этапе исследования разность археологического контекста, в котором фиксируются изображения, не даёт возможности достоверно говорить об их исключительно ритуальном назначении. Тесинские «лабиринты» фиксируются на наскальных поверхностях, плитах курганных конструкций и стенках каменных ящиков в грунтовых могилах [4].

Исследователями выдвигались возможные интерпретации этих сюжетов. Е. А. Окладникова связывала тесинские «лабиринты» с двумерным изображением модели вселенной и пути умершего в мир мёртвых [7]. Как сюжеты путешествия души умершего к своей реинкарнации «лабиринты» трактовал Д. Г. Савинов [9]. О. С. Советова рассматривала их как отображение пути мифического героя, столкнувшегося с испытанием в виде лабиринта [11]. «Лабиринт» в каждом случае трактовался как посмертный или прижизненный путь человека, сопряжённый с чередой проблем, которые символизировались изображениями перемычек, перегородок и опасных для него существ.

«Решётки» – другой вид сложных абстрактных изображений – представляют собой стремящиеся к прямоугольной форме рамки, разбитые кривыми линиями на ячейки. Археологический контекст их нахождения не отличается от обнаружения других абстрактных изображений (рис. 2). Их включённость в определённые композиции не прослеживается.

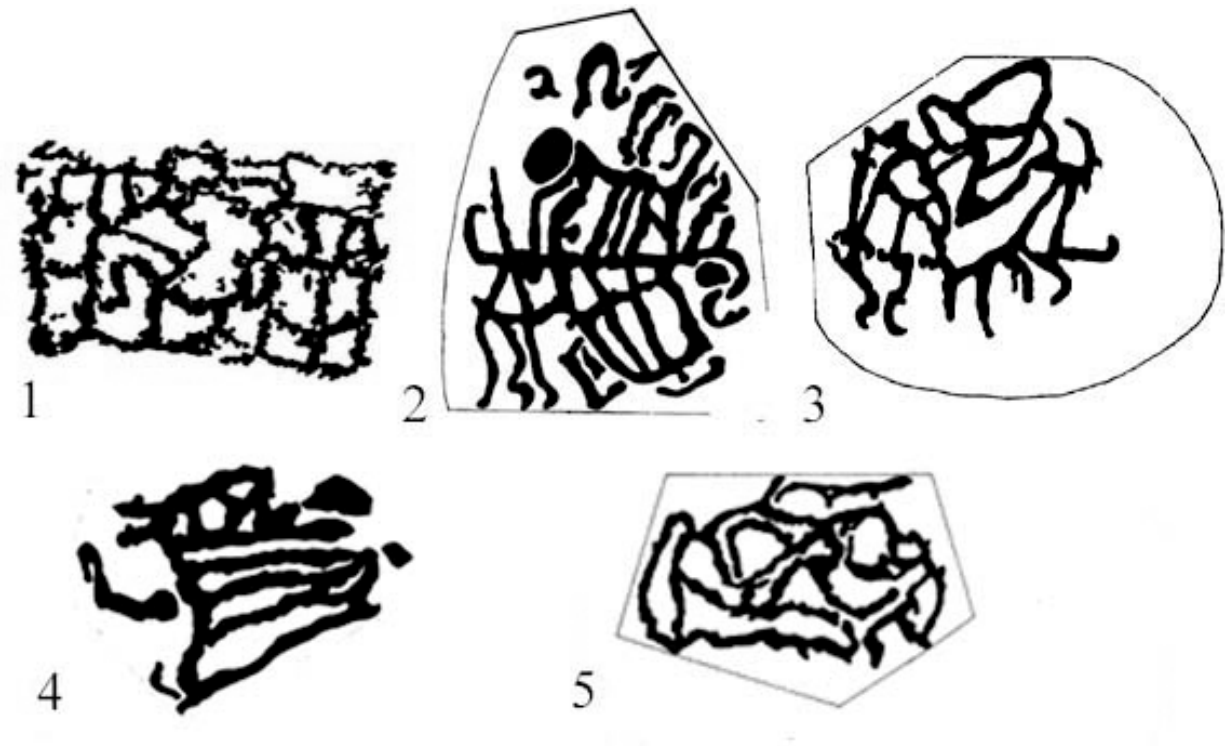


Рисунок 2. Тесинские «решётки»: 1 — гора Куня (по [Советова, 2005]); 2–4 — мог. Есино III (по [10]); 5 — Есино IV (по [10]).

Подобные «решётки» изображаются в нескольких вариантах: прямоугольные без отходящих линий (рис. 2; *1, 4*); прямоугольные с отходящими линиями (рис. 2; *2–3*); кривые, отдалённо напоминающие первые два варианта (рис. 2; *5*).

Визуальное сходство тесинских «решёток» нами прослеживается в изображениях линий, которые в других изображениях служат для соединения отдельных элементов композиции между собой. Эти же линии, в ряде случаев соединённые с антропоморфной фигурой, могут представлять собой переплетающиеся пути «лабиринта» (рис. 1; *1, 5*).

Ещё одну аналогию можно проследить в материальной культуре Хакасско-Минусинской котловины. М. А. Байбердина впервые указала на визуальное сходство тесинских «решёток» с поясными ажурными пластинами хуннского времени, изображающими змей (рис. 3) [1]. Известно, что часть таких пластин изготавливалась в Хакасско-Минусинской котловине [6]. Это сходство и уже упомянутое присутствие образа змеи в тесинском изобразительном искусстве могут указывать на «змеиную» семантику указанных знаков.

Одновременное существование одного и того же знака на каменных поверхностях и на предметах материальной культуры не является уникальной чертой рассматриваемых изображений. В тесинской культуре известны петроглифические изображения копытных животных с детёнышами и стилистически аналогичные им бронзовые фигурки. Такая же аналогия прослеживается в изображениях копытных животных с подогнутыми ногами [1]. Учитывая тенденцию тесинского изобразительного искусства к схематизации петроглифов, на наш взгляд, можно предполагать трансформацию образа змеи в ту форму, в которой его можно наблюдать в тесинских «решётках».

Для тесинского изобразительного искусства свойственно значительное упрощение образов и утеря отдельных элементов, что приводит к неоднозначности их интерпретаций. Их одновременная включённость в различные по сложности композиции, тем не менее,

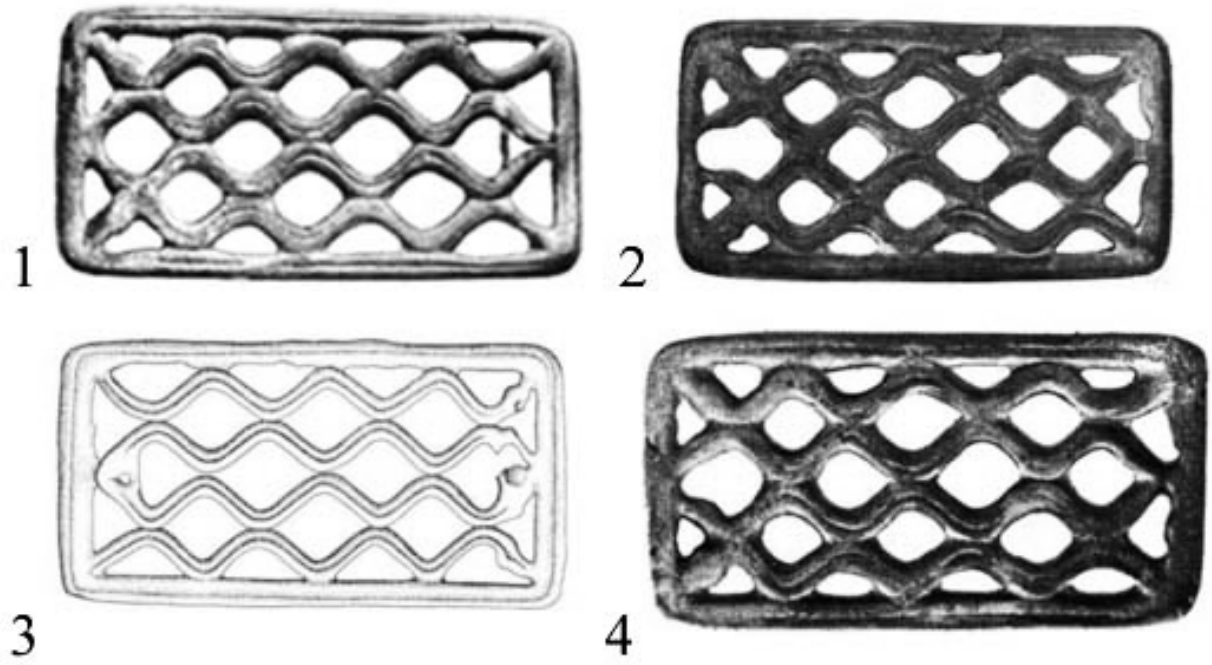


Рисунок 3. Бронзовые поясные пластины тесинского времени (по [5]): 1 — мог. Соленоозёрная; 2, 4 — Косогольский клад; 3 — Иволгинский могильник.

позволяет делать выводы о заключённом в тесинскую знаковую систему семантическом содержании.

Лабиринт и тема пути в тесинское и последующее время время стали центральными мотивами в изобразительном искусстве населения Хакасско-Минусинской котловины. М. А. Дэвлет отмечала значимое место образа пути-дороги в мировоззрении населения Саяно-Алтая в средние века и этнографическое время [3].

Образы змей и лабиринта в тесинской культуре мы рассматриваем как часть единого сюжета. Змеи, судя по их месту в композиции, выступали структурными частями или сопровождали связанные с лабиринтом сюжеты. Изображение тесинских «решёток» и «лабиринтов», в частности на плитах погребальных сооружений, на наш взгляд, позволяет предполагать то, что эти сюжеты содержат погребальную семантику.

Библиографический список:

1. Байбердина (Талягина) М. А. Изображения тесинского времени в Минусинской котловине в контексте археологического материала // Теория и практика археологических исследований. – СПб, 2019. № 3 (27). – С. 20–33.

2. Водясов Е. В., Зайцева О. В. Тесинские и таштыкские погребальные комплексы: хронологические парадоксы // Сибирские исторические исследования. – Томск : Изд-во ТГУ, 2023. № 3. – С. 296–315.

3. Дэвлет М. А. Образ пути-дороги в наскальном искусстве Сибири и Центральной Азии // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. – Омск : Омский гос. ун-т., 2000. – С. 76–83.

4. Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб : Айсинг, 2011. – 456 с.

5. Ли В. С. Образно-сюжетный репертуар хуннского звериного стиля // Исторический журнал: научные исследования. – М., 2019. № 5. – С. 83–94.

6. Нащёкин В. Н. Косогольский клад // Археологические открытия 1966 года. – М. : Наука, 1967. – С. 163–165.

7. Окладникова Е. А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. – СПб : Изд-во МАЭ РАН, 1995. – 317 с.

8. Русакова И. Д. Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница у д. Абакано-Перевоз в Хакасии) // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. – С. 101–112.

9. Савинов Д. Г. К истории открытия и изучения тесинских «Лабиринтов» // Теория и практика археологических исследований: сборник научных трудов. Вып. 2. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 254–259.

10. Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну. – СПб, 2009. – 226 с.

11. Советова О. С. О своеобразии изобразительного искусства посттагарской эпохи // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия (Сб. докладов конф., посвящ. 100-летию со д. р. С. В. Киселёва). – Красноярск, 2005. – С. 200–202.

12. Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 140 с.

Э. Н. Киргинеков,
г. Абакан, Республика Хакасия

Исследования археологической экспедиции ХНКМ им. Л. Р. Кызласова в 2023 году (деятельность и направления)

Хакасский музей – первое региональное учреждение, которое начало проводить самостоятельные археологические исследования. Начаты они были сотрудником музея А. Н. Липским в конце1940-х годов и проводились им вплоть до конца 1960-х годов. С начала 1970-х годов работу по изучению древностей продолжила Э. А. Севостьянова, которая занималась исследованиями до начала 1990-х годов. Созданный этими специалистами археологический фонд и музейные экспозиции на долгие годы стали для жителей и гостей Хакасии местом знакомства с древней историей региона.

С первых лет археологических работ были определены основные направления музейной археологии: проведение спасательных археологических работ, учёт объектов археологического наследия, хранение артефактов и популяризация исторического наследия (экспозиции, выставки, экскурсии).

С начала 2000-х годов в музее проводили работы отдельные археологические отряды под руководством Э. Н. Киргинекова и Е. Н. Данькина. С 2010-х годов исследованиями занимается сформированная на базе музея Археологическая экспедиция ХНКМ им. Л. Р. Кызласова (начальник экспедиции – Э. Н. Киргинеков).

Основными темами исследования АЭ ХНКМ им. Л. Р. Кызласова стали: «Исследования памятников эпохи ранней бронзы в долине рч. Камышта», «Курганные могильники тагарской культуры Хакасско-Минусинской котловины». Работы проводились в Аскизском, Алтайском, Бейском, Усть-Абаканском районах. За весь период работы экспедиции на учёт поставлено более 400 курганов, исследованы десятки памятников, музеем на базе новейших находок создана современная экспозиция.

В настоящее время АЭ ХНКМ им Л. Р. Кызласова осуществляет свою деятельность в направлении, связанном с решением народно-хозяйственных задач – спасательными археологическими работами. Экспедиция проводит широкомасштабные исследования

на памятнике поселенческого типа в Усть-Абаканском районе, на производственной территории АО «УК «Разрез Степной». Площадь раскопок на данный период составила 11 802 кв. м.

По результатам археологических работ уже сейчас можно утверждать, что АЭ ХНКМ им. Л. Р. Кызласова исследует поселение, существовавшее в период IX–VIII вв. до н. э. Поселение являлось стационарным. Зафиксировано пять строений жилищного типа, хозяйственные постройки и хозяйственные зоны. Площадь поселения относительна чистая, находки в количестве более 315 предметов представлены изделиями из камня (зернотёрки, отбойники), редкими фрагментами керамики, остатками костей домашних животных. При возведении строений жилищного типа были использованы плиты девонского песчаника под фундамент, верх сложен из деревянных жердей. На площади были выявлены столбовые конструкции – вероятно, под изгородь.

Подобные памятники большой площади исследуются впервые. Они были известны археологам, но время их бытования и функциональное значение были науке не известны. После археологических раскопок АЭ ХНКМ им. Л. Р. Кызласова можно с определённой долей уверенности утверждать об открытии нового типа поселенческих памятников Хакасско-Минусинской котловины. Эти стационарные поселения существовали в начальный период становления тагарской культуры, накануне эпохи строительства крупных курганных сооружений. Судя по находкам большого количества зернотёрок, в среде древнего общества начала I тыс. до н. э. кроме скотоводства широко была распространена переработка зерновых продуктов собирательства и земледелия. В комплексе полученных в ходе раскопок археологических данных и наблюдений возможно перейти к историческим выводам и построениям, предположениям об оседлом характере жизнедеятельности древних жителей, при котором возводятся стационарные поселения как для большой семьи, так и для более крупного социального объединения. На основании полученных данных также можно предполагать значение всем известного памятника «Узун-хыр», который теперь, на основании раскопок АЭ ХНКМ им. Л. Р. Кызласова 2023 года, возможно отнести к самым крупным сооружениям поселенческого типа в Южной Сибири. С учётом площади распространения «Узун-хыра» не исключен и вариант протогородской постройки на основе развития и дальнейшей консолидации древнего общества.

Археологические исследования на памятнике «Узун-хыр» не только становятся перспективными с точки зрения археологического изучения новых типов памятников, но и позволяют аргументированно и с научной точки зрения обосновать высокий уровень исторического развития древнего общества Хакасии, достигшего уровня протогородских цивилизаций уже в первой половине I тыс. до н. э.

Следующим современным направлением археологической деятельности музея является исследование Археологической экспедицией ХНКМ им. Л. Р. Кызласова под руководством Э. Н. Киргинекова объекта федерального значения «Курганная группа “Салбык” (восемь насыпей)». В рамках выполнения комплекса работ по благоустройству музейного комплекса на территории курганной группы были проведены уточнения границ памятника.

Кроме обязательных работ по договору АЭ ХНКМ им. Л. Р. Кызласова были проведены дополнительные научные исследования. Проведена топографическая съёмка современным оборудованием, уточнено взаиморасположение курганов и курганных групп, проведена фотофиксация и дополнительное научное описание каждого кургана. Всего в настоящее время зафиксировано 54 кургана. Указанная работа проведена для изучения относительной хронологии курганной группы, так как это является ключевым моментом с исторической точки зрения на древнее общество I тыс. до н. э. На основе визуального

наблюдения и описания курганов урочища Салбык сделано предположение, что первые курганы стали возводить на этой местности в период VII–VI вв. до н. э., их количество – не более 10. Затем, в период VI–V вв. до н. э. количество возведённых курганов растёт, растёт и количество погребённых. Высота курганов достигает не менее 3–4 м. Наиболее крупные курганы аналогичны кургану 1 (Большой Салбыкский курган) и строились в период V–IV вв. до н. э. Население Хакасско-Минусинской котловины уже на рубеже эры продолжило строить склепы на территории урочища.

Благодаря исследованиям АЭ ХНКМ им. Л. Р. Кызласова 2023 года был собран и подготовлен фотографический материал, подготовлено текстовое описание «Курганной группы “Салбык”». Учитывая актуальность и значимость этого памятника для формирования образа исторического прошлого Хакасии как для современного, так и для будущих поколений, необходимо создание и издание альбома-каталога «Курганной группы “Салбык”», в котором будут представлены материалы по всему археологическому объекту федерального значения. Из исследований археологов становится очевидным, что курганы, возведённые в урочище Салбык, в настоящее время представляют собой единый культурно-ландшафтный памятник, относящийся к периоду I тыс. до н. э. и демонстрирующий один из пиков исторического развития Хакасско-Минусинской котловины.

Ещё одно из основных направлений деятельности АЭ ХНКМ им. Л. Р. Кызласова – это поиск, выявление и подготовка специалистов для последующей работы в области археологического исследования. По инициативе Археологической экспедиции ХНКМ им. Л. Р. Кызласова был заключён и оплачен договор с ХГУ им. Н. Ф. Катанова на проведение археологической практики студентов I–II курсов ИИП, специализирующихся в области археологии. Цель этого направления – выявить студентов, способных реализовываться в полевой археологии. В настоящее время этот опыт нами изучается, приглашены к сотрудничеству студенты, которые осуществляют камеральную обработку археологического материала.

Археологическая экспедиция ХНКМ им. Л. Р. Кызласова продолжает традиции археологических исследований на территории Хакасско-Минусинской котловины и по-прежнему является базовым учреждением региона в изучении древней истории Хакасии. На современном этапе АЭ ХНКМ им. Л. Р. Кызласова развивает новые направления, среди которых важными являются изучение поселенческих комплексов и подготовка специалистов в области археологии.

А. А. Лигачева,
г. Новосибирск

Височные кольца из херексура Битуугийн Цагаана V на севере Монголии

Среди археологических памятников особый интерес представляют специфические по своим культурно-хронологическим характеристикам памятники, получившие название «херексуры» [6]. Эти монументальные объекты, получившие широкое распространение в Монголии и на сопредельных территориях Центральной Азии, представляют собой каменные курганы, главным элементом которых является ограда, окружающая центральное

сооружение. При этом форма ограды может варьироваться: чаще встречаются квадратная, прямоугольная и круглая ограды [5].

Памятник Битуугийн Цагаана V расположен на остепеннёном участке долины, в междуречье небольших рек Битуугийн-гол и Бугот-гол, у подошвы горы Битуугийн-узуур, в Булганском аймаке, в сомоне Хутаг-Ундер, на левом берегу реки Эгийн-гол. Объекты можно рассматривать как отдельный архитектурный ансамбль, состоящий из 15 курганов-херексуров и двух плиточных могил. Он был исследован в 1997 г. монголо-французской экспедицией, в ходе которой раскопаны три кургана-херексура (№№ 2, 5, 15). Материалы раскопок частично представлены в обобщающей работе, посвящённой памятникам долины р. Эгийн-гол [7].

Целью настоящей работы является введение в научный оборот сведений о височных кольцах, обнаруженных в одном из сопутствующих кургану объектов, ранее не получивших освещение в литературе.

Херексур 15 представлял собой курган круглой формы диаметром 13–14 м, высотой 1,2 м, окружённый каменной оградой прямоугольной формы со сторонами: восточная – 23 м, южная – 18,2 м, западная – 20 м, от северной ограды сохранилось лишь 10 м. Под центральной насыпью на уровне древней дневной поверхности находилась камера (размером 3,2×1,8 м), сложенная из крупных плит, внутри которой не отмечено следов захоронения, найдены фрагменты тонкостенной керамики красного цвета, орнаментированные тонкой трубчатой костью, три отщепа и четыре железные пластины (6×6 см, ещё одна обнаружена в насыпи).

К кургану-херексуру 15 с восточной стороны примыкало 13 небольших выкладок (поминально-жертвенных сооружений «A–M»). Выкладки «C» и «G» оказались пустыми. В остальных выкладках «A», «B», «D», «E», «F», «H», «I», «J», «K», «L», «M» обнаружены: череп лошади, шейные позвонки и копыта, остатки шкуры животного.

В выкладке «B» помимо останков лошади найдены фрагменты керамики тёмно-коричневого цвета. В выкладке «J» под черепом лошади находился детский череп, и три бронзовых височных кольца диаметром 1,5–2 см [7]. Они изготовлены из бронзовой проволоки, согнутой в 1–2 витка. Полную морфологическую близость они имеют с аналогичными изделиями из памятников эпохи поздней бронзы с территории Хакасско-Минусинской котловины.

Височные кольца — одни из наиболее распространённых украшений, встречающихся в погребальных памятниках поздней бронзы на территории Хакасско-Минусинской котловины, Юго-западной Сибири, Забайкальского края, Монголии. По определению О. В. Минор, височные кольца — это украшения, конструктивным элементом которых является обруч, изготовленный из проволоки круглого сечения путём сгибания в несколько витков (от одного до трёх), диаметр составляет от 1 до 5 см. О. В. Минор также представила типологию височных колец на материалах из разных памятников региона, выделив один тип (с тремя вариантами), и установила динамику развития украшений для территории Хакасско-Минусинской котловины, проследив распространение определённого варианта височных колец на каждом из этапов поздней бронзы (карасукский, карасук-лугавский, лугавский/каменоложский и баиновский) [2].

На территории Хакасии височные кольца отмечены на памятнике Сухое Озеро II, где в карасукских погребениях было выявлено более тридцати экземпляров, изготовленных из согнутой проволоки диаметром 2,5–3 см. Два из них изготовлены в два оборота, у остальных концы соединялись или незначительно заходили друг за друга. Все они найдены у черепа. На памятнике также обнаружены браслеты и кольца, изготовленные по той же

технологии, путём сгибания проволоки. Браслеты диаметром 5 см находились на запястьях погребённого. Кольца фиксируются на фалангах пальцев. Диаметр их меньше, чем у височных колец [1].

В этом отношении интерес вызывают находки из памятника Аскиз 17 (курган 3, могила 2). В погребении было найдено шесть височных бронзовых колец с пронизками (по три с каждой стороны черепа). Конструктивно они очень схожи с височными кольцами с памятника Битуугийн Цагаан V. Памятник Аскиз 17 датируется X–IX вв. до н. э. – периодом, который входит в III (лугавский/каменоложский) этап поздней бронзы [4].

Э. А. Новгородова, характеризуя украшения карасукской культуры в разных районах Центральной Азии, отмечает, что височные кольца представлены обычно по несколько экземпляров с каждой стороны черепа погребённого. Она приводит материалы с территории Внутренней Монголии, которые также морфологически аналогичны височным кольцам с памятника Битуугийн Цагаан V [3].

Сравнительно-типологический анализ височных колец из выкладки «J» с аналогичными изделиями позволяет датировать их эпохой поздней бронзы. Этим же временем, очевидно, можно датировать курган-херексур 15, с которым планиграфически связано это поминально-жертвенное сооружение.

Библиографический список:

1. Максименков Г. А., Вадецкая Э. Б. Могильник Сухое Озеро II как отражение эволюции раннего этапа карасукской культуры ; ответственный редактор А. В. Поляков ; Российская академия наук, Институт истории материальной культуры, Южносибирский филиал. – Санкт-Петербург ; Вологда : Древности Севера, 2022. – 383 с.

2. Минор О. В. Украшения эпохи бронзы Хакасско-Минусинской котловины. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. – 284 с.

3. Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. – М. : Наука, 1970. – 191 с.

4. Тимощенко А. А., Митько О. А., Морозов А. А., Зубков В. С., Поселянин А. И., Фролов Я. В., Тетерин Ю. В., Давыдов Р. В., Половников И. С. Предварительные результаты аварийно-спасательных раскопок погребальных памятников эпохи поздней бронзы на площади могильников Сагайская протока 7 и Аскиз 17 в Аскизском районе Республики Хакасия. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Ин-т археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. XXVII. – С. 1002–1010.

5. Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 136–162.

6. Цыбиктаров А. Д. Херексуры Монголии и Забайкалья: общая характеристика, назначение и особенности антропологического типа населения. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири [V]. Часть II. / Материалы V Междунар. науч. конф. Кызыл, 15–19 сентября 2014 г. В 2 ч. – Кызыл : ТувГУ. 2014. – С. 165–176.

7. Эрдэнэбаатар Д. Монгол нутгийн дөрвөлжин булш, хиригсүүрийн соёл. – Улаанбаатар : «Соёмбо принтинг», 2002. – 275 с.

А. Л. Петренко, г. Красноярск
С. А. Гиренко, г. Железногорск

О возможности использования древесины для изготовления наконечников стрел в традиционных обществах Евразии (от мезолита до начала нового времени)

Наконечники стрел традиционно изготавливались из твёрдых материалов: камня, кости, меди, железа (последовательно). Однако в этом ряду забываются наконечники из дерева. Между тем, древесина обладает достаточной жёсткостью для пробивания плоти животного.

Впервые деревянные наконечники встречаются на самых ранних сохранившихся метательных орудиях – копьях из Шёнингена возрастом 300 тысяч лет. Они интерпретируются как метательные. Эти прекрасные образцы копий из болотной стоянки среднего палеолита имеют заострённые, обожжённые на огне торцы, играющие роль наконечников. Конечно, это не стрелы, и наконечник не изготовлен в виде отдельного предмета, но важен сам факт, что дерево используется в качестве проникателя [7].

Большое количество изделий из дерева (в том числе стрел своеобразной веретёновидной формы) было найдено в мокром слое памятника Веретье, которому 8 тысяч лет. Это мезолитическая болотная стоянка. Деревянные наконечники в ней идентичны по форме костяным, широко представленным в этом же слое. Какой материал был первичен при создании формы наконечника – сказать сложно. Возможно, им послужило дерево. Вполне вероятно, что первые наконечники делались именно из него, а костяные появились позже, копируя уже сложившуюся форму. Дело в том, что форма оголовков стрел из памятника Веретье — весьма сложная в изготовлении, особенно мезолитическими орудиями. Её гораздо проще выполнить из дерева, а уже сложившуюся традиционную форму перенести на более твёрдый материал [2].

В мокром слое памятника Сертея II (Смоленская область), датируемом VII – VI тыс. до н. э., обнаружен хорошо сохранившийся деревянный дротик с деревянным наконечником, а также деревянный наконечник стрелы вместе с другими деревянными изделиями. Таким образом, бытование деревянных наконечников продолжилось и в неолите. Причём не только для луков, но и для метательных копий [6].

В алды-бельской культуре Тувы, в хорошо сохранившемся погребении подростка VII в. до н. э. содержится комплекс неутраченных органических предметов, в том числе и комплект стрел с наконечниками из бронзы, кости и дерева [5].

Имеются свидетельства эффективного применения английскими лучниками стрел без наконечников, в виде заточенных древков, во время Столетней войны (1337–1453 гг.) между Англией и Францией [1].

Во время раскопок на Таймыре (сезон 2017 года) Степановым Н. С. на памятнике «Диксон – Бухта Макарова 3» было обнаружено пять экземпляров деревянных наконечников стрел XVII века [4]. Три из них являются вполне традиционными деревянными таморами, а два представляют собой острые черешковые наконечники стрел: один ромбического сечения, второй овального. Размеры ромбического наконечника: длина 80 мм, ширина 15 мм, длина хвостовика 35 мм, длина пера 45 мм, толщина 5 мм. Размеры овального наконечника: длина 95 мм, ширина 15 мм, длина хвостовика 40 мм, длина пера 55 мм, толщина 15 мм. Стоит также отметить, что острия обоих наконечников обломаны, то есть

наконечники были несколько длиннее. Такие линейные размеры вполне соответствуют размерам костяных наконечников аналогичных форм различных исторических периодов.

Таким образом, традиция изготовления наконечников стрел из дерева существует на протяжении мезолита, неолита, палеометалла и нового времени.

Но, на наш взгляд, деревянные наконечники бытовали и использовались достаточно широко, несмотря на наличие гораздо более эффективных оголовков из материалов, превосходящих дерево по твёрдости. Однако в археологии дерево сохраняется плохо и крайне редко. Мы можем предположить наличие деревянных наконечников в тех случаях, когда колчанный набор неполный или сохранившихся пяток стрел в колчане больше, чем наконечников.

Кость и камень (как основной материал) лишь к РЖВ немного уступают место бронзе, но полностью так и не вытесняются из употребления вплоть до этнографической современности. Это напрямую свидетельствует о том, что архаичные технологии, основанные на более простых и доступных материалах, сохраняли важное значение очень длительное время при условии их потребительской достаточности. То есть — при способности такой технологии удовлетворять имеющемуся запросу, что в случае с наконечником, безусловно, означает «поражать цель».

Летом 2023 года авторами статьи был проведён следующий эксперимент с деревянными наконечниками.

Цели эксперимента

Наш эксперимент не ставил перед собой задачу доказать использование деревянных наконечников в древности и средневековье племенами северной Евразии (это задача для археологов).

Наша **цель** — доказать возможность или невозможность бытования таких наконечников и выяснить степень их эффективности, а также донести эту информацию до научного сообщества как возможно значимую.

Ход эксперимента

1. Было изготовлено 13 стрел с деревянными наконечниками из лиственницы, часть из которых копировала известные археологические образцы, часть подражала по форме наконечниками из кости и рога. Рогоз применялся для изготовления древков стрел, а натуральное перо – для оперения.

2. Для стрельб использовались луки, выполненные из современных материалов: «венгерского» типа мощностью 45 фунтов (20,41 кг) и типа «модерн лонг» мощностью 50 фунтов (22,68 кг).

3. В качестве мишени были установлены свиные ребра (без шкуры).

4. Стрельбы по мясу производились с целью демонстрации возможности поражения животных и человека деревянными наконечниками.

Часть стрел выбыла из участия в эксперименте по техническим причинам (прежде всего, это стрелы с наконечниками, не копирующими древние образцы, а изготовленные по их мотивам).

Фактически стрельбы проводились пятью стрелами. Всего было произведено 50 выстрелов (по десять каждой стрелой).

Результат эксперимента

Все наконечники, участвовавшие в эксперименте, показали хорошие пробивные свойства. При попадании в ребро они всегда проникали до основания древка, застревали на обмотке насада, а в некоторых случаях стрелы пробивали рёбра до оперения. При попадании

в мышцы пробивание было полным. Использовалось пять наконечников (пронумерованы в порядке убывания массы):

1. иволистный трёхгранный (масса 11 г, размер 10/1,5 см);
2. удлинённо-треугольный овальный (масса 9 г, размер 11/1,5 см);
3. удлинённо-треугольный трёхгранный (масса 8 г, размер 8/1,6 см);
4. треугольный трёхгранный (масса 7 г, размер 10/1,5 см);
5. удлинённо-треугольный трёхгранный (масса 7 г, размер 9/1,4 см).

Учитывались результаты десяти попаданий каждого из них по мясу (первая часть эксперимента) и кости – рёбрам толщиной 1–2 см (вторая часть эксперимента). В первой части эксперимента наконечник 1 показал пробой мяса на 10–30 см, наконечник 2 — 11–45 см, наконечник 3 — 12–53 см, наконечник 4 — 10–25 см, наконечник 5 — 10–55 см. Результаты второй части эксперимента: проникновение наконечника 1 в кость составило 5–17 см, наконечника 2 — 3–7 см, наконечника 3 — 15–30 см, наконечника 4 — 5–13 см, проникновение наконечника 5 в мясо — 6–17 см.

Выводы

Таким образом, деревянные наконечники стрел обладают достаточными проникающими свойствами и вполне могли использоваться на войне и охоте в случаях нехватки наконечников из других материалов. Заострить кусочек дерева можно при полном отсутствии инструментов и подручных материалов, просто зубами, не говоря уже о возможностях каменного или металлического инструмента. Поэтому использование дерева в качестве материала для наконечников стрел в определённых обстоятельствах представляется вполне логичным.

При стрельбе из луков средней силы (в пределах 20–30 кг) наконечник вполне эффективен для поражения средней и мелкой дичи на стандартных охотничьих расстояниях (для такого лука оно составляет до 30 метров). В диапазон средней и мелкой дичи попадает боровая и водяная птица, рыба, куньи, грызуны, псовые, олени. По сути, к дичи, на которую не рекомендуется охотиться с деревянными наконечниками, относятся крупные животные: медведь, росомаха, рысь, лось, марал.

В допороховой период была предпочтительна охота на мелкую и среднюю дичь, которая обеспечивает максимальное количество калорий в питании и минимальные риски на охоте [3].

Кроме этого, деревянные наконечники могли использоваться как тренировочные: для стрельбы по мягким (земляным или травяным) мишеням. Лучникам известно, что нужно иметь хороший запас тренировочных наконечников, потому что они увязают в мишени и застревают в дереве при промахе. Таким образом, на тренировках резонно заменить наконечники из дорогого железа на дешёвые деревянные.

При охоте наконечники регулярно теряются и в археологическом материале составляют категорию самых массовых изделий. Это свидетельствует об очень высоком уровне потерь наконечников при использовании и о неизбежной необходимости их удешевить.

Таким образом, помимо тренировочной функции, деревянные наконечники вполне пригодны для охоты. Пусть они и уступают оголовкам из более твёрдых материалов, однако предельно дёшевы и доступны.

Библиографический список:

1. Коул Г. Наконечники стрел XIV–XV веков. Межклубное объединение стрелков из английского длинного лука [Электронный ресурс] : URL: http://longbowclub.ru/lib_arrowheads.htm (дата обращения: 26.02.2024).

2. Мезолит СССР / Отв. ред. Л. В. Кольцов; авт. Н. О. Бадер, Н. Н. Гурина, П. М. Долуханов и др. — М. : Наука, 1989. — 352 с.

3. Панов Е. Н. Человек стреляющий. Как мы научились этому. — М. : Товарищество научных изданий КМК, 2019. — 438 с., ил.

4. Текущий архив ООО «Красноярская геоархеология». Научный отчёт по результатам проведённой в 2017–2018 годах археологической разведки на территории Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края. Том 10, иллюстрации. Выполнил Степанов Н. С. (открытый лист № 2058 от 22.09.2017).

5. Чугунов К. В. Курганы раннескифского времени могильника Копто и вопрос синхронизации алды-бельской и тагарской культур (pdf) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 37. — СПб : Государственный Эрмитаж, 2005. — С. 66–92.

6. Яковлева Ю. Археологи Эрмитажа откопали неолитический дротик в виде змеи [Электронный ресурс] : URL: https://www.fontanka.ru/2023/08/15/72598928/?from=yanews&utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 26.02.2024).

7. Schoch W. H., Bigga G., Böhner U., Richter P., Terberger T. New insights on the wooden weapons from the Paleolithic site of Schöningen // Journal of Human Evolution. October 2015. [Электронный ресурс] : URL: https://www.researchgate.net/publication/282658834_New_insights_on_the_wooden_weapons_from_the_Paleolithic_site_of_Schoningen (дата обращения: 26.02.2024).

И. С. Половников,
г. Новосибирск

Набор костяных орудий для обработки шкур первой половины I тыс. н. э. Хакасско-Минусинской котловины (по материалам коллекций Минусинского музея)

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

Освоение обширной и малопригодной для комфортной жизни территории Сибири напрямую связано со способностью древнего человека адаптироваться к суровым климатическим условиям. Это касалось не только охотников таёжной и тундровой зоны, но и населения степной и лесостепной части Среднего Енисея, которое занималось разведением скота и охотничьим промыслом в окружавших котловину лесных и горных массивах. Одной из форм хозяйственной деятельности была добыча шкур и мехов, поэтому выделение из археологического материала орудий труда, связанных с обработкой шкур, диктует необходимость изучения древних технологий.

По своей структуре шкура животного состоит из трёх слоев: тонкого слоя наружного эпидермиса, среднего слоя собственно кожи (дермы) и слоя подкожной клетчатки (мездры). Именно мездра заставляет кожу сжиматься и грубеть, поэтому требуется полное её удаление, для чего могли использовать различные приспособления.

По материалам раскопок скифских памятников Саяно-Алтая известно, что скотоводы и охотники выделывали меха как домашних (овца, коза, лошадь), так и диких (белка, соболь, горностай) животных. Шкуры овцы и козы, по-видимому, обрабатывались при помощи кислого молока и творога, а затем мялись руками. Шкурки мелких зверьков — соболя, белки, горностая — после очистки от жира, видимо, только разминались, без применения каких-либо химически действующих веществ [6]. Вряд ли стоит сомневаться в том, что аналогичные способы обработки шкур и кожи были и у населения Минусинских котловин.

Среди орудий труда первой половины I тыс. н. э. Хакасско-Минусинской котловины выделяются скребки-лопаточки. При всём типологическом разнообразии форм подобных изделий из кости и рога, зафиксированных в памятниках раннего железного века Евразии, они имеют ряд общих черт: миниатюрную рукоять и плоскую широкую рабочую часть, близкую к шпателям.

Помимо названия «скребки-лопаточки» для обозначения подобных изделий в научной литературе используются термины «лопатки-тупики», «шпатели-лощила».

Так, на косторезном материале ананьинской эпохи вятского края (I тыс. до н. э.) ряд исследователей выделяют изделия морфологически близкой формы и относят их к кожевенному производству (для снятия мездры со шкур и обработки кожи). Одним из первых отечественных исследователей на это обратил внимание А. А. Спицын [7]. Существуют различные предположения об их утилитарном использовании: в бортничестве (для очистки поверхности сот), как атрибуты ритуальной практики [1].

По результатам экспериментов, связанных с изучением косторезного материала, установлено, что скребки-лопаточки могли применяться в гончарном производстве (внешняя и частично внутренняя поверхность керамического сосуда подвергалась лощению (заглаживанию) на сухой основе, для придания сосудам большей водонепроницаемости). При этом ребро с приострённым краем (но без удаления одной из пластин компактного вещества) могли использовать в качестве стека для обработки керамики [2].

В настоящей работе представлены результаты сравнительного анализа технологических характеристик изготовления костяных и роговых скребков-лопаточек первой половины I тыс. н. э., происходящих как из археологических памятников, так и из числа случайных находок.

В фондах Минусинского краеведческого музея имени Н. М. Мартьянова насчитывается 40 подобных изделий из кости и одно из железа. При этом в таштыкских погребальных памятниках было обнаружено одно изделие (в склепе на Тагарском острове) [3]. Морфологически близкими изделиями можно считать лопаточки (ложечки) из поминальных сооружений из могильника Белый Яр 3 [4]. Однако их отличительной чертой является более узкая ручка с оформленным навершием.

По материалу изготовления скребки-лопаточки разделяются на две группы: костяные и железные (рис. 1). Типообразующим показателем выступает форма изделия. Критерием для разделения на варианты служит наличие или отсутствие сквозного отверстия на одном из концов орудия.

Группа 1 (материал – кость) включает шесть типов, каждый из которых делится на два варианта:

Тип 1 (2 экз.) – рабочий край вытянутой формы. Вариант 1 (1 экз.) – с отверстием, вариант 2 (1 экз.) – без отверстия.

Тип 2 (25 экз.) – рабочий край заострённой формы. Вариант 1 (10 экз.) – с отверстием, вариант 2 (15 экз.) – без отверстия.

Тип 3 (2 экз.) – рабочий край лопаточковидной формы. Вариант 1 (1 экз.) – с отверстием, вариант 2 (1 экз.) – без отверстия.

Тип 4 (6 экз.) – рабочий край овальной формы. Вариант 1 (1 экз.) – с отверстием, вариант 2 (5 экз.) – без отверстия.

Тип 5 (2 экз.) – рабочий край подпрямоугольной формы. Вариант 2 (2 экз.) – без отверстия.

Тип 6 (3 экз.) – естественная форма ребра. Вариант 1 (2 экз.) – с отверстием, вариант 2 (1 экз.) – без отверстия.

Группа 2 (материал – железо) включает один тип:

Тип 1 (1 экз.) – рабочий край вытянутой формы. Вариант 1 (1 экз.) – с отверстием.

Скребки-лопаточки выполнены из рёбер и трубчатых костей животных. В среднем ширина рабочей части варьируется в интервале 3–4,5 см. Большая часть изделий по форме напоминает шпатель. Несколько отличается лишь угловатая форма рабочих частей орудий, что связано с особенностями исходных заготовок. На многих предметах режущая кромка рабочей части имеет заострённую форму и несёт следы заполировки.

Анализируя косторезные предметы Саяно-Алтая, А. П. Бородовский выделил ряд технологических систем косторезной обработки [2]:

А. полное использование естественной формы сырья в конструкции изделия;
Б. частичное использование естественной формы в производстве;
В. использование сырьевых осколков для изготовления вещей;
Г. система раскроя и расщепления исходного сырья.

По результатам анализа коллекции Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова мы можем выделить лишь три из четырёх (Б, В и Г) технологических систем, что позволяет охарактеризовать технологическую цепочку изготовления скребков-лопаточек населения таштыкской культуры.

Изделия из рёбер

Согласно нашим наблюдениям, большая часть скребков-лопаточек изготовлена из рёбер крупных животных. Следует отметить, что естественная форма чуть выступающего края рёбер с уплощённым сечением использовалась для кожевенных стругов начиная ещё с эпохи бронзы [2].

В конструкции отдельных готовых предметов заметна естественная форма рёбер (рудименты) и/или губчатая структура костного вещества, позволяющая проследить технологическую цепочку их изготовления. Так, два экземпляра скребков (группа 1, тип 6, варианты 1 и 2) сделаны из обработанных рёбер (рис. 1).

Однако большая часть скребков-лопаточек создана по более сложной технологической схеме расщепления ребра на пластины (группа 1, типы 1–5 варианты 1 и 2). Наиболее подробно эту технологию разделки в эпоху раннего железного века описал А. П. Бородовский [2]. Пластинам придавалась общая форма, затем изделие дорабатывалось абразивом. Для подобной технологии использовались рёбра крупных животных. Более всего для этих целей подходили более широкие и плоские рёбра коровы.

Изделия из трубчатых костей

Помимо рёбер, для изготовления скребков также использовали и трубчатую кость (группа 1, типы 2 и 3, вариант 2). А. П. Бородовский обратил внимание на то, что технология разделки трубчатых костей раннего железного века строилась по нескольким системам раскроя и расщепления исходного сырья: расчленение кости после удаления одного из эпифизов; расчленение кости после удаления двух эпифизов; расчленение кости после удаления одного из эпифизов и разделения диафиза пополам; продольное расчленение целой кости. С первой половины I тыс. до начала II тыс. н. э. применялся метод расчленения кости после удаления одного из эпифизов и разделения диафиза пополам [2]. Основным техническим приёмом этой системы являлось «пунктирное» надрубание поверхности кости на будущие пластины. Такой способ позволял гарантировано получить не менее восьми стандартных костяных пластин. Также в качестве заготовок могли быть задействованы осколки от трубчатой кости.

Для изготовления скребков-лопаточек первой половины I тыс. н. э. в качестве

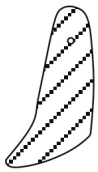
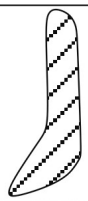
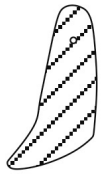
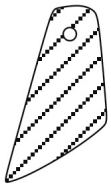
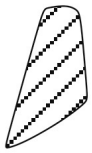
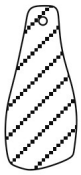
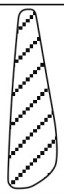
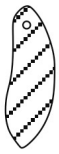
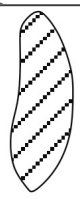
Группа 1		***Группа 2***
Тип 1		***Тип 1***
Вариант 1	*Вариант 2*	*Вариант 1*
		
Тип 2		
Вариант 1	*Вариант 2*	
		
Тип 3		
Вариант 1	*Вариант 2*	
		
Тип 4		
Вариант 1	*Вариант 2*	
		
Тип 5		
Вариант 1	*Вариант 2*	
Тип 6		
Вариант 1	*Вариант 2*	

Рисунок 1. Типологическая схема скребков-лопаточек из кости и железа.

инструментария использовали: *нож, сверло* и *абразив*. Технологическая цепочка могла выглядеть следующим образом:

− *разметка;*

− *создание заготовок;*

− *придание общего контура заготовкам с помощью строгального ножа и, вероятно, грубого абразива;*

− *сверление сквозных отверстий;*

− *окончательная шлифовка на завершающем этапе работы с лощилами.*

Наиболее близкие аналогии встречаются среди костяных предметов для обработки шкур из древнего святилища Усть-Полуй. Выделенный А. В. Гусевым тип 1, подтип 2.1 по форме и размерам близок к группе 1, тип 3 из коллекции Минусинского музея. Автор делает предположение, что их использовали при работе с тонкими шкурами, вероятно, пушных зверей [5]. Весь комплекс усть-полуйских предметов демонстрирует «универсальность» этих изделий, способных выполнять «весь спектр необходимых операций по грубому (первичному) и окончательному мездрению, удалению нанесённых жиров и даже, при необходимости, разминанию шкуры» [5].

В заключение стоит отметить, что исследованные изделия имеют сходство с усть-полуйским материалом и могли также иметь полифункциональное применение. Коллекция Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова позволяет говорить об устойчивой традиции изготовления скребков. Исходя из многочисленности этой категории изделий, это был основной тип орудий для обработки шкур в этот период. Они предоставляют важные данные о материальной культуре, технологиях и взаимосвязях с соседними культурами в исторической перспективе.

Библиографический список:

1. Ашихмина Л. Я., Черных Е. М., Шаталов В. А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (1 тыс. до н. э.). – Ижевск, 2006. – 220 с.

2. Бородовский А. П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). – Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 176 с.

3. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб : Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – 440 с.

4. Вадецкая Э. Б., Поселянин А. И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр 3. – Абакан : Хакасское книжное изд-во, 2015. — 210 с.

5. Гусев А. В. Набор костяных орудий для обработки шкур, по материалам святилища Усть-Полуй (Нижнее Приобье) // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2017. – № 1 (54). – С. 124–134.

6. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М. – Л. : 1953. – 402 с.

7. Спицын А. А. Приуральский край // Материалы по археологии восточных губерний России. – СПб, 1893. – Вып. 1. – 153 с.

РАЗДЕЛ III.
ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ СИБИРИ

У. С. Кикилова,
п. г. т. Шушенское

Конопля в традиционной культуре крестьян Присаянья (конец XIX – начало XX века)

Проблема сохранения и возрождения практически утраченных, но ценных данных о культуре питания сибирских крестьян кон. XIX – нач. XX в. напрямую зависит от используемых сегодня сельским населением Сибири форм природопользования [Евменова, с. 67]. В настоящий период можно считать утраченными целые направления в традиционной сельскохозяйственной деятельности. К таковым относится, прежде всего, разведение технических культур: льна и конопли [Белая, с. 50–56]. Это приводит к сужению перечня блюд в сложившемся рационе питания сибиряков. Естественное решение проблемы в виде возрождения, в том числе и в личных хозяйствах, разведения льна и конопли требует обобщения информации о существовавших до недавнего времени традициях разведения этих технических культур.

Присаянье – обширная горностепная территория, примыкающая к Саянскому нагорью. В настоящей статье будут рассмотрены традиции выращивания и обработки конопли, принятые в XIX веке на юге Енисейской губернии, в пределах юго-западных отрогов Саян. Культивирование льна и конопли крестьянами Присаянья в среднем течении реки Енисей фиксируется с перв. пол. XVIII в., однако активное разведение технических культур на этой территории начинается с XIX века, с завершением процесса освоения территории старожильческим населением [Верник, 2005]. Особенности технологии посева, сбора и обработки льна и конопли в Присаянье обусловлены, прежде всего, спецификой климатических условий и географического положения [Андюсев, с. 57]. Горные долины, окруженные тайгой северных склонов Западного Саяна, характеризуются наличием участков плодородных почв и сравнительно стабильными летними осадками, а также не пересыхающими в летний период водоемами и большим количеством рек [Ландшафты Средней Сибири...]. Источников о культивировании льна и конопли крестьянами Присаянья немного. Наиболее важная информация содержится в публикациях краеведов и исследователей XIX – перв. тр. XX века: Екатерины Алексеевны Авдеевой [Авдеева. 1837], Алексея Алексеевича Макаренко [Макаренко, 1913], Г. Пейзына [Пейзын, 1858], Михаила Фомича Кривошапкина [Кривошапкин, 1865], Нины Адамовны Миненко [Миненко, 1991].

Опыт сохранения и транслирования музейными средствами знаний о традиционных формах природопользования, в том числе о культивировании конопли в крестьянском хозяйстве, реализуется в Историко-этнографическом Музее-заповеднике «Шушенское» на протяжении нескольких десятков лет. В 1993 году музеем принимается концепция, предусматривающая в качестве основного направления деятельности – демонстрацию этнографических русских сибирских традиций [Концепция развития... 1993]. Источниковая база для изменения парадигмы музея с политико-идеологического учреждения на этнографический была достаточной. Этнографические коллекции музея насчитывают более 18 тысяч предметов. Условно эти коллекции можно поделить на две группы: дающие

представление о формах и способах хозяйствования сибирских крестьян и содержащие информацию о технологиях обработки растительных и иных органических материалов. Всего в фондах музея-заповедника хранится 3019 предметов этнографии из тканей и других органических материалов: коллекции скатертей – 745 предметов, изделия из ткани – 1837 единиц хранения, предметов из кожи, меха, шерсти – 437 предметов. Наиболее характерные предметы, связанные с технологиями использования растительных материалов: вентерь (ШМЗ-ОФ 2861), сеть (ШМЗ-ОФ 9510/1), мешок холщовый (ШМЗ-ОФ 4107), полотенце (ШМЗ-ОФ 7197 ТК 193), холст (ШМЗ-ОФ 7320), комплект половиков (ШМЗ-ОФ 8624/7). К предметам, используемым в качестве оборудования, инструментов и сопутствующего инвентаря для обработки конопли, относятся: мялка горизонтальная (ШМЗ-ОФ 3435), колотушка деревянная (ШМЗ-ОФ 1039), трепало (ШМЗ-ОФ 1130), щетка с металлическими зубьями, щётка щетинная (ШМЗ-ОФ 1706), прялка (ШМЗ-ОФ 7396). Кроме того, значительной ценностью обладают сведения о технологии и практике обработки конопли, а также фольклорные свидетельства, касающиеся народной гастрономии и рецептуры изготовления блюд с использованием конопли и её производных.

Исходя из имеющейся источниковой базы, можно сделать вывод об активном использовании конопли при изготовлении ткани, веревок и пакли. Конопля была важным материалом в земледельческих, скотоводческих и строительных традициях крестьян. Конопляное семя активно использовалось при изготовлении масел и различных блюд традиционной кухни. Ценность конопли как сельскохозяйственной культуры нашла свое отражение в экспозиции Музея-заповедника «Шушенское». Во флигеле усадьбы Аполлона Долмантьевича Зырянова представлен шабур. Это вид крестьянской одежды для прохладной погоды. Ткань для такой одежды изготавливалась из шерстяных и конопляных нитей. Конопляная рыболовная сеть из села Ирбейского Красноярского края, изготовленная в соответствии с традиционными технологиями в 1971 году, находится на усадьбе Василия Ивановича Потылицына. Здесь же вентерь для ловли рыбы нач. XX века из села Шушенского Красноярского края. При его изготовлении также были использованы нити из конопли. На усадьбе Пелагеи Степановны Контаревой под навесом представлены предметы, с помощью которых крестьяне обрабатывали коноплю на рубеже XIX–XX веков. Это мялка для обработки высушенной конопли, гребень для прочесывания размягченных волокон, самопряха для прядения полученного волокна.

Таким образом, выращивание и обработка конопли широко практиковалась крестьянами Присаянья. Ценность этого растения заключалась в возможности использования конопли как хозяйственного материала и пищевого продукта. Экспонаты и предметы хранения связаны с темой конопли из собрания Музея-заповедника «Шушенское» и указывают на то, что конопля использовалась всеми слоями крестьянского населения. В настоящее время практический смысл сохранения ценных технологических и фольклорных знаний о конопле не утрачен. Сегодня современными материалами можно заместить многие предметы, изготовленные из конопляного волокна, тем не менее пищевая ценность продуктов из конопли, доступность этого растения и легкость его обработки обеспечивают актуальность сохранения сведений о практическом опыте использования крестьянами Присаянья конопли.

Библиографический список:

1. Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. – М.,1837. – 156 с.

2. Андюсев Б. Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – нач. XX в. – Красноярск., 2006. – С. 57.

3. Белая А. И в пир, и в мир // Агроинвестор. № 5. – 2019. – С. 50-56.

4. Верник А. А. Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинского края (втор. пол. XIX – нач. XX вв.). – Красноярск., 2005. – 228 с.

5. Евменова Л. Н. Традиционная пищевая культура народов Сибири // Вестник славянских культур. Т. 48, 2018. – С. 67.

6. Концепция развития Государственного Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское». Шушенское., 1993. – 126 с.

7. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб: 1865. Кн. 1 – 2.

8. Ландшафты Средней Сибири. Провинция Присаянье // http://ecosystema.ru/08nature/world/geoussr/3_2_2.html#3_2_2_11 (дата обращения 15.05.2023)

9. Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб, 1913. – 163 с.

10. Миненко, Н. А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII – перв. пол. XIX в. Новосибирск, 1991. 210 с.

11. Пейзын Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении // Записки Сибирского отдела РГО, 1858. Кн. V. – С. 155-156.

Е. Л. Кривоносова
г. Абакан, Республика Хакасия

Выбор направления и проектные работы строительства Ачинско-Минусинской железной дороги

XIX в. ознаменовался социально-экономическим прогрессом после изобретения паровой машины. В свою очередь паровые двигатели повлекли изобретение пароходов и паровозов. Они снизили стоимость доставляемых товаров и время перемещения корреспонденции и людей.

Особую актуальность это обстоятельство имело для Российской империи с её огромными территориями. В начале 1830-х гг. начинают осознавать значимость железных дорог. В условиях развития капитализма в стране начинается строительство железнодорожной сети. В 1865 г. создано Министерство путей сообщений. Обширные территории Урала, Сибири, среднеазиатских республик и Дальнего Востока практически до начала нового столетия не были включены в этот процесс. Лишь в 1891 г. начал строиться Великий Сибирский Путь, который завершился в 1916 г. На рубеже XX в. началось строительство стальных магистралей на окраинах империи. Массовое железнодорожное строительство, его высокая стоимость требовали привлечения частных капиталов.

Важным фактором развития транспортной инфраструктуры в России были частные железные дороги. По данным исследователя из РГГУ Сенина А. С., на 1 января 1881 г. в казённом управлении находилось лишь 1133 версты (1208 км), что составляло 5,5 % протяжённости всей сети. К 1901 г. соотношение стало обратным, и протяженность казенных дорог составляла уже 33 813 вёрст (36 071 км), или 69,6 % всей сети [8, с. 307].

Тем не менее начиная с 1907 г. в стране было создано 29 акционерных обществ для строительства 350 железных дорог магистрального значения, а также местных линий и подъездных путей нормальной колеи [1, с. 349]. К моменту октябрьской революции 1917 г. в России было 58 акционерных обществ по эксплуатации и строительству железных дорог. Активно развивалось так называемое железнодорожное предпринимательство. Наш регион не стал исключением.

В 1906 г. на общем совещании о развитии и улучшении путей сообщения в Сибири

в г. Иркутске под руководством генерал-губернатора А. Н. Селиванова обсуждался план соединения г. Минусинска с Великим Сибирским под названием Минусинской железной дороги. По мнению собравшихся, эта железная дорога должна была иметь колонизационное, промышленное, торговое и государственное значение. Она получила статус желательноой, т. е. второстепенной [6, с. 28]. У проекта соединения г. Минусинска с будущим Транссибом было много сторонников, которые разделись на два лагеря: одни выступали за выход Минусинской линии к Сибирской железной дороге в районе г. Канска, другие – в районе г. Ачинска [7, с. 257].

Минусинской городской Думой по приказу генерал-губернатора Восточной Сибири также было созвано совещание о путях сообщения. «Большинство собравшихся высказались за проведение ж-д на Канск: ″там много гор, а значит много ископаемых богатств″. Я стала изучать экономику края и задумала взяться за проведение Ачинск-Минусинской ж-д… В Минусинской гор. думе поддержки не нашла, а в Ачинской охотно откликнулись» [3, Л. 2], – так пишет в своих воспоминаниях Вера Арсеньевна Баландина.

Заинтересованность семьи Баландиных в открытии удобного всесезонного пути сообщения связана с тем, что они владели месторождениями каменного угля в Минусинском крае и промышленно их разрабатывали. Как известно, это было время промышленной революции, время паровых двигателей, для работы которых был необходим каменный уголь. Вера Арсеньевна в своей автобиографии писала так: «Как я искала каменный угль? Осмотрела месторождение по р. Тубе – уголь слабый. Плавали по р. Абакан и на лодке на Изыхские копи, но убедилась, что доставка оттуда невозможна. Тогда задалась вопросом: где должны пролегать угольные пласты? Вспомнила лекции профессора И. В. Мушкетова о внешних признаках на поверхности глубоких залежей. Перечитала все подходящее в библиотеке. Снарядили маленькую изыскательную партию. На обширных пространствах Абаканских степей обнаружила мощное месторождение каменного угля (до 14 млрд. пудов) хорошего качества. Я назвала его Черногорскими копями (по-хакасски «Каратигей» значит «Чёрная гора»). Теперь там город Черногорск».

По её поручению в 1906 г. С. К. Окулов, который вскоре стал управляющим Черногорским рудником, состоящим из трёх шахт, провёл исследования и выявил пять угольных пластов с рабочей максимальной мощностью до 5 м.

В 1907 г. продолжилась разведка и была начата промышленная добыча угля. Она находилась в руках организованной супругами Баландиными частной «Черногорской каменноугольной компании» в виде товарищества на вере с основным капиталом в 140 000 руб. Предприятие состояло из 31 заявки, каждая из которых составляла 4 кв. версты для разработки полезных ископаемых на казённых землях. Оно располагалось в Абаканской инородческой управе Минусинского уезда.

Основными потребителями угля компании были Сибирская железная дорога, казённое пароходство, речная полиция, заводы для дистилляции, кирпичеделательная фабрика, контрагенты по постройке Сибирской железной дороги, Енисейское пароходство, красноярский пивоваренный завод, рудник «Юлия», соляные заводы, минусинский пивоваренный завод и прочие.

Три года шло рассмотрение проекта межведомственной комиссией по выработке плана железнодорожных изысканий при Министерстве путей сообщения. Лишь в 1909 г. она одобрила строительство железной дороги. Высочайшее разрешение было выдано 30 апреля 1910 г. кандидату естественных наук Императорского С.-Петербургского университета А. А. Баландину. Разрешалось провести за его счёт изыскания широколинейной же-

лезнодорожной линии от города Минусинска Енисейской губернии по направлению на оз. Шира, к станции Итат Сибирской железной дороги.

По инициативе и на средства А. А. Баландина и В. А. Баландиной в мае 1910 г. начались изыскательские работы под руководством инженера Григория Васильевича Адрианова из Санкт-Петербурга по строительству Минусинской железной дороги, которая должна была способствовать увеличению сбыта угля. Изыскания проводились в 1910–1911 гг. В результате по экономическим соображениям железная дорога начиналась от станции Ачинск Сибирской железной дороги, расположенной на берегу р. Чулым (приток Оби). Это позволяло связать территории бассейнов рек Енисей и Обь. Последняя, как указывалась, имела от своего устья прямое морское пароходство в Англию. А также сокращала пробег в направлении преобладающего движения грузов из рассматриваемого района на Восток [2, с. 1].

Выбор направления для соединения Минусинска с Ачинском был детально исследован, так как он вызывал много вопросов. Минусинск с населением 14 тыс. чел. находился на протоке, впадающей в Енисей на восточной стороне, а основная линия будущей дороги располагалась по западному берегу от русла реки. То есть для непрерывного рельсового пути потребовался бы мост через Енисей не менее 350 сажень (746,76 м) и стоимостью около 3 млн. руб. Переход р. Енисей мостом рассчитывался в трёх верстах (3200,4 м) ниже села Усть-Абаканское, находящегося при впадении реки Абакан в Енисей. Именно в том пункте, где был перевоз и правый берег Енисея носит название «Майдашинский», в 12 вёрстах от Минусинска.

В другом варианте указывался путь проектирования перехода Енисея у дер. Перевозной, город был бы удалён на 75 вёрст и встречал бы р. Тубу.

Конечным пунктом проектируемой железной дороги предлагалась станция «Енисей-Минусинский» на западном берегу Енисея в 2 верстах от с. Усть-Абаканское и 15 верстах от Минусинска.

Сложности также вызывало преодоление отрогов Абаканского и Сонского горных хребтов. Выбрано было направление от Ачинска до дер. Сонской западнее озёр Билио (Билё), Иткуля и Шира. Затем по направлению к дер. Ербинской, где недалеко строится медеплавильный завод Товарищества «Владимир Алексеев в Москве» на верховьях реки Улень.

Затем линия планировалась по водоразделу между рр. Ерба и Сухая Тесь, впадающей в Енисей. Через русло р. Коксы и Биджи. Через с. Бородино в пониженную седловину хребта Куня. На 338 версте, между Куней и Енисеем линия должна была проходить вблизи Черногорских угольных копей, пересекая виадуком узкоколейную железную дорогу, по которой возится уголь к пристани на Енисей.

Учитывались при трассировании линии уклоны, кратчайшие линии, перепады, расположение вблизи промышленных центров, обеспеченность пресной водой и строительными материалами. Также рассчитывались устройство полотна, искусственные сооружения, сторожевые дома и казармы, пропускная способность железной дороги.

Действительная длина дороги составляла 393,42 версты с пропускной способностью 9 пар поездов в сутки и открытием разъездов с возможностью передвижения 16 пар воинских поездов в сутки.

В феврале 1911 г. направили в Министерство финансов ходатайство о разрешении образовать акционерное общество для постройки и эксплуатации железнодорожной линии от станции Ачинск до станции Енисей Минусинский протяжённостью 395,5 версты и стоимостью 27 085 412 руб. [6, с. 28].

Когда уже была закончена записка об экономическом положении района Минусинской

железной дороги и её вероятного грузооборота, добавилась вторая часть, в которой давались обоснования дополнительной необходимости 1 пары почтово-пассажирских поездов, состоящей из 5 вагонов, и 4 пар товарных поездов из 16 товарных вагонов (900 пуд.) в сутки. Эта часть пояснительной записки была закончена Адриановым 15 апреля 1911 г.

Хотелось бы напомнить, что Григорий Васильевич Адрианов (1859–1918[?]) – потомственный дворянин, известный русский инженер путей сообщения, один из проектировщиков и создателей Транссиба. Выпускник Института инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге, Императорской Военной академии. Служба в подразделениях Министерства путей сообщений (МПС) носила военизированный характер.

Также в 1911 г. была опубликована «Записка об экономическом положении района Минусинской железной дороги и её вероятном грузообороте», составленная В. В. Никольским и Л. К. Чермаком.

Всеволод Васильевич Никольский (1875-1943) – экономист, статистик, гносеолог. В 1902 г. окончил математическое отделение физико-математического факультета Московского университета. С 1900 г. на службе в Статистическом бюро Тульской губернии. Занимался земской и городской статистикой. Выполнял статистические исследования по заказу министерства финансов. С 1911 г. по приглашению Министерства путей сообщения организовал работы по экономическому исследованию внутренних водных путей, которыми он руководил вплоть до 1920 г. в качестве председателя секции водного хозяйства Финансово-экономического совета при Комитете государственных сооружений [4, с. 118].

Лев Карлович Чермак (1862-1941) – российский экономист и статистик. Окончил курс в Петровской земледельческой академии; был приглашён земством Санкт-Петербургской губернии для исследования частновладельческого хозяйства. По поручению Министерства земледелия и государственного имущества работал над исследованием Степных областей. Исследовал экономическое положение района Черноморско-Кубанской железной дороги.

В этой Записке даётся подробное экономическое описание местности: климат, водные ресурсы, население, пути сообщения, торговля, земледелие района будущей железной дороги, состояние других отраслей сельского хозяйства: скотоводства, пчеловодства и прочее. В целом сводный статистический обзор Ачинско-Минусинского района и его перспектива.

Министерство финансов организовало проверку предоставленных данных, а также обратилось к Иркутскому генерал-губернатору с вопросом о необходимости строительства железной дороги. 10 января 1912 г. товарищ министра финансов получил телеграмму следующего содержания: «Направление линии Минусинск – Ачинск поддерживаю: первое, она является необходимой к магистрали питательной ветвью из хлебородного и горнопромышленного уезда; второе, упрочит торговые сношения с Монголией, издавна тяготеющей отношениями с Россией в этом направлении; третье, даст строящейся со значительными расходами Казны и имеющей несомненно стратегическое значение Усинской грунтовой дороге необходимый выход на магистраль; четвёртое, могущие быть возражения противопоставлением проекту Семипалатинск – Минусинск – Канск по отдалённости и технической спорности осуществления этого проекта не должны влиять на принятие оправдываемого требованиями настоящего времени проекта Минусинск – Ачинск» [6, с. 289].

Далее вопрос о сооружении Ачинско-Минусинской железной дороги разбирался в Комиссии о новых железных дорогах несколько раз: 14, 18 и 20 февраля 1912 г. Положитель-

ное заключение комиссии было получено только 24 августа 1912 г. Устав железной дороги Ачинск – Минусинск был зарегистрирован. Это послужило основанием к образованию 29 октября 1912 г. акционерного общества «Ачминдор». «Его императорское величество воспоследовавшее положение во Втором Департаменте государственного Совета, об образовании Общества Ачинско-Минусинской железной дороги, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить» [9, СТ. 6751-6783]. Вся деятельность общества расписана в 49 параграфах на 33 страницах Устава. Общая протяжённость дороги в нём указывается в 451 версту. При составлении окончательного исполнительного проекта сооружаемой железной дороги обществу разрешалось изменять с разрешения МПС протяжённость дороги, но удлинять не более 6 % от её общей изменения не противоречили утверждённым МПС техническим условиям и не вызывали увеличение стоимости.

В 1914 г. была подготовлена и издана еще одна «Пояснительная записка к проекту линии Ачинск – Енисей Минусинский». В ней был добавлен помимо проекта дороги Адрианова, названной восточным вариантом, ещё и западный вариант Ачинск, Копьёво, Туим, Сон, Уйбат с конечной станцией Енисей Минусинский. Затем линия поворачивает на юго-восток и пересекает р. Абакан мостом отверстием 225 сажень, следует вольным ходом по небольшому косогору и подходит к р. Енисей, которую пересекает у улуса Подсиний с мостом отверстием 225 сажень, где расположится станция Минусинск, конечный пункт дороги, при будущем её развитии, находясь в 1,5 верстах от города Минусинск [5, с.13].

Рассматривался еще и так называемый серединный Кутень-Булукский вариант. Он должен был пройти по долине Салбыкской степи, между реками Бюря, Уйбат и Енисей.

В заключение этого Проекта делается вывод, что Западный вариант будет дороже на 500 тыс. руб., хотя Восточный меньше по длине на 12 вёрст. В свете перспективного строительства Южно-Сибирской железной дороги Орск-Канск, где линия трассируется от Кузнецка до Усть-Бюра, западное направление имеет государственную выгоду [5, с.19].

Судьбу трёх проектов будущей железнодорожной магистрали решала Минусинская городская Дума под председательством городского головы П. А. Бахова. На заседании, состоявшемся 9 сентября 1913 г., присутствовал представитель акционерного общества «Ачминдор» инженер Мушкин. Он представлял окончательный вариант линии будущей железной дороги, так называемый Западный путь. Гласный Солдатов интересовался, в каком положении находится вопрос о строительстве мостов. Было пояснено, что этот вопрос будет решаться главным инженером Б. А. Перловым в Петербурге. Лопатин предлагал Думе голосовать за вариант инженера Адрианова с мостом у Майдашей – Восточный путь. Дума проголосовала за Западный, при условии немедленного начала постройки енисейского и абаканского мостов. Этот вариант был признан удовлетворяющим нужды города.

Были объявлены тезисы этого решения: 1. Железная дорога подходит к городу в том месте, где нет строений, что удешевляет строительство железнодорожных путей и вокзала. 2. Проведение железной дороги через реки Абакан и Енисей даст возможность населению этого междуречья пользоваться круглогодично этим путём. 3. Город сохранит роль перевалочного пункта между железными дорогами Тобольской и Ачинско-Минусинской. 4. Расположение станции не нарушает планов развития города. 5. Данный путь свяжет Минусинск с Южно-Сибирской магистралью [6, с. 300].

Михаил Иванович Мушкин (1869-?) – техник путей сообщения, самарский дворянин. Работал на постройке Забайкальской, Амурской железной дороге. Выпускник Самарского реального училища, выдержал испытания при Институте путей сообщения имени императора Александра I. Приступил к работе в МПС в 1890 г. С мая 1910 г. причислен к Управле-

нию по сооружению Сибирской железной дороги. Приказом по МПС освобождён с 1 июля 1913 г. от службы, а с 10 апреля 1914 г. уволен [10, с.117]. В памятной книжке Енисейской губернии за 1915 г. он указан в качестве техника IX дистанции 5 участка в с. Усть-Абаканское на линии общества Ачинско-Минусинской железной дороги, начальник участка Михаил Николаевич Кошурников.

Таким образом, на протяжении нескольких лет решался вопрос выбора направлений и проектирования Ачинско-Минусинской железной дороги, строительство которой впоследствии было заморожено в связи с Первой мировой войной. Она была достроена уже в Советское время и стала мощным фактором экономического развития южно-сибирского региона, позволив перевозить грузы и пассажиров.

Библиографический список:

1. Андреева Т. И. Частные железные дороги азиатской России как фактор модернизации экономики в конце XIX – начале XX в. // X Международный Сибирский исторический форум «Сибирь и Россия: история и культура». – М.: Издательство «Перо», 2023. – Мб [Электронный ресурс] С. 349.

2. Адрианов Г. В. Изыскания Минусинской железной дороги на средства Ал-ра Ал-вича и Вер. Арс. Баландиных 1910-1911 г.: Пояснит. записка к проекту. – СПб.: Тип. Лурье и К°, 1911. – 18 с.

3. ГАКК. Ф. П-1067. Оп.1. Д. 333. Л. 2.

4. Дмитриев А. Л. В. В. Никольский и оценочное дело // Финансы и бизнес, Том 15, № 2, 20.06.2019. – С. 118.

5. Пояснительная записка к проекту линии Ачинск – Енисей Минусинский / О-во Ачинск-Минусинской ж. д. – Красноярск : Типография т-ва под фирмою «Электро-типография Н. Я. Стойковой», 1914. – С. 36.

6. Репинецкий А. И. Проектированние и строительство железной дороги Ачинск – Минусинск (по материалам Российского государственного архива в г. Самаре) // Самарский архивист. 2022. № 4. – С. 26-36.

7. Сафронов С. А. К истории проекта Ачинско-Минусинской железной дороги в начале XIX в. // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2004. № 6. – С. 257–260.

8. Сенин А. С. Частные или казённые: 175 лет дискуссий о форме собственности и способах хозяйствования на железных дорогах России. // Труды по россиеведению. – 2012. № 4. – С. 307.

9. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате [Издание официальное]. – СПб. 1912 год. [N 175], Отдел второй. Первое полугодие. СТ. 6751-6783

10. Хобта А. В. Инженеры Транссиба (конец XIX – начало XX в.). Часть 2 : историко-библиографические очерки / А. В. Хобта, Т. Н. Гордиенко. – Москва : УМЦ ЖДТ, 2023. – 388 с.

А. А. Ойдупаа,
г. Кызыл, Республика Тыва

Спецкомендатура министерства внутренних дел Тувинской Народной Республики в 1930–40-е гг. XX в.

Музей политических репрессий в Туве располагается в деревянном историческом здании по адресу г. Кызыл, ул. Комсомольская, 5, построенном в 1914 г. Город у места слияния Большого и Малого Енисея в то время назывался Белоцарском. Одноэтажный дом был одним из первых зданий, построенных в те годы, на одной из первых улиц города – Смычка, ныне это улица Комсомольская. Этот музей является единственным в Туве местом памяти жертв политических репрессий. Сейчас это здание зарегистрировано

в Едином государственном реестре недвижимости в числе внесённых 17 особо охраняемых территорий объектов культурного наследия регионального значения, где расположены здания и памятники, имеющие в первую очередь историческую ценность [12]. Неподалёку сейчас находится памятник «Непокоренному арату» в память о жертвах политических репрессий, а также Аллея памяти, на которой ежегодно к 30 октября устанавливаются монументы всем обвиняемым и расстрелянным руководителям ТНР по «делу девяти» 1938 года. На Аллее памяти установлено пять бюстов: Сата Чурмит-Дажы, Хемчик-оол Адыг-Тюлюша, Оюн Танчая, Оюн Сенгиижика, Куулар Сунгар-оола.

Здание нынешнего музея политических репрессий в 1930-е гг. использовалось как здание спецкомендатуры Министерства внутренних дел Тувинской Народной Республики (МВД ТНР) для расследования дел по политическим мотивам. В рассматриваемую эпоху (1930–50-е гг. XX в.) политического террора именно здесь чинились расправы над несколькими руководителями ТНР, именно здесь выбивались из них нужные показания о причастности к «прояпонскому контрреволюционному заговору против молодой республики» и здесь же фабриковались самые крупные в истории республики «расстрельные дела» [4, с. 198]. В соседнем здании располагался суд, куда арестованных после допроса отводили по подземному тоннелю.

Политические репрессии в Тувинской Народной Республике (ТНР) были связаны прежде всего с советским влиянием на Туву и резкой сменой политического курса государства. Политические силы внутри страны по-разному распределяли ее дальнейшее развитие. Одни стояли за сохранение традиционных хозяйства и культуры, другие выступали за построение социализма путём ликвидации феодалов как класса и проведение сплошной коллективизации. В своих руководящих указаниях и рекомендациях представители ВКП (б), Коминтерна, советники и инструкторы из СССР постоянно требовали введения непримиримой классовой борьбы и ликвидации класса феодалов. Эти идеи хорошо освоили выпускники Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), такие как С. Тока, О. Шагдыр-Сюрюн, О. Полат, Т. Сат (Камова), О. Достай-оол, Н. Товарищтай и др. [4, с. 198].

В 1925 г. в ТНР создаётся первый и главный карательный орган власти, задачей которого было предотвращение государственных преступлений и контрреволюционных движений – УГВПО (Управление государственной внутренней политической охраны). Была принята на внеочередном заседании ЦК ТНРП 17 июля 1925 г. [10, с. 107]

Осенью 1925 г. на IV Великом Хурале было сформировано Положение о первом карательном органе для решения следующих задач: наблюдение за политическим положением в республике; борьба с политическим и уголовным бандитизмом; борьба с политической и экономической контрреволюцией; борьба с военным, политическим и экономическим шпионажем; борьба с должностными и другими преступлениями; охрана государственных границ и борьба с контрабандой. Начальником УГВПО стал Сат Чурмит-Дажы, будущий руководитель Правительства ТНР и одна из жертв политрепрессий в Туве. На УГВПО возлагались репрессивные функции по выявлению «бандитов», «контрреволюционеров», «шпионов» среди населения. В июне 1930 г. был принят первый уголовный закон – Уголовное уложение.

Одним из первых исследователей в области изучения репрессий в Туве, результатом которого стала фундаментальная диссертационная работа «Политические репрессии в Тувинской Народной Республике в 1921–1944 гг.» в 2019 г., стал к. и. н. Оттук Юрьевич Иргит. Так, молодой учёный в своём труде отмечает, что «уже в 1936 г. были осуществлены первые шаги в организации массовых репрессий в Туве. На смену УГВПО пришло МВД

ТНР, и это не просто смена названия. Новая организация обладала большей властью, её сотрудники работали совместно с НКВД СССР. Был создан новый внесудебный орган – судебная коллегия МВД, которая обладала всеми полномочиями для вынесения приговора всем «врагам народа». Как и «тройки» НКВД СССР, судебная коллегия МВД ТНР выносила приговор заочно. Салчак Тока (первый секретарь Тувинского Обкома КПСС, бессменный руководитель Тувы на протяжении 41 года – прим. авт.) и Оюн Полат стояли за созданием мощной карательной организации, которая запустит новый виток массовых политических репрессий по всей Туве. Началась тайная подготовка крупных дел против «контрреволюционных организаций», ключевыми фигурантами которых должны были стать видные политические и общественные деятели, составлявшие оппозицию власти ЦК ТНРП» [2]. К 1937 г. закончился подготовительный период начала массовых репрессий. Сотрудники МВД занимались выявлением членов контрреволюционной организации и её лидеров в Туве, при поддержке советников НКВД СССР. В раскрытии и расследованиях деятельности «прояпонских шпионов» принимали участие первый министр МВД ТНР Оюн Полат и его заместители: Намчак, Мандараа, Ензак, Артас, Парчын. Активными были также оперативные уполномоченные: Моламдай, Ойдуп, Шыдыраа, Тыртый-оол, Танзын-оол, Седен, Пюрюна, Дукур-оол; советники из НКВД СССР: Н. И. Степунин, И. П. Рогов, А. М. Ечкалов, Г. Ф. Васеин, С. Д. Барановский, А. А. Дубинин и А. С. Терещенко. Так сталинская линия карательной политики стала главной целью деятельности министерства внутренних дел Тувинской Народной Республики [1, с. 6].

Для оправдания массовости контрпреступлений МВД ТНР заводили немало искусственных групповых дел. Иргит О. Ю. пишет по этому поводу следующее: «В период с 1937 по 1938 г. МВД ТНР было возбуждено 56 уголовных дел на 85 человек по политическим мотивам, в том числе 12 групповых дел на 41 человек. Все дела были закончены следствием и обвиняемые осуждены, из них к смертной казни через расстрел — 13 человек, из которых 5 человек впоследствии были помилованы, а к различным срокам наказания было осуждено 63 человека, 2 человека умерли в тюрьме в ходе предварительного следствия, 3 человека были оправданы» [2].

В МВД ТНР в 1937–1944 гг. концентрировались компрометирующие материалы. В «строго секретной» докладной записке «О работе МВД ТНР» от 1 мая 1944 г. перечислены следующие.

Контрреволюционные выступления и «заговоры» в ТНР: «заговор», возглавляемый Буян-Бадыргы и Дондуком (1928–1929 гг.); восстание в западных районах (1930 г.); контрреволюционный заговор Талаа-Сюрюна (на территории Тес-Хемского кожууна); повстанческая группа лам Ак Хуртен и Шокар Идам в сумоне Хендерге; русские белобандитские и кулацкие восстания (1930 г.).

Активно действующие контрреволюционные группы в Тере-Холе и Тес-Хеме (1932 г.); Дус-Датская, Солчурская повстанческая прояпонская организация Тамдын-Лама и Токпак-оола численностью более 100 чел. (1935 г.); Тесская и Бай-Хольская (56 чел.) организации (обе в 1935 г.); группы Найын-Мээрена и Шагдыра; организация во главе с Чурмит-Дажы (1938 г.) [2; 4, с. 200].

Согласно неполным данным, по политическим статьям в годы репрессий было осуждено 1214 чел. (930 из них впоследствии реабилитированы, 131 дело на 322 чел. направлено на пересмотр вынесенных по ним решений в прокуратуры Республики Тыва и Российской Федерации). Генеральный секретарь ЦК ТНРП С. К. Тока говорил 31 июля 1938 г. на Президиуме ЦК: «… наша задача – повышать… политическую бдительность…, овладевать хорошим слухом, прекрасным нюхом. Помнить, что немало шпионов среди иностранцев,

проживающих у нас в Туве» [7, с. 55]. Среди репрессированных граждан ТНР, а затем и СССР было 830 тувинцев, 305 русских, 30 монголов, 20 китайцев, 12 корейцев, 4 латыша, 2 украинца, 3 калмыка, 3 хакаса, а также бурят, алтаец, белорус, мордвин, немец, еврей, поляк и болгарин. По делу Чурмит-Дажы, к примеру, проходили 9 обвиняемых, столько же – по так называемым Улуг-Хемскому и Тере-Хольскому делам, 16 – по Сут-Хольскому, 18 – по Аянгатинскому и 52 – по Туранскому [4, с. 200].

Таким образом, репрессии 1930–1950 гг. в ТНР – трагическая страница новейшей политической истории Тувы. Причины репрессий неоднозначны. Их нельзя сводить только к деятельности одного человека, ЦК ТНРП или МВД ТНР. В той или иной степени в них повинна определённая часть населения. В обстановке гражданского противостояния эти люди писали доносы, анонимные письма, которые служили формальным основанием для возбуждения уголовных дел, а потом и репрессий. Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что молодые политические силы ТНР, проникшиеся идеями мировой революции во время учёбы в СССР и МНР, строили новое общество под лозунгом «Цель оправдывает средства», который являлся для них своеобразной индульгенцией. В высшем руководстве ТНРП этот лозунг служил призывом к борьбе партии за первенство в системе власти и объективно направлял развитие государственности к реалиям партократии во главе с лидером ТНРП.

Библиографический список:

1. Аранчын Ю. Л. Долгий путь к правде (к истории возникновения судебного процесса 1938 г. в Туве). // Тувинская правда. –1990. Февраль. № 49.

2. Иргит О. Ю. Политические репрессии в Тувинской Народной Республике в 1921–1944 гг.: дисс. работа на соискание уч. степени канд. ист. наук. – Иркутск, 2019. – 213 с.

3. Иргит О. Ю. Фотографии В. П. Ермолаева как важный исторический источник о репрессиях в Туве. // Ермолаевские чтения. Материалы III научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. – 2019. – С. 176–180.

4. История Тувы : [в 3 т.. Т. 2 / М. Х. Маннай-оол, В. Д. Март-оол, Н. М. Моллеров и др.] ; под общ. ред. В. А. Ламина ; Тувинский ин-т гуман. исслед.. – Новосибирск : Наука, 2007. – С. 198–207.

5. Кириллов В. М. История репрессий и правозащитное движение в России : Учебное пособие. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 1999. – 120 с.

6. Конквест Р. Большой террор. Книги 1 и 2. Перевод с англ. Л. Владимирова. – М. : Изд-во «Ракстниекс», 1991. – 416 с.

7. Культ личности и политические репрессии в Туве. Под ред. М. Б. Достак-оола. – Кызыл : Тув. книжн. изд-во, 2003. –144 с.

8. Ламажаа Ч. К. Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. – СПб : Алетейя, 2010. – 208 с.

9. Ондар Е. М. Оюн Оюнович Полат – государственный деятель Тувинской Народной Республики // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. – 2014. № 1 (20). – С. 34–38.

10. Ооржак Ш. С. История здания Музея политических репрессий в Туве // Ермолаевские чтения. Материалы IV научно-практической конференции. – Кызыл, 2020. – С. 107–111.

11. Ооржак Ш. С. История развития Тувинского общества «Мемориал». // Архив: история и современность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 90-летию Национального архива Республики Тыва. Ответственный редактор Б. В. Мунге. – Кызыл, 2020. – С. 119–120.

12. В Кызыле в реестре 17 территорий культурного наследия [Электронный ресурс] : Тува-онлайн. URL:http://www.tuvaonline.ru/2017/04/27/v-kyzyle-v-reestre-17-territoriy-kulturnogo-naslediya (дата обращения: 27.04.2017).

Д. В. Мариловцев
г. Енисейск

Нереализованные проекты Енисейска: железная дорога Ачинск – Енисейск

Огромные пространства Российской империи (одна шестая часть суши земного шара) предопределили первостепенное значение транспорта в России. Накануне I Мировой войны транспортный комплекс страны был представлен гужевым, речным, морским и железнодорожным транспортом. Сеть перевозок была сконцентрирована в основном в европейской части страны. Здесь к 1914 г. находилось 25 % железных дорог, 65 % внутренних судоходных путей и почти все дороги с твёрдым покрытием, а также самые крупные морские порты [1, л. 12]. Неравномерность обслуживания транспортом различных районов страны, разный уровень технического развития его отдельных видов, наконец, противоречивое влияние политики правительства на модернизацию отдельных его видов затрудняли планомерное использование транспортной системы.

Главным же видом российской транспортной системы этого времени являлся железнодорожный транспорт. Россия занимало второе место в мире по протяжённости железнодорожной сети, уступая только США. Однако ввиду огромных пространств внутри страны Россия уступала другим державам по густоте железнодорожных линий. В европейской части России в 1913 г. на 100 кв. км приходилось всего 1,1 км железных дорог, в то время как во Франции – 9,4 км, в Германии – 11,9 км, Великобритании – 12,1 км. [2, л. 58] Причины слабости нашей железнодорожной сети следует искать в истории железнодорожного строительства, которое шло крайне неравномерно и не соответствовало росту производительных сил страны.

Понимая необходимость увеличения количества и качества железнодорожной структуры в Сибири и на Дальнем Востоке, Россия реализует амбициозный план по постройке Трансибирской магистрали, или, как ее тогда называли Великого Сибирского Пути, – железной дороги между Челябинском и Владивостоком, соединившей европейскую часть России с крупнейшими восточносибирскими и дальневосточными промышленными городами. При строительстве Транссиба параллельно шло проектирование локальных железных дорог, в том числе и в Сибири. Одна из таких дорог должна была появиться ещё в сословное время между городами Ачинск и Енисейск.

С 1906 года начинается активное обсуждение, а затем и практическая деятельность по осуществлению этого проекта. Проходят уездные совещания в Енисейске, Минусинске, Ачинске, Канске и Красноярске по вопросу создания железнодорожных линий, самой важной из которых была Северная железнодорожная ветка по «Чулымскому волоку» от Енисейска до с. Мелецкого и далее до Ачинска. Её поддержал директор Енисейского городского общественного банка Башуров, который подал в Губернскую канцелярию особую запись о важности в экономическом и коммерческом отношении этой ветки, однако не привел обоснованных статистических данных и соображений, указав только то, что она должна быть узкоколейной.

По мнению всех заинтересованных сторон, эта ветка имело бы огромное местное торгово-промышленное значение. К протоколу Енисейского уездного Совещания была приложена мотивированная записка С. В. Вострotина, общее содержание которой состояло в следующем: дорога Енисейск – Мелецк – Ачинск соединила бы Обский и Енисейский бассейны между собой и Обский с магистралью Сибирской железной дороги и, по его мнению, заме-

нила бы Объ-Енисейский канал. Канал этот для Сибири серьезного торгового значения уже не представлял и не принёс бы существенной пользы для обмена товарами между западной и восточной Сибирью, так как они богаты однородными продуктами. Сам канал проходит по пустынной местности, не пригодной для массового заселения, а потому не будет иметь колонизационного значения. Железная дорога Енисейск – Мелецк – Ачинск, по его мнению, имело ряд преимуществ перед Объ-Енисейским каналом, а именно:

– водный путь по Обскому бассейну уже готов, за исключением расчистки некоторых перекатов на р. Чулым;

– линия пройдёт по населённой местности;

– постройка дороги обойдётся дешевле дальнейшего обустройства канала;

– если Енисейск станет портовым городом, это бы открыло торговлю за границу;

– продолжение дороги на Ачинск сыграло бы большую роль во время прекращения навигации вывозом избытка грузов на Сибирскую магистраль;

– открытие новых богатых колонизационных районов;

– соединение Обского бассейна с Сибирской магистралью. Протяжение дороги составило бы: от Енисейска до Мелецка – около 160 вёрст, от Мелецка до Ачинска – около 150 вёрст. Всего около 310 вёрст [3, л. 36].

Востротин выступил против соединения Чулыма с Енисеем по «Чулымскому волоку» через сс. Малое-Кетское, Бельское, с выходом у с. Усть-Тунгусское напротив устья Ангары, южнее Енисейска. Этот проект рекомендовало Иркутское Совещание. Главными минусами этой соединительной линии Степан Васильевич видел в более длинном маршруте, сложном рельефе и в оставлении Енисейска как будущего портового города в стороне, мотивируя это тем, что Енисейск был неоднократно свидетелем прихода морских судов прямо из Лондона осенью при поднятии воды в Енисее. При расчистке Индигинской мели и Осиновского порога морские суда могли бы беспрепятственно доходить во время навигации до Енисейска, что сделало бы Енисейск портовым городом. Также он считал, что будущее экономическое развитие Сибири зависит от открытия портов беспошлинного ввоза и вывоза товаров на Оби и Енисее.

Однако не все на Енисейском Совещании положительно высказывались об открытии железнодорожной линии между Енисейском и Ачинском. Существовало мнение, что население около дороги немногочисленно, климатические и почвенные условия по сравнению с южными районами Енисейской губернии непривлекательны, поэтому на колонизацию этого края можно рассчитывать в далеком будущем. На интенсивное развитие промышленности шансов тоже было немного. Сама эта дорога может подорвать вывоз продуктов из южных уездов Енисейской губернии.

Несмотря на диаметрально противоположные позиции по постройке этой дороги, Красноярское Губернское Совещание согласилось с доводами Енисейского уездного совещания о проведении железной дороги Енисейск – Мелецк – Ачинск при условии открытия порта на Енисее. Что касается средств на строительство дороги, то, принимая во внимание большие затраты на неё, которые будут окупаться в длительном периоде, Совещание высказалось за сомнительность привлечения частных капиталов на постройку этой дороги.

Первоначально изыскания железнолорожной линии Ачинск – Енисейск были сделаны еще осенью 1913 г., но, так как изыскания были лишь предварительными, недостаточно точными и подробными, в 1916 году были проведены новые тщательные исследования всей линии Ачинск – Енисейск, по которой был составлен новый проект, переданный управлением работ на рассмотрение и заключение. По произведённым изысканиям 1916 г., длина

линии Ачинск – Енисейск составила 274 версты. Ветвь от разъезда Мелецкий к р. Чулым составила 18 вёрст, ветвь от ст. Енисейск к р. Енисей – 4 версты. По изысканиям 1913 года, протяжение линии от Ачинска до Енисейска было 303 версты, следовательно, на 29 вёрст больше, чем по новым изысканиям [4, л. 1]. Трассировка линии по изысканиям 1916 года была сделана тщательно. В трудных местах были сделаны альтернативные варианты, которые незначительно сократили длину линии и количество планируемых работ. При изысканиях были приняты к руководству те же технические условия, которые были утверждены Министерством Путей Сообщения для постройки линии Ачинск – Минусинск. Для всех искусственных сооружений, не только для больших мостов, но и для малых и каменных труб, были определены площади их бассейнов и подсчитаны необходимые отверстия этих сооружений. Полученные данные были достаточно правильными и точными для определения количества всех необходимых работ, в случае если вопрос о постройке дороги был бы решён положительно.

Для улучшения проекта постройки в Правление общества железной дороги Ачинск – Енисейск было направлено заключение инспектора Управления постройки названной дороги, которое содержало некоторые предложения. Так, например, от версты 48 до 77, автор предлагал ближе подойти к Ачинск-Енисейскому тракту. По мнению инспектора, длина прямых частей линии трассы составляла 81 %, что считалось хорошим результатом и объяснялось равнинной местностью. Несмотря на заболоченность этой местности, глубина болот не превышала 1 сажени (2,13 метра). Около станции Енисейск линия идет через большое болото на протяжении 5 верст. Предполагалось его осушить через проведение специальных каналов со стоком в р. Мельничная. Место для станции в Енисейске было выбрано на сухом месте и согласовано с представителями города, о чем последними была сделана на план расположения станции соответствующая надпись. Согласно проекта между Ачинском и Енисейском были определены пять станций:

– Большеулуйская (43-я верста);
– д. Бирилюсы (93-я верста);
– д. Косогол (138-я верста);
– д. Тархово (186-я верста);
– г. Енисейск (274-я верста).

Кроме того, было ещё семь разъездов с помещениями для пассажиров при жилых домах. Наибольшее расстояние между пунктами приёма пассажиров и грузов составляло 28 вёрст. Наиболее значительные пункты, которые должны были обслуживаться дорогой, кроме г. Енисейска, были следующие:

– с. Новая-Еловка при раз. Ново-Еловка, вер. 21;
– с. Большой Улуй при ст. Большеулуйская, вер. 43;
– с. Новосёлово при раз. Шуточкино, вер. 65;
– с. Бирилюсы возле с. Бирилюсы, вер. 93;
– с. Тархово, при ст. Тархово вер. 186 [4, л. 2].

Сама линия была очень детальна спроектирована. Так, от с. Бельского, которое должно было остаться по проекту в 3,5 вёрст справа от линии, трасса поворачивала круто на северо-запад и проходила мимо ряда сёл и деревень, пересекала несколько довольно значительных по своим размерам оврагов, а также речки: Остяшку, Рыбную, Шивка и Подгорную. Дальше вольным ходом линия спускалось к р. Тыя. При проектировании линии разработчики избегали выемок, и земляное полотно большею частью спроектировано насыпью, что считалось эффективным в предупреждении снежных заносов. Грунты большей частью по дороге были мелкие, твердоглинистые или щебенистые, каменных грунтов

почти не было. На линии Ачинск – Енисейск планировалось создать 190 искусственных сооружений, из которых 11 значительных мостов на ветви к р. Чулыму и 12 малых сооружений. Для всех сооружений были подсчитаны площади бассейнов и отверстия. Для больших мостов имелись планы переходов. Большие мосты по рекам Кемчуг, Большая Кеть и Кемь были спроектированы на кессонных основаниях, три моста с отпускными колодцами, четыре моста на свайных основаниях и один с устоем на сваях. Большую часть малых мостов предполагалось сделать деревянными. Для постройки дороги предполагалось использовать местный камень из семи подготовленных карьеров. Известь предполагалось возить из Ачинска, так как ближе её не нашли [4, л. 3].

Пропускная способность линии Ачинск – Енисейск была спланирована в 8 пар поездов в сутки. Графика движения поездов и оборота паровозов для линии Ачинск-Енисейск на момент планирования строительства дороги не было. Из составленной ведомости времени пробега поездов между станциями можно видеть, что расположение станций и водоснабжений удовлетворяет условию пропуска 8 пар поездов в сутки. Из сравнения этих ведомостей, наибольшая сумма времени по маршруту Ачинск – Енисейск получается на перегон раз. Еланский – ст. Енисейск, который должен был составить всего 118 минут. Пассажирское движение предполагалось обслуживать одной парой товарно-пассажирских поездов, при товарных паровозах 0-4-0 типа «Армавир». Полный вес вагона слагался из тары в 420 пудов полезной нагрузки. Средняя нагрузка на вагон принята в 720 пудов. Полный вес вагона должен был составлять 1140 пудов, а вес поезда 803 тонны. Предельная скорость паровоза определялась в 45 вёрст в час. По расчётам, в состав поезда включался один багажный вагон с почтовым отделением, 2 вагона III класса, 1 вагон микст II-III класса, 1 вагон II класса и 9 товарных груженых вагонов [5, л. 6].

Отдельно хочется отметить, что для постройки дороги отчуждалось имущество. Отводилась специальная полоса шириной в 8 десятин. Всего было отчуждено для нужд дороги 2440 десятин. Устройство земляного полотна предполагалось под один путь шириной 2,40 саж. Минимальная пологость откосов насыпей была принята полуторная, при высоте насыпей в 3 саж. Общее количество земляных работ по устройству полотна дороги было исчислено в 1 202 898 куб. саж. Надо отметить, что железные мосты на каменных опорах предполагалось построить на 8 реках, самый высокий по проекту был заложен на р. Кемь (30 саж.). Вдоль ж/д линии должен был быть проложен телеграф в два провода из проволоки диаметром 5 мм на сосновых, лиственных или еловых столбах, толщиною в тонком конце не менее 3,5 вершков и длиною 10,5 аршин. Кроме телеграфа планировалось устройство телефонного сообщения линейных построек со станциями. Важным элементом дороги должны были стать станции. Станционные помещения по проекту соединялись с жилыми домами, причем для этих помещений отводилось по 15 кв. саж. Все здания проектировались деревянными, с обшивкой снаружи тесом и внутренней штукатуркой, на сплошных фундаментах. При всех пассажирских платформах устанавливались «отхожие» места. Для помещений служащих по эксплуатации предполагалось построить жилые дома, включая дежурные помещения и приемные покои. Все здания должны были покрыть железом. При пассажирских зданиях с буфетом были спроектированы ледники и выгребные ямы. При всех станциях с водоснабжением – бани с проведенным водопроводов. Для удовлетворения потребностей коммерческого движения поездов должны были уложить 37 вер. станционных путей и 102 стрелки [5, л.14].

Содержание центральной и местной администрации, вследствие большого развития ж/д строительства, повышения оплаты технического труда, отдалённость постройки от культурных центров, что также значительно повышало величину вознаграждения, было

исчислено в 5450 руб. на версту. Подвижной состав линии Ачинск – Енисейск был рассчитан по грузообороту в одном преимущественно направлении, которое называлось прямым направлением. Грузооборот в прямом направлении был определён в 6 400 950 тыс. пудо-вёрст. К этому добавлена половина местного грузооборота в 27 500 тыс. пудо-верст. Средняя нагрузка вагона в поезде в грузовом направлении в 720 пудов была определена, исходя из предположения, что хлеб, сало, соль и др. будут отправляться полногрузными вагонами в 900 пудов (в действительности нагрузку значительной части вагонов планировалось довести до 1000 пуд). В составе поезда могло быть до 37 вагонов. Для выполнения заданного грузооборота в прямом направлении потребовалось бы отправлять в сутки две пары товарных и одну пару товарно-пассажирских поездов. Для обращения трёх пар поездов в сутки дорога должна иметь 23 паровоза и 874 вагона в год [5, л.14].

Расценочная ведомость на строительство дороги постоянно менялась и к 1916 году почти вдвое превысила запланированную ведомость, которая была подготовлена ещё до начала I мировой войны (до 1914 г.). Оборотный капитал на строительство дороги исчислялся на версту. На март 1916 года вся стоимость постройки линии составила 24 410 089 руб. [5, л.15].

К сожалению, из-за дороговизны постройки дороги и вступления страны в период революций и гражданской войны проект по постройки ж/д Енисейск – Ачинск не был осуществлён. Уже в середине XX века со строительством южнее Енисейска города Лесосибирска было принято решение о проведении ж/д линии от Ачинска именно до этого города, а не до Енисейска. Это уже была совсем другая трасса и совсем другая история.

Библиографический список:

1. Павлов Д. Б. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. / М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 982 с.

2. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. – Париж, 1939. – 211 с.

3. АГЕ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 22. Дело о проведении железнодорожного пути между Енисейском и Ачинском.

4. РГИА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 11. Заключение инспектора постройки железных дорог.

5. РГИА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 9. Техническая пояснительная записка к железнодорожной линии Ачинск – Енисейск.

В. В. Топчеев,
г. Минусинск

Методы управления медициной на примере истории здравоохранения Хакасии в 1920–1940-е гг.

Эпидемия COVID–19, разразившаяся в 2020–2021 годах, вывела аксиому: хорошая медицина не может заменить даже самое захудалое здравоохранение. По выражению спортсменов – «порядок бьёт класс». Устойчивый в своих основных параметрах порядок, сохраняющийся продолжительное время, формирует систему. Являясь целым, состоящим из взаимосвязанных частей (подсистем и элементов), она может эффективно функционировать лишь при условии должной организации деятельности, направляющей сложный организм в нужном направлении. То есть система должна хорошо управляться. Поэтому в своей работе мы рассмотрим принципы и методы управления здравоохранением с точки зрения особенностей этого социального института.

Управление – это организация деятельности системы через определение целей, задач, форм и средств деятельности; координацию действий субъектов; определение режима деятельности, последовательности операций, фиксации дост ижения промежуточных целей; организацию контроля. Методами управления будут выступать конкретные способы организации, сгруппированные по формам деятельности. К таким формам можно отнести: организационно-распорядительные, экономическо-монетарные, нормативно-правовые, социально-психологические [3, с. 34].

Здравоохранение как объект деятельности имеет некоторые особенности. Во-первых, оно может функционировать только в нормальных условиях. Медицину чрезвычайных ситуаций неспособно содержать даже самое богатое государство (кому нужно огромное количество военных хирургов в мирное время). Поэтому в случае наступления такой ситуации речь, как правило, идёт о самоорганизации общества. Во-вторых, здоровьем социума занимаются многие социальные институты. Медицина в рамках общего решает свои частные задачи посредством лечебной (актуальной) и в меньшей степени профилактической (перспективной) деятельности. В-третьих, здравоохранение как социальный институт базируется на взаимодействии различных социальных групп (медики, пациенты, хозяйственники, управленцы), что чревато внутренними противоречиями. Все эти особенности требуют гибкого управления и грамотной координации.

Организация здравоохранения (особенно в Сибири, где отсутствовали «земства») в дореволюционный период не отличалось должной эффективностью. Таковым было и управление отраслью. Деятельность прекрасных специалистов зачастую нивелировалась слабостью структуры и хаотичностью управления. К сожалению, одно не исключало другое [4, с. 34].

Причин такого положения было несколько. Политика государства, стремившегося взвалить расходы отрасли на плечи самого общества. Недоверие общества к учреждениям здравоохранения в силу малограмотности и господства архаичных традиций. В условиях, когда сельские сходы решали участь лечебниц, это зачастую являлось решающим фактором. Недоступность медицинской помощи для большей части населения вследствие её дороговизны и маломощности. Разобщённость медицинских заведений. Они были: государственные, частные, общественные, ведомственные.

В Минусинске на протяжении втор. пол. XIX века господствовала разъездная медицина (не предполагавшая вообще централизованного управления). И лишь на рубеже веков появляются первые лечебные учреждения, не имевшие возможности серьёзно повлиять на ситуацию. В период революций и гражданской войны эта система была разрушена.

24 октября 1919 года в Минусинске был сформирован отдел здравоохранения во главе с Н. И. Шантаровым. Он, соответствуя слабой структуре уездной медицины, был маломощным, включая в себя два подотдела и 9 человек по штатному расписанию. В связи со скудностью ресурсов (особенно жёстким был кадровый голод) управление в 1920-е годы было централизованно-ситуативным. Поэтому сотрудникам отдела, помимо управленческих функций, как наиболее квалифицированным специалистам приходилось решать актуальные задачи. Например, в 1924 году они выезжали в село Вершина Биджи на эпидемию дизентерии, с большим количеством заболевших и умерших от болезни [6, с. 12].

В этот период происходит преодоление разрухи, вызванной годами войн и неурядиц. Государство возлагает обязанность частичного финансирования отрасли на общество (вводится нехарактерная для советской власти страховая медицина). Поэтому происходит повсеместное вмешательство органов партийной и местной исполнительной власти в дела лечебных заведений. Понятное дело, интересы у них были разные, и столкновение амби-

ций местных начальников сильно вредило делу. Тем более, так как создать параллельные структуры страховой медицины не удалось, страховые кассы были неэффективны в сельской местности, а финансирование учреждений здравоохранения местными властями, с их системой приоритетов, было отвратительным: «Хозяйственное состояние на совести РИКОВ, а совести у них мало – вот они и не платят» [6, с. 74].

В 1930-е годы государство, окрепнув, взяло отрасль под полный контроль. Двойное и тройное финансирование, несмотря на масштабные социальные процессы (коллективизацию, индустриализацию), закончилось. Областной отдел здравоохранения сконцентрировался целиком и полностью на управлении и координации. Эти функции окончательно сняли с врачебных участков, и опекой фельдшерских и акушерских пунктов занялись районные отделы здравоохранения. При этом сама структура, благодаря появлению большого количества специализированных учреждений, сильно усложнилась. Таким образом, система управления стала более централизованной.

Между тем накануне Великой Отечественной войны всё опять пошло кувырком. В 1938 году разразился управленческий кризис. Почти все руководящие лица хакасской медицины были репрессированы (рядовых медиков по причине острого дефицита кадров почти не трогали). В начальники в этот период сильно не рвались, поэтому во главе отрасли оказались случайные люди. Областным отделом здравоохранения стал руководить бывший директор Гортопа. Во главе Ордженикидзевского райздрава встал один из депутатов местного Совета, а в Черногорск развивать медицину «бросили» комсомолку с шахты [11, с. 16]. В годы войны управление опять утроилось. На юге Красноярского края и в Хакасии разместили огромное количество госпиталей. После перевода их в систему Наркомата здравоохранения функции снабжения возложили на местные власти (в том числе и медицинские), функции управления остались за Наркоматом обороны, а контроль осуществляли местные партийные органы. И лишь после отмены чрезвычайных мер все вошло в норму. Система управления стала достаточно жесткой, иерархичной и централизованной, что стало одной из причин революционных изменений советской медицины в 1950–1960-е гг. [2, с. 8].

Помимо распорядительных большое значение играют организационные методы управления. В 1919–1920-х годах все медицинские учреждения региона переходят под контроль государства. В некоторых случаях этот процесс обуславливался инициативой снизу, о чём свидетельствуют документы. «Зачитано заявление зав. Больницей Рудника Юлия фельдшера Рыбалова о положении больницы как являющейся народным достоянием. Постановляем, больницу Рудника Юлия подчинить здравотделу. Открыть там врачебный участок и обеспечить мед. персоналом и медикаментами. Постановление Уздравотдела от 15 марта 1920 г.». [1, с. 6]. Фельдшер Рыбалов со своей передовой частной больницей оказался без снабжения, поэтому не мог заниматься лечебной деятельностью. Через несколько месяцев, когда он остался единственным медиком на всю охваченную эпидемией волость (два других «лежали в тифу»), он снова просит помощи, так как «не успевает» быть везде, где необходим. Маневрирование ресурсами – несомненное преимущество централизации.

Но национализация частных и ведомственных учреждений далеко не всегда проходила добровольно, о чём свидетельствует история с Мартьяновской аптекой, на основе которой устроили центральный аптечный склад уезда. Хозяевам даже не разрешали забрать из дома личные вещи. Вопрос о подведомственности аптек оставался открытым вплоть до конца двадцатых годов (уж слишком лакомый кусок для бизнеса), но в целом отношение медицинских властей к ним было жёстким: «Частные лица аптеки открывать не могут, так

как есть опасность фальсификации медикаментов и продажи их по завышенным ценам» [5, с. 76]. Окончательную резолюцию по этому вопросу поставил X Сибирский съезд медицинских работников в 1929 г.

В 1924 году была создана иерархическая структура лечебных учреждений в регионе. Врачебные участки стали координировать и контролировать деятельность фельдшерских и акушерских пунктов. В условиях огромных расстояний Хакасии, тотального бездорожья, транспортных неурядиц (в одной из поездок у медиков на постоялом дворе сняли колеса у телеги) данное нововведение было оправдано. Но в 1930-х годах система начала стремительно усложняться. В рамках политики специализации медицинской помощи появляются диспансеры (которые тут же обросли здравпунктами на местах); станции – малярийные, эпидемические; лаборатории; дома матери и ребенка с детскими яслями, молочными кухнями, а позже роддомами и поликлиниками. Из разъездных подвод выросли станции скорой помощи и санавиация. После войны появляется участковая система (попытка слияния больниц и поликлиник оказалась неэффективной). Такая структура требовала адекватного управления. Оно стало иерархичным (краевой, областной, районный отдел здравоохранения) и территориально обусловленным, когда определённый отдел руководит всеми медицинскими учреждениями административной единицы.

Одной из важнейших функций управления является функция координации разнородных элементов. Успех дела подчас зависит от умения задействовать горизонтальные связи. Между тем управленцы очень не любят договариваться, считая подобного рода попытки вмешательством в их компетенцию. В условиях равенства субъектов и разности ведомственных интересов это приводило к рассогласованности, особенно когда в условиях чрезвычайных ситуаций возникает необходимость задействовать всё общество.

Для преодоления этих затруднений была разработана уникальная управленческая схема, позволявшая объединить разные структуры с разнородными интересами. Если возникала необходимость – формировалась проблемная комиссия, в которую включались руководители служб, необходимых для решения поставленной задачи. Координировали деятельность этих комиссий партийные деятели, осаживая авторитетом РКП(б) – ВКП(б) самоуправство местных начальников. Совокупный ресурс данных организаций решал проблему на принципах синергии. Собственно, одной из первых подобного рода структур являлся легендарный ЧЕКТИФ [9, с. 1].

Монетарные методы управления не были популярны в Советской политической и социальной практике. В скудные годы после Гражданской и Великой Отечественной войн финансирование было слабым (основные средства шли на восстановление разрушенного хозяйства), поэтому отрасль развивалась недостаточно активно. С преодолением разрухи (1930-е, 1950-е годы) начиналось масштабное строительство. Но одна особенность советской власти проявилась достаточно ярко, позволяя порой нивелировать ситуативные трудности. Авторитарная система способна эффективно мобилизовывать ресурсы и концентрировать их (посредством государственного управления) на нужном направлении. Возникла потребность в условиях коллективизации развивать сельскую медицину – деньги пошли туда. Приняли решение создавать мощную лечебную сеть в промышленных районах в период первых пятилеток – её создали. Нужда заставила развернуть структуры специализированного здравоохранения для борьбы с социальными заболеваниями – развернули комплекс трахоматозных учреждений и победили к середине века болезнь.

Нормативно-правовые и социально-психологические формы управления упираются (собственно, везде и всегда) в одно противоречие. Соотношение жесткой централизации и необходимой для дела автономии исполнителей. Если система слишком либеральна –

она неэффективна в силу структурной слабости. Слишком жесткая конструкция нежизнеспособна по причине отсутствия ответственности работников и потери времени из-за бесконечных согласований. Работа по инструкции, как и по указанию сверху, убивает желание принимать быстрые и ответственные решения.

Слабость системы на первых порах развития здравоохранения приводила к формированию необходимых качеств у медиков. Автономизация была подчас вынужденной, потому что помощи зачастую было ждать неоткуда. Порой не было даже необходимых для подобного рода деятельности компетенций. Так как в силу нехватки медицинского персонала на ответственные посты назначали вчерашних неопытных выпускников и даже практикантов-студентов. А спрашивали с них порой незаслуженно строго. Например, 16 июля 1926 года в газете «Власть труда» была опубликована статья «Мало ли, что не хочешь», в которой в откровенной форме доноса рассказывалось о «враче-коновале» [7, с. 121–122]. Им оказался студент пятого курса, занимавший в Абаканском городском отделе здравоохранения и окружной больнице шесть должностей. Надо ли говорить о том, что на человека неспособного столько обязанностей не возложат.

В любом случае, эта мера централизации и автономизации вырабатывалась практикой. В принципе, медик отвечал за всё, и победителей не судили. А проигравших отдавали на суд совести, который в те времена, когда писалась знаменитая «Клятва советского врача», значил довольно много. Откровенное административное или судебное преследование в случае бездействия или откровенной халатности осуществлялось довольно редко [10, с. 30].

Таким образом, управление здравоохранением в 1920–1950-е годы при всех нюансах советского строительства стремилось к централизации и иерархичности. Государство добивалось полного контроля над отраслью. Постоянно разраставшаяся и усложнявшаяся структура медицинских учреждений, а так же расширявшийся (вместе с возможностями) круг обязанностей требовали грамотной координации деятельности разнородных элементов. В том числе и на межведомственном уровне. Но именно централизация и государственный контроль позволяли эффективно маневрировать довольно скудными ресурсами и концентрировать их на нужных направлениях. Между тем командно-административная система не исключала известной автономии исполнителей, обусловленной на первых порах слабостью структуры, а в дальнейшем – необходимостью принимать быстрые и ответственные решения. Благодаря разработанной к середине века системе управления удалось преодолеть все испытания века – две эпидемии, коллективизацию, индустриализацию послевоенные неурядицы – и выйти на качественный скачок 1950–1960-х годов.

Библиографический список:

1. АГМ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Лл. 1–87.
2. ВММ МОРФ. Ф. 267. Оп. 4517. Д. 3. Лл. 1–27.
3. Идеатулина К. С. Система государственного управления. Казань, 2006 г. – С. 1–164.
4. История Красноярского края. Т. 3. Медицина. Красноярск, 2008. С. 1–382.
5. Национальный Архив Республики Хакасия (НАРХ) Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1–127.
6. НАРХ. Ф. Р-4. Оп 1. Д. 3. Лл. 1–203.
7. НАРХ. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 17. Лл. 1–153.
8. НАРХ. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 22. Лл. 1–26.
9. НАРХ. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 6. Лл. 1–63.
10. НАРХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 18. Лл. 1–101.
11. НАРХ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3. Лл. 1–48.

А. П. Шекшеев,
г. Абакан, Республика Хакасия

Ревкомовская власть. Организация и деятельность Революционных комитетов на Енисее

С приходом советской власти в сибирской деревне, существующей в сравнительно замкнутом миру и сохранявшей многообразие общества, к традиционному управлению в лице общины добавились советские органы. Их строительство не было единообразным: одни советские органы образовывались под руководством политических работников Красной армии, другие – по распоряжению высших органов партизанского управления, а третьи – по инициативе самого населения. Между тем обстановка, требовавшая от советского аппарата мобильности и инициативы, побудила коммунистов создавать ревкомы, состав которых при необходимости можно было изменить в приказном порядке.

Организация и функционирование ревкомов плодотворно изучались советскими историками [1, 4, 5]. Для Сибири и в частности Енисейской губернии эта тема получила, казалось бы, достаточно полное освещение в трудах целого ряда авторов [1, 43, 46, 61, 62]. Более того, она воплотилась на страницах опубликованного в советское время сборника документов [55], а итоги её изучения были подведены в специальной статье современного автора [50].

Однако именно столь интенсивное исследование показало, что историки по некоторым вопросам так и не нашли общего ответа. По мнению одного из них, многие авторы объясняли причины возникновения ревкомов потребностями Гражданской войны, другие же – необходимостью решения проблем общероссийского масштаба, перераспределения властных полномочий внутри советской политической системы и ориентацией верхнего эшелона власти на укоренившиеся коммунистические порядки и традиции [51, с. 113, 116; 63, с. 87, 94]. Неоднозначно оценивали исследователи и эффективность ревкомовской власти: если в трудах советского времени она считалась высокой [62, с. 9], то в публикациях начиная с 1990-х гг. ревкомы стали характеризоваться лишь в негативном виде и в основном как инструмент для собирания налогов и т. д. [54, с. 162–163]. Не согласившись с отрицательной оценкой деятельности Сибревкома и не скрывая её принудительного характера, ещё один автор счёл возможным заявить, что эта власть сумела мобилизовать местное население на выполнение задач, поставленных Москвой [2, с. 212, 214–215]. Такой разброс мнений требует нового обращения к этой теме на материалах конкретного региона – в данном случае Енисейской Сибири.

Первый уездный ревком в Енисейской губернии был создан в Ачинске буквально на следующий день после занятия его частями Красной армии – 3 января 1920 г. Он был организован командиром 266-го Малышевского полка М. Д. Саломатиным. Но, неоднократно реорганизуемый, он даже к марту так и оставался в стадии организации. 5 января того же года Сибирский революционный комитет (Сибревком) решил отпустить в распоряжение организуемого Енисейского губернского ревкома (ГРК) кредит в сумме 50 млн рублей и назначил в губернию своё представительство, возглавляемое коммунистом А. П. Спундэ [55, с. 36]. Поскольку его члены прибыли в Красноярск не сразу, политотдел 30-й стрелковой дивизии провел митинги и на основе их резолюций 8 января создал ГРК. В составе органа, действующего по 15 января и руководимого Г. Ильиным, П. Козловым и А. Мосоловым, были организованы продовольственный, юридический, народного образования отделы и чрезвычайная комиссия. 18 января появившийся в губернском городе Спундэ стал

председателем ГРК. 24 января было создано губернское управление милиции, а 29-го – отдел управления с подотделами [36, л. 57; 13, л. 3, 5, 11].

В Канске вместо партизанского Армейского совета 18 января 1920 г. был создан уездный ревком. С агитационными целями в уезд были направлены 14 армейских политических работников. 26 января политкомиссар 30-й дивизии А. И. Мосолов назначил новый состав ревкома, членами которого стали представители армии, рабочих и партизан (Мосолов, Г. Н. Бобылев и В. Г. Яковенко). Избранный 3 февраля минусинским партийно-советским активом, уездный исполком на следующий день передал свою власть ревкому. С самого начала он столкнулся с «бездной» работы, что заставило ГРК прислать дополнительные силы и переконструировать этот орган. 7 февраля руководителем ревкома стал губернский представитель А. Я. Каулин.

На основании телеграммы отдела управления Енисейского ГРК от 7 февраля 1920 г. образовался Туруханский краевой ревком. Его усилиями 22 февраля того же года был проведен съезд, учредивший ряд волостей [3, с. 309].

ГРК в своем составе имел 20 отделов и учреждений (управления, продовольственный, финансовый, земельный, коммунальный, профсоюзный, труда, социального обеспечения, народной связи, юстиции, здравоохранения, народного образования, военкомат, рабоче-крестьянская инспекция, совнархоз, статистическое, коммунальное бюро, комитеты труда и эвакуации и милиция), а уездные ревкомы – семь-восемь отделов.

Создание волостных и сельских ревкомов осуществлялось по-разному. На 30 марта в Красноярском уезде были образованы 274 ревкома, в т. ч. 22 волостных и 252 сельских. Только в одной Мининской волости были образованы волостной и 11 сельских ревкомов. Некоторые из них создавались населением путём выборов на общих собраниях граждан или на волостных съездах. Так, 7 января 1920 г. собрание из 200 представителей от пятитысячного населения Зеледеевской волости избрало ревком в составе пяти членов. На выборных началах съездами граждан 10–15 селений организовывались ревкомы в Шалинской, Сухобузимской и Нахвальской волостях. Создавались они и местной общественностью на основе приказов и инструкций губернских и уездных органов или с помощью присланных инструкторов и чекистов. Таким путём в уезде образовался 31 орган. Однако, вследствие того что в губернском центре находился политотдел 5-й армии, а в селениях – политические работники проходивших или находившихся на отдыхе воинских частей, ревкомы чаще всего организовывались военными или под их присмотром. К примеру, 26 января 1920 г. инструктором 309-го полка Комиссаренко в Шалинской волости был создан волостной исполком, затем реорганизованный в ревком. Организация ревкомов в Зеледеевской, Вознесенской, Мининской, Михайловской, Тертежской и Шалинской волостях этого уезда, а также в Даурской волости Ачинского уезда производилась полковыми военкомами и инструкторами Красной армии [17, л. 118; 19, л. 1; 22, л. 6, 11; 24, л. 166; 13, л. 4; 30, л. 66, 69–70].

В неразберихе военного времени организация и деятельность ревкомов осложнялись вмешательством со стороны воинских отрядов. Так, функционирование органа, созданного в с. Монастырском, было «нейтрализовано» подошедшим партизанским отрядом. Свою лепту в дело дезорганизации вносили и сами советские органы. Например, состоявшие из бывших партизан волостной ревком и военный комиссариат в Александровской волости Красноярского уезда без всякого следствия арестовывали людей, отбирали у них имущество и даже расстреливали, что заставило чекистов принять меры к пресечению их деятельности [57, с. 744].

Сибревком не сразу стал единственным руководителем создаваемых ревкомов. Ему пришлось аннулировать приказы военных властей. В ответ командующий 5-й армией подписал приказ о том, что все распоряжения Реввоенсовета «обязательны к точному выполнению для всех местных ревкомов», а их руководство не может их отменять. Военным властям вменялось в обязанность содействие местному руководству по беспощадному подавлению всяческого неповиновения со стороны населения. Возникшие недоразумения с РВС–5 заставили Сибревком 23 февраля 1920 г. обратиться к высшим государственным лицам с просьбой о невмешательстве военных в дела их ведомства [42, л. 16–17,19].

Несмотря на возникновение таких ситуаций, политсостав 27-й стрелковой дивизии осуществлял большую культурную работу, предшествующую избранию ревкомов в ряде сел Минусинского уезда. В Абаканской, Беллыкской, Идринской и Каптыревской волостях, население которых испытывало гонения при Колчаке, руководителями органов становились лица, преданные советской власти. В Салбинской волости, где концентрировалась переселенческая беднота из латышей, поляков и немцев, ревкомы организовывались из её представителей [29, л. 131]. Посетив этот уезд, тот же А. П. Спундэ с удовлетворением констатировал, что у местного крестьянина понятие «ревком» начинает становиться популярным «как символ порядка» [64, с. 30]. Но во многих местностях крестьяне следовали лозунгу «Нам нужна советская власть, а не коммуна» и осуждали создание ревкомов. Обеспокоенный нежеланием бедноты и середнячества работать в них, бывший партизанский вождь П. Е. Щетинкин в обращении к крестьянам уезда писал: «Кулаки пользуются тем, что вы ... почти не принимаете участия в строительстве новой жизни, снова начинают поднимать свою голову, ... подбирать власть в свои руки...» [62, с. 227].

Организационная кампания закончилась в одних местностях к марту, в других – к последней декаде этого месяца. В Ачинском уезде были созданы 39, в Минусинском – 37, в Канском – 18 и в Енисейском – 10 волостных ревкомов, а также ревком на Северо-Енисейских приисках. В Минусинском уезде сеть волостных и сельских ревкомов разрослась до 583 органов [30, л. 66; 23, л. 140].

Крестьяне относились к ревкомам, действующим согласно приказам вышестоящих органов, по-разному. Так, несмотря на нужду их в сельхозинвентаре, мануфактуре, соли, керосине и обуви, недовольство в Красноярском уезде на 11 февраля выражало лишь население Шалинской волости. Чаще крестьяне, например с. Зеледеево и Кускун, с равнодушием относились к деятельности ревкомов, проявляли недоверие к коммунистам и были недовольны требованиями продуктов в счёт объявленной развёрстки [10, л. 1; 34, л. 2]. Но, следуя общинной психологии, они стремились к избранию советов. Так, волостной и сельские советы крестьянских депутатов были созданы в некоторых селениях Ново-Еловской, Больше-Улуйской и Шарыповской волостей Ачинского уезда. Какое-то время здесь в волостных сёлах существовали ревкомы, а на периферии – советы. В Канском и Минусинском уездах так же образовывались советы и их исполкомы. На 25 марта в первом из них состоялись 23 волостных съезда советов, а в 10 волостях они продолжали работу. В Енисейском уезде сначала в восьми волостях были созданы ревкомы, а в двух – исполкомы. Казачинский волостной ревком даже преобразовали в исполком. В Пировской волости крестьяне организовали комитет бедноты и судебную комиссию [9, л. 24; 24, л. 166; 30, л. 56, 69, 71 об., 76; 41, л. 3].

Позднее в Минусинском уезде уполномоченный сообщал, что среди населения наблюдается ропот – «армия против советов». Крестьяне возмущались тем, что «выбрали Советы, а теперь какие-то ревкомы, это опять обман» [49, с. 172], т. е. настаивали на полной выборности советских органов. Но затем созданные на территории Канского, Енисейского

и Минусинского уездов сельские советы и волостные исполкомы (ВИКи) оказались простым переименованием реорганизованы в ревкомы. К примеру, оформившийся 18 февраля 1920 г. Усть-Фыркальский волостной совет по просьбе его членов, начавших переживать хозяйственный упадок, 1 апреля был переизбран и переименован в ревком [29, л. 131].

Получив разрешение сибирского руководства, Енисейское губернское бюро РКП(б) еще 27 февраля 1920 г. большинством голосов проголосовало за избрание советских органов. На следующий день заседание ответственных работников, учитывая настроения населения и коммунистов и полагая воспользоваться «революционным энтузиазмом масс», поставило вопрос о необходимости осуществления немедленных выборов советов. Против них выступили представители армейского политотдела и губернского бюро РКП(б), которые считали партийную работу слабой и отказались «протаскивать» в советы «ненадежные элементы». Но при 11 голосах «за» и пяти – «против» заседание решило приступить к избирательной кампании. Поддерживая эту инициативу, отдел управления Сибревкома 4 марта разослал циркуляр, в котором указал губернским и уездным ревкомам в целях совершенствования советских аппаратов приступить к подготовке созыва местных съездов советов. 14 марта Енисейское губбюро постановило провести предвыборную кампанию с 21 по 28 марта, а сами выборы – с 28 марта по 7 апреля текущего года [6, л. 16, 19, 27]. 26 марта этот же орган определил мажоритарную систему выборов. В тот же день решение «О выборах в Советы» принял, к примеру, Енисейский уездный ревком, тут же начавший подготовку к их избранию. 30 марта 1920 г. губбюро сконструировало президиум губернского исполкома (ГИКа) [26, л. 38].

2 апреля 1920 г. сибирское коммунистическое руководство разрешило приступить к подготовке избирательной кампании в Восточной Сибири. В сводке о положении Енисейской губернии с 1 по 8 апреля чекисты отмечали начавшиеся в Минусинском и Канском уездах «частичные выборы» в волостные советы. Заседавшее 10 апреля губбюро наметило к избранию 15 членов исполкома и обещало предоставить им право пользоваться аппаратом ГРК [6, л. 20, 44]. Однако армейские политработники настояли на более позднем проведении этой кампании и её тщательной подготовке. В Канском уезде созданная под руководством политотдела избирательная комиссия с приездом инструктора прекратила своё существование, а советы были переименованы в сельские ревкомы. Только с ликвидацией военной опасности существующие власти приступили к укреплению советских органов.

Членами ревкомов в Енисейской губернии были избраны населением или назначены соответствующими органами и армейскими политработниками 2609 человек, в т. ч. в Ачинском уезде – 547, в Енисейском – 180, в Канском – 844, в Красноярском – 346 и в Минусинском – 692. Ревкомы состояли, например в Красноярском и Канском уездах, в основном из бедняков и середняков, сочувствующих большевикам или в прошлом партизанивших [64, с. 17; 62, с. 15]. В северной части последнего, где волостные и сельские ревкомы организовывались на базе партизанских советов и исполкомов, председателями многих из них стали бывшие тасеевские партизаны, которых информационно-инструкторский подотдел уездного ревкома характеризовал как «верных защитников революции и трудового народа». На состоявшемся в апреле 1920 г. Енисейском уездном съезде ревкомов из 92 прибывших с мест делегатов 15 зарегистрировались как коммунисты [62, с. 221; 30, л. 82]. Согласно анкетным данным, членами 20 волостных ревкомов Красноярского уезда были в основном местные уроженцы и земледельцы. Однако из них лишь 9,5 % являлись коммунистами и 46 % – сочувствующими, а почти треть – самоучками [64, с. 19; 23, л. 102].

Кадры подбирались чаще всего по политическим качествам, но прежде чем действовать, они запрашивали указания сверху. Неграмотные и малограмотные члены ревкомов окружили себя аппаратом из 2502 служащих. Но даже при наличии 5111 функционеров и аппаратчиков [30, л. 22; 18, л. 51], многие органы, действуя в условиях высокой сменяемости служащих, их недостатка, перегруженности обязанностями и низкой оплаты труда, не справлялись с работой и не удовлетворяли ею население. Позднее выяснилось, что ревкомы часто не посещались их членами, например ревкомы Аскизской и Усть-Есинской волостей Минусинского уезда – начиная с 24 мая и до окончания их деятельности. [13, л. 15].

В инородческих волостях Ачинского и Минусинского уездов во власть были выдвинуты лица, знавшие русский язык. Поэтому здесь в силу присущей коренному населению социальной иерархии председателями советских органов являлись привычные фигуры развитых и зажиточных инородцев, которые оказались «первыми эксплуататорами сородичей» и зачастую саботировали решения новой власти [60, с. 49].

В некоторых селениях, например Ачинского уезда, сохранялись земские управы [62, с. 219], а в силу общекрестьянского характера этого процесса в ревкомы некоторых уездов попали вновь зажиточные крестьяне и даже антисоветские или «неопределенные» элементы. По сведениям чекистов, даже в отделах ГРК находились «тёмные элементы», замеченные в «контрреволюционном саботаже». Из 65 бывших офицеров, служивших в Красноярском уездном ревкоме, 40 были арестованы. Засоренность в прошлом белогвардейцами наблюдалась и в Канске. На должностях в уездном ревкоме работали в отделе управления трое, заведующих отделами – восемь, на ответственных постах в военном комиссариате – 15, на второстепенных – 11 бывших офицеров, в т. ч. полковник и два подполковника. На должностях в волостном и сельских ревкомах Кежемской волости Енисейского уезда находились шестеро бывших колчаковских офицеров [30, л. 56–57, 89; 32, л. 56]. К 28 апреля в земельном отделе ГРК числились 250 агентов, предназначенных для работы в деревне, но коммунистов среди них не было. В основном на этой должности находились «старые» чиновники и спецы. Из 700 служащих аппарата только пятеро являлись коммунистами [8, л. 1].

Такие органы подвергались «очищению». Например, коллегия Зеледеевского волостного ревкома установила, что в его составе имеются четверо бывших военнослужащих белой армии, и решила уволить из них двоих, отказавшихся «записаться» в коммунисты. При этом было выявлено бездействие президиума этого органа, что заставило троих членов ревкома на волостном сходе просить об отставке. Прибывший 14 мая с соответствующим мандатом ГРК уполномоченный губернской ЧК Шарковский заслушал информацию председателя о проделанной работе и его просьбу о снятии с должности. На заседании констатировалось, что в этом органе с января по июнь 1920 г. сменились трое руководителей. Первый из них, Ф. А. Поспелов, несмотря на поддержку членов ревкома и населения, был вынужден уйти с должности из-за трений с военкомом. Другого, И. Р. Терскова, работу которого признавали «громадной», обвинили в решении проблем простым увольнением служащих и заменили на коммуниста П. И. Шеходанова, вменив ему ещё и обязанности военкома [19, л. 66; 20, л. 1–6, 48, 88–90]. Реорганизованы были как бездействовавшие или состоявшие из представителей зажиточного населения ревкомы в Белоярской, Частоостровской, Абаканской и Каптыревской волостях Минусинского уезда. 20 июня их переизбрание произошло в д. Курганчики Шалаболинской, Таскино Сагайской волости. В их состав вошли, по сообщению сводки, «люди с твёрдой волей и преданные делу революции». Затем по инициативе инструктора Тихонова в том же уезде был переизбран Синявинский волостной ревком [62, с. 224–225; 29, л. 124, 131; 37, л. 9; 39, л. 195].

Ревкомы осуществляли большую работу. Они вели учёт населения, хлебных и фуражных запасов, скота, сельскохозяйственных машин и мельниц, организовали сбор брошенного белыми оружия, имущества и обмундирования, пожертвования продуктами в адрес красноармейцев, очищали территорию от павших лошадей. Одновременно созданные учреждения организовывали выполнение нарядов по хлебу и фуражу для армии, дружины общественной безопасности и ночные караулы. Канский уездный ревком занимался восстановлением разоренных крестьянских хозяйств и с этой целью организовал заготовку леса, кирпичное, известковое производства, ремонтные мастерские, наделял неимущих крестьян единовременным пособием, семенами, плугами, стеклом и железом. Его члены потребовали от населения сдать имеющееся оружие, провести учёт хлеба, а излишки его распространить сугубо среди трудящихся. В с. Большая Мурта Красноярского уезда силами ревкома была организована общественная столовая, которая должна была показать крестьянству «экономное расходование продуктов, топлива, времени и рабсилы». По его инициативе население Нахвальской волости вносило пожертвования продуктами для 1-го советского сводного госпиталя. В Александровской волости ревком постановил создать в каждом селе ссыпной пункт, который должен был обеспечивать нуждающихся хлебом соответственно с выданной карточкой. Волостные и сельские органы всячески помогали размещенным красным частям и госпиталям, организовывали культпросветы, избы-читальни, проводили субботники и воскресники, на которых их участники чинили дороги, мосты, засевали поля бедноте и семьям красноармейцев. Например, Синявинский волостной ревком в Минусинском уезде занимался не только проведением в жизнь приказов и постановлений центра, но и организацией ремонта дорог, учётом военнопленных, иностранцев, беженцев, грамотных и неграмотных людей, очищением дворов, разделом покосов и развёрсткой продуктов. Ревком в Курагинской волости воспитывал население в строгих отношениях со властью. Требуя от жителей обязательного участия в собраниях, он за неявку без уважительной причины привлекал их к суду [10, л. 5, 9; 30, л. 63; 31, л. 170; 37, л. 9; 38, л. 72].

Ревкомовская власть содействовала созданию в Сухобузимской, Шалинской и Кияйской волостях Красноярского уезда коммунистических ячеек. Существование некоторых ревкомов способствовало политическому развитию односельчан. Так, вокруг такого органа в с. Зеледеево сформировалась группа сочувствующих из 25 жителей пяти окрестных деревень, а в Кускуне – из семерых. В первом из них для приобретения литературы были собраны 5,6 тыс. рублей крестьянских пожертвований, сами же члены ревкома решили с этой целью отчислить однодневный заработок [34, л. 2].

Ревкомы постоянно демонстрировали крестьянскую и собственную солидарность советской власти. Проходивший 12–15 марта 1920 г. в с. Христово-Рождественское съезд 158 представителей семи волостей северной части Канского уезда заявил о поддержке советской власти и коллективного труда. Собравшиеся просили власти командировать к ним инструкторов для организации коммун и снабдить их материальными средствами. Съезд закончился обещанием участников: «Клянемся всю нашу последующую жизнь бороться ... с частной собственностью, ... поддерживать Красную армию ... За коллективы в сельском хозяйстве. Да здравствует единая крестьянская коммуна!». Организованные 5–9 и 13 апреля съезды ревкомов Красноярского уезда признали работу ГРК «правильной» и закончились здравицей в адрес советской власти. Собравшийся 13 июня I Ачинский уездный съезд волостных и сельских ревкомов назвал всех производителей самогона, изводящих для его курения необходимые советской власти продукты, «врагами революции» и пригрозил им «беспощадной войной» [55, с. 46, 285–286; 30, л. 79; 31, л. 170; 34, л. 191; 10, л. 3].

Но деятельность ревкомов в Енисейском и Минусинском уездах признавалась проверяющими «непродуктивной» [30, л. 90], а где-то из-за большого количества поступивших запросов, анкет и инструкций была «напряжённой». Некоторые органы буквально задыхались от всепоглощающей регламентации. Напротив, в других местностях документации было недостаточно. 25 марта 1920 г. земельный отдел жаловался Ачинскому уездному ревкому: «... Абсолютное отсутствие указаний центральной власти парализует всякие начинания». Работа Минусинского уездного земотдела не могла наладиться «за неполучением указаний из Центра». Приближалось время сева, и крестьяне хотели приобрести плуги и другие сельскохозяйственные орудия. Но Сиблесхоз запретил уездному отделу самостоятельное их приобретение [47, с. 35–36]. Инструктор Еремеев, проехавший из Красноярска в Минусинск, 31 марта сообщал руководству, что председатели всех ревкомов работают без планов, инструкций и не знают предназначения своей работы [21, л. 86, 88]. Канский уездный ревком действовал даже не имея полного собрания декретов советской власти. Отправленная за опытом в Красноярск делегация, столкнувшись в губернских учреждениях с «формализмом», с «горьким чувством» вернулась обратно [30, л. 62]. В феврале-марте 1920 г. деятельность ревкомов, например, в Ачинском уезде. носила «скачкообразный» характер. Она усугублялась вызывающим поведением представителей Красной армии, которые угоняли крестьянские подводы для своих нужд без ведома ревкомов [62, с. 242; 21, л. 86].

В дальнейшем низкая эффективность работы ревкомов объяснялась ещё и неспособностью их руководства правильно её организовать. На заседании Енисейского губкома РКП(б) 30 июля 1920 г. говорилось о необходимости разграничения деятельности местных советских органов. Инструктор губернского информационного подотдела Н. Костылюк из Енисейска докладывал: «Везде в учреждениях заведен домашний порядок. Толпы шатающихся барышень, не знающих, что им делать... В коммунхозе существует даже подпись «Кому делать нечего, не собирайтесь в кучу и не мешайте другим, лучше сиди на месте и ожидай окончания занятий». В советских органах наблюдался высокий уровень централизма и «бумаготворчества»: за неполных два месяца работы Ачинский уездный ревком отработал по всем отделам до 700 входящих бумаг и до 900 – исходящих [47, с. 36].

С началом лета 1920 г. информация, которая поступала властям из деревень, оценивала отношения их жителей к ревкомам как противоречивые. В Ачинском уезде в селениях с преобладанием новосёлов наблюдалась доброжелательность к распоряжениям ревкомов. Одновременно сообщалось, что боявшиеся остаться на зиму без дров крестьяне-старожилы проявляли недовольство задержкой отвода лесным отделом участков для их заготовки. В Ильинской волости произошел конфликт между председателем ревкома Липаткиным и его членами, которые обвиняли своего руководителя в несогласованных арестах крестьян, что способствовало распространению их враждебного отношения к власти. Чекисты свидетельствовали, что население этого уезда работе ревкомов не препятствовало, но и поддержки не оказывало [39, л. 12, 54, 88; 36, л. 48; 10, л. 11].

Выявилось, что даже в Красноярском уезде, где волостной и сельский аппарат был сильнее, чем в других уездах, «в работе членов некоторых ревкомов чувствуется апатия и усталость, наблюдается желание уйти от общественной работы, что объясняется небольшим окладом жалования, нежеланием отрываться от своего хозяйства, особенно в весеннее время... и индифферентным отношением населения к распоряжениям власти» [62, с. 259]. В Мининской волости хозяйственные крестьяне высказывались за переизбрание ревкома, не защищавшего интересы населения. Среди населения Вознесенской волости стало распространяться недоверчивое отношение к новой власти, которая так и не

смогла снабдить его товарами. Жители Кускунской, Зеледеевской, Покровской и Сухобузимской волостей, даже при наличии ячеек сочувствующих, относились к своим ревкомам с безразличием. Безучастно относилось к работе этого органа и население Сейской волости Минусинского уезда [29, л. 125; 30, л. 69, 84 об.; 34, л. 2, 8–9; 16, л. 163].

Во многих минусинских сёлах крестьяне, докладывали чекисты, «не повиновались распоряжениям властей, говоря, что эта власть хуже, чем была раньше, на самых высших должностях сидят евреи, немцы и опять приказы, и опять мучают нас. Ревкомы работают вяло. Нет работников». В некоторых волостях уже были слышны призывы не подчиняться власти «как не отражающей волю крестьян». 30 мая толпа мужиков с криками «Долой советскую власть!» избила в с. Покровское Имисской волости председателя ревкома и покушалась на других советских работников [52, л. 4; 53, л. 7; 48, с. 119].

Одной из главных задач, поставленных советской властью перед ревкомами, являлось побуждение крестьян к поставкам продовольствия в счёт объявленной в марте 1920 г. первой хлебной продразвёрстки. Как правило, принуждение исходило от военных и приезжих коммунистов, а меры, принимаемые властями на деревне, очевидно, были слабыми и неспособными заставить мужика делиться с государством своими запасами.

Полагая, что крестьяне совершенно иначе будут относиться к продовольственным заготовкам, если таковые будут проводиться органами, избранными самим населением, Ачинское уездное бюро РКП(б) ещё 8 июня 1920 г. приняло постановление, в котором предложило губернским властям ускорить выборы в советы [62, с. 264]. Заседавший 13 июня того же года Енисейский ГРК решил перейти к системе советов. В принятом постановлении ставилась задача создать в первую очередь «нормально действующие органы Советской власти в волостном масштабе и провести выборы в сельские советы и волостные исполкомы» [45, с. 6]. С этой целью была создана комиссия в составе представителей от губернского руководства и под председательством А. К. Цветкова-Просвещенского.

Провозглашённый переход к советам приветствовался, например, участниками прошедшей в июне 1920 г. беспартийной конференции крестьян Минусинского уезда, которые заверили власти в избрании их членами своих «лучших сынов» [58, л. 8–9]. 30 июня Цветков сообщил в Сибревком и Сиббюро ЦК РКП(б) о том, что созданные избирательные комиссии приступили к подготовке выборов в советы [28, л. 58]. 4 июля ГРК утвердил «Инструкцию по выборам сельских советов и волисполкомов», которая гласила, что они создаются сроком на шесть месяцев, оговорила количество депутатов и условия их избрания. Выборы объявлялись открытыми. При этом «все замеченные в злостной агитации против Советской власти и нарушающие порядок выборов, подлежали аресту и преданию суду». Впервые определялась категория лиц, лишённых избирательных прав. Доля таких граждан, в основном бывших военнослужащих белой армии и членов их семей, по Енисейской губернии составила 2 % всех избирателей.

Предвыборная кампания отметилась агитационной активностью коммунистов. В Ачинском уезде в деревню были посланы 80 партийцев. В некоторых местностях Канского уезда коммунистические ячейки, используя авторитет Красной армии, организовали агитацию за избрание своих членов не только через избирательные комиссии, но и военкоматы. На собраниях в селениях на Ангаре, где выборы из-за их отдалённости были отложены до 18 июля, члены волостных избирательных комиссий «настойчиво предлагали выбирать в советы стойких, настойчивых, честных защитников трудового населения». Выборы сельских советов и ВИКов прошли при низкой явке избирателей, составлявшей лишь 25 % от всех лиц, имеющих право голоса. Но даже при ограниченном круге избирателей крестьяне избирали в советы в основном сочувствующих РКП(б), беспартийных бедня-

ков. Прошедшие выборы позволили к 1 августа 1920 г. взамен ревкомов создать в деревне легитимные органы власти [45, с. 6; 56; 6, л. 73; 12, л. 55; 27, л. 19, 44].

Согласно заявлению Сибревкома, коммунисты легко победили на выборах в советы [7, л. 51]. Однако деятельность их в составе ревкомов по исполнению приказов вышестоящих органов воспринималась крестьянами настолько отрицательно, что, судя по сообщению одного из историков, партийцы прошли в советы в незначительном составе и составляли в сельских органах Енисейской губернии 1 %, а в волостных – 5,3 % [44, с. 150]. Поэтому восторженные и просоветские настроения были присущи в основном лишь жителям бывших партизанских местностей. Коммунисты, будучи незначительными по своей численности, с трудом обретали места в руководстве территориями.

Напротив, состоявшийся 6–9 сентября 1920 г. I Енисейский губернский съезд советов прошёл при 292 избранных с участием 182–190 делегатов, из которых 137 являлись коммунистами, 32 – сочувствующими РКП(б) и лишь 13 – беспартийными [13, л. 17]. Намеченный к избранию ещё в августе губернский исполком (ГИК) был создан во главе с И. А. Завадским из 25 членов и 15 кандидатов [26, л. 24] и был полностью коммунистическим. Назвав деятельность ревкомов положительной и достигшей своей цели, съезд заявил о высокой её значимости для укрепления советской власти.

В действительности же ревкомы оставили после себя стремительную бюрократизацию управленческой деятельности. Концентрация власти в их руках неизбежно подчиняла этим органам структуры правящей партии, которые использовались как механизм разъяснения и исполнения принятых решений. Оправданная централизация власти в ревкомах при её дальнейшем усилении способствовала углублению негативных тенденций, а присущий им командно-бюрократический стиль руководства блокировал проведение необходимых преобразований [46, с. 23, 25, 27].

Но осенью 1920 г. в условиях осуществления жесткого курса в политике государства эффективность управления, временно присущая ревкомам, была для некоторых сибирских коммунистов настолько очевидной, что они еще какое-то время пытались сохранить Енисейский ГРК. В одном из документов Сибревкома даже констатировалось, что 12 сентября 1920 г., т. е. сразу же после избрания на съезде, Енисейский ГИК был заменён вновь губернским ревкомом [55, с. 36]. 12 октября 1920 г. СНК РСФСР вторично рассмотрел и утвердил проект положения о Сибревкоме, юридически оформив его статус как высшего полномочного представителя центральной советской власти. В этой ситуации некоторые партийцы сочли ликвидацию ГРК преждевременной, а работу отделов губернского исполкома – слабой [33, л. 40]. 23–25 октября того же года состоялся пленум Енисейского губкома (ГК) РКП(б), инициированный сообщением о том, что некоторые партийцы договорились с Сибревкомом вернуться в качестве опыта к прежней структуре советских органов. Подняв вопрос о взаимоотношениях между ГИКом, его отделами и центральными главками, ГК постановил: губернский исполком руководит работой своих отделов, не вмешиваясь в рабочие детали [25, л. 97].

В силу разных причин власти неоднократно возвращались к управлению через систему чрезвычайных органов. Так, к концу 1920 г. в Енисейском уезде в связи с распространением «бандитизма» вместо уездного исполкома был организован ревком [35, л. 13]. 9 декабря 1920 г. президиум ГИКа получил информацию, что в Минусинске наряду с уездным исполкомом вновь стал действовать ревком, незаконно созданный местными руководителями, выражавшими сепаратистские взгляды. Реагируя на эти события, президиум Енисейского ГК РКП(б) 7 февраля 1921 г. решил создать в уезде советский орган в составе назначенных из Красноярска коммунистов [59, с. 78–80; 14, л. 15].

Ревкомы продолжали существовать и в национальных окраинах региона. Проводя соответствующие мероприятия, советская власть в лице Енисейского губернского национального отдела охватывала своим влиянием все большие территории, в т. ч. заселённые аборигенами севера и юга губернии. 25–28 декабря 1920 г. ревком в с. Монастырском под председательством Н. А. Шошкина провёл I съезд советов Туруханского края. Только летом 1921 г. в Ачинско-Минусинском инородческом районе, когда начался выход из тайги повстанцев, временный ревком был заменён уполномоченным уездного исполкома, при котором существовал инородческий подотдел уездного национального отдела. Заслушав доклад побывавшего на местах чекиста, президиум Енисейского ГИКа 9 августа 1921 г. счёл необходимым из-за бытовых особенностей жизни населения, ликвидации «бандитизма» и усиления советского строительства создать из семи инородческих волостей Минусинского и Ачинского уездов особый административный район во главе с ревкомом [15, л. 3].

Практика создания ревкомов на уровне уездов, которые способствовали созданию выборных советских органов, существовала и в дальнейшем. Так, 27 сентября 1921 г. губернское руководство с целью организации Красноярского уездного исполкома решило предварительно образовать уездный ревком в составе военного и продовольственного отделов [11, л. 21].

Следовательно, ревкомы, названные «чрезвычайными» органами советского государства, возникли под влиянием Гражданской войны, потребовавшей от большевиков прибегнуть в освобождённых районах Сибири к более оперативному и жесткому руководству. Одновременно этот процесс осуществлялся под воздействием их менталитета и политической культуры, порождённых военной обстановкой. Перераспределением властных полномочий в советской системе можно объяснить образование и сравнительно длительное существование Сибревкома. Ревкомы же были лишь организационной формой советской власти, ступенью к образованию её выборных органов. Деятельность их характеризовалась постоянной угрозой применения к окружающему обществу насилия. Вместе с тем они только начали использовать по отношению к крестьянам принудительные меры, которые уже после упразднения их системы в полном объеме употребили советы. Сама природа их создавала язвы бюрократии и детерминировала короткий срок службы. Организация и функционирование ревкомов способствовали централизации управления, показали пути и средства мобилизации сил, но вызвали первые протесты крестьянства.

Библиографический список:

1. Агалаков В. Т. Из истории строительства Советской власти в Восточной Сибири. 1919–1921 гг. Иркутск: Кн. изд-во, 1958. 183 с.

2. Бакшеев А. И. Деятельность Сибирского революционного комитета как высшего органа власти в Сибири // Вестник КрасГАУ. 2015. № 3. С. 211–215.

3. Бибикова В. В. Формирование органов местного самоуправления в Илимпийской тундре и в районе Подкаменной Тунгуски в первой половине 20-х годов XX века // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших дней: мат-лы IX Сибирского исторического форума. Красноярск, 14–16 сентября 2022 г. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 309–316.

4. Бугай Н. Ф. Органы защиты завоеваний Октября: проблемы изучения. М.: Мысль, 1982. 176 с.

5. Бугай Н. Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. 1918–1921 гг. М.: Наука, 1990. 320 с.

6. Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3.

7. ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 5.

8. ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 22.

9. ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 39.

10. ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50.

11. ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 115.
12. ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 209.
13. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 6.
14. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 41.
15. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 152.
16. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 9.
17. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 18.
18. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 19.
19. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 87.
20. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 113.
21. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 143.
22. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 158.
23. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 163.
24. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 168.
25. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 124.
26. ГА НО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 125.
27. ГА НО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 299.
28. ГА НО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2178.
29. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 152.
30. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186.
31. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 209.
32. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 252.
33. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 272.
34. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 287 а.
35. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 296.
36. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 299.
37. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 309.
38. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 323.
39. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32.
40. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 299.
41. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 2 а. Д. 11.
42. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 453.
43. Грязнухин А. Г. Енисейский губревком (1920 г.): чрезвычайные меры и демократия. Дуловские чтения 1992 года: сб. тез. конф. (Иркутск, 16–17 октября 1992 г.). Иркутск: ИГПИ, 1992. Ч. 1. С. 108–111.
44. Грязнухин А. Г. Использование большевиками Восточной Сибири выборной системы для формирования системы политического контроля (20-е гг. XX в.) // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: Мат-лы. Т. 1. Иркутск: ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2011. С. 148–152.
45. Грязнухин А. Г., Нихочина А. А., Малютина Л. Ф., Грязнухина Т. В. Избирательная кампания 1920–1921 гг. в Восточной Сибири как элемент формирования командно-административной системы // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 6.
46. Грязнухин А. Г. Переход от ревкомов к советам в Восточной Сибири (1920–1921 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1994. 28 с.
47. Грязнухин А. Г. Роль ревкомов Восточной Сибири в генезисе командно-административной системы // Духовно-исторические чтения. Вып. 5. Красноярск, 2000. С. 34–38.
48. Кокоулин В. Г. Настроения крестьян сибирской деревни зимой-весной 1920 г. // Сибирский архив. 2020. № 1 (3). С. 98–119.
49. Кокоулин В. Г. Продовольственная политика и крестьянство Енисейской губернии зимой-весной 1920 г. // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска): Мат-лы Сиб. ист. форума. Красноярск, 23-25 окт. 2019 г. Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2019. С. 170–173.
50. Куренков А. В. Революционные комитеты Сибири периода Гражданской войны в отечественной историографии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 5. С. 602–616.
51. Макарчук С. В. Экстремизм в политической культуре большевизма: установление советской

власти на Востоке России (1919–1922 годы) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 31. С. 112–118.

52. Муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 15.

53. МКУ «АГМ». Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 92.

54. Северьянов М. Д. Сибирская доколхозная деревня: землепользование, землеустройство и переселение (1861–1930 гг.). Кызыл: Тывинск. гос. ун-т, 2010. 247 с.

55. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925: Сб. док. и мат-в. Новосибирск: Кн. изд-во, 1959. 658 с.

56. Соломенцова Л. П. О первых выборах на территории Енисейского уезда [сайт]. URL: https:// Красноярские архивы. РФ / articles/stati_arhivistov/843 (дата обращения: 23.05.2023).

57. Тепляков А. Г. Красные партизаны на востоке России. 1918–1922. Девиации, анархия и террор. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 840 с.

58. Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова (АМКМ). Оп. 1 а. Д. 133.

59. Шекшеев А. П. Борьба за власть между коммунистами и централизация партийно-советского руководства на юге Енисейской губернии в начале 1920-х гг. // Известия лаборатории древних технологий: науч. журнал. 2014. № 3 (12). С. 68–92.

60. Шекшеев А. П. Национальная политическая элита Хакасии: вхождение во власть, борьба за суверенитет и судьба (1920–1930-е гг.) // Мир Евразии: науч. журнал. 2011. № 1. С. 48–57.

61. Шишкин В. И. Революционные комитеты // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. К–Р, гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 756–757.

62. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 – март 1921 гг.). Новосибирск: Наука, 1978. 334 с.

63. Шишкин В. И. Сибирский революционный комитет в советской политической системе периода Гражданской войны // Уральский исторический вестник. 2019. № 2. С. 87–95.

64. Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. Ноябрь 1919 – март 1921 г. Новосибирск: Наука, 198.

К. И. Шестакова,
г. Красноярск

Роль архивных фондов в сохранении социокультурного наследия (на примере фондов Государственного архива Красноярского края)

Важную роль в сохранении и использовании информации о бытовании того или иного региона играет архивное учреждение. Будучи хранилищем историко-культурного опыта, накопленного на протяжении нескольких веков, архив является неотъемлемой часть культурного достояния. Собранные за длительный период существования архивной отрасли документы имеют определенную специфику, обусловленную политическими, социально-экономическими и культурными особенностями края. Енисейская губерния (Красноярский край), на территории которой проживают представители более 150 национальностей, отличается богатыми многоконфессиональными и полиэтническими традициями, что делает её историю развития уникальной.

В Государственном архиве Красноярского края находятся на хранении документы, содержащие важнейшие сведения о развитии региона. Наиболее ранние документы представлены в фондах губернских и уездных учреждений Енисейской губернии, в фондах Енисейского губернского управления, переселенческого управления. Они освещают историю освоения и заселения Сибири, переселенческого движения, административного переустройства края, жизни малых народностей Севера. В фондах Красноярской город-

ской думы, городской управы, городской мещанской управы отложились документы по истории г. Красноярска. По ним можно проследить, как рос город, как увеличивалась численность жителей, развивалась торговля, посмотреть на состояние городского благоустройства. Одним из важных источников комплектования Государственного архива Красноярского края являются документы личного происхождения, поступившие ранее и поступающие в настоящее время.

Фонды личного происхождения, в составе которых разнообразные документы деятелей науки, литературы и искусств, краеведов, дополняют различные аспекты истории Енисейской губернии (Красноярского края) теми данными, которые не найдёшь в официальных документах, а также «живыми» свидетельствами очевидцев исторических событий. В социокультурном аспекте документы личного происхождения отражают социально-общественную и культурную активность людей. Большую ценность для историков и архивистов представляют и изобразительные материалы в составе этих фондов. В составе фондов Государственного архива Красноярского края имеются личные коллекции многих известных общественных и культурных деятелей Сибири, таких, к примеру, как историк, исследователь Сибири, член-корреспондент Петербургской академии наук Григорий Иванович Спасский (1783-1864); русский предприниматель, промышленник и библиофил, потомственный почётный гражданин, купец 2-й гильдии Геннадий Васильевич Юдин (1840-1912); краевед, этнограф, исследователь Енисейской губернии Савельев Александр Александрович (1883-1935); заслуженный работник культуры, член Союза журналистов РСФСР Коминт Флегонтович Попов, государственный и общественный деятель Сизов Леонид Георгиевич; краевед, первый директор заповедника «Столбы» Александр Леопольдович Яворский; писатель и фольклорист Александр Вениаминович Гуревич и многие другие.

Большую часть вышеупомянутых архивных коллекций составляют биографические материалы: свидетельства о рождении, членские билеты, трудовые книжки, пропуски, анкеты, удостоверения, дипломы, благодарственные письма, автобиографии, вырезки из периодических изданий, тематически связанные с той или иной персоной, рисунки и др. Но наиболее ценными материалами среди документов личного происхождения являются дневники и фотографии общественных деятелей. Авторы не только фиксировали информацию о событиях, очевидцами которых являлись, но и создавали для потомков своеобразный слепок прошлого, что, вне всякого сомнения, способствует обогащению культуры коллективной памяти.

Так, на хранении в государственном архиве Красноярского края имеется коллекция Г. В. Юдина. В составе фонда содержатся официальные, хозяйственные, научно-технические, личные документы, сгруппированные по организациям, отдельным лицам и темам, и отражающие общественную, религиозную, культурную и экономическую жизнь Енисейской губернии. Отложились документы, включающие сведения о деятельности органов власти, общественных организаций и религиозных деятелей, среди которых Енисейское губернское общее правление, Енисейская казенная палата, Красноярское отделение Госбанка, общество обывателей и избирателей Красноярска, епископ Енисейский и Красноярский. К примеру, среди документов епископа Енисейского и Красноярского содержится письмо священника Н. Путилова с предложением проекта устава религиозно-благотворительной «Светской общины бедных трудящихся людей» [1. Л. 1-5]. Сохранились в фонде и уставы Красноярского Синельниковского общества благотворителей и попечения сирот, других благотворительных организаций г. Красноярска, а также Общества врачей Енисейской губернии. Документы протоиерея Василия

Дмитриевича Касьянова помимо биографических и служебных материалов представлены текстами его писем и дневников за 1878-1897 гг., являющихся уникальными источниками по истории Енисейской губернии этого периода. Особое значение в составе фонда имеют документы купцов и промышленников Ларионовых, Замошниковых, В. А. Данилова, самого Г. В. Юдина и его родственников, – преимущественно деловая и личная переписка, которая является содержательным источником не только для изучения особенностей предпринимательской деятельности указанного периода, но и специфики быта, культурно-образовательного уровня и менталитета провинциального российского купечества. При исследовании хозяйственной и повседневной жизни красноярцев конца XIX – начала XX в. будет также интересна собранная Геннадием Васильевичем подборка объявлений и афиш. Из собранных Г. В. Юдиным меню завтраков и обедов, данных по поводу важных городских мероприятий, мы можем узнать, в частности, что в состав блюд, поданных на обеде в честь испытаний моста через реку Енисей 27 марта 1899 г., входили «консоме с гренками и пирожками…, таймень ценный из Бирюсинского карьера, жареные рябчики пролетные небывалой величины», а также кофе и ликеры [4. Л.2]. Какие спектакли, концерты, цирковые представления, танцевальные вечера были представлены жителям и гостям города в конце XIX – начале XX в. Многочисленные материалы коллекции, собранной Геннадием Васильевичем Юдиным, могут быть полезны для изучения различных аспектов истории Енисейской губернии и Сибири в целом периода XIX – начала XX в.

Следующий фонд, вызывающий большой интерес у исследователей, – личный фонд А. Л. Яворского, уникальный по своему составу. При подготовке выставок, написании статей архивисты постоянно обращаются к его материалам. В составе фонда собран материал: мемуары, фотографии, дневниковые записи, художественные работы, брошюры, личные документы, научные статьи по различным направлениям, вырезки из газет и журналов, письма и др. Интересны документы о художниках – Д. И. Каратанове, Т. В. Рянеле, А. П. Лекаренко и других, – со многими из которых Яворский был знаком лично. Также, Александр Леопольдович собирал воспоминания других людей о живописцах. В фонде имеются такие документы, как очерк «Художники Красноярска Суриковского времени» «Краткое описание жизни художника А. Ф. Ефремова», «Игнатий Цезик. Воспоминания о нем неизвестного» и многие другие интересные документы.

Немаловажное место занимают в фонде А. Л. Яворского документы, связанные с музеем Красноярска. Участвуя в различных экспедициях, он сохранил интереснейшие наблюдения о быте, нравах, обычаях народов Сибири. А воспоминания о жизни в Енисейске и Красноярске дают бесценную картину городов конца XIX – середины XX в. Александр Леопольдович сохранил фотографии старых домов, церквей г. Красноярска и описал историю некоторых из них.

Также на хранении в краевом архиве имеется фонд Г. И. Спасского, который уже не один год вызывает интерес у учёных и краеведов. За 12 лет пребывания в Сибири Григорий Иванович собрал обширный материал по различным отраслям сибирской жизни, о быте инородцев и их языке.

Довольно обширные данные по изучению народов Сибири содержит фонд А. А. Савельева. Материалы, собранные Александром Александровичем: техника Приангарья (промыслы и орудия производства, постройки, детали, рисунки), пушной промысел в Енисейской губернии. Программы для собирания сведений об охоте и звероловстве. Заметки и цифры о рыбном промысле. Наставление о посеве, уборке, хранении и употреблении картофеля. Бланк по учёту урожая хлебов и трав. Черновые материалы по описанию пищи населения в Приангарском крае.

В фонде А. В. Гуревича собраны интереснейшие материалы по сибирскому фольклору первой половины XX века. Неутомимый собиратель, исследователь, популяризатор народного творчества, он стал известен своими записями русского фольклора и фольклора народов Сибири, исследовательскими работами, большой помощью народным сказителям. Документы фонда содержат биографические сведения о самом А. В. Гуревиче и отражают всю многогранность его творческой деятельности. Документы по фольклору и фольклористике представлены в очерках, статьях, заметках, лекциях о различных видах устного народного творчества, их значении и о методологии сбора фольклорного материала, а также собственно самими фольклорными материалами, собранными А. В. Гуревичем в разное время (игровые песни, поговорки, считалки, сказки, описание свадебных обрядов, пословицы, приметы как русского населения Сибири, так и её коренных народов – хакасов, бурятов, якутов, эвенков).

Богатый разнообразными фотодокументами фонд Л. Г. Сизова также довольно часто используется при оформлении архивных выставок. Тематика фотодокументов очень разнообразна: видные государственные деятели Красноярского края, в том числе в неформальной обстановке; стройки как союзного значения, так и городских масштабов; виды городов края, в том числе северных и «закрытых»; спортивные и общественные мероприятия и многое другое. Кроме фотодокументов, в фонде Леонида Георгиевича широко представлены документы о его трудовой деятельности, в том числе комсомольской – тексты выступления на мероприятиях, статьи и т. д.

Следующим личным фондом, заслуживающим особого внимания, является фонд К. Ф. Попова. Помимо документов, относящихся к журналисткой деятельности, в его фонде представлены материалы по политическим репрессиям конца 1930–1950-х гг. Целая галерея судеб, ярких и одновременно трагических портретов наших земляков и тех, кто по роковому случаю оказался в Красноярском крае. Очень ценным является и то, что на хранение сданы и фотографии этих людей.

Архивные фонды личного происхождения активно используются учёными, преподавателями учебных заведений, студентами и аспирантами, краеведами, библиотекарями, музейными работниками: пишутся диссертации, научные статьи, издаются монографии и коллективные сборники. Поскольку приобщение к личным фондам способствует существенному расширению культурных горизонтов и профессиональному росту, необходимо активно их популяризовать. В Государственном архиве Красноярского края это достигается за счёт написания статей, выставочной деятельности, участия в научно-практических конференциях, организации круглых столов. Так, в 2023 г. сотрудниками отдела использования и публикации документов была организована выставка архивных документов «Ex libris: забытое искусство». Важное место в экспозиции этой выставки заняли документы из личного фонда красноярского художника-графика Владимира Николаевича Свалова, которые недавно были переданы на хранение в архив его сыном Александром Владимировичем.

Таким образом, документы личного происхождения наряду с документами государственных и негосударственных учреждений являются ценными источниками по изучению научно-технических достижений, государственного устройства, общественной жизни и культуры региона, занимают важное место в составе фонда Государственного архива Красноярского края. Сохраняя память о выдающихся современниках, транслируя материальные и духовные богатства наших предков потомкам, архив тем самым способствует формированию условий для сохранения коллективной исторической памяти, расширению способов репрезентации региона в стране и в целом демонстрирует активный созидательный ресурс устойчивого развития территории.

Библиографический список:
1. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК»). Ф. 796. Оп.1. Д. 4192.
2. КГКУ «ГАКК». Ф. 796. Оп. 1. Д. 4306.
3. КГКУ «ГАКК». Ф.796. Оп. 1. Д. 4416.
4. КГКУ «ГАКК». Ф. 796. Оп. 1. Д. 5022.
5. КГКУ «ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 22.
6. КГКУ «ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 34.
7. КГКУ «ГАКК». Ф. 793. Оп. 1. Д. 4.
8. КГКУ «ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 24.
9. КГКУ «ГАКК» Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 194.
10. КГКУ «ГАКК» Ф. Р-2120. Оп. 1. Д.237.
11. КГКУ «ГАКК» Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342.

РАЗДЕЛ IV.
ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Т. Л. Мартыненко,
г. Нижний Тагил

Экопросвещение в Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал» на примере работы Музея природы и охраны окружающей среды

В наши дни музей не является хранилищем природных ценностей или краеведческих реликвий. Музейная работа включает распространение полной, разносторонней и объективной информации о состоянии и динамике природных процессов; формирование личного, заинтересованного отношения людей к родной природе [1].

Экологическое просвещение, осуществляемое музеями, – это одно из основных функциональных направлений деятельности, складывающееся из особенностей коллекций, выставок и экспозиций [2].

Современные образовательные стандарты направлены на формирование грамотного экологического мировоззрения подрастающего поколения, что возможно при непосредственном общении с природой, в соответствии с истиной «для того чтобы охранять природу – надо её знать». Живое общение с элементами природной среды, сочетающее информационно-познавательный, практический, природоохранный и исследовательский аспекты с эстетическим восприятием, рационально в деле охраны природы.

Музейная экспозиция раскрывает образную картину явлений природы, показывая экологические проблемы на краеведческом материале, возможность осознать необходимость охраны конкретного уголка родной земли; воспитывает любовь к своему краю — первый этап к формированию экологической культуры населения [1].

Экологический компонент является одним из приоритетных при работе над экспозициями и выставками в Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал». Например, выставка в Музее природы и охраны окружающей среды «Природа и человек: всегда вместе».

В системе музея-заповедника, где по общей горнозаводской тематике представлены природные ресурсы сквозь призму горнозаводского наследия, создана выставка «Природа и человек: всегда вместе». Выставка задумывалась для показа комплекса взаимоотношений внутри союза Природы и Человека и состоит из трёх разделов. Первый раздел демонстрирует партнёрство сторон, когда люди, горы, леса и животный мир были участниками такой картины мироздания, где сила каждого уважалась всеми. Второй раздел представляет время, когда человек ощутил собственное превосходство над природой, волею и силой преобразовав природный ландшафт в угоду собственным потребностям. Третий раздел показывает последствия жадной эксплуатации природных ресурсов и ставит вопрос об обращении к новому партнёрству с природой – разумному и заботливому.

Тема взаимодействия человека с природой в доиндустриальной культуре раскрывается через технологию обработки человеком природных материалов (камень, кость, глина).

Клад бронзовых изделий с Шайтанского озера позволяет раскрыть тему раннего металла, его поиска, обработки, применения. Древний календарь на каменном диске-навершии позволяет рассказать о сложных абстрактных знаниях человека, которые были связаны с наблюдением за астрономическими явлениями. Чтобы показать рубеж смены цивилизационных кодов, на выставке представлены артефакты, связанные с народностью манси: одежда и предметы быта контрастируют с тем, как на фотографиях выглядят заводские люди. Видоизменение ландшафтов представлено картами и фотографиями, образцами руд, макетом шахты, старательскими инструментами, перфоратором для добычи руды и пр. Крупные постеры иллюстрируют вопрос рекультивации индустриальных объектов (карьеров, платиновых разработок), совершаемой человеком с использованием гигантской техники. Специально для выставки подготовлены карты (карта распространения ледника; карта изученных археологических стоянок с указанием артефактов с них, представленных на выставке), разработаны информационные таблички дидактического плана (основных этапов формирования горных богатств, флоры и фауны тагильского края, палеонтологических находок).

Концепция художественного оформления выдержана в классических музейных традициях с единством экспозиционного поля, соблюдением экспозиционных уровней, приоритетом в показе музейного предмета, единообразием музейного этикетажа. По периметру зала и внутри витрин установлен специальный музейный свет. Художественное оформление интерактивных зон и выставочного пространства одинаково. Для посетителя интерактивные зоны маркируются, сопровождаются навигационными указателями и дидактическим материалом. Используются приёмы цифровой печати на ткани, крупноформатная печать для оформления панно во всю стену. Использовалась авторская графика (Б. Г. Долматов).

Специально для выставки «Природа и человек: всегда вместе» созданы интерактивные зоны: «Палеонтологическая песочница», «Работа обогатительной фабрики» и «Тайны великих открытий», выполненные при поддержке БФ «ЕВРАЗ Урал». В рамках проекта созданы реплики археологических предметов из коллекции музея-заповедника – 80 шт., древний токарный станок, станок для добычи огня лучковым способом, макеты древних жилищ, макет сыродутной печи. В мультимедийной зоне демонстрируются фильмы: о технике изготовления каменных орудий эпохи палеолита; об экологической обстановке в Нижнем Тагиле («Тучи над городом»); фильм о Висимском заповеднике.

Другим направлением в деле экологического просвещения музея-заповедника является опыт работы научных сотрудников музея в составе информационного экологического городского центра (с 1996 г.) [3].

Данные об изменении природной среды города Нижний Тагил передавались для обработки в Центр охраны окружающей среды, где была сформирована информационная база данных по экологической обстановке в городе. На базе музея был создан экологический класс, где население города получило доступ к экологической информации. Также в рамках муниципальной целевой программы «Формирование экологической культуры у детей и учащейся молодёжи города Нижний Тагил» старшим научным сотрудником музея-заповедника Г. М. Котиной были разработаны эколого-просветительские программы для детей школьного и дошкольного возрастов в соответствии с образовательными стандартами и требованиями для экологических программ основного образования [3].

Многие годы сотрудники музея природы формировали на базе эко-класса: информационную базу данных об экологическом состоянии городской среды Нижнего Тагила; периодическую и научную литературу по разным экологическим направлениям; аудио- и

видеотеку на различных носителях. На занятиях по программам экологического класса традиционно использовались и музейные предметы из коллекций музея-заповедника: фотодокументы, коллекции насекомых, гербарии растений, чучела животных и птиц, минералов и окаменелостей. Тематика занятий экологического класса пополнялась, изменялось и содержание программ в соответствии с изменением образовательных потребностей и образовательных стандартов основного обучения общеобразовательных и дошкольных учреждений [3].

Работая над совершенствованием программы и учитывая популярность отдельных тем и блоков экопросветительской программы, сотрудники музея природы (Т. В. Земляная, Н. М. Федюнина) выступают с инициативой преобразовать пространство экологического класса в выставочное. Начиная с 2013 г. в экологическом классе работают небольшие выставки экологической направленности: «Лесная аптека», «Редкие виды животных», «Живое прошлое земли», «Живые барометры», «Камень, рождающий металл», «Зелёный фронт», Сохраняя природу, сохраняем будущее», «Гидроэкология Нижнего Тагила», «Чёрная книга», «Растения-кладоискатели», «Камуфляж в природе» и др. Во время тематических экскурсий посетители знакомятся с видовым многообразием животных и растений, обитающих на Урале, а также с минералами и горными породами, составляющими основу природных богатств края.

Одним из эффективных направлений в современной работе по обеспечению непрерывного экологического просвещения музея-заповедника является ежегодное проведение экологических праздников: «Всемирный день защиты водных ресурсов», «Международный день птиц», «Международный день Земли», «Всемирный день защиты окружающей среды», «Всемирный день защиты животных», «Международный день гор». В рамках проведения программы в качестве гостей-экспертов сотрудники музея приглашают специалистов ООПТ (Висимского заповедника, природных парков «Река Чусовая», «Оленьи ручьи», «Бажовские места»), мастеров камнерезного и ювелирного дела, специалистов по созданию таксидермических скульптур, археологов, орнитологов и спелеологов. Целью проведения любого экологического праздника в музее-заповеднике является привлечение внимания людей к основным экологическим проблемам, в том числе и сохранение уникальных природных богатств края.

Кроме посещения занятий и просветительских мероприятий, гости музея-заповедника имеют возможность воспользоваться информационной базой данных экологического класса, получить консультацию об экологии города и справку о состоянии природных ресурсов региона.

Библиографический список:

1. Носова Т. М., Шведов В. Г. Образовательный потенциал музея в развитии экологической культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. № 2. – С. 932–937.

2. Экологическое просвещение: учебно-методическое пособие / сост. И. М. Зарубина. – Киров : ООО «Типография «Старая Вятка», 2012. – 95 с.

3. Научный архив Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»: архивные документы старшего научного сотрудника Г. М. Котиной; архивные документы специалиста по экопросвещению Н. Д. Чудиновой.

Л. В. Начинкина,
г. Дудинка

«Нордвик. Территория недоступности»

В 2023 году исполнилось 90 лет с начала промышленного освоения территории на востоке Таймыра, в заливе Нордвик. Эта территория хранит в себе много тайн и загадок. Сегодня здесь остались только заброшенные посёлки со следами забытой человеческой деятельности. У немногочисленных добирающихся сюда экспедиций и туристов возникает много вопросов: кто, когда и зачем осваивал эти отдаленные территории с суровыми даже для Севера условиями проживания?

Первые географические сведения о заливе Нордвик появились благодаря работе Ленско-Енисейского отряда Великой Северной экспедиции в середине XVIII века. В 1905 году, во время работы Хатангской экспедиции Русского Географического общества, полуостров Нордвик был впервые нанесён на карту и ему было присвоено название «Юрюнг-Тумус». В последующем полуостров стали называть по названию бухты, в которую он вдаётся – Нордвиком, а всю прилегающую территорию – Нордвикским районом [3, с. 4].

Район бухты Нордвик имеет суровый климат, это прибрежная территория – залив моря Лаптевых. Полярная ночь длится 79 суток, полярный день – 92 дня. В летнее время выпадает наибольшее количество осадков, солнечных дней очень мало. Также характерны сильные и частые ветры. Климат здесь весьма неблагоприятен, однако это не помешало начать освоение этих мест [9].

В 1933 году Главное управление Северного морского пути направило в Нордвик экспедицию под руководством Тихона Матвеевича Емельянцева. В отчёте Емельянцев докладывал о наличии соляного купола и выходов жидкой нефти, которую ему удалось собрать в количестве около 0,5 л. В результате в 1934 г. была создана стационарная Нордвикская нефтеразведочная экспедиция. Начаты работы по поискам и разведке залежей нефти, каменного угля и каменной соли, необходимых для снабжения северных районов собственным углём, солью, а в дальнейшем и нефтепродуктами. 25 июля 1936 года по постановлению Совета Труда и Обороны СССР создан трест «Нордвикстрой» в составе Главного управления Севморпути [3, с. 5; 10].

Для добычи полезных ископаемых стали создаваться посёлки: Нордвик, Солерудник, Илья, Косистый и др. В начале разведочных работ уголь добывали на полуострове для местных нужд жилого посёлка и создаваемых предприятий. С 1937 до 1942 года геологические работы на Нордвике были прекращены и перенесены на юго-восточное побережье залива Кожевниково. К этому времени относится начало строительства посёлка геологов на побережье залива, получившего то же название [3, с. 6].

Именно в этот период на работу в посёлок Кожевниково прибыл геолог Пинхос Соломонович Пук, а чуть позже к нему прилетели жена и дочь. Семейство Пук до войны проживало в г. Грозный, где Пинхос Соломонович работал в тресте «Старогрознефть». При наступлении фашистов на Кавказ в Грозном с весны 1942 г. проводились работы по ликвидации нефтяных скважин. Геологов с семьями эвакуировали. После эвакуации Пинхос Соломонович был направлен на работу в Нордвикскую нефтеразведочную экспедицию Севморпути. К тому времени Главное геологическое управление (ГГУ) уже переехало из Москвы в Красноярск, поэтому работников на Нордвик отправляли из Красноярска. С 1943 г. семья Пук уже проживала в п. Кожевниково [2, с. 17-21].

Ранее, в 1938 г. на работу в Нордвикскую нефтеразведочную экспедицию завербовался Антон Михайлович Жимайлов. В экспедиции он был привлечён к ремонту судов. Сразу же по прибытии в Кожевниково Антону Михайловичу пришлось заниматься ремонтными работами на таких известных судах, как «Георгий Седов» и «Ермак», общаться с легендарными полярниками: И. Д. Папаниным, капитанами ледоколов М. Я. Сорокиным, В. И. Ворониным, полярными лётчиками И. П. Мазуруком, А. Д. Алексеевым и многими другими. Позже Антон Михайлович окончил специализированные курсы, которые позволяли ему во время навигации, длившейся всего несколько месяцев, работать старшиной катеров портового плавания, а в зимнее время – в гараже. А в 1939 г. для работы в Нордвикстрое прибыла молодая девушка Закира Валеева [8, с. 5-10]. Антон и Закира поженились в 1940 г. В посёлке Кожевниково у пары родилось двое детей – Дина и Валерий. Семья Жимайловых прожила в посёлке до 1954 г., выехали они одними из последних [7, с. 53-55].

Интересным фактом истории семей Пук и Жимайловых является то, что своего первого ребенка, дочь, рожденную на Нордвике, Антон и Закира назвали в честь дочери Пинхоса Соломоновича Пука – Диной. Семьи дружили между собой. А проживая в совсем небольшом посёлке, вдалеке от больших городов, в трудных климатических условиях, люди сильно сплачивались и часто сохраняли тёплые дружеские отношения на всю жизнь [7, с. 1].

Дина Дудина (в девичестве Пук) написала книгу воспоминаний «Вокруг Нордвика». Она была опубликована в издательстве «Апекс» г. Норильск в 2006 г. А в 2019 г. заместитель директора по научной работе Ландина Лейла Александровна во время командировки в Москву встретилась с уроженкой п. Кожевниково – Диной Антоновной Михайловой (в девичестве Жимайловой). Для Таймырского музея Дина Михайлова передала фотографии и рукопись своих воспоминаний. Эти воспоминания представляют собой уникальные свидетельства времени, они полны подробностей и деталей, которые невозможно прочесть в официальных документах.

Ещё одним важным источником информации о Нордвике являлась Амалия Михайловна Хазанович, известная просветитель, писатель, общественный деятель, комсомолка, популяризатор культурно-массовой работы среди коренных народов Крайнего Севера. В 1936-1938 гг. Амалия Хазанович в качестве заведующей Красного чума кочевала в Хатангской тундре сначала с долганами, а затем с нганасанами. По итогам своей деятельности Амалия написала книгу «Друзья мои, нганасаны». Эта женщина обрела огромный авторитет среди коренного населения Таймыра [4, с. 42; 6, л. 7]. Закончив свой аргиш в 1939 г., она ещё не раз отправлялась на Север. С 1940 по 1946 гг. Амалия Хазанович работала в Нордвикской нефтеразведочной экспедиции [8]. В 1980-х годах Амалия Михайловна передала Таймырскому музею документы, фотографии, личные вещи. Среди них – альбом с фотографиями, сделанными на Нордвике. Это ценнейший исторический материал, позволяющий увидеть освоение Нордвика в 1940-х годах.

В нефтеразведке работали специалисты, приезжавшие жить на Крайний Север с семьями. В посёлках функционировали детские сады и школы. Снабжение территории посёлков Нордвика осуществлялось Северным Морским путём через морской порт на мысе Илья. Порт имел причал для разгрузки, позволявший пришвартовываться баржам и лихтерам водоизмещением до 2-3 тысяч тонн. Морские суда стояли на рейде, где глубина фарватера составляла 7-9 м. Из-за отсутствия разгрузочного оборудования почти вся разгрузка шла вручную. В эти годы территория СССР осваивалась в рамках концессионного соглашения между США и СССР. Поэтому в посёлках Нордвикстроя было много оборудования и продовольствия из Соединенных Штатов Америки. По воспоминаниям жителей, в частности Дины Дудиной: «Продукты выдавались на месяц по карточкам без денег в достаточном

количестве. Рыбу, дичь, мясо оленя в обмен на чай, курево, сахар, брагу (готовили сами из сахара, воды и дрожжей) привозили коренные жители тех мест – якуты» [2, с. 21]. Дина Михайлова отмечала в своих воспоминаниях, что, выехав на материк, она часто вспоминала сытые годы жизни в Кожевниково [7, с. 56].

Во время осуществления нефтеразведочных работ связь между экспедиционными участками осуществлялась трактором с прицепленным балком, установленным на сани. Балок отапливался железной печкой «буржуйкой». Также от участка к участку передвигались при помощи собачьих упряжек. Между населёнными пунктами ездили машины и вездеходы [2, с. 40]. На противоположном берегу залива, в 25 км, почти напротив посёлка Кожевниково и северо-восточнее, в 18 км от Ильи, находился аэропорт Косистый, который действовал до 1993 г. Связь с аэропортом из близлежащих населённых пунктов осуществлялась самолётом У-2, позднее По-2, а летом по воде катером из порта Илья [2, с. 41].

Летом 1951 г. в Нордвикской экспедиции работала Комиссия Совета Министров СССР. Она определила необходимые объёмы изучения территории до 1955 г. В связи с расширением участков по поиску нефти и газа вновь стали прибывать специалисты с материка. Однако после смерти Сталина ситуация изменилась. 10 июня 1953 года вышло Постановление Совета Министров СССР о консервации геологоразведочных работ в некоторых районах Арктики, в том числе и на Нордвике. Руководству экспедиции приказывалось в кратчайшие сроки прекратить все начатые геологические работы и подготовиться к полному закрытию экспедиции. Полная ликвидация экспедиции заняла почти год [2, с. 92, с. 97].

После прекращения работ в посёлках Нордвика эта территория на долгие десятилетия оставалась заброшенной. Однако в 1990-е годы была организована экспедиция из Норильска к заброшенным посёлкам, в том числе и в залив Нордвик. Был собран различный материал. Следы лагеря как такового найдены не были, однако имеющиеся находки можно было трактовать по-разному. В экспозиции Таймырского музея представлена часть этих находок: упаковки от еды производства США, обувь, предметы быта.

В 1990-е годы стала выходить серия книг воспоминаний (всего 15) журналиста и исследователя Галины Касабовой «О времени, о Норильске, о себе». В одном из томов этой серии книг есть статья Нины Семёновны Дзюбенко «Что рассказали архивы», в которой имеются сведения о Нордвике. В статье утверждается, что были планы передать Нордвик в систему Норильлага, однако они не осуществились. В статье представлены выдержки из других документов, например из партархива ЦК ВКП(б): «О нордвикской соли», подготовленном О. Ю. Шмидтом и С. А. Бергавиновым (начальником политотдела ГУСМП, впоследствии арестованным) в январе 1936 г.: «…был ещё один пункт, обычно в печати не упоминаемый: «Предложить Народному Комиссару Внутренних дел товарищу Ягоде выделить ГУСМП к лету 1936 года до 1000 человек из лагерей для строительства рудников на Нордвике». Также есть информация, что на поиски соли на Нордвике с 1933 по 1941 г. было израсходовано более 75 млн. рублей. Важно отметить, что по итогам экспедиции, о которой пишет Нина Дзюбенко, «видимых признаков лагеря на Нордвике экспедиция не нашла», предполагая, что «конвой и «колючку» заменяли расстояние и климат» [1, с.16-31].

Отталкиваясь от воспоминаний людей, проживавших в посёлках Нордвикстроя, а точнее в п. Кожевниково, мы не находим подтверждения существования лагеря заключённых. Однако это не может однозначно свидетельствовать о том, что такого здесь точно не было. В системе Нордвикстроя работали угольные шахты, здесь же шла добыча соли. Кем были люди, задействованные на этих работах? Этот вопрос остаётся пока без однозначного ответа. Что касается п. Кожевниково, с историей которого связаны имеющиеся в нашем

распоряжении воспоминания Дины Дудиной и Дины Михайловой (Жимайловой), то этот посёлок был сосредоточением работ по нефтеразведке, и там лагеря действительно не было. Однако вопрос с историей посёлков Нордвика остаётся открытым и требует дальнейшего исследования.

Список используемой литературы и источников:

1. Дзюбенко Н. С. О чём рассказали архивы: воспоминания / Н. С. Дзюбенко // О времени, о Норильске, о себе. Часть 3 / под ред. Г. И. Касабова – М.: «ПолиМедиа», 2003. – 536 с.
2. Дудина Д. П. Вокруг Нордвика / Д. П. Дудина – Норильск: Апекс, 2006. – 112 с.
3. Калинко М. К. Геология и нефтеносность полуострова Нордвик (Юрюнг-Тумус) / М. К. Калинко, Москва: Издательство Главсевморпути, 1935. – 169 с.
4. Панюкова О. И. Амалия Хазанович / О. И. Панюкова // История и педагогика естествознания / 2013, №1, – 48 с.
5. Самойлов А. Г. Очерки по истории открытий минеральных богатств Таймыра / А. Г. Самойлов: Новосибирск, СО РАН, филиал «Гео», 2003.– 348 с.
6. Печенкина М. К. Развитие культуры на Таймыре: Историческая справка / М. К. Печенкина // Научный архив КГБУК «Таймырский краеведческий музей». – 02/03/12 – 21 л.
7. Михайлова Д. А. Воспоминания дочери полярника / Д. А. Михайлова // Документальный фонд КГБУК «Таймырский краеведческий музей». – ТКМ 21747 ГИК.
8. Справка Нордвикской Нефтеразведочной экспедиции / Документальный фонд КГБУК «Таймырский краеведческий музей». – ТКМ 7143/16 ГИК.
9. Маринов В. А. Нордвик – экспедиционные работы 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт института нефтегазовой геологии и геофизики (ИНГГ) г. Новосибирск. – URL: http://www.ipgg.sbras.ru/ru/news/nordvik-20144 (дата обращения: 02.11.2023).

Р. Р. Сайбулина,
Научный руководитель: Н. А. Левочкина, доцент, к. э. н., к. и. н.,
ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия» г. Омск

Раздельный сбор мусора как форма экопросвещения учащихся омских школ

Проект «Раздельный сбор мусора как экопросвещение» для учеников 2-9 классов города Омска» посвящён важности экологической грамотности и проблемам раздельного сбора мусора. Сегодня мусор составляет серьёзнейшую проблему для Омска как одного из городов-миллионников России. Проблема мусора – одна из актуальных проблем в мире. Каждый день, выбрасывая отходы в мусорные вёдра, люди даже не задумываются о том, что тем самым наносят вред природе – загрязняют воду, почву, воздух. Большинство людей просто не знает, как происходит и для чего нужна сортировка мусора. Для того чтобы проинформировать население и внедрить практику сортировки мусора, был разработан этот проект. Благодаря мероприятиям (акция «Мы за сортировку мусора», мастер-классы по сортировке мусора, экскурсии на Омский перерабатывающий завод), которые входят в план реализации по этому экологическому проекту, у обучающихся в процессе будет формироваться бережное отношение к природным ресурсам. А также учащиеся младших и средних классов уже с раннего возраста получат необходимые знания о раздельном сборе мусора.

По оценке РЭК Омской области, каждый житель многоквартирного дома в Омске производит в сутки несколько килограмм мусора. Если точнее, в среднем в сутки на человека приходится по 7 литров мусора в благоустроенных домах, по 8 литров (почти 2 килограмма) – в неблагоустроенных домах.

Согласно данным Правления Региональной энергетической комиссии Омской области, норматив накопления твёрдых бытовых отходов в частных неблагоустроенных домах в Омске составляет в месяц на одного человека 60,2 килограмма, а в таких же домах в сельских районах – 22,3 килограмма. Что касается благоустроенных домов, то в Омске на одного жителя в месяц утверждён норматив в размере 25,55 килограмма. Таким образом, по статистике, ежегодно в регионах образуется порядка пяти миллионов тонн отходов производства и потребления [1].

Так как же правильно избавляться от мусора, чтобы минимизировать вред окружающей среде? Одним из эффективных способов является метод раздельного сбора мусора, ведь сортировка позволяет перерабатывать мусор и использовать его в качестве сырья для производства нужных материалов и вещей.

Цель настоящей работы заключается в формировании культуры бережного отношения к природным ресурсам у учеников 2-9 классов через внедрение практики современного сбора отходов, подлежащих вторичной переработке.

Для её достижения нами были поставлены следующие задачи:

Во-первых, провести в образовательных учреждениях лекции по сортировке отходов и экологическому образу жизни для учеников 2-9 классов;

Во-вторых, организовать экскурсии на Омский перерабатывающий завод для учеников 2-9 классов;

В-третьих, разработать и провести акцию «Мы за сортировку мусора» для учеников 2-9 классов.

Впервые переработкой мусора занялись в Великобритании 200 лет назад. Сейчас во многих странах мира сортируют мусор как минимум на две категории: перерабатываемый и не перерабатываемый. В некоторых странах, таких как Япония, мусор сортируют по 34 категориям, также для граждан предусмотрено денежное поощрение за возвращение тар и упаковок. В России в настоящее время практика раздельного сбора мусора только начинает своё развитие [2].

Россияне не готовы перенять опыт других стран и начать сортировать различные виды твёрдых бытовых отходов по разным контейнерам и сдавать их в определённый день и час. Именно поэтому инфраструктуры по раздельному сбору ТБО в России настолько неуспешны и захватывают слишком маленький процент населения. Для того чтобы инфраструктура раздельного сбора мусора в России была наконец-то создана, успешно функционировала и не была отвергнута населением, пропаганду и обучение азам раздельного сбора мусора нужно начинать уже в школе [Ковалёва 2020, статья 3, ссылка 3].

С. В. Алексеевым, Н. В. Гущиной было проведено исследование «Современные экологические проблемы глазами школьников», в ходе которого были получены интересные данные. Школьники г. Санкт-Петербурга выше среднего оценивают экологические знания в целом (6,8 по 10-балльной шкале), особенно в области глобальных экологических проблем (7,2), а также экологических проблем своего региона (6,5). Оценка собственного экологического поведения (учёт экологических ценностей) в повседневной жизни также довольно высокая – 6,3. Низкой является оценка собственной компетентности, связанной с исследованием экологического состояния окружающей среды различными методами (4,7). Наиболее низкие оценки получило участие школьников в различных экологических

проектах и акциях (3,7) а также во внеурочной экологической деятельности и дополнительном образовании (3,6) [Алексеев, Гущина, 2018, ссылка 3].

На основе таблиц «Основное содержание понятия ″экопросвещение″», «Основное содержание понятия ″раздельный сбор отходов″» и всех теоретических материалов автором была разработана экологическая акция «Мы за сортировку мусора», которая включает в себя следующие этапы:

1 этап. Введение. День 1

- Сбор обучающихся младших и средних классов в школе.
- Беседа о важности чистоты в окружающем мире.
- Рассказ и знакомство учеников с видами мусора.
- Рассказ ученикам об акции «Мы за сортировку мусора».
- Инструктаж о технике безопасности и цели акции.
- Назначение даты, времени, необходимого инвентаря.

2 этап. Основной. День 2

- Сбор возле школы.
- Распределение обучающихся младших и средних классов на участки, за которые они будут отвечать.
- Начало выполнения работы.
- Сбор и утилизация мусора.

Эта акция позволит ученикам узнать, что весь мусор можно разделить на несколько групп: бумага, пластик, стекло и смешанный мусор. Разделение мусора делается в целях избегания смешения разных типов мусора и загрязнения окружающей среды. Также данная акция позволит подарить отходам «вторую жизнь».

Были организованы экскурсии на Омский завод по переработке пластических масс. Ученики трёх групп (2-4 кл., 5-7 кл., 8-9 кл.) смогут познакомиться с полным циклом процесса сортировки мусора и увидеть, какие технология в нём участвуют.

С помощью этих мероприятий ученики узнают, зачем нужна сортировка мусора и каковы преимущества раздельного сбора. Также с помощью этого проекта мы сможем поменять ситуацию для школьников младших и средних классов г. Омска. Очевидно, не во всех школах есть возможность организовать пункты раздельного сбора мусора, но можно начать с малого: расставить коробки для макулатуры и контейнеры для сбора отходов. Это уже шаг к тому, что ученики со временем приучатся сортировать весь мусор, в том числе и дома.

После мастер-классов по раздельному сбору мусора и экологической акции «Мы за сортировку мусора» для школьников будет проводиться анкетирование для трех групп: 2-4 кл., 5-7 кл., 8-9 классы. С помощью анкетирования можно будет установить, как ученики младших и средних классов относятся к теме сортировки отходов, и как они усвоили эти мастер-классы по раздельному сбору мусора.

Библиографический список:

1. Клюканова Л. Г. Экологическое просвещение как научно-образовательный, управленческий и информационный ресурс современного общества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-prosveschenie-kak-nauchno-obrazovatelnyy-upravlencheskiy-i-informatsionnyy-resurs-sovremennogo-obschestva/viewer, (дата обращения 04.06.2023)

2. Реваева Елизавета. Уровень экологической культуры жителей Первомайского района г. Новосибирска (на примере отношения к бытовому мусору). [Электронный ресурс]. Режим досту-

па: https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-ekologicheskoy-kultury-zhiteley-pervomayskogo-rayona-g-novosibirska-na-primere-otnosheniya-k-bytovomu-musoru, (дата обращения 04.06.2023)

3. Понамарева В., Шефель А. Мусор в нашей жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/musor-v-nashey-zhizni, (дата обращения 06.06.2023)

4. Преликова Е. А.,Юшин В. В., Вартакова Е. В.Эколого-экономические приоритеты раздельного сбораотходов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologo-ekonomicheskie-prioritety-razdelnogo-sbora-othodov, (дата обращения 06.06.2023)

5. Дружакина О. П. Развитие раздельного сбора отходов: информационно просветительское сопровождение и профессиональное экологическое волонтерство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-razdelnogo-sbora-othodov-informatsionnoprosvetitelskoe-soprovozhdenie-i-professionalnoe-ekologicheskoe-volonterstvo, (дата обращения 06.06.2023)

И. А. Спириденко, Красноярск
Г. М. Идиатуллина, Красноярск

Преображение Таймыра — программа-концепт комплексной экспедиции на научно-экспедиционном судне «Сибирский исследователь»

Грант Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»

На сегодняшний день Красноярский край обладает огромным культурным потенциалом, в связи с чем мероприятия, направленные на изучение истории открытия и освоения Таймыра, являются крайне актуальными на этой территории [2]. Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия [1].

Между тем в Арктике растёт национальное и международное движение [3], и взору путешественников, исследователей и туристов открывается «Ледовито-Океанский» фасад России – базисная составляющая красоты дикой природы, но без подкрепления информацией о прошлом.

Памятники истории из-за своей недоступности поддерживались точечно, исходя из чего следует вывод о том, что к настоящему времени они не сохранились вовсе или превратились в развалины, например история исчезновения и последующего поиска экспедиции Владимира Русанова, набрав критическую массу неверных представлений и ложных гипотез, остановилась и была сдана в архив. Человечество бросало вызов Арктике и век назад, опираясь на идеи и помыслы во имя чего-то большего, нежели слава, известность или научные изыскания.

Проект «Преображение Таймыра» – программа-концепт комплексной экспедиции на научно-экспедиционном судне ″Сибирский исследователь″ с одной стороны оптимизирует восстановительный процесс и сохранение исторической памяти, с другой – постоянно проецирует в молодёжную среду подлинные нравственные понятия, такие как общее дело, патриотизм, исследовательский дух. Именно такие базовые духовные ценности

и личностные качества помогли предшествующим поколениям сделать шаг в неведомое и проложить путь по Северному Ледовитому океану.

Красноярское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Русское Географическое общество» реализовало масштабную комплексную программу по преображению исторического облика Таймыра с использованием судна «Сибирский Исследователь» и в рамках просветительской деятельности для юных (будущих) полярников открыло реальные просторы Арктической зоны Российской Федерации.

На удалённой арктической территории полуострова Таймыр ККО ВОО РГО организовало методическую разведку, ревизию памятников истории (объектов культурного наследия) и освоения Северного Морского пути.

На севере Красноярского края в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе на реке Пясина расположены четыре объекта культурного наследия регионального значения:

1. «Надгробие Елены и Прокопия Поповых, сооруженное в 1916 г.», 1916 г.
2. «Остатки зимовий, где останавливались в середине XVII в. – 1920-х гг. участники экспедиций первопроходца Лаптева Харитона Прокопьевича, учёных Миддендорфа Александра Фёдоровича и Урванцева Николая Николаевича», середина XVII в. – 1920-е гг.
3. «Комплекс сооружений середины XVIII века узлового пункта русского промыслового освоения центра Таймыра», середина XVIII в.
4. «Зимовье Половинное (фундаменты построек), существовавшие в начале XVII – 2-й половине XIX в.», начало XVII в. – 2-я половина XIX в.

В таблице 1 представлен маршрут экспедиции, осуществляемый в рамках проекта. В приложении А показан ситуационный план. В приложении Б отображены стоянки для определения границ территории.

Таблица 1 – Маршрут

№	Наименование точки	Месторасположение	Исследуемый объект
1.	Дудинский район охотточка Введенское на р. Пясина	Красноярский край, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район г. Дудинка р. Пясина охотнич. точка Введенское, координаты WGS-84: 70.174278о, 88.204716о	«Надгробие Елены и Прокопия Поповых, сооружённое в 1916 г.», 1916 г.
2.	Дудинский район охотточка Введенское на р. Пясина	Красноярский край, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район г. Дудинка правый берег р. Пясина, охотнич. точка Введенское, в километрах 25 от одноименного озера, координаты WGS-84: 70.173807о, 88.207171о	«Остатки зимовий, где останавливались в середине XVII в. – 1920-х гг. участники экспедиций первопроходца Лаптева Харитона Прокопьевича, учёных Миддендорфа Александра Фёдоровича и Урванцева Николая Николаевича», середина XVII в. – 1920-е гг.
3.	Дудинский район охотточка Введенское на р. Пясина	Красноярский край, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район г. Дудинка охотточка Чёрная на р. Пясина, координаты WGS-84: 70.520133о, 88.967280о	«Комплекс сооружений середины XVIII века узлового пункта русского промыслового освоения центра Таймыра», середина XVIII в.

4.	Дудинский район устье р. Половинки на р. Пясина	Красноярский край, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район г. Дудинка устье р. Половинки на Пясине, на берегу стрелки, образованной левым бере-гом р. Пясины и правым р. Половинки, в километрах 25 от одноименного озера, координаты WGS-84: 70.340690о, 88.545344о	«Зимовье Половинное (фундаменты построек), существовавшие в начале XVII – 2–й половине XIX в.», начало XVII в.– 2–я половина XIX в.

Надгробие Елены и Прокопия Поповых, сооружённое в 1916 г., 1916 г.

Надгробие Елены и Прокопия Поповых, сооружённое в 1916 г., 1916 г. на государственную охрану было принято Решением исполнительного комитета Красноярского краевого Совета народных депутатов от 05.11.1990 № 279 [4].

В июле 2023 года сотрудники Краевого государственного казённого учреждения Центр по сохранению культурного наследия Красноярского края совместно с командой ВОО ККО РГО в рамках экспедиции «Преображение Таймыра» исследовали вышеуказанные объекты.

Экспедиция стартовала с гидропорта, расположенного к северо-востоку от г. Норильска. Маршрут проходил через акваторию озера Пясино, что находится примерно в 20 километрах севернее Норильска. Это место имеет ледниковое происхождение и образовалось из-за того, что каменные осколки ледника подпрудили реку, образовав на ней огромный водоём, поэтому в озеро Пясино впадает на юге река Норильская, а вытекает на севере река Пясина.

Первой остановкой экспедиции стал объект «Охотничья точка Введенское» – старинное поселение, которое упоминается во многих документах: в таможенных мангазейских книгах, в отчёте Х. П. Лаптева и А. Ф. Миддендорфа [5].

Через Введенское когда-то шёл санный путь из Дудинки на Хатангу – станок выводил на Затундринскую дорогу – полоса лесотундры, ограниченная с севера тундрой, а с юга «Камнем» – водоразделом рек Хеты и Хантайки.

Во второй половине XVII века из-за хищнического перелова добыча соболя на Таймыре почти полностью прекратилась. Немногие промысловики и стрельцы, осевшие по различным причинам на местах промыслов, образовали здесь постоянное русское население.

Русских женщин там было мало, и русские поселенцы брали в жёны тунгусских и якутских девушек. С конца XVII века процесс этнокультурного слияния усилился. Начало образовываться смешанное полурусское население «ясачные» русские, которое стало одной из составных частей, образовавшей столетие спустя новые народности – долган. Таким образом, посёлок являлся одним из пунктов этнокультурного слияния русского и местного населения.

В течение 1733-1734 годов участники 2-й Камчасткой, или Великой Северной, экспедиции провели картографирование северного и восточного побережьев России от Белого моря до Охотского. Отряд Харитона Прокофьевича Лаптева описал границы Таймырского полуострова, штурман этого отряда Семен Иванович Челюскин открыл самый северный материковый мыс Евразии. Маршрут Х. П. Лаптева 1741 г. (Дудинка – р. Пясина – р. Дудыпта – р. В. Таймыра – оз. Таймыр – р. Н. Таймыра) повторил в 1843 году доктор медицины, профессор зоологии Киевского университета А. Ф. Миддендорф. Он был первым представителем Российской Академии наук, совершившим большое путешествие

по Таймыру. В 1921 году в Введенском экспедиция Николя Николаевича Урванцева, исследовавшая Норильский район, устроила Пясинскую базу.

В конце 30-х – начале 40-х годов в связи со строительством Норильского металлургического комбината, на старых станках, в том числе и во Введенском, были построены новые дома, где круглый год жили рыбаки со своими семьями, добывая рыбу. В начале 1970-х годов начался массовый отстрел дикого оленя. Во Введенском был построен пункт отстрела оленей – комплекс жилых и производственных зданий. Печей не было. Одна половина имела два маленьких застеклённых окошечка, в другой они были заделаны кожей налима. Крыши не было, только накат из тёсанных топором плах, засыпанных сверху землёй. Из таких плах был и пол. Часть старых фундаментов и кладбище были уничтожены во время строительства пункта отстрела оленей в конце 1970-х годов. Там была оборудована вертолётная площадка, построен дом охотника, обзорная вышка и несколько производственных зданий.

Также во время остановки на «Охотничьей точке Введенское» специалисты посетили объект «Надгробие Елены и Прокопия Поповых, сооружённое в 1916 году».

В XVIII веке стали насаждать православие среди ясачного населения. Крестившимся присваивали фамилии «крестных отцов», которыми были русские чиновники или служивые люди. Церкви вели точный учёт населения, и это способствовало этнокультурному сближению с русским населением.

Фамилия лесных ненцев Поповых впервые фиксируется в материалах хлебозапасного магазина Намке Попову. В метрической книге дудинской Введенской церкви за 1860-1861 гг. имеется запись о крещении «юрака» Намке Попова (Семёна). В переписи за 1926-1927 г.г. по северу Красноярского края записаны дети Намке – Прокопий (Перимча) и Роман (Хойсиге) Семёновичи Поповы. Оба они указали, что принадлежат

Объект «Надгробие Елены и Прокопия Поповых, сооружённое в 1916 году».

к одному из значительных родов (Ябтонге) енисейских ненцев. Надгробия были перенесены на 20 м южнее захоронений при строительстве производственного помещения.

Остатки зимовий, где останавливались в сер. XVII в. – 1920-х гг. участники экспедиций первопроходца Х. П. Лаптева, учёных А. Ф. Миддендорфа и Н. Н. Урванцева

Второй остановкой экспедиции стал объект «Зимовье половинное», расположенный на крутом берегу стрелки, образованной левым берегом реки Пясины и правым берегом реки Половинки. Осваивая бассейны рек, промышленники строили зимовья на высоких речных ярах обычно в устьях речек. В течение многих веков от эпохи неолита до эпохи железа здесь многократно устраивались небольшие поселения. Особенно интересно это место использовалось мастерами-бронзолитейщиками.

Объект расположен в бассейне реки Пясины и приурочен к мысовидному выступу, образованному левым берегом р. Пясина и правым берегом р. Половинка. Мыс, на котором располагаются остатки зимовья, вытянут по оси СВ-ЮЗ, высотой 8-9 м над урезом воды реки Пясины. Остатки построек зимовья Половинного располагаются в 1-1,5 метрах от края террасы, а также вглубь мыса на его поверхности.

Комплекс сооружений сер. XVIII в. узлового пункта русского промыслового освоения центра Таймыра

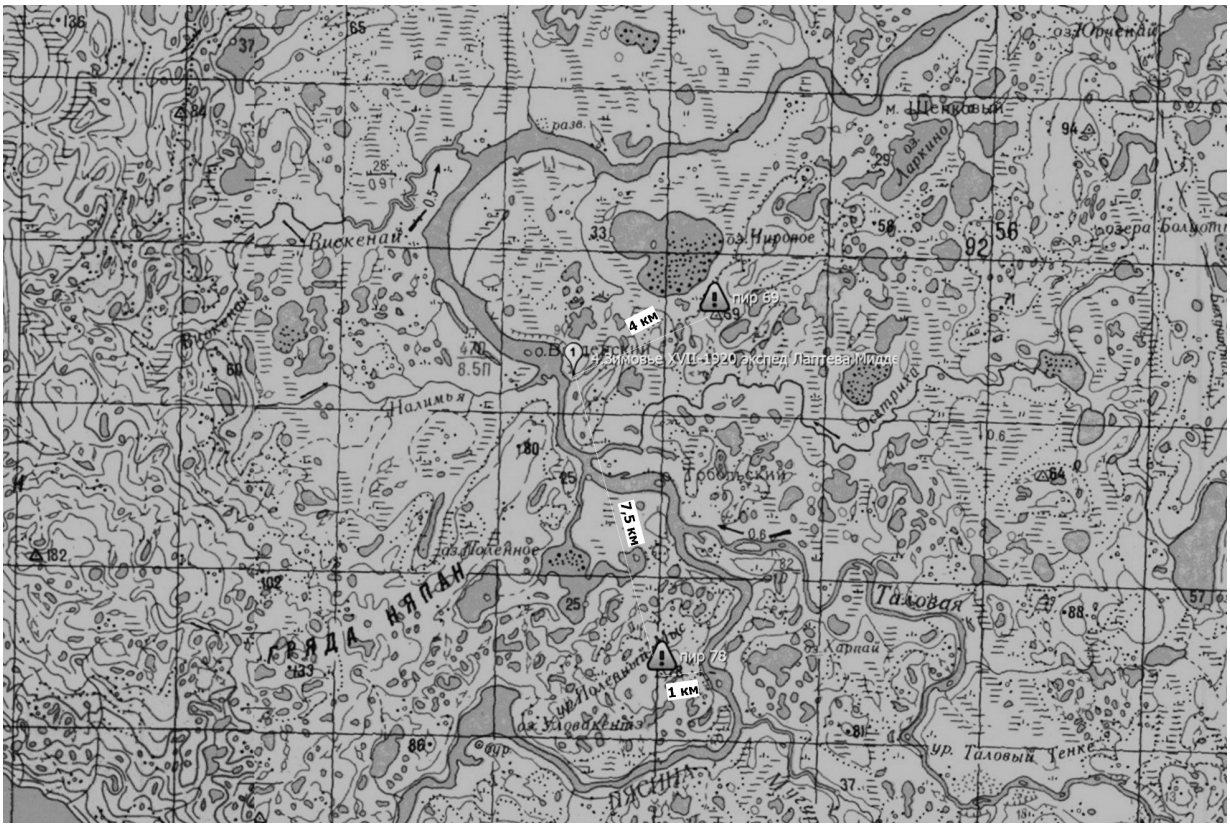
Третьей остановкой экспедиции стал объект «Комплекс сооружений узлового пункта промышленного освоения центрального Таймыра». Памятник представляет собой комплекс различных сооружений: фундаменты различных домов и сооружений, кладбища, расположенные на двух берегах речки Чёрной.

До прихода русских через реку Икэн (местное название р. Чёрной) проходил кочевой путь нганасан авамского рода. На реке, в нескольких километрах от устья, был станок Икэн, под которым надо понимать довольно обширное место, где ставились чумы и передвижные балки. Русское зимовье Чёрное было построено на стрелке, в устье реки, очевидно, в середине XVII века.

Зимовье Половинное (фундаменты построек), существовавшее в нач. XVII – 2-й половине XIX в.

Четвёртой остановкой экспедиции стал объект «Зимовье половинное», расположенный на крутом берегу стрелки, образованной левым берегом реки Пясины и правым берегом реки Половинки. Осваивая бассейны рек, промышленники строили зимовья на высоких речных ярах обычно в устьях речек. В течение многих веков от эпохи неолита до эпохи железа здесь многократно устраивались небольшие поселения. Особенно интересно это место использовалось мастерами-бронзолитейщиками.

Объект расположен в бассейне реки Пясины и приурочен к мысовидному выступу, образованному левым берегом р. Пясина и правым берегом р. Половинка. Мыс, на котором располагаются остатки зимовья, вытянут по оси СВ-ЮЗ, высотой 8-9 м над урезом воды реки Пясины. Остатки построек зимовья Половинного располагаются в 1-1,5 метрах от края террасы, а также вглубь мыса на его поверхности.



Стоянки для определения границ территории

В рамках экспедиции участники проекта провели визуальное обследование и фотофиксацию, выполнили работы по получению данных для разработки проектов границ территории и проектов зон охраны объектов культурного наследия.

В настоящее время ведется обработка полученных в ходе экспедиции данных. Но уже сейчас можно сказать, что комплекс северных сооружений содержит большое количество этнографической и исторической информации, раскрывающей характерные черты бытовой и производственной деятельности человека на различных этапах освоения Таймырского полуострова.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

2. Пирогова Я. В., Моисеева В. И., Паньков П. А., Муртазина А. А., Логунова Е. В. Обзор и анализ состояния объектов культурного наследия Красноярска, имеющих особый акустический режим помещений // Инновации и инвестиции. 2020. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-i-analiz-sostoyaniya-obektov-kulturnogo-naslediya-krasnoyarska-imeyuschih-osobyy-akusticheskiy-rezhim-pomescheniy (дата обращения: 14.11.2023).

3. Чумаков Д. С. Основные векторы международного сотрудничества в Арктике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-vektory-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-arktike (дата обращения: 14.11.2023).

4. Решение исполнительного комитета Красноярского краевого Совета народных депутатов от 05.11.1990 № 279 «Об утверждении дополнительного списка памятников истории и культуры местного значения».

5. Урванцев Н. Н. Таймыр – край мой северный / Урванцев Н. Н. – изд. Мысль. Москва. 1978 г. – 63 с.

РАЗДЕЛ V.
КРАЕВЕДЕНИЕ И РОДОСЛОВИЕ

А. А. Артамонова,
г. Томск

Подвиг медиков-томичей в годы Великой Отечественой войны

«Томский базовый медицинский колледж» — одно из старейших учебных заведений не только Томска, но и Сибири. Был создан как Томская Губернская Повивальная школа решением Государственного Совета 30 мая 1878 года [1]. Изучением истории колледжа занимались преподаватели колледжа: З. В. Елькина, Е. Я. и О. С. Бобины, С. П. Старцева. Но нет полной систематизированной истории учебного заведения [1].

За 145 лет деятельности учебное заведение часто меняло название, местонахождение. Постоянные учебные корпуса появились у Томского медицинского училища в 1991 году. При многочисленных переездах много архивных источников было утеряно.

Одной из наиболее ярких и героических страниц истории медицинского колледжа является период Великой Отечественной войны. Источниками для исследования этого периода послужили архивные документы Томского базового медицинского колледжа, Государственный архив Томской области, Центр документации новейшей истории Томской области, Томский областной краеведческий музей, материалы электронного собрания Томской областной библиотеки им. А. С. Пушкина, краеведческая литература о Томске в годы Великой Отечественной войны.

В годы Великой Отечественной войны Томская фельдшерско-акушерская школа (название колледжа с 1935 г. по 1954 г.) располагалась по адресу ул. Крестьянская, 2.

В школе 19 групп учились на четырёх отделениях: фельдшерском, санитарно-фельдшерском, акушерском и медицинских сестёр.

В условиях военного времени не хватало медицинских работников различных специальностей, особенно среднего звена. Студенты-медики досрочно завершали обучение. В фельдшерско-акушерской школе к концу 1941 года прошли ускоренные выпуски. Вчерашние студенты вошли в состав медицинского персонала дивизий, формировавшихся в Томске, пополнили медсанбаты.

Здание Томской фельдшерско-акушерской школы по ул. Крестьянская, 2 (ныне — ул. Шишкова, 2; здание не сохранилось). Архив Томского областного краеведческого музея, НВ ФФ 1550.

По материалам Государственного архива Томской области, в начале 1941-42 учебного года учащихся в школе было 408 человек. Отечественная война наложила соответствующий отпечаток на движение учащихся в течение года. За истекший срок выбыло 147 человек, что значительно больше, чем это было в предыдущие годы.

«Материальная необеспеченность в связи с мобилизацией в ряды РККА родителей и родственников, на иждивении которых находились уч-ся послужила главной причиной отсева (по семейным обстоятельствам и уход на заводы). Желающих добровольно пойти в ряды РККА было огромное количество повсеместно, но призвано было всего лишь 19 человек.

В связи с военным временем срок обучения в школе был сокращён с трёх лет до полутора, поэтому в 1941–1942 уч. году школа произвела два выпуска (не считая выпуска к 1 июля 1941 года, т. е. к моменту начала войны). К 1 марта 1942 года школа выпустила … 143 чел.» [3].

Всего за 1941–1942 учебный год было выпущено 322 специалиста разных профилей [4].

Во время войны обучение в школе проходило в две смены. Учебный процесс был сжат до минимума, при полном сохранении всех требований к его объёму и качеству. Директором школы во время войны был Шучко М. С. Он же исполнял обязанности завуча школы, регулярно по графику посещал уроки преподавателей. После занятий преподаватели и учащиеся дежурили в госпиталях, собирали вещи для бойцов Красной Армии, участвовали в сборе средств для нужд фронта. Учащиеся принимали участие в заготовке дров, разгрузке угля, сельскохозяйственных работах. За четыре военных года из фельдшерской школы был выпущен 991 специалист. Это на 100 человек больше, чем за предыдущие 10 лет.

В годы Великой Отечественной войны врачи, медсестры и санитарки совершали свой подвиг, спасая раненых на полях сражений, в медсанбатах, полевых госпиталях. Молодые девушки, сразу после школы и кратких курсов санобуча, вытаскивали раненых на чём придётся (обязательно нужно было вынести солдата с его оружием) — обычно на плащ-палатках. Накладывали бинты, шины и жгуты; передавали солдат в батальонные и полковые медицинские пункты, в полевые подвижные госпитали; тяжелораненых отправляли в тыловые госпитали. Потери среди ротных санитаров и санитаров-носильщиков были огромными. Они часто сами гибли под осколками снарядов и от прицельных выстрелов снайперов.

Из воспоминаний Александры Ивановны Ведерниковой, выпускницы Томской фельдшерско-акушерской школы 1941 года: «Наш выпуск почти сразу был направлен на передовую. Меня мобилизовали в августе. В г. Томске формировались батальоны и отправлялись на фронт, а в сентябре в г. Новосибирске была сформирована наша часть 43-ая отдельная бригада, из училищ гг. Новосибирска, Томска, Омска и отправлена на защиту нашей Родины.

Я не представляла, что такое война. Было страшно смотреть на беспомощных раненных, страшно видеть, как они умирали.

Шли жестокие бои за Москву… Сколько было за время войны всяких случаев, когда при бомбежке или обстреле, на столе раненных добивало или наносило другие ранения. Врачи, сестры также погибали, оказывая помощь раненным», — с горечью вспоминала Александра Ивановна.

После Москвы Александра Ивановна воевала под Сталинградом. Была ранена в ногу, но не поехала в госпиталь, а лечилась при медсанбате и помогала перевязывать раненых. «За сутки через приёмно-сортировочный взвод проходило до 900 раненных и больных. Всем нужно было оказать помощь…». Победу Александра Ивановна встретила в Праге. «Но у нас ещё было много раненных солдат, и конца войны не чувствовалось» [3].

В годы войны из фельдшерско-акушерской школы ушли на фронт десятки выпускников, среди них: Василец Г. М., Ведерникова А. И., Власов А. Я., Вялов А. И., Голубцова Е. М., Горохов В. П., Демшина В. В., Дудин В. П., Ефремова З. А., Зеленина Т. Н.,

Зимороков В. К., Иноземцева А. С., Каплан Г. П., Кладова А. П., Компанеец М. И., Коптева А. П., Криницина Л. П., Кудрявцева М. С., Кузнецова Е. М., Майоров П. В., Медведко А. Н., Москалева В. И., Пешкова Е. П., Попова А. П., Самсонова К. М., Сончик Н. А., Тимофеенко М. В., Якурнова А. Г. и другие [3].

Защищая Родину, многие погибли. Точное количество ушедших на фронт преподавателей и выпускников ФАШ пока не известно. Изучение архивов продолжается.

Библиографический список:

1. Архив ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 186. Лл. 20–21.

2. Артамонова А. А. От далёкого прошлого до наших дней / А. А. Артамонова. – Текст: электронный // Городская медицинская газета «На здоровье!»: [сайт]. – 2023. – 7 марта – URL: http://medgazeta-tomsk.ru/160-kollegi/1383-ot-dalekogo-roshlogo-do-nashikh-dnej (дата обращения: 10.11.2023).

3. Отчёт о работе фельдшерско-акушерской школы за 1941–1942 уч. г.». Архив ГАТО. Ф. р 463. Оп. 1. Д. 35. Лл. 1–3.

4. Архив ТБМК. «Книга Дипломов Томской фельдшерско-акушерской школы. Школа организована 1 сентября 1935 г.». Лл. 38–71.

5. Подвиг медиков-томичей в годы Великой Отечественной войны. 60 лет Победы. Ветеранам медикам посвящается. Томск – Текст: непосредственный // Полиграфическая компания «Графика». – 2005. – С. 33–35.

6. Архив ТБМК.

Л. И. Алавердян,
с. Каратузское, Каратузский район

Друзья семьи Каратаевых

26 ноября отмечается день рождения нашего земляка Григория Григорьевича Каратаева. Каратаевы – это уважаемая семья, имевшая много знакомых и друзей по всему Советскому Союзу. Они дружили с интересными, умными и героическими людьми. В 50–60-е годы прошлого века Каратаевы тесно общались с семьёй Рыбак – Мяснянкиных: Рахилью Моисеевной и Саввой Моисеевичем.

Ниса Григорьевна работала с Рахилью Моисеевной, и их связывали дружеские и житейские взаимоотношения. Рыбак были частыми гостями в доме Каратаевых. Знакомство состоялось ещё до войны, Савва Моисеевич, отправляясь на фронт, прощался с поэтом. Каратаев от Рахили Моисеевны узнавал о военных путях друга. Через неё отправил ему несколько стихотворений.

Рахиль Моисеевна рассказывала, что в каждом письме брата было приветствие Григорию, с пожеланиями здоровья и надеждой на встречу. Судьба позволит им увидеться только дважды после войны. Приезжал он в Каратуз вместе с семьёй: Савва Моисеевич Рыбак был женат на Валентине Константиновне Довгер – той самой разведчице, что выполняла задания вместе с легендарным Николаем Кузнецовым.

С Н. И. Кузнецовым в тылу врага работали несколько известных и опытных женщин-разведчиц. В отличие от них В. К. Довгер на момент их встречи практически не имела опыта в разведке. Её отец Константин Ефимович Довгер с самого начала войны собирал информацию и передавал сведения о движении немцев, об их боевой технике партизанам. Иногда донесения отправлял с дочерью Валентиной, так как самому приходилось постоянно переезжать с места на место.

Константин Ефимович был жестоко убит националистами, ему связали колючей проволокой руки за спиной и утопили в проруби. А Валентина пришла в партизанский отряд, чтобы мстить за убитого отца. Там и состоялась первая встреча с Кузнецовым. Как писал Дмитрий Николаевич Медведев (командир партизанского отряда, Герой Советского Союза, кадровый сотрудник НКВД СССР, полковник, писатель), при первой встрече Кузнецов и Валя не очень понравились друг другу. Валентина считала, что разведчики – необыкновенные люди, а Кузнецов не произвёл на неё соответствующего впечатления. Правда, она оценила безупречное знание немецкого языка, а также польского и украинского. Кузнецов, в свою очередь, тоже не увидел в Валентине качеств, обязательных для работы среди немцев. Не было в ней хладнокровия и сдержанности, а вот ненависть к фашистам сквозила в каждом слове, взгляде, что вредит работе. И всё же получилось найти взаимопонимание, и Кузнецов согласился идти на задание с Валентиной Довгер.

Николай Иванович – без преувеличения гениальный разведчик. Вот как о нём пишет Нобелевский лауреат Фредерик Жолио-Кюри: «Если бы меня спросили, кого я считаю самой сильной и привлекательной личностью среди плеяды борцов против фашизма, я бы без колебаний ответил: Николая Ивановича Кузнецова, великого гуманиста, уничтожавшего тех, кто хотел уничтожить человечество». И Юрий Алексеевич Гагарин говорил с глубочайшим уважением о Кузнецове: «Облик народного мстителя Николая Кузнецова всегда был для меня примером безграничного служения своему народу и своей Родине, человечеству и прогрессу».

Он был поистине герой. Обладал уникальными способностями к изучению языков. Знал в совершенстве шесть диалектов немецкого, владел польским, украинским, коми-пермяцким, эсперанто. Превосходно стрелял. Быстро ориентировался на местности, был смел и умён. Восемнадцать с половиной месяцев он действовал в тылу врага. На момент гибели ему было 32 года, и до сих пор тайну и дату гибели пересматривают и ведут расследования. Факт трагической гибели героя до сих пор дают в разных версиях.

Из беседы с Рахилью Рыбак – Меснянкиной узнаём то, что рассказывала Довгер. По словам Валентины, она только в тылу, рядом с фашистами, стала ценить жизнь и научилась молча нести ненависть к врагам. А вот понимание, сколько раз Кузнецов спасал её от смерти, пришло позже. Вспомним лишь несколько историй из её работы в тылу врага.

Валентина Константиновна быстро нашла квартиру, которая должна была служить убежищем для Кузнецова и, если понадобится, других разведчиков. Довгер не только смогла обеспечить жильё, но и получила прописку. А это было нелегко. На жительство в Ровно прописывали только людей, у которых имелось разрешение гестапо. Валентина Константиновна через одну из своих проверенных подружек познакомилась с сотрудником гестапо Лео Метко, личным переводчиком полицмейстера Украины. Тот поверил рассказу девушки, что её отец сотрудничал с немцами и из-за этого был убит партизанами, и помог достать документ, удостоверявший правдоподобность рассказа. Метко устроил дело с пропиской и рекомендовал Валентину Константиновну на работу в магазин продавщицей.

То, что Довгер успешно устроилась в Ровно, имела комнату с отдельным входом и работу, означало начало операции, к которой тщательно готовился Николай Иванович Кузнецов. О ней в романе «Сильные духом» подробно писал Дмитрий Медведев: «Несдержанность и негодование молодой Валентины Константиновны улеглось не скоро, когда она посчитала, что Кузнецов смалодушничал и не убил палача Коха. Она позднее поняла, сколько мужества – стали, дерзости и смекалки проявил разведчик, чтобы

донести более важные и секретные сведения для партизан и Москвы. Он прекрасно знал, что палача и убийцу мирных жителей на Украине ждёт заслуженная кара…»

Общество, в котором они вращались, доставляло Кузнецову и Вале новые и новые муки. Нестерпимо было слышать циничные признания, рассказы о пытках, которым подвергаются мирные люди, наши люди. Каждый раз после таких «дружеских» вечеров хотелось стонать от ненависти и бессилия. Кузнецов становился ещё более замкнутым, сумрачным, циничным, целыми днями мог просидеть, не промолвив ни слова.

Рассказ сына Валентины Довгер Константина об одном случае из жизни разведчиков был напечатан в газете «Красноярский комсомолец» за № 44 от 2 ноября 2004 года. В нём шла речь о том, как однажды в гости к Кузнецову и его «невесте» Валентине пришла компания немцев и полицаев. Валентина сильно занервничала. Кузнецов велел ей сказать, что у неё разболелись зубы, а гостей он примет сам. Выпроводив нежданных гостей, Кузнецов зашёл к Валентине: «Ну, всё, можешь вставать!» Но Валентина только охала, держась за зубы. Кузнецов рассмеялся: «Валя, маскарад окончен! Давай я тебя размотаю». «У меня и вправду зубы болят», — ответила она. Невероятно, но от пережитой опасности и огромного нервного напряжения у неё действительно разболелись абсолютно здоровые зубы. Потом она рассказывала родным, что тогда Кузнецов удивил её не только своей находчивостью, но и товарищеской заботой, отеческой опекой. Долгое время она считала его сухим и чёрствым, несмотря на то, что он был обаятельным и улыбчивым человеком.

Лишь спустя много лет она поняла то, чего не увидела в юности. Кузнецов постоянно пребывал в состоянии нечеловеческого напряжения и не мог позволить себе расслабиться даже рядом со своими. В отряде он держался очень сдержанно, соблюдая чёткую дистанцию с бойцами. Иначе ему было бы сложно преображаться в немецкого офицера. Весьма привлекательный и обаятельный как мужчина, у Валентины он не вызывал никаких симпатий именно из-за своей сухости. Но тем не менее иногда Николай Иванович выглядел человеком раскованным, умел вовлекать людей в разговор, при этом он мало говорил, но умел слушать.

Позже Валентина Константиновна встречалась с бойцами партизанского отряда, которые так и не поверили в смерть разведчика, решив, что, скорее всего, его перебросили работать за границу. Никто просто не мог поверить в смерть «удачливого Зиберта». Николай Иванович Кузнецов работал в Москве под именем Рудольф Вильгельмович Шмидт, а в Ровно – Пауль Вильгельм Зиберт.

После одного из заданий Кузнецова Валентину Константиновну арестовали. Она прошла фашистский плен, узнала на себе жестокость концлагерей. Сын Константин вспоминает далее: «Военные годы не прошли для мамы бесследно. Гестаповские пытки, угон в Германию, побег оттуда… Нервная система была разрушена, невероятная отвага и внутренняя сила, требующаяся во время войны, после войны оказались не нужны. А по-другому она не умела. Она жила только тогда, когда требовалась полная мобилизация сил всего организма. Хотя мама никогда не кричала, не срывалась, видно было, что она постоянно находится на грани нервного срыва и держится только мощным усилием воли, это и подтачивало её здоровье. После войны маме была назначена пенсия, поскольку она постоянно болела, лишь время от времени ей удавалось поработать переводчицей. Характер у неё был очень сильный и самостоятельный, её сестры, мои тётки, говорили, что она с детства всё решала сама. И меня воспитывала так же. Чтобы я всегда смог ответить за свои поступки и действия. При этом мама никогда не была властной женщиной. Не только ко мне, но и к другим старалась относиться по справедливости. Она несла ответственность за свою жизнь, за свои поступки».

Из разговора с Рахилью Моисеевной Рыбак знаем, что после войны Валентина Довгер какое-то время жила в Ровно и встречалась с друзьями-партизанами. Постоянно спрашивала о Кузнецове, так как была уверена, что его схватили гестаповцы. Последняя их встреча состоялась в марте 1944 года. Он, уходя на задания, никогда не говорил, куда и зачем идёт, ей по уставу было не положено знать и расспрашивать.

Из воспоминаний жителя Ровно Александра Никонова: «Валентина Довгер была знакома с моим дедом. Я запомнил, что она была худенькая, как девочка. Лицо, руки, тело – всё какое-то удлинённое, резкое, но удивительно женственное. Седые волосы, короткая стрижка и неизменная папироса. На мой взгляд, она была очень красива. Но больше всего меня поражали её руки, они жили своей жизнью. Если она внимательно слушала кого-то, то и движения рук были плавные, словно заторможенные, но как только она начинала нервничать, переживать, то жестикуляция становилась отрывистой, словно азбука Морзе». При знакомстве Григорий Григорьевич Каратаев и Валентина Довгер много разговаривали о войне, он расспрашивал её о послевоенной жизни на Украине. Она говорила, что много пособников режима фашистов бежали за границу, о жестокости и противостоянии сторон и после окончания войны. Эти беседы велись в доме Каратаевых. Валентина Константиновна вместе с Нисой Григорьевной встречалась со школьниками, работниками учреждений и предприятий в Каратузе. Близким другом ей стал и Григорий Григорьевич.

В 1961 году Валентина Константиновна посетила Красноярск, там рассказывала о боевом друге Николае Кузнецове и о Григории Каратаеве, восхищаясь его мужеством, считая его жизненный путь подвигом во имя своих земляков и Родины.

Библиографический список:

1. Архив Каратузского районного музея.

Ю. П. Дрозд, г. Новосибирск
В. И. Маньковская, г. Новосибирск
В. В. Нагорных, г. Минусинск

Два юбилея

Мы с мужем задумали поездки лета 2023 года с целью вспомнить важную дату нашей семьи – сто пятидесятый день рождения деда Зимина Ивана Тимофеевича. Хотелось посетить место его рождения, обучения, жизнедеятельности, встретиться с людьми, которые помнят деда, по рассказам родителей. Мы побывали в Енисейске, Красноярске. Уточнили ранее найденные сведения, обнаружили новые документы. Поездка в родной Минусинский уезд совпала с двухсотлетием города Минусинска. Два юбилея мы загодя решили для себя отметить с пользой – попытаться вызвать групповой интерес школьников и их родителей, дедов и бабушек к изучению их собственных корней на фоне истории своей страны и своих сёл. Наш Зимин Иван Тимофеевич по окончании учительской семинарии в 1892 г. [4] был направлен в училище при Александровском винокуренном заводе поселения Знаменка Минусинского округа. Более двадцати двух лет он проработал учителем в Знаменке [3]. Последние годы своей жизни Иван Тимофеевич работал в Лугавской

школе, что в пяти километрах от Знаменки. Зимин И. Т. подписывался как «заведывающий» в своих отчётах школ Ленинского сользавода, Каменской и Лугавской за 1923 г. [12]

Встреча в селе Лугавском удалась, хотя надежды на успех было мало. Подготовленные нами доклады в объёме трех страниц текста каждый проходили предварительные слушания – трудно, по интернет-связи. Мальчики пятых-шестых классов Минусинска и Абакана изучали незнакомые для них темы истории и географии с помощью «машины времени». Выручила Лугавская библиотека – девочки Лугавской школы тренировались очно. Докладчик старшего класса Лугавской школы освоил материал самостоятельно. Знаменская школа подготовила докладчицу с интересным материалом. Поддержала нас Администрация Минусинского района, клуб «Краевед» Минусинска. Первый блин не оказался комом. Гости и преподаватели обсуждали вопрос, как продолжить идею встречи далее.

Девяносто лет Ивана Тимофеевича нет с нами. Его помнят. Школа Знаменки в 2022 году, отмечая свой сто тридцатый юбилей, обновила стенд в школьном Музее: И. Т. Зимин – их первый учитель.

Итак, окончена деловая цель поездки. Можно расслабиться, посетить обновлённый к юбилею город. Встретились с одноклассником – Сашей Мартьяновым и его женой Оксаной – моей подружкой детства, тоже из нашего класса пятой школы города. Навестили школу. Нам показали красивый спортивный зал, подготовленные к первому сентября классы. Мы не узнавали школу, хотя были здесь пять лет назад вместе со всеми любимым учителем и нашим классным руководителем Солдатовым Алексеем Ивановичем. Школа обновилась. Но нет деревьев в школьном саду. Нам, первоклашкам, деревья передали выпускники десятого класса. Брат Юра Зимин отдал своё дерево не мне, а Оксане. Слышали в детстве от старших, что на месте школы и сада была церковь. Нас при работах в саду это как-то не смущало. Учеников, окончивших первый класс под руководством заслуженной учительницы РСФСР Широковой Риммы Ефимовны, было 45. И деревьев, наверное, столько же. Сохранилась фотография школьной линейки. Прошло 60 лет со дня окончания пятой школы. Жизнь разбросала нас. На встречу только втроём и собрались.

Следующие дни мы гуляли по юбилейному городу. Парк тихий, пустынный, ныне в нём не чувствуется уединения, прохлады, как раньше. Здесь, на лыжне в парке, нас обучали ходьбе на лыжах. Первый спортивный успех внучки Ивана Тимофеевича отмечен 66 лет назад газетой «Власть труда» за 1 марта 1957 г.: среди самых юных участниц города – девочек 11–12 лет – на дистанции в 1 км прошла лучше всех ученица школы № 5 Валя Шеремет, её результат 5 минут и 20 секунд.

Побывали на улицах и площадях юбилейного города, посетили берег Протоки. Река детства давно почти без воды. Помечтали, сидя на новенькой скамейке, о маленькой дырочке в дамбе, которая бы позволила немного добавить воды в нашу бурную когда-то реку. Но, в основном, юбилейный город восхищает. Набережная современная красивая, а тополя, посаженные гимназистками, сохранены! Дом Вильнера! На экскурсии по этому долгострою трудно верить, что город справился. Даже люстры вспомнились из детства. И коридор второго этажа напомнил мне походы с мамой в Госбанк. Любимый в молодости сквер у памятника Щетинкину преобразился до неузнаваемости. Дорожки пешеходные по многим улицам города новенькие. На отреставрированное историческое здание театра вернулась утраченная некогда пожарная каланча, второй (новый) корпус театра – прекрасно решённая идея архитектора, плавный переход к Спасскому собору. Неожиданно образовалась новая площадка с выходом на улицу Обороны. Трудно было представить, что когда-то здесь уберётся хлам от полезной в нашей прошлой жизни электростанции – и раскроется старый город в задуманной своей красоте.

Музейный дворик – место наших детских игр – уже без памятника основателю музея, закрыт для нас. Требуется разрешение и пропуск на вход. Зашли в музей с парадного входа. Конечно, всё преобразилось там. Афиша любительского театра в музее прояснила и наши смутные детские воспоминания. На афише есть имена Н. В. Фёдорова и М. Т. Зимина. И теперь понятны слова мамы, что дядя Миша работал ещё в типографии Фёдорова. Арестовали Михаила, когда маме шёл четырнадцатый год. Удалось получить копию уголовного дела на 28 листах из Архива УФСБ России по Красноярскому краю [1]. Из дела узнаём, что последняя должность Михаила Тимофеевича Зимина – корректор газеты «Красноярский рабочий». Поменял Михаил профессию учителя.

Посетить погосты – у нас в традиции. В селе Лугавском остался лежать дед Иван и много наших родных. На Старом минусинском кладбище – мои Зимины все рядком. Исчезла только медная табличка «Первому мастеру спорта города» – Зимину Владимиру. У Оксаны с Сашей тоже здесь Мартьяновы: памятник прадеду – основателю музея, дед Саши рядом.

Навестили перекрёсток улиц Гоголя и Мартьянова. Оксанин дом в два этажа. Когда-то в нём была аптека. Дом реставрируют под музей. Сашин дом примыкает к усадьбе дома Оксаны со стороны ул. Гоголя. Оксана рассказывает, был у них здесь большой погреб. Теперь на месте погреба дом-пятиэтажка, она будет всегда портить этот старинный уголок города. Открывается мне секрет их юности: любили Саша с Оксаной посидеть на лавочке, напротив, у дома моего деда.

Дед Бернадский Иннокентий Васильевич заменил нам в 1933 г. рано ушедшего из жизни родного деда – Ивана Зимина. Иннокентий приходился двоюродным дядей Зиминой Нине Ивановне, в замужестве Шеремет. В моём детстве мама Нина работала в музее (с 07.12.1948 до 14.04.1961) в должности кассира, затем счетоводом – кассиром бухгалтерии. В её трудовой книжке четыре благодарности, в том числе «За высокие производственные показатели». Мама сохранила множество интересных фотографий, копии их хранятся в музейном архиве города Минусинска. Фотографии помогали нам не забывать музей. Музей так же помог нам не забывать историю семьи, историю города и любимого своего края.

У мамы была родная сестра Елена, два родных брата – Семён и Иван. Двоюродных братьев и сестёр – десять. Мама вела оживлённую переписку с их детьми, внуками. Эта информация из зелёной тетрадки послужила основой наших поисков, семейная роща построена и продолжает разрастаться. Роща, а не одно дерево.

Дедушка Иннокентий проживал в доме № 7 на улице Мартьянова совместно со своей невесткой – женой его умершего сына Геннадия – Любовью Марковной Зильберт. Наша семья Шеремет жила рядом – в доме № 45 на улице Гоголя. Дедушка заходил к нам в гости; приходил ежедневно, когда родилась младшая сестра Оля. Дедушка любил играть с ней. Да и всех нас старших одаривал к праздникам. Сохранился бархатный синий альбом для фотографий с надписью «от Деда Иннокентия и Любовь Марковны».

Любовь Марковна – известный в городе зубной врач, также вела приём на дому, имела патент зубного техника. Её имя упоминается в книге «Мир праху. Честь имени. Минусинский некрополь» [10]. На той же странице есть и имя первого мастера спорта города по лыжам – моего брата Зимина Владимира. Геннадий – сын Иннокентия Бернадского, – по словам родственников, при жизни работал архитектором, умер перед войной или во время войны. По воспоминаниям деда Иннокентия, его сын проектировал башню у берега протоки близ улицы Красных Партизан. Помню рассказы дедушки: «Башня эта снабдила центр города водой. Ранее воду возили на телегах и водовозках». Летом 2023 года я как раз попала на момент разрушения водонапорной башни. Жалко, исчез исторический объект.

У нас давно была цель – найти что-то из истории жизни деда Иннокентия, составить описание дома. Особенно интересно было успеть к юбилею города. Многое удалось. В период поисков выяснилось, что этот дом примыкает к историческому кварталу города. Нашли «Домовую книгу» дома № 7 по улице Мартьянова; отметили, что за Любовью Марковной числилась половина дома с 1929 года. Как дом оказался поделённым на две половины, нет информации. И владелец второй половины до сих пор не обнаружен документально. Мы гостили у дедушки и Любови Марковны, посещали все комнаты дома. Дом тогда не был разделён.

Далее, я помню, что дедушка взял к себе в проживание тётю Фросю со Штабной улицы, которая помогала по хозяйству Любови Марковне. Для тёти Фроси организовали отдельный вход в дом – из «сенок» в отдельную комнату. Выхода на улицу Гоголя из дома не было. Я помню очень хорошо тёплые праздничные обеды в доме дедушки. Любовь Марковна расстилала на стол накрахмаленную скатерть, поверх неё укладывала длинную узкую салфетку со старинной русской отделкой (она у нас дома хранится сейчас). Я снимала с мягкой мебели белые накрахмаленные чехлы. Старинная атмосфера сохранялась в доме. Здесь меня обучили приёмам сервировки стола. Из буфета я доставала красивую посуду: супницу, как в музее; великолепные столовые приборы. В то послевоенное время среди наших родственников так красиво накрывали на стол только у дедушки. Часто за обедом я сидела за одним столом с друзьями семьи Бернадских – в основном они были медиками. Особенно запомнился хирург Козлов: он, как говорили, спас моего папу – успел прооперировать. Да и дед Саши – Е. Н. Мартьянов – помог мне выжить однажды.

Я хорошо помню дом, под домом большой подвал, в нём мы всегда хранили картошку для себя и для дедушки. Картошку приходилось зимой несколько раз освобождать от ростков. Работали всей семьей, было весело.

Поиски истории продолжались. В Минусинском городском архиве обнаружили информацию о доме: «Дата постройки – конец XIX века, одноэтажный, каменный жилой дом, частный. В этом доме размещалась парикмахерская А. А. Пудуль» [18].

Домовладение с 1889 года принадлежало Мартыновой Марии Аверьяновне. Часть усадьбы – флигель, погреб и амбар – была продана Соловьёвой Пелагее Евлампиевне.

В проектной документации института «Сибспецпроектреставрация» содержатся следующие сведения. «Адрес объекта на период 1917 г. – Гоголевская ул., Мартьяновская ул. На период 1989 г. – Гоголя ул., Мартьянова ул., 7». Функциональное использование на период 1917 г. – магазин – торговая лавка. На период 1989 г. – жилой дом. Поздняя эклектика в кирпиче (слабовыраженные элементы барокко). S застройки, кв. м – 206,50; S полезная, кв. м – 106,50; S жилая, кв. м – 73,90». Дом принадлежал наследникам купца Николая Мартыновича Шаронова» [19].

«Каменное одноэтажное здание фиксирует пересечение двух исторических улиц (Гоголя (б. ул. Гоголевская) и Мартьянова (б. ул. Мартьяновская), входящих в планировочный каркас, как улица связка двух планировочных узлов: Соборной площади и городского кладбища… В целом объёмное решение близко к традиционному типу городского деревянного дома. Композиция лицевого фасада представляет фоновый тип эклектики и имеет четыре оконных проёма. Горизонтальность фасада подчеркнута распластанным многоэлементным фризом, состоящим из валиковых зубцов стоячего поребрика и ступенчатых кронштейнов. Укреплённые прожильные бровки с зубцом, венчающим аппликативную рамку на кронштейнах с замковым камнем. Четыре окна почти сливаются в декоративную полосу. Строчка прямоугольных подоконных ниш. Угол фиксируется упрощенной лопат-

Дом по адресу Гоголя ул., Мартьянова ул., 7 (1920 г.)

кой с зубцом на кронштейнах. В архитектурном оформлении дома применены стилизованные древнерусские элементы» [19].

Вернёмся к истории семьи. После смерти дедушки в 1962 году тётя Фрося взяла на себя уход за стареющей Любовью Марковной. Я слышала в разговорах, что Любовь Марковна оставляет дом тёте Фросе, но мебель из дома тётя Фрося должна отдать в музей. Раньше как было: кто пожилого человека «дохаживает» – тому и жить в доме. Мебель тётя Фрося передала в музей. В фондах музея хранятся акты передачи с указанной оценочной стоимостью. Письмо о соответствии набора мебели, переданной в дар музею, мной сдано ещё в 2011 г. Венская мебель из дома деда Иннокентия давно нашла своё место в городском Музее декабристов. Большой старинный буфет тоже поместили в отремонтированный второй корпус музея рядом с «комнатой Н. Мартьянова».

Уточнены и выстроены в схему с помощью работников архива и ЗАГСа города Минусинска документальные сведения о семье: Евдокия – мама Иннокентия Бернадского. Евдокия и Матрона Власовны Денисовы – родные сёстры. Матрона — бабушка Нины Зиминой. Род сестёр Денисовых исследован до 1797 г. в Сибири. Мы нашли все необходимые документы о регистрации рождений, браков. Даты рождений и венчаний представителей рода Бернадских подтверждены документально до Михаила Нестеровича Бернадского – прадеда Иннокентия. Далее, сравнивая документы архивов, мы с погрешностью в один–три года видим корни Иннокентия в Сибири от 1812 г. – они из крестьян села Шалоболино. Если смотреть глубже: прапрапрадед Иннокентия – Алексей; прапрадед – Нестер; прадед – Михаил Нестерович, его жена – Наталья Адриановна; дед – Нестер-младший, его

жена – Ксения Трофимовна. Нестера-младшего в 20 лет забрали в рекруты, в 1838 г. сын Нестера-младшего Василий записан как третий солдатский сын.

Полный список документов относительно Бернадских здесь не приведён как не имеющий прямого отношения к теме статьи. Но следует отметить, что при изучении составов семей видим, с какими неточностями записана фамилия в документах: Бернадский, Бернадцкий, Бернадцков, Бирнацкий, Барнадский. Этот разветвлённый род проживает в Минусинском уезде уже в XVIII веке.

Отметим только некоторые важные события. Василий Бернадский к 1883 г. и Влас Денисов к 1885 г. числились уже не крестьянами Шалоболино и Дубенского, а Минусинскими мещанами. Метрическая книга 1885 г. подтверждает это записями скорбных фактов: сыновья Василия Нестеровича Бернадского и дочь Власа Денисова от второго брака Екатерина умирают в одном полугодии 1885 г. Дети были отпеты в Лугавской Троицкой церкви, но похоронены на кладбище Александровского Винокуренного завода [15]. Предполагаем, что Василий и Влас проживали в Знаменке или в Минусинске. К этому времени Влас овдовел. Стэфанида Васильевна – жена крестьянина Власа Денисова – умерла от простуды в 32 года, прожив в браке 15 лет, похоронена на кладбище села Дубенского 28 марта 1873 г. [5] Из восьми детей Власа от первого брака со Стэфанидой выжили две сестры – Евдокия и Матрона Денисовы. Евдокия выходит замуж за Василия Нестеровича Бернадского. Два рода – Денисовых и Бернадских – породнились 30 января 1878 г. [13] В 1886 г. к ним присоединяется род Ефимовых. Матрона Денисова, родившаяся 6 ноября 1862 г. [6], вступает в законный брак со Степаном Ефимовым 2 июня 1886 г. [16] Степан был вдовцом с двумя дочками Сусанной и Анной – от первого брака (5 ноября 1878 г.) с Анной Цивинской, католической веры, принявшей веру православную [13]. Дочь Степана и Анны, названная Анной и родившаяся 5 сентября 1879 г. [14], объединяет нас с родом Толстихиных, разветвлённым уже широко в Енисейской губернии. Михаил Семёнович Толстихин погиб в 1914 г., но они с Анной успевают обзавестись детьми. Их пятеро: Александр, Иван, Тарас, Мария и Варвара. Наше поколение хорошо помнит их. Жаль, что не все из рода Толстихиных откликаются на семейной «перекличке». Но нам удаётся доносить информацию до некоторых представителей рода Толстихиных, чтобы помнили всех своих, хотя бы до их трижды прадеда Михаила.

Мы продолжаем интересные поиски фактов из истории семьи. Сусанна Ефимова первая объединила нас с родом Сиротининых. Далее её сводные братья, дети Матроны, Иван, Александр, Павел роднятся с Сиротиниными. Интересно, что их родной брат Василий Ефимов, женившись в 1916 г. на девице из Нижней Кои Анне Сереткиной 17 лет [17], свою дочь Наталью, родившуюся 25 августа 1917 г. [11], выдаёт замуж за Сиротинина Георгия Ивановича (годы жизни Георгия, дяди Гоши: 27.04.1913 – 05.09.1984). Плотные родовые отношения семей заметны по фактам регистраций браков и рождений – поручителями и правопреемниками выбирают родственников [7]. Все семьи живут в сёлах по реке Лугавке и близко. Наша родовая роща пополняется Полежаевыми, Катцыными. Зимин Иван Тимофеевич, чей юбилей со дня рождения мы коллективно отметили с представителями сибирских родов, трижды заметен в роли правопреемника у Сиротининых и Ефимовых.

Род Зиминых присоединила Мария – дочь Степана Ефимова и Матроны. Мария коснулась на короткое время рода Узуновых, но брак Марии с Романом Узуновым продлился три года. Овдовев, позднее Мария выходит замуж за Зимина И. Т. Найденные нами сведения из рода Зиминых описаны ранее и хранятся в библиотеке Мартьяновского музея [8]. Мать Ивана Тимофеевича – Елена – из большого рода однодворцев Кузнецовых станицы

Я, **Анашкина Галина Георгиевна** 20.08.1937 года рождения,**подтверждаю, что нахожусь в родстве** с моим двоюродным дедом **Бернадцким Иннокентием Васильевичем**, который проживал в **г.Минусинске по адресу ул.Мартьянова, дом № 7.** Период жизни его - 82 года,родился- 08.08. 1880г.(Минусинский архив ф. 122 оп. 1 дело 4).Иннокентий Васильевич умер 20.10.1962 г. (Справка ЗАГС г. Минусинска. от 14 января 2019 г.).

Отец мой **Сиротинин Георгий** Иванович, период жизни (27.04.1913. - 05.09.1984 г.), родился 27.04. 1913г. (Минусинский архив фонд 122 опись 1 дело 39). Крещен 03.05.1913.

Отец мой вступил в бракв 1934 г. с Ефимовой Наталией, родившейся25.08.1917г. (Минусинский архив фонд 122 опись 1 дело 43).Умерла Наталия 20.04.2006 г.

Наталия–родиласьот АнныСереткиной и **Василия** Степановича Ефимова.Василий родился 21.02.1893г.(Минусинский архив фонд 112 опись 1 дело 19).Василий от второго брака Степана ТрофимоваЕфимова и **Матроны**Власовны Денисовой. Брак Степана и Матроны 02.06. 1886г. (Минусинский архивфонд 112 оп 1 дело12).Брак Василия 20.04. 1916 (Минусинский архив фонд 112 оп 1 дело 42) с Анной Ивановной Сереткиной крестьянской дочерью ей 17 лет, она из Нижней Кои (тетя Нюра, так ее называли).Умер Василий.- 17.09.1978г. Крестным у Наталии был Зимин Иван Тимофеевич учитель училища.

Матронародилась08.11. 1862 г. (ГАКК Шушенская церковь фонд 876 опись 1 дело 32). Отец Матроны - Денисов Власий Иванович, деревни Дубенской крестьянин и мать - законная жена Стефанида Васильевнав девичестве Кондратова. Брак Власа и Стефаниды 30.03.1858 (ГАКК Шушенская церковь ф. 876 оп 1 Дело 7). Стефанида умерла в 1873 г.(Тигрицкая церковь фонд 824 оп 1 дело 34). Иван Денисов умер в 1872 г.(Минусинский Архив фонд Минусинское благочестие 17 опись 1 дело 176, стр. 564) в возрасте 84 г., крестьянин села Дубенского Минусинского уезда).Иван и Стефанида похоронены на Дубенском кладбище. Матрона брак со Степаном 02.06.1886 г. (Лугавская церковьф.122 опись 1 Дело12).

Родная сестра Матроны Евдокия родилась 28.02. 1860 г.(ГАКК фонд 824 опись 1 дело 24). Рождение **Евдокии** зарегистрировано в Каптыревской церкви Минусинского уезда. Евдокия Власовна Денисова, по мужу Бернадцкая, - **мать Иннокентия Бернадцкого**.Брак Евдокии Денисовой с Бернадцким Василием Нестеровичем зарегистрирован 30.01.1878г.(Минусинский архив Лугавская церковь в фонд 122 оп. 1 д. 4). Жених - Тесинской волости села Шалаболинского крестьянин православного вероисповедания Василий Нестеров Бернадцкийвступил в первый брак в 23 года, Невеста - села Дубенского крестьянина Власа Ивановича Денисова дочьправославного вероисповедания,девице**Евдокие**18 лет.

Бернадцкий Иннокентий Васильевич проживал **в городе Минусинске на улице Мартьянова дом 7** до конца своей жизни. В этом доме с ним проживала его невестка Зильберт Любовь Марковна зубной врач местной поликлиники. Муж Любовь Марковны Геннадий умер, точная дата смерти мне не известна,по рассказам родителей - в период 1939-1942 года.

Я проживаю в Лугавском по ул. Красных партизан дом 6 кв. 2с 1957 г. Я часто бывала в доме моего двоюродного деда ИннокентияБернадцкогов Минусинске.

Свидетельство о рождении №16484 Сиротинина Фаина Георгиевна о чём в книге актов гражданского состояния о рождении за 1937 год 20 августа произведена соответствующая запись.

Записано верно, подтверждаю: 11 12 2023 года _____

_____Анашкина Галина Георгиевна

В присутствии свидетелей:

специалист 1 категории Лугавского сельсовета Пономаренко Марина Владимировна

_____

Библиотекарь Лугавской поселенческой библиотеки Селигеева Ирина Владимировна

_____

Стрелецкой, Стрелецкой волости, Орловской губернии. Информация о Кузнецовых и Зиминых европейской части России у нас в разработке (Орловский и Бердянский архивы).

Итак, подводя итоги, обратимся к двум статьям минусинской газеты «Власть труда». Енисейский клуб «Родослов», который во многом помогал нашим поискам, вновь порадовал нас информацией столетней давности, но уже из Минусинского архива. Архив предоставляет доступ через интернет к старым выпускам газеты «Власть труда» (большое спасибо архиву). Вышедшая в сентябре 1923 г. газета пишет про съезд «учащих» (учителей) Лугавской волости: «Съезд вылился в скучную нудную бессодержательную беседу. На протяжении 4-х часов никто кроме тов. Зимина ничего делового на съезде сказать не мог». И вот, результаты работы «учащих» с детьми уже наших дней находим мы в той же газете «Власть труда», в статье Любови Зварич, описывающей современный съезд «учащих» и их учеников.

«В Лугавской школе дети в парадной форме, педагоги, краеведы из сел Знаменка, Тесь, из Минусинска, Абакана и Черногорска собрались здесь, чтобы немного заглянуть в историю. Тема встречи совсем не относилась к обязательным предметам. Исполнилось 150 лет со дня рождения Ивана Тимофеевича Зимина». Школьники в своих докладах рассказали гостям встречи про Ивана Тимофеевича и его семью; школа узнала, что он работал учителем в сёлах Минусинского уезда, много лет был директором школы в селе Лугавском. Удалась цель юбилейного съезда. Школьники с неподдельным интересом окунулись в историю рода Зиминых, историю развития родных сёл и быта односельчан. Рассказывали про остроги, волоки и заводы. Радостно говорили, что интернет — это только инструмент поиска, а настоящие сведения хранятся на полках музея, архива и библиотеки. Единение родов и есть единство российское. Любовь Зварич приводит в своей статье слова старшеклассника Лугавской школы: «Я ещё не окончательно определился с будущей профессией, но кем бы я ни стал, постараюсь больше узнавать о прошлом не только своего села и района, но и России. Наверное, нигде в мире нет столь богатой истории, как у нашей страны» [2].

Библиографический список:

1. Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-5029.
2. Газета «Власть труда». 2023, 28 сентября. № 39. — Минусинск.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 700.
4. ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 186.
5. ГАКК. Ф. 824. Оп. 1. Д. 134.
6. ГАКК. Ф. 876. Оп. 1. Д. 32.
7. Леонтьев Е. В. Старожилы и переселенцы Минусинского уезда (округа) во втор. пол. XIX – нач. XX в.: география расселения // Мартьяновские краеведческие чтения (2010–2011 гг.). Вып. VII. Сборник докладов и сообщений. – Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2012. – С. 138–145.
8. Маньковская В. И. Мои Зимины // Енисейск. Альманах Енисейский Родослов. 2017. Вып. 7. С. 20–31.
9. МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова».
10. «Мир праху. Честь имени. Минусинский некрополь». Книга первая. – Минусинск: Информационно-издательское агентство «Надежда и Мы», 2009. – С. 161.
11. Муниципальное казённое учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ АГМ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 19.
12. МКУ АГМ. Ф. 120. Оп. 1. Дд. 145, 146.
13. МКУ АГМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4.
14. МКУ АГМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 5.
15. МКУ АГМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 11. Лл. 164, 173, 175.
16. МКУ АГМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 12.
17. МКУ АГМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 42.

18. МКУ АГМ. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 48.
19. Научно-проектное обоснование регенерации центральной части г. Минусинска с разработкой проекта зон охраны памятников. Сибирский институт по реставрации памятников истории и культуры «Сибспецпроектреставрация». – Томск, 1995.

Н. В. Йатарола,
г. Таллин, Эстония

Абрамовы села Лугавское

Будучи потомком Мавры Максимовны Абрамовой (1882–1964), в замужестве Горейновой (Гареиной), родившейся в селе Лугавское, я изучала по доступным документам историю крестьянской семьи Абрамовых из села Лугавское многие годы. В ходе исследований мне стало ясным, что на территории нынешнего Минусинского района жили Абрамовы различного происхождения, не родственные между собой. Видимо, так произошло потому, что фамилия Абрамов, как и многие фамилии, образовавшиеся от старых форм отчеств (например, Андреев, Иванов, Дмитриев и т. д.), была распространена в том числе среди сибирских потомков ссыльных, солдат, казаков, переселенцев из тех регионов центральной России, где традиционно крестьяне не имели фамилий. В своей статье я расскажу о тех Абрамовых, которые являются потомками лугавских крестьян братьев Михаила Абрамова (ок. 1729–1791/93) и Мартына Абрамова (ок. 1736–1798 /99). Представители этого многочисленного рода живут сейчас не только в Лугавском, соседних Знаменке, Кое, Минусинске, но и в различных городах России, и за рубежом.

Впервые Мартын Абрамов упоминается в метрической книге Петропавловской церкви Лугавского (Лугажского) завода в 1776 году в разделе о рождённых: «№ 21. 19 июня у крестьянина Марты (так в документе) Абрамова родился сын Тихон» [23]. Полный состав семьи мы находим в исповедальных росписях той же церкви за следующий 1777 год (за исключением новорождённого Тихона): «Крестьяне и их домашние. № 45. Мартын Абрамов 41, жена его Анна Фирсова 27. Их дети: Иван 8, Пётр 4, Евдокия 3. Брат его Михайло 40. Жена его Ирина Григорьева 36. Сын его Иван 4» [8]. В исповедальных росписях бывшего Лугавского (Лугавеного) завода Петропавловской церкви за 1779 год мы встречаем наконец настоящую фамилию братьев — Ебрашев, к тому времени братья уже разделили хозяйство и жили двумя отдельными дворами: «Крестьяне и их домашние. № 123. Мартын Абрамов сын Ебрашев, 45. Жена его Анна Петрова (так в документе) 32. Дети их: Иван 11, Пётр 9, Тихон 4, Сила 4, Евдокия 6. № 125 Михайло Абрамов сын Ебрашев 50. Жена его Ирина Григорьева 39. Дети их: Иван 10, Пётр 2» [9]. Как мы видим, «Абрамов» (старинная форма отчества «Абрамович») было отчеством братьев Михаила и Мартына, впоследствии превратившееся в фамилию их потомков.

Просматривая следующие по хронологии церковные документы XVIII и XIX веков (исповедные росписи и метрики), я заметила любопытные метаморфозы, происходившие с фамилией семей братьев Михаила и Мартына Абрамовых Ебрашевых: Ебрашев [10, 16], Еврашев [11, 12, 13, 14, 19], Ебращев [17], Абрашев [18, 24], Обрашев [18]. Интересно, что в ревизских сказках 1812 [3], 1816 [4], 1850 [6] и 1858 [7] годов, податных документах кон. XVIII века – нач. XIX века [2] и некоторых метриках [25] те же самые персоналии и семьи упоминаются под фамилией Абрамов (то есть сын, внук, правнук, потомок Абрама – отца Михаила и Мартына).

Примерно к середине XIX века противоречия из документов исчезают, и потомки Михаила и Мартына Абрамовичей Ебрашевых (Абрамовых) начинают упоминаться во всех документах, в том числе и церковных, только под фамилией Абрамов [20, 21, 22]. К XXI веку первоначальную фамилию Ебрашев не помнит и не использует уже ни один из лугавских Абрамовых. Мы можем только гадать о причинах этих метаморфоз и замены родового имени «Ебрашевы» на «Абрамовы». Предположу, что свою роль могла сыграть труднопроизносимость фамилии Ебрашев и/или происхождение братьев Михаила и Мартына Абрамовых Ебрашевых (например, ссыльные в документах часто упоминались без фамилии, которая заменялась на старую форму отчества ссыльного).

Откуда же братья появились на Лугавском заводе почти 250 лет назад? К сожалению, пока не удалось найти документов, дающих ответа на этот вопрос. Краевед Михаил Васильевич Злобин упоминает, что «Абрамовы, как и Анашкины, Лыткины, были старожилами села Лугавского. Предки их были поселены в этих местах с Ирбинского железоделательного завода после его закрытия в конце 1748–1749 годов» [27]. Источника этих данных об Абрамовых автор, к сожалению, не указал.

Информация об этом могла бы содержаться в ревизских сказках, но в самой ранней ревизской сказке, в которой упомянуты братья Ебрашевы (Абрамовы) (Ревизская сказка марта 1812 года), они указаны государственными крестьянами населённого места под названием «Лугавской завод» (сам медеплавильный завод был закрыт ещё в 1745 году): «№ 1. Мартын Абрамов – умер в 1796 году (53). Мартына дети: Иван 41 (25), Пётр 39 (23), Тихон – отдан в рекруты в 1797 году (19), Тихон же 30 (14), Никита 26 (9), Александр – отдан в рекруты в 1809 году (8). Мартына племянник умершего брата ево Михаила сын Никита 22 (6). Ивана Мартынова дети: Харитон 17 (1), Антон 1 месяца (вновь рождённый). Петра Мартынова дети: Иван 11 (вновь рождённый), Андрей 4 (вновь рождённый). Никиты Мартынова дети: Иван 10, Давид 8, Мартын 3 (вновь рождённые). № 6. Иван Михайлов Абрамов – умер в 1808 году (25), у него дети: Михайло 19 (3), Николай 2 месяцев (вновь рождённый)» [3] (в скобках возраст на момент предыдущей несохранившейся ревизии 1795 г.). Из документа ясно, что Ебрашевы (Абрамовы) на момент предыдущей ревизии 1795 года уже числились государственными крестьянами Лугавского завода. Предыдущих ревизий 1795, 1782 и 1764 годов по крестьянам Лугавского завода, в которых есть сведения, откуда они причислены, не сохранилось, в ревизии 1748 года они не обнаружены.

В поисках Ебрашевых мною просмотрены не только почти все доступные документы Красноярского уезда, но и документы Енисейского, Томского, Тобольского уездов. Единственные источники, в которых упоминается редкая фамилия «Ебрашев», – это исповедные росписи Вознесенской церкви соседнего Абаканского острога за 1788–1795 годы, где найдена одна семья Ебрашевых среди ясачных Камасинской землицы. В 1788 г. упомянуты «№ 257. Кирило Афонасьев Ебрашев 49. Жена его Евдокия Иванова 46. Дети их: Павел 9, Пётр 2, Елена 15, Мавра 13, Пелагея 12, Феврония 6» [13]. Уже к 1791 году Кирило Ебрашев с женой и младшим сыном умерли, а старшие дети Ебрашевых кочевали по речке Бире в составе другой семьи ясашных Опосова улуса: «№ 349. Иван Фёдоров Киринзин 63. Жена его Параскева Иванова 70. Дочь их Феврония Семёнова 20. У них на подворье умершего Кирила Афанасьева Ебрашева дети: Павел 12, Елена 23, Мавра 17, Пелагея 14, Феврония 9» [15]. В 1795 году дети ясачного Ебрашева упоминаются в последний раз в той же семье Яренской землицы, кочующей уже по речке Сыде [16], дальнейшая судьба их неизвестна.

Изученные документы не дают никакого указания на возможное родство между лугавскими крестьянами Михаилом и Мартыном Абрамовыми Ебрашевыми и ясачным Кама-

синской землицы Кириллом Афанасьевым Ебрашевым, но версия о том, что братья Ебрашевы могли быть представителями коренной народности (камасинцев), перешедшими в православие и к оседлому хозяйству, может быть правдоподобной.

Кто же такие камаси́нцы? Этот народ угорской языковой группы ещё совсем недавно проживал в Красноярском крае и Хакасии. Строго говоря, точно не понятно, как сто́ит называть этот народ, у них много имён. Сами себя они называют калмажами, другие называют их камаси́нцами, когда-то русские называли их таёжными татарами. Самые близкие существующие сегодня родственники камасинцев – самодийцы, которые живут много севернее, на берегах Северного Ледовитого океана. О камасинцах стало известно в XVII веке, когда русские первопроходцы впервые познакомились с ними. Однако на самом деле это очень древний народ. Этнограф Алексей Малолетко писал, что некогда единая культура самодийских народов достигла расцвета в V веке нашей эры. Тогда они, по-видимому, пережили демографический взрыв и начали расселяться по всей Сибири. Камасинцы были на самом южном фронте этой глобальной миграции. Они поселились в довольно тёплых и лесистых Саянах. Сохранять свою уникальную самодийскую культуру и нетипичный для региона язык самодийцам удавалось до середины XX века. Последний камасинец был зафиксирован в 2010 году. Оказавшись на непривычно тёплых для самодийцев территориях, камасинцы потеряли свою уникальную культуру и ассимилировались с русскими, хакасами, тувинцами и другими народами региона [28].

На протяжении XVIII в. правительство неоднократно подтверждало право крестившихся иноверцев на те или иные послабления в уплате податей. По утверждённому порядку 1764 года новокрещённым инородцам предоставлялась трёхлетняя податная льгота [29], по окончании которой они исполняли все наряды казённых крестьян. Поэтому новокрещённые кочевники могли добровольно перейти на оседлый образ жизни, приписавшись к крестьянской волости.

Рассматривая версию о происхождении братьев Ебрашевых (Абрамовых) от камасинцев, за неимением на данный момент документов, подтверждающих или опровергающих эту версию, можно попробовать обратиться за подсказками к генетическому анализу ДНК их потомков. Так, результат генетического анализа одного из потомков по прямой мужской линии Мартына Абрамовича Ебрашева (Абрамова), сделанный на определение гаплогруппы (рода) мужской Y хромосомы, показал гаплогруппу N1c1-L550 (N1c1a1a1a). Возможно, это просто совпадение, но именно гаплогруппа N1c1 – одна из трёх мужских гаплогрупп, доминирующих на территории народов таёжной зоны Сибири от Урала до Енисея, не отличающихся генетическим разнообразием [5].

Потомки братьев Ебрашевых во второй половине XIX века составляли уже большую семейную общность в селе Лугавском: согласно исповедным росписям Лугавской Троицкой церкви, в 1865 году в селе Лугавском жило 11 больших крестьянских дворов Абрамовых, одна семья отставного военного, один двор крестьян Абрамовых упомянут в соседней деревне Каменке (все они потомки братьев Ебрашевых).

«Военные. Ермолай Иванов Абрамов 43. Жена его Ксения Яковлева 23. Сын их Сергий 4.

Села Лугавского крестьяне.

№ 19. Иван Спиридонов Абрамов 17. Родной брат его Василей 12.

№ 24. Вдова Устинья Григорьева Абрамова 86. Дети ее: Гавриил 49, Тит 43. Гаврила жена Васса Семенова 51. Дети их: Георгий 29, Козма 14, Петр 13, Козма 2-й 10, Анастасия 24, Мария 18. Егора жена Елена Иванова 26. Дети их: Акилина 6, Анна 2. Тита жена Анисья Данилова 46. Дети их: Иван 20, Федор 18, Стефан 10, Стефанида 14, Александра 2.

№ 26. Максим Давыдов Абрамов 35. Брат его Василий 23. Сестра их родная Марфа 16. Максима жена Акилина Стефанова 29. Василия жена Агапия Иванова 21. Дочь их Екатерина 1.

№ 27. Николай Иванов Абрамов 29. Жена его Матрена Адрианова 31. Дети их: Ефимий 3, Наталья 1.

№ 28. Антон Иванов Абрамов 54. Жена его Екатерина Яковлева 48. Приемная их дочь Елена Алексеева 19. Вдова после 1-го брака Феактиста Антонова Абрамова 37. Дети ее: Иван 1-й 16, Дмитрий 12, Иван 2-й 9, Максим 7, Илья 4, Наталья 6.

№ 29. Николай Харитонов Абрамов 45. Жена его Варвара Никанорова 50. Дети их: Стефан 22, Иона 18, Иосиф 12, Александра 16, Матрона 1, Захарий 4 (так записан последним). Стефана жена Стефанида Михаилова 23. Сын их Иоанн 2.

№ 32. Андрей Петров Абрамов 58. Жена его Евдокия Стефанова 63. Сын их Прокопий 26. Жена его Ирина Николаева 22. Дети их: Илия 2, Екатерина 4.

№ 33. Никита Андреев Абрамов 36. Жена его Ольга Семенова 40. Дети их: Терентий 15, Ларион 12, Яков 6, Михей 4, Наталья 7.

№ 34. Вдова Акилина Титова Абрамова 75. Сын ее Мирон Иванов 41. Жена его Ирина Иванова 45. Дети их: Григорий 23, Иван 4, Гликерия 8.

№ 35. Конон Иванов Абрамов 40. Жена его Параскева Козмина 39. Дети их: Фаддей 21, Трофим 8, Ирина 16, Параскева 12.

№ 36. Никита Михаилов Абрамов вдов 78. Сын его Терентий вдов 47. Дети его: Феодосий 16, Параскева 13. Сноха его Феодосья Никитина вдова 25.

Деревни Каменки крестьяне.

№ 111. Михаил Иванов Абрамов 73. Жена его Евдокия Яковлева 45. Сын их Яков 10. Илларион Михаилов Абрамов 48. Жена его Пелагия Иванова 50. Сын их Сергей 25. Жена его Домна Калиникова 27». [22]

Помимо соседней к Лугавскому деревни Каменка, потомки братьев Ебрашевых (Абрамовых) проживали до революции в Знаменке (завод Даниловых), деревне Койской (потомки старшего из братьев – Михаила Абрамовича), в деревне Верхняя Коя прихода села Дубенского жила семья одного из многочисленных правнуков Мартына Абрамовича – Кузьмы Гавриловича Абрамова 1-го (р. 01.11.1848). Кроме того, в составе Лугавского сельского участка в 1909 году упоминается Заимка Абрамова с шестью жителями мужского пола и пятью – женского [30].

Многие лугавские Абрамовы отличились в сражениях Первой мировой войны. Георгий Ефимович Абрамов (р. 25.04.1881), старший унтер-офицер 200-го пехотного Крошлотского полка, погиб 3 июня 1916 года под Мыльском [31]. Его родные братья Иван Ефимович Абрамов (р. 01.04.1887), рядовой 51-го Сибирского стрелкового полка, был контужен под Ловичем 10.11.1914 [32], а Яков Ефимович (р. 21.03.1892), стрелок 1-го Сибирского полка, был награждён Георгиевским крестом IV степени [33]. Их четвероюродный брат Иван Иннокентьевич Абрамов (р. 17.06.1893), рядовой 83-го пехотного Самурского полка, был контужен 15.05.1915 [32]. Все четверо были потомками Никиты Мартыновича (ок. 1783–1844) – младшего сына Мартына Ебрашева (Абрамова). Потомок и тёзка старшего сына Мартына Абрамова – Ивана Мартыновича (ок. 1771–1840), Иван Иванович Абрамов (р. 14.10.1894) пропал без вести под Ригой в декабре 1916 года [34]. Ещё один потомок Ивана Мартыновича – Иван Захарович Абрамов (р. 26.09.1897), рядовой 634-го Сорокомышенского полка, был ранен на Австрийском фронте 10.07.1917 [35].

Большие потери постигли семью Абрамовых и в Великую Отечественную войну. Среди не вернувшихся с поля боя был и Михаил Ильич Абрамов (1909–1942, председатель Лугавского сельсовета с 1935 по май 1941 года) [36].

Пожалуй, самым известным из лугавских Абрамовых является советский и российский библиотековед Константин Иванович Абрамов, родившийся в Лугавском 19 октября 1920 года [26] в семье прапраправнука Мартына Ебрашева (Абрамова) – учителя Ивана Илларионовича Абрамова (1898–1970). Фронтовик Константин Иванович – участник Курской и Сталиградской битв, с боями прошёл через Украину, Молдавию, Румынию, Польшу, Чехию, Словакию, Германию. После окончания войны Константин Иванович посвятил свою жизнь библиотековедению, став профессором, основателем историко-библиотечной научной школы, заслуженным деятелем науки РСФСР. Он внёс огромный вклад в подготовку будущих библиотечных деятелей и разрабатывал усовершенствованные концепции библиотечного образования. Скончался 23 апреля 2001 года в г. Химки [1].

К семье лугавских Абрамовых принадлежит и главный художник драматического театра имени М. Ю. Лермонтова города Абакана Олег Васильевич Абрамов (сын фронтовика Василия Кирилловича Абрамова), а также его дочь, актриса того же театра Майя Олеговна Энгель.

Братья Михаил и Мартын Абрамовичи Ебрашевы (Абрамовы), жившие в Лугавском во второй половине XVIII в., оставили многочисленное потомство, прославившее фамильное имя Абрамовых и свою малую родину село Лугавское трудолюбием, талантами и ратными подвигами в Минусинском районе и далеко за его пределами. К сожалению, пока остаются невыясненными история их появления в Лугавском и место исхода. Очень хочется верить, что однажды история приподнимет завесу таинственности над происхождением этой замечательной семьи, и у этой статьи будет продолжение.

Библиографический список:

1. Абрамов Константин Иванович. [Электронный ресурс] : URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2,_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

2. Архив г. Минусинска (АГМ). Ф. 31. Оп. 2.

3. АГМ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 369.

4. АГМ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 425.

5. Волков В. Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных. Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Выпуск 1. – Томск, 2013. – С. 79.

6. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 160. Оп. 3. Д. 432. Л. 252 об.

7. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 614.

8. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 28А.

9. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 28Б.

10. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 29.

11. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 64.

12. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 76.

13. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 131.

14. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 131А.

15. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 131Б.

16. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 189Б.

17. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 189Д.

18. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 189Е.

19. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 496.

20. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 1135. Л. 481.

21. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 1506.

22. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 1524.

23. ГАКК. Ф. 592. Оп. 2. Д. 3.

24. ГАКК. Ф. 592. Оп. 2. Д. 216.

25. ГАКК. Ф. 868. Оп. 1. Д. 9.

26. ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 4. Д. 275.
27. Злобин М. В. Из истории появления моих предков в селе Лугавское Минусинского уезда. [Электронный ресурс] : URL: http://alkobo.lic-bez.ru/%D0%BC%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB-%D0%B7%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BD-%D0%B8%D0%B7-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D0%BE%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BC%D0%BE/
28. Камасинцы, караки и тептяри: какие древние народы России исчезли за последние 100 лет. [Электронный ресурс] : URL: https://cyrillitsa.ru/narody/140923-kamasincy-kereki-i-teptyari-kakie-drev.html
29. Конев А. Ю. Правовое положение «новокрещеных иноверцев» Сибири. XVII–XVIII века. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – Новосибирск, 2006. Т. 5. № 3–1. – С. 20–25.
30. Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 г. – Красноярск, 1909. Отд. 2. – С. 40.
31. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. №382. Док. 135775.
32. РГВИА. Картотека бюро учёта потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат), ящик 4684-А.
33. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1926. Док. 853.
34. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 769. Док. 15236.
35. РГВИА. Картотека бюро учёта потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат), ящик 4-А.
36. Список жителей города Минусинска и Минусинского района, погибших или пропавших без вести в 1940–1945 гг. Архив города Минусинска, 2015. Составитель Нагорных В. В.

Н. В. Йатарола.
г. Таллин, Эстония

Забытая фамилия

Хочу рассказать дорогим читателям одну историю о поисках моей родословной. Эта семейная история поразила меня своим трагизмом и, возможно, открыла мне один из смыслов исследования родословной. К тому же надеюсь, что мой рассказ может стать полезным кому-нибудь в генеалогических поисках, дав возможность понять важность буквально каждой метрической записи.

Гареина – фамилия при рождении моей бабушки Серафимы Гавриловны Белозёровой. Бабушка Сима родилась в селе Лугавском Минусинского района Красноярского края на берегу Енисея в июле 1928 года и была старшей из пяти детей Гавриила Михайловича Гареина и Клавдии Ивановны (урождённой Спириной). Прадедушка Гавриил (Ганя) умер в 1980 году через несколько месяцев после моего рождения. Он был из крестьянской семьи, работал молотобойцем в кузнице в деревне Знаменка того же Минусинского района. В годы войны он был призван в армию, но по состоянию здоровья в строй не встал – его отправили подвозить продовольствие на линию фронта на подводах.

Документов в семье не сохранилось, но бабушка Сима хорошо помнила, что её папа родился в весной 1901 года в Лугавском и был старшим ребёнком в семье. Маму прадедушки Гани звали Маврой Максимовной (в девичестве Абрамова), а отца – Михаилом. Отчество Михаила Гареина затерялось – умер он в относительно молодом возрасте, когда его старшая внучка Серафима, моя бабушка, ещё не родилась – в середине 1920-х годов. Умер нелепой смертью – подавился косточкой. Согласно семейной легенде, его можно было попробовать спасти, обратившись к сельскому доктору, но жена Мавра Максимовна,

якобы, не захотела отдавать доктору единственную корову – надо было кормить и поднимать шестерых детей в голодные 1920-е годы...

Вот и вся скудная информация, которая была мне известна о моих Гареиных. Фамилия мне эта, к слову, казалась немного необычной (фамилия довольно редкая), что вдвойне подогревало интерес к поиску происхождения семьи.

Поскольку прадед Гавриил родился до 1918 года, запись о его рождении мне следовало искать не в ЗАГС, а в метриках приходской церкви, находящихся на хранении в архиве. К тому времени я уже знала, что в селе Лугавском была своя церковь Святой Троицы (разрушенная в 1930-ые годы), в которой, возможно, и крестили прадеда. Узнала, что метрики Лугавской Троицкой церкви за 1874-1918 гг. находятся на хранении в Минусинском архиве.

Именно туда и послала два запроса, начав поиски в далёком 2005 году: первый запрос на нахождение записи о рождении/крещении Гавриила (указала имена родителей и примерную дату рождения – начало 1901 года), второй – о нахождении записи о браке родителей Гавриила Михаила и Мавры в период 1897-1900 годы. Вскоре пришёл ответ из архива, который не на шутку меня озадачил:

«20 марта (крещён 24) 1901 года родился Гавриил, родители села Лугавского крестьянин Михаил Евдокимов ГОРЕЙНОВ и законная жена его Мавра Максимова оба православного вероисповедания» [АМКМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 27. Л.17 об.]

Вот так бабушка Сима узнала, что настоящая её фамилия не Гареина, а Горейнова (по крайней мере, в тот момент мы были в этом уверены), и что, видимо, отец её по какой-то причине самовольно (или по воле нерадивого чиновника) стал писаться Гареиным — в послереволюционной суматохе такое было возможно. Узнали мы и имя отца Михаила Горейнова – Евдоким.

Записи о браке Михаила Евдокимовича Горейнова архив не нашёл. Поэтому я решила попытаться узнать примерную дату его рождения из записи о смерти (в записи о смерти иногда указывали возраст умершего, как и в записи о браке возраст жениха и невесты). Умер Михаил в середине 1920-х годов, уже после революции, поэтому запись следовало искать в отделе ЗАГС.

У меня не было особой надежды на то, что ЗАГС сможет найти запись о смерти Михаила, ведь точного года смерти (уже не говоря о дате) я не знала. Но, к моему удивлению, пришёл положительный ответ из Минусинского ЗАГС (отдельное спасибо работникам отдела за неравнодушие!).

Из справки я узнала, что Михаил Евдокимович Горейнов родился около 1878 года. Правда, причина смерти не была указана, так что легенда о причине его смерти так и осталась неразвенчанной.

К сожалению, к тому времени Минусинский архив перестал отвечать на генеалогические запросы. У меня не было возможности поехать туда и заняться поисками лично, да и не смогла найти кого-то, кто посмотрел бы для меня запись о рождении Михаила.

Я узнала, что более ранние метрические книги Лугавской Троицкой церкви (за 1855-1868 годы) хранятся в Государственном Архиве Красноярского Края (ГАКК) в Красноярске. Там же находятся на хранении и метрики Спасской церкви города Минусинска, в которой окормлялись лугавские крестьяне до открытия в 1855 году своей сельской церкви.

Поэтому когда в начале 2015 года (десять лет спустя после начала поисков!) я узнала о том, что эти метрики красноярского архива оцифрованы и доступны для просмотра в интернете, моей радости не было предела – я могла продолжать поиски происхождения моих лугавских Горейновых дистанционно!

Итак, зарегистрировавшись на сайте ГАКК, я начала пробовать читать с экрана метрики XIX века. Дело сначала шло не очень быстро и плодотворно – у меня не было никакого опыта чтения метрик до этого. К тому же почерк минусинских дьячков первой половины XIX века был трудночитаем, чернила метрик полувыцвели, да и глаза перед экраном компьютера уставали быстрее, чем при просмотре документов в архиве. И всё же, просматривая в который раз записи и привыкая к почерку – благо сканированные документы можно просматривать и пересматривать вдоволь, – я нашла какое-то особое удовольствие. Перед глазами проходила жизнь крестьянской общины – рождались, венчались, умирали мои Горейновы, их будущие родственники Абрамовы и Спирины, их соседи и односельчане. Особая радость была, когда, наконец, в метриках за июль 1834 года я нашла запись о рождении моего Евдокима Горейнова, отца Михаила!

«Тридцатого числа той же деревни у крестьянина Ивана Семёнова Горейнова и законной его жены Мавры Никитиной родился сын Евдоким» [ГАКК, Ф. 868. Оп. 1. Д. 5].

А в метриках за 1828 год я нашла и брак родителей Евдокима:

«Вступающий в первый брак Минусинского округа Шушенской волости деревни Усть-Лугавской ПОСЕЛЕНЕЦ Иван Семёнов Горейнов с невестой того же округа, волости и деревни крестьянина Никиты Михайлова Еврашева с дочерью с девицей Маврой». [ГАКК. Ф. 868. Оп. 1. Д. 1].

Оказывается, дед Михаила был поселенцем! А это означало, что, скорее всего, мне вряд ли удастся выяснить что-то о его происхождении и том, откуда именно его сослали в Сибирь в принудительном порядке. В Красноярском архиве документов по ссыльным Шушенской волости за эти годы (1820-1828) не сохранилось. Почти все документы по ссыльным были уничтожены в пожаре революции.

Всё, мои поиски зашли в тупик...

Тут судьбе было угодно дать поискам совершенно новое начало. Благодаря знакомству на генелогическом форуме ВГД с Татьяной Слепцовой у меня наконец спустя много лет появилась возможность поискать запись о рождении Михаила в метриках недоступного Минусинского архива (в общем-то, на тот момент запись уже не такую актуальную, ведь отец Михаила и его дед – поселенец Ивана Семёнов – были уже мною найдены).

Просмотрев лугавские метрики за 1874-1884 годы, Татьяна, к сожалению, не нашла записи ни о рождении Михаила, ни других детей Евдокима Горейнова. Однако, были найдены две любопытные записи. Одна – о смерти жены Евдокима Ивановича Горейнова Устиньи Мирофановны 14 апреля 1883 года в возрасте 45 лет. Их почти 30-летний брак, судя по всему, был бездетным. Спустя всего месяц после смерти первой жены Евдоким венчался 22 мая 1883 года вторым браком с 22-летней вдовой Варварой Петровной Рудиной из соседней деревни Кривинской. В метриках за 1884-1886 годы не нашлось записей о рождении детей от этого второго брака Евдокима и Варвары, видимо, и этот второй брак Евдокима был бездетен.

Чьим же сыном был мой Михаил Евдокимович Горейнов, рождённый около 1878 года? Быть может, он был усыновлён бездетным Евдокимом? Возможно, он был сыном молодой вдовы Варвары Рудиной от её первого брака?

Я попросила Татьяну в очередной раз просмотреть метрики 1878 года и поискать младенца Михаила с другой фамилией... И вот долгие поиски были вознаграждены, и моё предположение подтвердилось!

«7/8 ноября Михаил, родители деревни Кривой крестьяне Нестор Василисков Рудин и законная жена его Варвара Петрова, оба православного вероисповедания» [АМКМ, Ф. 22. Оп. 1. Д. 4].

Нашлись в метриках и сведения о смерти настоящего отца моего Михаила – кривинского крестьянина Нестора Василисковича Рудина. Он умер 24 ноября 1880 года в возрасте 23 лет от... «ушиба столбом». Учитывая внезапную смерть, на развороте метрической книги было вложено общественное удостоверение, из которого мы узнали драматические подробности смерти молодого Нестора Рудина:

«Общественное удостоверение

1880 года, ноября 24 дня мы нижеподписавшиеся Енисейской губернии Минусинского округа Шушенской волости деревни Кривинской государственные крестьяне дали наше общественное удостоверение причту Лугавской Троицкой церкви, в том, что крестьяне нашей Кривинской деревни Нестор Василисков Рудин занимавшийся сего числа со своим родным отцом Василиском Рудиным и братьями Григорием и Андреем, и женою своею Варварою Петровой постановкою столбов для городы двора, и при постановке одного из них за недостачею силы столб повалился и упал на крестьянина Нестора Рудина от чего у него повредило грудь, и голову, и от истока сильного крови из рта, носа, ушей в скором времени помер, так что не успели съездить в село Лугавское за местным священником, в чём удостоверяем по сущей нашей справедливости, что смерть крестьянину Нестору Рудину последовала ни от чего либо другого как от падения столба, умышленности в этом случае никого не подозреваем...

К сему удостоверению по личной просьбе неграмотных крестьян деревни Кривинской Павла Фадеева, Стефана Мясникова, Макара Жданова, Леонтия Ускова, Матфея Коржавина, Афанасия Шевелёва, Сидора Пушкарёва, Матвея Суслова, Василия Багаева, Сергея Косых, Дмитрия Могилникова, Павла Бехтерева, Петра Федяева, Григория Широнина, Василия Хорошавина, Андрея Огородникова, Ивана Гребнева, Ивана Целищева, Фёдор Гребнева, Василия Желтышва, Ивана Баринцева, Фёдора Гулина, Парфина Хохолова, Фёдора Носкова, Григория Гулина, Егора Тулова и за себя крестьянин Демитрий Целищев руку приложил крестьянин Иван Леонченко руку приложил крестьянин Антон Сенкевич руку приложил крестьянин Данило Багаев руку приложил крестьянин Софрон Багаев руку приложил.

Настоящее удостоверение составлено в присутствии моём правильно и руку прикладываю за неграмотных в том удостоверяю подписью и приложением казёной печати кривинский старшина Сергаев». [АМКМ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 6].

Можно себе представить горе двадцатилетней вдовы Нестора Варвары Петровны, на глазах которой под упавшим на него столбом погиб муж, оставив её одну с двумя детьми: младшему Кузьме было 10 недель, старшему – моему прапрадеду Михаилу – два года...

Спустя два с половиной года Варвара согласилась выйти за посватавшегося к ней бездетного вдовца Евдокима Ивановича Горейнова и переехала с детьми в его дом в село Лугавское.

Михаил Несторович Рудин вырос в доме отчима Евдокима Горейнова. 11 февраля 1900 года Михаил венчался в Лугавском с крестьянской девицей того же села 17-летней Маврой Максимовной Абрамовой. В записи о браке жених указан с отчеством настоящего отца и двойной фамилией как «Михаил Несторов (Рудин) Горейнов». Год спустя в записи о рождении своего первенца Гавриила, моего прадеда, Михаил указан уже с отчеством и фамилией отчима – Михаил Евдокимович Горейнов. Отныне он будет называться и упоминаться в документах именно так.

Знал ли прадедушка Ганя свою настоящую фамилию? Слышал ли он рассказ о трагической судьбе своего безвременно умершего деда? Мы уже никогда этого не узнаем... Бабушка Сима, незадолго до этого только-только привыкшая к мысли, что её девичья фамилия

не Гареина, а Горейнова, до сих пор не может поверить, что она урождённая Рудина. Она узнала об этом в канун своего 88-летия...

Вот так всего-лишь одна запись о рождении Михаила, казавшаяся мне не такой уже и важной в цепочке поиска моей родословной, кардинально повернула все мои исследования и раскрыла мне и моей семье тайну нашего происхождения. Поселенец Иван Горейнов, история появления которого в Сибири занимала меня несколько лет, оказался не моим кровным предком. Я довольно быстро выяснила, что мои предки Рудины – родители Нестора Василисковича – Василиск Михеевич и Прасковья Егоровна, переселились в деревню Кривинскую в 1853 году из Вятской губернии из небольшой деревни в нескольких километрах от нынешнего города Кирова. В этой деревне Рудины жили уже в начале XVII века... Но это уже другая история, история забытой фамилии...

Я часто думаю о моём предке Несторе Рудине, умершем такой нелепой смертью в возрасте 23 лет и никогда не увидевшем, как растут его сыновья. Их вырастил и дал им своё отчество и фамилию другой человек. Думаю о случайности, столкнувшей меня с Татьяной Слепцовой из далёкого Сургута, которая за простое спасибо в таком же далёком от меня Минусинске нашла канувшее в небытие имя и фамилию моего умершего без покаяния прапрапрадеда и вернула их нашей семье. Случайность ли это? Не знаю... Но с недавних пор я часто молюсь об умершем внезапной смертью рабе Божием Несторе, и мне кажется, что, даже если это и случайность, то в ней есть свой особый смысл.

А. Е. Калюга,
п.г.т. Курагино, Курагинский район

К 90-летию образования Курагинского лесничества

Решением Курагинского райисполкома № 2 от 18.10.1933 (протокол № 44) в границах совхозов Курагинский и Идринский «…с целью прекращения анархического использования лесов и организации правильного лесного хозяйства…» был образован Лесхоз № 5 Минскотоводтреста. Это было первое государственное лесное хозяйство, образованное на территории Курагинского района [1].

Директором лесхоза стал Кириллов, назначенный Минскотоводтрестом. Решением райисполкома была утверждена смета на содержание и штат в количестве девяти человек.

В постановлении было отмечено, что организация этого учреждения является своевременной и целесообразной, поскольку в районе действовал на то время райлесхоз, но только с функциями контроля за использованием лесного фонда.

Новое учреждение обязали «…Немедленно организовать охрану лесов. Провести усиленную борьбу с самовольными порубками, составлять протоколы и направлять в Адмрайкомиссию и нарсуд. Предусмотреть расходы на 1934 год по очистке леса от захламленности. Провести работу по внедрению лесокультурных мероприятий, способствовать естественному лесовосстановлению и проводить искусственное лесовозобновление, бороться за смену лиственных пород хвойными».

В обязанность лесхоза также входило взыскание задолженности за заготовленную древесину с колхозов и совхозов, сельсоветов, а также взыскание штрафов за лесонарушения с перечислением средств на текущий счет лесхоза в отделении Госбанка.

Новое учреждение работало в тесном контакте с лесной группой Минскотоводтреста, которая производила специальные мероприятия: разграничивала лесные земли от земель сельхозпользования в совхозах, организовывала лесные дачи и др.

В первые годы тяжело приходилось работникам лесхоза – все операции приходилось проводить вручную с помощью лошадиной силы. Для этого при конторе, которая располагалась в с. Курагино, была организована конюшня, в которой содержалось до 70 лошадей. Для них производилась заготовка сена, соломы, посев овса.

Наиболее стабильно работало предприятие с 1959 года. В этот период за счёт проводимых мероприятий по сохранению и приумножению лесного фонда увеличилась площадь лесных насаждений, улучшилась структура лесных массивов и др.

В дальнейшем лесхоз был разделен на лесничества: Курагинское, Артёмовское, Кордовское, Верхне-Сисимское и Идринское. В конце 70-х – начале 80-х годов были проведены организационные преобразования.

В 1968 году на основании приказа Министерства лесного хозяйства РСФСР № 230 от 04.06.1968 на территории лесхоза за счёт разукрупнения Кордовского лесничества было выделено Казырское лесничество. А на основании приказа Министерства лесного хозяйства РСФСР № 372 от 14.11.1970 Идринское лесничество с 01.01.1971 года было выделено из состава Курагинского лесхоза и включено в состав нового Идринского лесхоза [3].

На лесхозы были возложены обязанности по производству товаров широкого потребления. При Курагинском лесхозе также действовал цех, где производился ширпотреб: дрова-чурки, деловая древесина, лопаты, мётла и др.

Также Курагинскому лесхозу, как и другим, доводился план по сбору дикоросов (орехи, грибы, ягоды), а также производству пищевых продуктов – мёда.

В 1971 году Министерство лесного хозяйства РСФСР приказом № 8-17/5036-5145 от 22.06.1971 разрешило выделить из состава Курагинского новый Кизирский лесхоз в составе трёх лесничеств: Верхнее-Сисимское, Артемовское и Кошурниковское [5].

В результате реорганизаций в составе Курагинского лесхоза, который стал называться механизированным, осталось три лесничества: Курагинское, Кордовское и Казырское, общей площадью 1104 тыс. га.

Бюджетная деятельность лесхоза предусматривала лесохозяйственные, лесозащитные и лесокультурные работы, а также противопожарные мероприятия.

В 1980-х годах силами мехлесхоза ежегодно засаживалось по 600 га лесными культурами. Для обеспечения саженцами в д. Гуляевке был образован питомник, в котором выращивались саженцы кедра, ели, сосны и даже дуба черешчатого, прекрасно акклиматизировавшегося в Курагинском районе.

Осуществлялся строгий контроль за заготовкой древесины, ежегодные объёмы которой доходили до 25 тыс. кубометров.

На предприятие стала стабильно поступать мощная спецтехника, внедрялись новые технологии, передовой опыт. Работал Совет Научно-технического общества, в который поступали рацпредложения, дававшие экономический эффект.

В 80-е годы большое внимание уделялось строительству производственной базы. Были построены гаражи и лесопильные цеха. В цехах стали выпускать пиломатериал, брус, вагонку, столярные изделия. Из отходов производства изготавливали штакетник, заборные столбы, штукатурную дрань, тарную доску, мётлы и др. Часть древесины шла на экспорт в Финляндию и Японию.

В с. Имисское располагалось подсобное хозяйство мехлесхоза. С помощью имевшейся техники, комбайна и трактора, заготавливали корма. Имелась и пасека на 20 пчелосемей.

Активно строилось жильё для работников. К 1992 году в мехлесхозе на балансе состояло 25 ведомственных квартир, а также конторы и гаражи во всех лесничествах, и цех лесопиления.

В Курагинском лесхозе действовала профсоюзная организация, которая подводила итоги соцсоревнования, выделяла путёвки на санаторно-курортное лечение работникам, рассматривала вопросы выделения жилья, заключала с администрацией учреждения Коллективный договор [4].

В 2007 году Курагинский мехлесхоз был переименован в Курагинское лесничество.

На сегодняшний день протяжённость лесничества с юга на север составляет 104 км, а с запада на восток — 290 км.

Общая протяженность лесного фонда составляет 1 283 022 га, он подразделяется на пять участковых лесничеств: Курагинское, Кордовское, Табратское, Казырское, Курагинское сельское.

Это самое большое лесничество в Красноярском крае, за исключением северных территорий.

На территории Курагинского лесничества располагается действующий памятник природы краевого значения «Озеро Тиберкуль».

А на востоке территории лесничества в большой горной системе, образованной рядами хребтов, находится самая высокая точка Красноярского края — пик Грандиозный высотой около 3000 метров над уровнем моря.

Учреждение возглавляет директор Фёдоров Станислав Геннадиевич. В коллективе трудится 20 человек, которые с привлечением техники проводят лесовосстановительные и противопожарные мероприятия, осуществляют осмотры вырубленных лесосек.

Залогом успеха предприятия являются высококлассные специалисты, посвятившие охране леса не одно десятилетие: Геният Асгатович Сафин, Николай Андреевич Латышев, Иван Николаевич Байков, Нина Григорьевна Соболева (награждена знаком «Заслуженный лесовод РФ») и др. [2].

В канун 90-летия предприятия можно с уверенностью сказать, что доброе дело своих предшественников с успехом продолжает молодое поколение лесников, которые чтят историю и традиции по сохранению и приумножению лесных богатств Курагинского района.

Библиографический список:

1. Курагинский районный архив. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 574. Лл. 158–159.
2. Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 899. Л. 38.
3. Там же. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.
4. Там же. Ф. Р-109. Оп. 3. Д. 2. Лл. 1, 4, 9.
5. Там же. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

Т. А. Киселёва, Н. В. Полежаева,
п. г. т. Тугулым, Тугулымский район, Свердловская область,
О. Г. Старков, г. Тюмень

Пограничный столб как переход в другую систему ценностей

Тугулымский район находится на крайнем юго-востоке Свердловской области. Эта территория всегда относилась к Зауралью, к центральной её части. С давних времен район всегда был на стыке крупных регионов – Пермской и Тобольской губерний, а сейчас граничит сразу с двумя областями – Тюменской и Курганской.

В прошлые времена часть современной территории Тугулымского городского округа относилась к Пермской губернии, а другая часть – к Тобольской. Через обе губернии проходил Великий Сибирский (Московский) тракт, соединявший Центральную Россию с Дальним Востоком. Эта стратегическая дорога была надлежащим образом обустроена ямами, гостиными дворами, корчмами и, конечно, верстовыми и пограничными знаками.

На территории Тугулымского района почти полтора века стоял пограничный столб, с одной стороны которого был прикреплён герб Пермской, а с другой – Тобольской губернии.

По Сибирскому тракту в Сибирь двигались служивые люди, пашенные крестьяне, переселенцы, учёные, исследователи, путешественники и тысячи каторжан.

Для каждого из них это был не просто обычный верстовой или межевой столб, это была граница между двумя мирами, двумя цивилизациями. Здесь для всех заканчивалась Русь и начиналась Сибирь. Сибирь, которая в течение почти двух столетий казалась чужой, пугающей, враждебной человеку. До сих пор многие жители европейской России считают Сибирь terra incognita, страной-загадкой. Там, в их представлениях, каторга, холод, страшные испытания…

Но богат край для тех, кто готов преодолеть трудности, бросив вызов судьбе. По неписаной традиции, шедшие на восток люди останавливались у столба, молились, словно набирались решимости, прощались с прежней жизнью и шагали в неизвестность.

Для каторжан это было место прощания: прощания с родной стороной, где осталась семья, близкие, родные. Придётся ли ещё увидеться, хватит ли сил вернуться? Что там ждёт впереди? Вот как пишет об этом американский журналист Джордж Кеннан, проезжавший по Сибирскому тракту в конце XIX века:

«Ни с одним пунктом, от Санкт-Петербурга до Тихого океана, не связано в России столько печальных воспоминаний, ни одна местность в России не имеет для путешественника такого интереса, как эта маленькая лесная поляна и этот каменный столб, освещенный печалью и людским несчастием. Сотни тысяч человеческих существ – мужчин, женщин и детей, князей, дворян и крестьян сказали здесь отечеству, родине, друзьям и родным последнее прости.

Ни один пограничный столб в мире не был свидетелем такого горя, таких тяжёлых невзгод, как этот: бесчисленные существа с разбитыми сердцами миновали его» [2, с. 33].

И вот это единственное в мире место, по мнению Джорджа Кеннана, находится на территории Тугулымского района.

Каторжные этапы, где команду ссыльных останавливали для ночлега, располагались в населённых пунктах вдоль Сибирского тракта. Последний этап в Пермской губернии находился в д. Маркова, а первый сибирский этап – в селе Тугулымском. Здесь же располагалась конвойная рота, сопровождавшая арестантов. На плане Тугулыма за 1880 год

можно увидеть, что здание для ссыльных и каторжан находилось на выезде из села, рядом со зданием волостного правления.

Место расположения этапа в Тугулыме довольно противоречиво использовалось в дальнейшем. Когда в конце XIX века была проведена железная дорога, перевозить ссыльных новым видом транспорта стало удобней и быстрей. Ведь пешком от Санкт-Петербурга до Иркутска – два года пути и, конечно, не без потерь. Поездом осуждённые доставляются к месту каторги гораздо удобнее и быстрее и, пожалуй, в более работоспособном состоянии. Этапы стали не нужны. Это место в Тугулыме какое-то время пустовало. А к 1895 году на капитал, оставленный по духовному завещанию крестьянской вдовой А. П. Парфёновой, в Тугулыме был поставлен новый храм с престолом Святой Животворящей Троицы. В 1934 году колокольня и купол с церкви сняты. Здание сначала использовалось как склад. Затем там организовали клуб имени Н. Шверника, откуда в годы Великой Отечественной войны провожали солдат на фронт. В 1960-1970-е годы там располагалось Управление сельского хозяйства, пока возникший пожар не уничтожил крышу здания. После восстановления и добавления второго этажа здание было передано милиции, сейчас уже полиции. Но до сих пор не умолкает ропот: как можно в церковных стенах… Но если разобраться – милиция (полиция) заняла как раз своё историческое место на центральной улице, которая по традициям советского времени носит имя Ленина, а когда-то называлась «Большой дорогой».

В 1837 году по этой дороге проехал для знакомства с Россией цесаревич Александр в сопровождении своего учителя В. А. Жуковского. Василий Андреевич в дороге делал краткие заметки, есть там и строки о Тугулыме:

«*Граница Сибири. Песок и березы. – Тугулым. Народ собирается со всех сторон. В. к.* [Великий князь] *в закрытой коляске. Более чистоты в постройке некоторых изб. – Чистота происхождения в наружности и физиономии крестьянина. – Дорога песчаная и мягкая. Чернозем*» [3, с. 255].

Это была рабочая поездка, и особых эмоций в дорожных записках поэта не чувствуется. Да и проехали у столба они, не наблюдая прощания каторжников, для царственной особы дорога была свободна. И совсем другие чувства испытываешь, читая фразу ссыльного поляка Ф. Врублевского: «*Эта граница земли, крови, слёз, проклятий и скитальчества»* [8, с. 2]. И ведь звучали у столба проклятия в адрес тех, по чьей милости оказался человек ссыльным каторжником; кто-то тихо молился в сторонке; а плакали все: если не горючими слезами, то тихими, невидимыми, но самыми больными – душа плакала. Ступали после прощания на землю сибирскую арестанты, потерявшие надежду на что-то хорошее. По-разному случалось у них в Сибири: погибали в дороге; умирали, забитые плетьми и шпицрутенами; не выдерживали непосильной работы в шахтах, рудниках… Но большинство из тех, у кого закончился срок каторги, оставались здесь, в Сибири, создавали семьи, обзаводились хозяйством.

Это же с удивлением отмечал Д. Н. Мамин-Сибиряк в своих очерках «Варнаки» и «Последние клейма». Дмитрий Наркисович в 1888 году ехал в село Заводоуспенское по приглашению своего знакомого Алексея Щербакова, начавшего строительство бумажной фабрики на месте старого каторжного завода. После разговоров с людьми, изучения списка каторжан, обнаруженного в старой конторе, два своих очерка об этой поездке посвятил писатель не строительству новой фабрики, а судьбам сосланных людей:

«*— У нас тут всякого жита по лопате,* — говорил мастеровой с фабрики. *— Со всей Расеи народ согнат...*»;

«*...сложилось оригинальное население больше двух тысяч, — были тут и поляки, и турки, и черкесы, и немцы, а главным образом свои расейские — москвичи, рязанцы, вологжане, донцы*»;

«В шестидесятых годах в Успенском заводе образовалась целая колония из ссыльных поляков, и, как рассказывают старожилы, Достоевский, возвращаясь из Сибири, заезжал сюда и гостил недели две»;

«Именно здесь, в этой архивной пыли, воочию можно было видеть то вопиющее зло, которое наполняло до краев тогдашнюю жизнь, и каторга являлась только продолжением нормального существования. Мы слышали такой отзыв от одного варнака, что они только здесь, на каторге, «впервые увидели свет» и возблагодарили бога за избавление от крепостного житья»;

«*— Строгая у нас баушка-то была, барин... И дом какой, и хозяйство всё она, и нас всех на ноги подняла. Да этакую женщину с огнем искать надо по всей империи, а она из острога замуж-то выходила... После-то сказывала, што каторга-то у них там осталась в Расее, а здесь свет увидала.*

— А много еще старух осталось у вас, которые были в каторге?

— Как же, есть... Человек двадцать, поди, наберется. Все справно живут... Тоже из обязательных больше. Как кончила каторгу, сейчас и замуж. Ни одной не осталось зря, а все по семьям разошлись...» [4].

Очень ярко, эмоционально показывает Д. Н. Мамин-Сибиряк разницу между крепостной Россией и каторжной Сибирью, где люди наконец-то «свет увидали». Каждый, кто остался, нашёл своё дело: на заводе продолжали работать, а ещё: *«Бабы ковры ткут, мужики деревянную посуду делают, а которы в Сибирь зачали уезжать. На Олекму, на золотые промысла ездят... Поживет там год-два артель — и домой. Большие деньги вывозят... Извозом тоже займутся, пашню пашут. У кого на что сноровка...*» [4].

По воспоминаниям старожилов, на пограничном столбе была надпись: «Прощай, Сибирь-матушка». От плохого житья так не скажут. Наверное, этому человеку было куда и к кому возвращаться, но Сибирь-матушка только добром запомнится.

Немало было и тех, кто решился круто поменять свою жизнь. Многие переселялись по собственной нужде – уходили осваивать новые территории, рабочие руки были нужны везде. И также, дойдя до границы, слезно прощались они с оставляемой привычной жизнью, но, добравшись до места, осваивались, крепко вставали на ноги. *«Дома в основном были пятистенки. Голытьбы в Сибири сроду не бывало, не нашивали в наших краях и лаптей. Только ленивый мог жить худо, ведь всё, что нужно было человеку, росло, бегало и плавало рядом. Поэтому подполья, древние холодильники, в сибирских хоромах были огромными, картошки засыпали и себе, и скотине на зиму немеряно. Было место и для кадушек с квашеной капустой, солёными огурцами, груздями, мочёной брусникой»* [7, с. 23].

По-другому человек начинал на жизнь смотреть — становился хозяином. Получалось интересное явление, когда минуя границу Сибири, люди словно перерождались, обретали новое настоящее себе и будущее для детей и внуков.

Из русских сказок мы знаем про камень, стоящий у развилки дорог, с надписью о предстоящих испытаниях. Непростые решения принимали для себя герои. Не все возвращались домой.

Вот и в нашем районе пограничный столб для многих был таким «сказочным камнем», только выбора у них не было: либо вперёд, либо назад. Нужно было только собраться духом, выдохнуть, сделать шаг и… перейти Рубикон, в иную жизнь, переродиться.

Впереди была новая сторона, где не было крепостного права, не было лаптей, не было нищеты и малоземелья. Каждый находит место и дело по плечу.

Сибирский тракт на территории Тугулымского района был действующим до середины 1960-х годов, но вот столба уже не было, граница областей проходила в другом месте, и он стал не нужен. Построенная в 200 метрах южнее новая асфальтированная автотрасса оста-

вила в стороне остатки старого тракта, как бы законсервировала его. Это политое кровью и слезами место, на десятилетия было забыто. Краеведы района под руководством Поротникова Леонида Тимофеевича по крупицам собирали сведения о нём. И вот сейчас восстановленный пограничный столб вновь стоит на своём месте на Великом Сибирском тракте, накрепко соединившем Россию и необъятную Сибирь в единое сильное государство.

Сейчас, с развитием железных дорог, автотрасс и авиалиний, путешественник даже не замечает, как оказывается в другом регионе, в другой стране, на другом континенте.

Съезжая с шумной трассы, нужно всего лишь пройти сотню метров, чтобы попасть на несколько веков в прошлое, послушать тишину и почувствовать эмоции наших предков, ощутить энергию этого места. Здесь вы почувствуете себя на границе времён, континентов, цивилизаций. И, возможно, вернётесь в мир обновлённым, сильным, уверенным.

Библиографический список:

1. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII-XIX вв. / О. Н. Катионов. – Новосибирск, 2004.

2. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. / Дж. Кеннан. – СПб: Изд. В. Врублевского, 1906. – 458 с.

3. Курочкин Ю. М. Уральские находки / Ю. М. Курочкин. – Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 272 с.

4. Мамин-Сибиряк Д. Н. Варнаки: Заметки / Д. Н. Мамин-Сибиряк Автобиографические произведения публицистика // Заводоуспенское. – Режим доступа: http://www.zavodouspenskoe.com/index.php?option=com_content&view=article&id=35:2010-02-03-09-28-09&catid=6:2010-02-03-09-17-56&Itemid=7 . – (Дата обращения: 27.02.2024).

5. Мамин-Сибиряк Д. Н. Последние клейма / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Заводоуспенское. – Режим доступа:http://www.zavodouspenskoe.com/index.php?option=com_content&view=article&id=25:2010-02-02-17-20-42&catid=5:2010-02-02-16-24-30&Itemid=6. – (Дата обращения: 27.02.2024).

6. Поротников Л. Т. Сибирский тракт. Пограничный столб «Россия – Сибирь» / Л. Т. Поротников. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2016. – 92 с.

7. Тепышева Т. Н. Мы – сибиряки / Т. Н.Тепышева. – Тобольск, 2011. – 152 с.

8. Черданцев И. Каменный столб на перекрестках судеб / И. Черданцев // Знамя труда. – 1993. – 6 апреля. – С. 2.

Кун Вэйжань
(Kong Weiran)

Абакан. Семья Ли. Четыре поколения разных самоидентификаций: советская женщина в Китае — китайцы в России — русский китаец — китайская девушка, ничего не знающего о Китае

То, что человек «оттуда», не означает, что он самоидентифицируется как человек «оттуда»; и то, что человек живёт «здесь», не означает, что он принадлежит к «здесь».

Кто я? На этот вопрос разные люди в смешанных китайско-русских семьях отвечают по-разному.

В семье Ли, живущей в Абакане, на вопрос «Кто я?» тоже отвечают по-разному: 1. Бабушка родилась и прожила в Китае шестьдесят лет, но всегда считала себя советской женщиной, как и её мать, которая в конце концов привезла своих пятерых детей и их семьи обратно в Россию. 2. Родители этой семьи, прожившие половину своей жизни в России и половину в Китае, обосновались в России более тридцати лет назад и никогда

не меняли своей самоидентификации: «Мы – китайцы». 3. Представители поколения китайцев, получивших образование в России и женатых на русских женщинах, считают себя китайцами, но не видят разницы между собой и русскими. 4. Младшее поколение семьи, родившееся и выросшее в России, имеет смутное представление о Китае: одна девушка считает себя «прикольной»: тёмные и глаза, с китайскими и русскими традициями; а другая думает, что она китаянка, но ничего не знает о Китае.

1. Бабушка Валентина — советская женщина, проживавшая в Китае.

Валентина, китайское имя: Гун Лихуа, родилась в 1921 году в Маньчжурии, Внутренняя Монголия, Китай. Её мать была грузинкой, иммигрировавшей в Китай (точная причина неизвестна) в начале 1900-х годов, в Маньчжурию, где она вышла замуж за китайца из провинции Шаньдун. Валентина училась в «классе грамотности»[1], познакомилась и вышла замуж за Ли Дэчана（李德昌）, уроженца провинции Шаньдун, в Маньчжурии, где у них родилось пятеро детей: Ли Цзипэн (李吉鹏), Ли Цзицин（李吉清), Ли Цзицзюнь（李吉军), Ли Кайнжуан（李婵娟,女儿）и Ли Цзимин（李吉敏).

Во время «культурной революции» Валентину критиковали как одну из участниц «четвёртой категории элементов»[2] и каждый день вешали табличку с её перечёркнутым именем.

Валентина прожила в Китае 69 лет и никогда не возвращалась в Россию, но она настаивала на том, что она советская женщина.

С 1988 года Валентина начала процесс возвращения в Россию, и в ноябре 1990 года, когда ей было шестьдесят девять лет, она вместе с мужем, тремя детьми (которые уже были женаты и имели детей) и их семьями эмигрировала в Россию, а в последующие два года эмигрировали ещё двое её детей со своими семьи.

Валентина умерла в Абакане в возрасте восьмидесяти шести лет.

2. Поколение родителей — китайцы, живущие в России.

Валентина была смешанного китайско-русского происхождения, она говорила по-русски, но никто из её пяти сыновей и дочерей до сих пор, спустя более чем тридцать лет после их иммиграции в Россию, не умеет говорить по-русски.

Когда они только иммигрировали в Россию, их всех направили работать на диванную фабрику, где они получали 180 рублей в месяц. Разочаровавшись в низкой зарплате на фабрике, Ли Цзицзюнь стал плотником и зарабатывал более 2000 рублей в месяц. Позже все пятеро братьев и сестёр последовательно занимались сельскохозяйственным бизнесом, то есть арендовывали землю и выращивали овощи в теплицах.

В 2004 году у Ли Цзипэна возникли проблемы с визой на поселение, и семья вернулась в Китай. Сегодня семьи Ли Цзицзюня и Ли Цзимина живут в деревне Чапаево (в Усть-Абаканском районе Хакасии), более чем в десяти километрах от Абакана, семья Ли Цзицина – в Черногорске, а Ли Кайнжуан – с дочерью в Москве.

После тридцати трёх лет жизни в России Ли Цзицзюнь говорит, что всегда был китайцем, и это не изменилось.

---

[1] Класс грамотности — организация, занимающаяся массовым образованием. В период демократической революции в Китае эти классы обычно создавались на революционных базах, в них уделяли особое внимание распространению грамотности, изучению текущих событий и политики, эти классы сыграли большую роль в ликвидации безграмотности. Многие из них впоследствии были преобразованы в самодеятельные школы https://www.zdic.net/hans/%E8%AF%86%E5%AD%97%E7%8F%AD

[2] 4 августа 1950 года на 44-м заседании Государственного совета было принято «Постановление о классовом составе сельских районов», в котором был определён классовый состав сельских районов, а помещики, богатые крестьяне, контрреволюционеры и «плохие» элементы были отнесены к врагам революции и объектам репрессий, после 1957 года их стали называть «четвёртой категорией элементов». Государственная социальная реабилитация четвёртой категории элементов осуществлялась в основном в форме контроля и надзора. (Составлено Национальным историческим обществом Китайской Народной Республики.) https://baike.baidu.com/item/%E5%9B%9B%E7%B1%BB%E5%88%86%E5%AD%90/3316125

3. Третье поколение – русские китайцы.

Ли Чжэ (李哲), старшему сыну Ли Цзицзюня, было девять лет, когда он эмигрировал в Россию из Китая вслед за бабушкой и родителями. Со своей женой Любовью он познакомился в школе, когда ему было пятнадцать, а через восемь лет они зарегистрировали свой брак; сейчас их сыну семь лет, а дочери – семнадцать.

Двоюродный брат Ли Пьяо（李彪), Ли Чжэ, был старшим сыном второго сына Валентины, Ли Цзицина, которому было одиннадцать лет, когда он приехал в Россию. Со своей женой Тамилой (тогда четырнадцатилетней) он познакомился в школе, когда ему было шестнадцать, и теперь у них есть двое детей.

Ли Чэну （李程), младшему брату Ли Чжэ, было два года, когда он вместе с семьёй эмигрировал в Россию. Он безуспешно пытался создать семью с китайской девушкой. Такой поиск он объяснял надеждой, что китайская девушка, став его женой, сможет общаться с его родителями, так как жена его брата Ли Чжэ Любовь не могла разговаривать с родителями из-за языкового барьера.

Братья Ли, получившие российское гражданство, удивлялись вопросу «Вы китайцы или русские?», на что всегда отвечали: «Конечно, мы китайцы, но между нами и русскими нет никакой разницы». Ли Ченг объясняет это тем, что он живёт в Республике Хакасия. Он считает, что здесь его собственная китайская внешность похожа на внешность хакасов, поэтому к нему не относятся как к иностранцу.

Жена Ли Чжэ Любовь не видит разницы между своей семьёй и обычными русскими и считает Ли Чжэ «русским китайцем». Тамила описывает своего мужа Ли Бяо как «трудолюбивого, заботливого и домовитого», этим он отличается от большинства русских мужчин.

4. Молодое поколение – «китаянка, которая ничего не знает о Китае».

Дочь Ли Чжэ, Ли Виктория Чжэевна, считает, что её отчество очень запоминающееся. У неё есть и китайское имя: Ли Мэгги (李美琪). Она никогда не была в Китае и не планирует туда ехать, считая, что это будет страшно, потому что там слишком много людей. Она считает «прикольным», что у них с братом есть китайские и русские корни и традиции. В душе она считает себя русской.

Дочь Ли Бяо, Ли Жанна Павловна, сейчас изучает международные отношения в РУДН, а также учит китайский язык. Она ездила в Китай, когда ей было четыре или пять лет, и надеется повторить поездку в будущем. Через своего отца Ли Бяо она сказала мне, что считает себя китаянкой, но что она китаянка, которая ничего не знает о Китае.

История семьи – это отражатель времени, а смешанная китайско-российская семья – это призма, отражающая элементы с разных сторон. Четыре поколения семьи Ли дают разные ответы на вопрос «Кто я?»: от «советской» бабушки Валентины, которая никогда не жила в СССР, до «китаянки, которая ничего не знает о Китае». Эти ответы включают в себя множество факторов, таких как история, культура и семейное воспитание. Я уверена, что в будущем эти ответы изменятся, особенно для молодых людей, и какими бы они ни были, они будут более интересными и заставят нас захотеть узнать больше.

А. П. Лыхин
с. Тесь, Минусинский район

История одного колокола

Вступление

На звоннице Свято-Никольского храма в селе Казачинское Казачинско-Ленского района Иркутской области среди новых колоколов, изготовленных уральскими умельцами в «лета 2007 от РХ», можно увидеть старый колокол из соседнего села Кутима. Он украшен чередованием разных поверхностей – проточенных и шлифованных. Хорошо различим растительный орнамент по «талии». Верхняя часть колокола украшена изображениями херувимов, не подписанный мастерами, он имеет незначительные сколы по нижнему краю.

Меня всегда привлекали колокола как образцы литейного мастерства и как источники неповторимого звучания. Однако в суете жизни более детальное знакомство с колоколами откладывалось мною на неопределённое время. Но всё в жизни меняется, и вот наступил тот момент, когда колокольная тема захватила моё внимание. Катализатором этого стал колокол со Свято-Никольского храма. Попытаемся проследить судьбу кутимского колокола, насколько это возможно, вспомним людей, принявших участие в его сохранении. Но сначала заглянем в глубь веков, узнаём историю появления колоколов в жизни человека.

Экскурс в прошлое

Колокол – это ударный музыкальный и сигнальный инструмент, состоящий из полого купола, который является источником звука, и подвешенного по оси купола языка, издающего звук при ударе о купол. В древности, до появления колоколов, существовало деревянное *би́ло*. Один из вариантов этого предмета напоминает двухлопастное весло, по которому ударяли деревянным битком. В старину славяне считали, что *би́ло*, колокол – это не просто предметы, это, прежде всего, звук.

Первые колокола изготовили в Китае более 4-х тыс. лет назад. Европа познакомилась с колоколами значительно позднее. Ассирийский колокольчик, хранящийся в Британском музее, датируется IX веком до н. э.

Колокола на Руси появились почти одновременно с принятием христианства в конце X века. В Русской православной церкви колокола делятся на три основных группы: большие (благовестники), средние (подзвонные) и малые (зазвонные). Основной материал при отливке колокола – колокольная бронза.

Купол колокола имеет следующие конструктивные элементы. Самая широкая нижняя часть называется юбкой (звуковым кольцом), верхняя часть купола называется головой, которую завершает корона. В верхней части короны имеется маточник, имеющий от двух до шести ушей, за которые колокол подвешивают. В маленьком колоколе довольствуются двумя или четырьмя ушами. Большие всегда имеют шесть ушей – двое парных и двое одиночных. Располагают их крест-накрест. Колокола выше 300 пудов подвешиваются на четырёх хомутах. За парные уши захватывают главными хомутами, а за одиночные – добавочными хомутами, имеющими целью не давать колоколу раскачиваться при звоне [2, с. 407].

Существует отдельная наука – кампанология, изучающая колокола, технологию их изготовления, а также историю, методы и традиции колокольного звона как искусства. Название произошло от слова кампан, так с XV века стали называть колокол в православии, взамен прежних терминов било и древо. Название кампан, в свою очередь, произошло от

итальянской провинции Кампания, где с начала VII века производили колокола для многих европейских храмов.

Колоколов в Сибири не хватало всегда, со времён Ермака до наших дней. Не имея колоколов, люди использовали различные предметы. Так, в Енисейске в начале XVII века «звонили» в якорь [8, с. 118-119].

Извлекали звон из поперечной пилы, из лемеха от плуга. С появлением Транссибирской железной дороги стали использовать обрезки рельс различной длины. И сегодня можно встретить подобие колоколов (бивницы, звонницы), изготовленные из кислородных баллонов.

Использовали колокол и служители морских маяков. До изобретения звуковой сирены они подавали звуковые сигналы во время сильных туманов.

Звук колокола сопровождал русского человека, в том числе и сибиряков, всю его жизнь, от рождения до смерти. В колокола звонили во все важные смысловые вехи человеческой жизни: во время венчания, отпевания, проводов на войну и благополучного возвращения. Целодневный звон звучал в дни памяти святых, во время государственных праздников. Люди могли «прочесть» колокольный звон так, как мы сегодня читаем газету.

Остановимся далее на истории возникновения селений и церквей, где наш колокол своим звоном приносил людям вести благие и тревожные.

Возникновение селений и церквей

Во второй половине XVII века началось планомерное освоение берегов реки Киренга, правого притока реки Лена. Происходило оно с двух направлений. От устья реки, где располагался Киренский Троицкий монастырь, основанный в 1663 году, люди продвигались вверх по течению на юг. Из Бирюльской волости в верховьях Лены был проделан путь на северо-восток к истокам Киренги.

Упомянутые выше сёла Кутима и Казачинское расположены в среднем течении реки Киренга.

Деревня Кутимская. Названа по имени основателя, Ивана Кутимского, впервые упоминается в документах в 1665 году. Современное название — Кутима [10, с. 102].

Церковь в Кутиме была построена в 1908 году и освещена в честь великомучеников Кирика и Иулитты. Церковь построили вместо старого молитвенного дома. В конце XIX в. в этот молитвенный дом передали старый иконостас из Троицкого собора Киренского Троицкого монастыря, в котором, по преданию, иконы были написаны в 1783–1798 годах бывшим настоятелем монастыря Вонифантием Березиным. Иконостас поставили во вновь устроенный храм, приписанный к приходу Ильинской церкви села Нижнемартынова. Закрыли церковь постановлением Восточно-Сибирского краевого исполкома (ВСКИК) от 14 декабря 1933 года и перестроили под сельский клуб [4, с. 308].

Думаю, что колокол, как и иконостас, прибыл в Кутиму из Троицкого монастыря уездного города Киренска. Работа и поиски в этом направлении продолжаются.

Село Казачинское. Возникло позднее Кутимы и находится выше по течению реки. В 1677 году старцы Киренского монастыря подали илимскому воеводе Ивану Зубову челобитную: «...Да вверх, государь, по Киреньге реке есть помётная пустая Дедилоновская заимка... один луг до речки Черепанка, другой луг промеж речек Черепанки и Миньки, третей луг за речкою Минькою до Казачья зимовья». Казачье зимовье — это современнное село Казачинское [6, с. 965].

В 1781 году здесь была построена первая деревянная церковь. Новая Николаевская (в честь Св. Николая Чудотворца) церковь, построенная в 1863 г. и освящённая 20 сентября 1864 г., первоначально была приписана к Ильинской церкви в с. Нижнемартыновском

А.Ф. Суханов с внуком возле колокола, с. Казачинское Иркутской обл. 2007 г.

(Мартыновском). В 1893 г. обрела самостоятельный приход, к которому были приписаны Николо-Иннокентьевская церковь в с. Акунайском и Казанская в с. Тарасовском. Церковь была закрыта по Постановлению Восточно-Сибирского краевого исполкома от 15 июня 1931 г. Позднее церковь была разрушена. На её месте построили детский сад с прачечной [4, с. 266-267].

Только в 2002 году в селе Казачинское было начато строительство нового храма, которое закончилось в 2005 году. В октябре 2007 года Свято-Никольский храм был освящён архиепископом Иркутским и Ангарским Вадимом в честь святителя Николая [3, с. 87].

Спустя три четверти века жители села Казачинское услышали колокольные перезвоны, и в общем многоголосии отчётливо звучал старый кутимский колокол. О его интересной судьбе, о людях, принявших активное участие в сохранении этой церковной реликвии, пойдет речь ниже.

Главные действующие лица

Священник Исаакий Васильевич Кутимский. Родился в д. Кутима Киренского уезда Иркутской губернии в 1884 г. Учился в Киренской второклассной церковно-приходской школе. С 1904 по 1910 г. работал учителем. С 1910 по 1917 г. служил псаломщиком в церкви Святителя Николая Чудотворца с. Казачинское Киренского уезда Иркутской губернии (ныне Казачинско-Ленский район Иркутской области). С 1917 по 1924 г. учительствовал. 24 декабря 1924 г. рукоположен в диакона, 24 декабря 1925 г. — в священника и служил до 1930 г. в церкви во имя свв. Кирика и Иулитты с. Кутима Киренского уезда Иркутской

губернии (ныне Казачинско-Ленский район Иркутской области). 25 марта 1930 г. был арестован, постановлением тройки ПП ОГПУ СК от 23 августа 1930 г. по ст. 58-10 УК РСФСР подвергнут 10 годам лишения свободы. Домой не вернулся, сгинул на просторах ГУЛАГа. Реабилитирован заключением прокуратуры Иркутской области от 30 мая 1989 г. [9, с. 84].

Его дочь Анастасия Исааковна Кутимская в 1936 году вышла замуж за Фёдора Кондратьевича Суханова.

Об отце, сыне и внуке Сухановых расскажу подробнее.

О***тец – Кондратий Михеевич Суханов***. Родился около 1870 г. По семейной легенде, уехал в молодом возрасте из Подмосковья в Енисейскую губернию, затем появился на берегах Киренги. Через некоторое время Кондратий женился и построил дом в д. Конец Луга, ныне эта деревня слилась с райцентром Казачинское. Особой набожностью не отличался, но церковь посещал регулярно, соблюдая посты и православные праздники. Был знаком с Исаакием Кутимским, их дети в 1936 году поженились.

Сын – Фёдор Кондратьевич Суханов. Родился 2 сентября 1915 г. в с. Казачинское Иркутской обл. В метрической книге Казачинской Николаевской церкви Киренского уезда записано: «У крестьянина села Казачинского Кондрата Михеева Суханова и его законной жены Соломониды Яковлевой родился сын Феодор. Крещение: 11.09.1915. Восприемники: сын крестьянина Казачинского селения Василий Кондратов Суханов и крестьянская дочь девица Дарья Васильева Шкуренко [1].

Проживал на ул. Наумова, 1. Ныне на доме установлена памятная табличка, посвящённая ветерану Великой Отечественной войны Фёдору Суханову. Во дворе этого дома и был первоначально спрятан колокол с территории пожарной части, об этом пойдёт речь ниже.

Жена (регистрация 24 мая 1936 г.) – Анастасия Исаакиевна Суханова, ур. Кутимская из д. Кутима. Родилась 23 октября 1916 г. в с. Казачинское Иркутской области. Была крайне заинтересована в сохранении церковной утвари из кутимской церкви, где служил её отец. Убедила мужа, что необходимо любой ценой сохранить колокол, ставший ненужным пожарной команде.

Внук – Анатолий Фёдорович Суханов. Родился 18 февраля 1947 г. в г. Рубцовск Алтайского края. Сохранил для потомков колокол с Кутимской церкви, который висел с 1950-х гг. на территории пожарной части села Казачинское на трёх столбах в качестве тревожного набата [5, с. 42].

19 апреля 1977 года в родительский день колокол сбросили на землю – потребовалось освободить территорию под новое строительство, а ночью сгорела сельская пекарня, находившаяся поблизости [7, с. 2].

Желающих прибрать к своим рукам колокол оказалось предостаточно. Кто-то собирался обменять колокол на квартиру в Иркутске, в Орле, кто-то мечтал просто обогатиться. Анатолий спрятал восьмипудовый колокол во дворе отцовского дома по ул. Наумова, 1. Позднее перевёз колокол в свой двор по ул. Ленина, 15-2. Накрытый металлической бочкой, колокол простоял во дворе Сухановых почти 30 лет и был передан во вновь построенный Свято-Никольский храм с. Казачинское.

Заключение

Благополучно закончились скитания кутимского колокола. Это произошло благодаря неравнодушным людям, которые с трепетом относятся к истории родной земли, духовная нравственность которых служит примером для молодого поколения и заслуживает всяческого уважения. А старый колокол продолжает радовать жителей и гостей села своим неповторимым звоном.

Отдельно отмечу, что вместе с отцом Софронием, настоятелем Свято-Никольского храма в с. Казачинское, попытаемся выяснить происхождение кутимского колокола и найти информацию о колоколах подобной отливки на территории бывшего Киренского уезда Иркутской губернии.

Библиографический список:

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 790. Оп. 2. Д. 23. Л. 30 об., 31.
2. Интернет-журнал о колоколах и звонах Колокола.com. 75. Колокольные уши.
3. Казачинско-Ленский район. 90 лет. – Иркутск, 2017. – 484 с.; илл.
4. Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии XVIII – начало XX века. Научно-справочное издание. М. «Галарт». 2000.
5. Козлов И. И. Мастера старого Иркутска. Книга первая. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. – 252 с.; илл.
6. Красноштанов Г. Б. На ленских пашнях в XVII веке (Документальное повествование). Часть 2. Москва, 2013. – 978 с.; илл.
7. Наумова М. Г. Мне Никола-Угодник всегда помогал // Киренга (с. Казачинское Иркутской обл.). 2001. 27 марта.
8. Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768). М., 1900. Ч. III.
9. Пономарёв Н. А. Поездка Преосвященного Епископа Евгения в Киренский уезд в июне-июле месяцах 1913 г. – Ленск, 2014. — 232 с.
10. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. В 2-х томах. Т. 1. Пашни Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. – Иркутск, 2001. – 601 с.

Н. Г. Пивоваренко,
г. Минусинск

Участники переписи 1897 г. в Минусинском округе

Сведения о численности населения, рождаемости и смертности во все времена были важными вопросами для управления государством. На Руси власти использовали различные способы учёта. Это переписные книги, ревизские сказки. «Переписные книги Красноярска и его уездов» за 1671 и 1719 гг. изданы фондом М. Прохорова в современном переводе. Множество сведений содержится в «Памятных книжках Енисейской губернии». Важный источник учёта — посемейные списки в сельских обществах. С 1722 г. было предписано обязательное церковное ведение метрических книг, исповедных росписей.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи состоялась 28 января 1897 г. Всего в империи к работе по проведению переписи было привлечено около 150 тысяч человек. Переписная комиссия Енисейской губернии была организована губернским Статистическим комитетом. Некоторые материалы хранятся в фондах 21 и 22 государственного архива Красноярского края (ГАКК), в библиотеке музея им. Н. М. Мартьянова. К сожалению, это только переписка, сведения о членах комиссии и счётчиках.

Итоги переписи населения: в Минусинском округе проживало 182 733 человека. В Минусинске — 10 231 человек, в т. ч. 5078 мужчин и 5153 женщины [6].

Минусинская окружная Переписная комиссия в письме № 1359 от 24 февраля 1897 г. пишет в губернскую Переписную комиссию: «Имею честь при сем представить три именных списка:

а) о председателе и членах Минусинской окружной Переписной комиссии;

б) о заведующих переписными участками по Минусинскому округу;

в) о счётчиках с отметками числа переписанных ими лиц, а также и о том, кто из них производил работу безвозмездно и кто за вознаграждение, и в последнем случае сколько выдано вознаграждения…» [2, л. 1].

Кроме денежного вознаграждения участники переписи получили специальные медали.

В Минусинском уезде было организовано 38 переписных участков. Их возглавляли заведующие, в подчинении которых были счётчики. В переписи участвовали крестьяне, мещане, ссыльнопоселенцы, казаки, потомственные дворяне, инородцы, учителя, священнослужители и пр.

Нам интересны сведения об участниках переписи. В заполняемых бланках указывались сведения об исполнителе:

- фамилия, имя и отчество, пол, возраст, семейное положение;
- сословие или звание;
- место рождения, место приписки, место проживания;
- вероисповедание, родной язык, грамотность, место обучения;
- отношение к воинской повинности;
- сколько человек переписал за оплату или безвозмездно.

Заведующие переписными участками заполняли стандартные бланки на счётчиков своего участка, в конце перечня имелись подписи руководителя с указанием номера и наименования участка. Подлежало переписи и кочевое население.

Расскажем о некоторых участниках переписи, т. к. охватить весь состав в настоящей работе невозможно, хотя информация представляет большой интерес. Так, на **Новоселовском участке № 2** помощником счётчика У. А. Силина была молодая девушка Евтихиева Мария Касьяновна. О ней сведения: 18 лет, окончила курсы Красноярского епархиального женского училища, не замужем, псаломщица, дочь дьякона. Она переписала 887 человек, получила 8 руб. [2, л. 17].

Минусинская окружная комиссия [2, л. 3].

Членами Минусинской окружной комиссии были 10 человек:

1. Председатель Мухин Порфирий Константинович. Запись о нём: 51 год, женат, окружной исправник, родился в Томской губернии, проживал в Минусинске, грамоте обучался в гимназии.

Доп. сведения. Место работы — полицейское управление. Деревянное здание «Нового присутствия» можно увидеть напротив поликлиники № 1, на месте окружного суда выстроено кирпичное здание.

2. Делопроизводство вёл чиновник Адрианов Александр Васильевич. Запись о нём: 49 лет, родился в Тобольской губернии, учился в университете, служил надзирателем Окружного Акцизного управления.

Доп. сведения. Акцизная служба контролировала сборы на алкоголь. Деньги от сборов поступали в Казначейство, оно располагалось в сохранившемся здании по ул. Ленина, 73. Питейный налог обеспечивал доходы российского бюджета. Несомненно, большие сборы давал винокуренный завод в селе Знаменка (1863 г.) и винная Монополия братьев Даниловых (1903 г., соврем. адрес ул. Мира, 93). На фото Н. В. Фёдорова 1914 г. изображён А. В. Андрианов и сотрудники типографии А. Ф. Метёлкина.

3. Макридин Иван Никанорович, 47 лет, женат, купец 2-й гильдии, родился во Владимирской губернии г. Ковровске, учился дома, живёт в Минусинске. Хозяин мануфактурного магазина, городской голова.

Доп. сведения. Возглавлял Думу и её исполнительный орган Управу. Рабочий кабинет находился в «доме Беловой», член музейного комитета.

Сегодня по адресу ул. Ленина, 109 мы видим остатки усадьбы Макридиных. Двухэтажный деревянный дом не сохранился, а каменный магазин скромно «прилепился» к соседнему дому. Иван Никанорович умер в 59 лет 20 февраля 1908 г. Семейное захоронение Макридиных находится на Сретенском кладбище.

4. Орлинский Александр Иванович, чиновник особых поручений.

5. Адамов Дмитрий Александрович, чиновник особых поручений.

6. Гасабов Павел Иванович, начальник местной команды.

7. Плющ Лев Александрович, инспектор городского училища.

8. Захаренко Лев Моисеевич, чиновник, податный инспектор.

9. Чистяков Александр Григорьевич, священник, законоучитель.

10. Мартьянов Николай Михайлович, провизор, заведующий музеем.

Все члены комиссии работали безвозмездно, были православными. Они, как и заведующие переписными участками, были награждены медалями [2, л. 24–25]. Отдельно был награждён суммой в 150 руб. делопроизводитель комиссии крестьянин Густав Осипович Шмигер.

Перечень заведующих переписными участками хранится в ГАКК [2, л. 5–8].

Минусинский городской участок № 34.

Заведующий — Исаев Лев Александрович. О нём запись: мещанин, 29 лет, женат, живёт в Минусинске. Вероисповедание православное, учился в учительской семинарии, работает письмоводителем и занимается частной перепиской бумаг. За работу в переписи он получил 50 руб. и медаль.

В подчинении у Исаева было 16 счётчиков, которые безвозмездно переписали 10 217 человек [2, л. 11–13]. Далее перечислим этих счётчиков.

1. Гладышевский Иннокентий Николаевич. О нём запись: мещанин, 44 года, родился и живёт в Минусинске, православного вероисповедания, учился в приходском училище. Он хозяин переплётной мастерской. Переписал 820 чел.

Доп. сведения. Умер 10 сентября 1917 г. в 65 лет от плеврита. Интересно, что фамилия Гладышевский прослеживается в переписи Красноярска с 1719 г.

2. Макридин Александр Никанорович. О нем запись: мещанин, 34 года, женат, родился и живёт в Минусинске. Учился в приходском училище, работает приказчиком в мануфактурном магазине. Переписал 592 человека.

Доп. сведения. Годы жизни 1863–1904, отпет в Спасском соборе в 41 год. Интересно, что Макридин Александр Александрович – уроженец Минусинска 1899 г. р., осуждён в Верхне-Енисейском 10 июля 1933 г. как участник КРД на 10 лет ИТЛ [4].

3. Тырков Аркадий Владимирович. О нём запись: административно-ссыльный, 37 лет, женат, потомственный дворянин. Родился в Смоленской губернии, православный, учился в университете. Получает казённое пособие как политический ссыльный. Переписал безвозмездно 603 человека.

Доп. сведения. Член партии «Народная воля», основное положение которой сводилось к изменению политического строя, руководитель партии Д. И. Ульянов. Тырков в 1895 г., находясь в ссылке в Минусинске, в 33 года женился на Елене Павловне Шафир. Красивый каменный дом на пересечении улиц Мира и Обороны – украшение нашего города. Аркадий Владимирович вернулся в Новгородскую губернию в 1904 г. В Минусинске с ним встречался В. И. Ульянов, а в 1920 г. Владимир Ильич попросил обеспечить гражданина Тыркова землёй в родовой усадьбе и двумя коровами. Скончался Тырков в 1924 г. Был ли он рад изменениям строя?

Самое удивительное, что власти допустили политического ссыльного к переписи, а также ещё трёх следующих человек по городскому участку:

4. Тютчев Николай Сергеевич, потомственный дворянин, 40 лет, переписал 598 человек. Получает казённое пособие как политический ссыльный.

5. Макиревский Алексей Николаевич, 33 года, потомственный почётный гражданин, получает пособие ссыльнопоселенца, переписал 810 человек.

6. Яковлев Евгений Константинович, 26 лет, помощник Тыркова, получает казённое пособие как политссыльный, переписал 100 человек.

7. На слуху у минусинцев фамилия Солдатова Василия Власьевича. О нём запись: 28 лет, женат, мещанин, родился и живёт в Минусинске, православный, учился в городском училище. Он землевладелец, получает доп. доход от постоялого двора. Переписал безвозмездно 594 человека.

Кратко ещё о девяти счётчиках, все они православные, работали безвозмездно.

Учителя городского училища:

8. Киборт Николай Михайлович, 25 лет, переписал 811 человек.

9. Авраменко Григорий Ильич, 30 лет, переписал 840 человек.

10. Майлов Павел Ермилович, 22 года, переписал 643 человека.

11. Помощник Макридина Бычков Иван Григорьевич, переписал 391 человек.

Церковнослужители:

12. Мезеровский Петр Яковлевич, 49 лет, Троицкая церковь, 594 человека.

13. Рудаков Иван Иванович, 36 лет, Спасский собор, 770 человек.

Мещане:

14. Мукосьев Александр Григорьевич, 24 года, переписал 325 человек.

15. Леонтьев Яков Гаврилович, письмоводитель, переписал 807 человек.

16. Леонтьев Иван Николаевич, 23 года, конторщик водочного завода, переписал 757 человек.

И далее о других жителях Минусинска, участвовавших в организации переписи.

Сагайским переписным участком № 17 заведовал Подгорбунский Иван Иванович, «49 лет, родился в Енисейске, женат, отставной надворный советник, проживает в Минусинске. Получает пенсию от правительства». За работу в переписи получил 75 руб.

Доп. сведения. Умер 10 июня 1903 г., отпет в Троицкой церкви.

Счётчики участка № 17 перечислены в отдельном списке [3, л. 23].

Маторским участком № 18 заведовал Егорычев Александр Иванович: «30 лет, женат, родился и живёт в Минусинске. Закончил реальное училище, работает акцизным надсмотрщиком». Сын Ивана Фёдоровича Егорычева (1840–1894), купца 2-й гильдии, городского головы в 1879–1883 гг. Усадьба Егорычевых (совр. адрес ул. Ленина, 88) состояла из двухэтажного жилого дома и каменного магазина. Торговали галантереей, скобяными товарами, винами. На Сретенском кладбище сохранился памятник. Переписной лист Александра Ивановича заполнен красивым почерком. Из афиши 1906 г. спектакля «На дне» городского театра мы видим, что он исполнял роль Татарина. Есть фото с этого спектакля. Брат Алексей Иванович в конце 1920-х годов лишён избирательных прав [5].

Счётчики участка № 18 перечислены в отдельном списке [3, л. 25].

Шалоболинский участок № 10. Заведующим этим участком был Подгорбунский Александр Иванович. О нём запись: 41 год, женат, священник, проживает в с. Дятлово. За перепись получил 60 руб. и медаль.

Доп. сведения. Родился 2 июля 1855 г. в с. Шалоболино. В 1894–1920 гг. священник с. Детлово, заведующий и учитель Детловской и Брагинской церковно-приходских школ. В подчинении Подгорбунского девять счётчиков, переписавших 7682 человека. Выделим двух счётчиков [3, л. 9].

Рогазинский Семён Иванович – гос. крестьянин, 25 лет, женат, учился дома, живёт в Шошино, приказчик мануфактурной лавки, переписал 1080 душ безвозмездно, награждён медалью.

Доп. сведения. Блюститель церковного училища села Салбинского Идринской волости, где имел магазин. С 1908 г. с семьёй жил в Минусинске, вёл торговлю. Минусинцам знаком его дом по современному адресу ул. Штабная, 14. Есть фото Семёна Ивановича, его усадьбы в Шошино; фото 1910 г. Н. В. Фёдорова «Магазин С. И. Рогазинского на озере Шира». На Сретенском кладбище сохранился памятник с трогательной надписью о том, что сын Шура утонул в июле 1916 г. в 14 лет. После 1917 г. семья уехала в Харбин, жена по дороге заболела.

Ворошилов Захар Александрович — мещанин, 30 лет, женат, родился в Ачинском округе, живёт в Дятлово, получил домашнее обучение, владелец мануфактурной лавки, переписал 785 человек безвозмездно, награждён медалью. Позднее арендовал золотые прииски Иваницкого, был расстрелян партизанами. Его сын Василий 1898 г. р. вступил в колхоз «Пролетарий», работал животноводом, лишён избирательных прав, осуждён 10 июня 1932 г. нарсудом по ст. 109 УК за падёж колхозного скота. Выселен вместе с семьёй на спецпоселение [4].

Тесинский участок № 11. Заведующий – Осколков Михаил Иванович 29 лет, женат, крестьянин, родился и проживает в с. Тесинском, православный, закончил приходское училище. Занятие – хозяин мануфактурной лавки, письмоводство. За работу получил 60 руб. и медаль.

В его подчинении было шесть счётчиков, которые работали безвозмездно, награждены медалями, переписали 5162 человека [3, л. 11]. Далее кратко об этих шестерых.

1. Красиков Аверкий Иванович, учитель в Тесинском.

Доп. сведения. Арестован 7 мая 1920 г. за службу в армии Колчака, осуждён на 10 лет концлагеря. Проживал в Красноярске, работал землеустроителем. Расстрелян 26 октября 1937 г. как участник КРЗ. Его сын Алексей 1905 г. р. проживал в Биробиджане, в 1938 г. подвергался гонениям [4].

Ссыльные поселенцы:

2. Маркевич Фелициан Фердинадович, письмоводитель в Тесинском.
3. Смирнов Сергей Михайлович, письмоводитель в Кочергино.
4. Гражданин Архангельский Иван Васильевич, письмоводитель в Шошино.
5. Мещанин Галчинский Владимир Романович, письмоводитель в Кочергино.
6. Крестьянин Пашенных Иван Глебович – 26 лет, женат, родился и живёт в Тесинском, учился в приходском училище, работает письмоводителем.

Доп. сведения. Со знаменитым Пашенных Николаем Павловичем (02.11.1845 – 1918) у Ивана Глебовича общий предок — Григорий Семёнович Пашенный (1701 г. р.) из с. Южаково под Енисейском.

Прежде чем перейти к следующим участкам, вспомним, что у ссыльного поляка Вонаго Юрия Юрьевича и Антонины Казимировны были сыновья Бронислав-Рейнгольд, Людвиг, Болеслав и пять дочерей. В 1887 г. Вонаго приобрёл дом в Минусинске. Интерес к этой фамилии связан прежде всего с увлечением Рейнгольда Вонаго и Николая Фёдорова фотографированием. Фотографии из поездок к верховьям рек Енисея и Абакана хранятся в музее им. Н. М. Мартьянова. 24 февраля 1906 г. в Минусинске состоялось собрание учредителей фотографического общества. Председателем избран А. Г. Каменский, товарищем председателя – Р. Ю. Вонаго, членами совета общества – Н. В. Фёдоров и др. Заседание проходило в библиотеке музея им. Н. М. Мартьянова, сохранилось фото.

Участок № 12 (без названия). Заведующий – Вонаго Бронислав-Райнов Юрьевич, 23 г., холост. Купеческий сын, родился в Томске, приписан в Минусинске, живёт обычно в Москве, католик, студент университета, живёт на средства родителей. Получил 75 руб. и медаль. У него четыре счётчика, одним из которых был его младший брат Вонаго Болеслав Юрьевич – 19 лет, родился в Ужуре, живёт в Минусинске, католик, родной язык польский, закончил городское училище, работа при отце. О счётчиках участка № 12 сведения в отдельном списке [3, л. 13].

Грязнухинский участок № 14. Заведующий – Вонаго Людвиг Юрьевич 24 года, холост, родился и приписан в Томске, проживает в с. Берёзовском Курагинской волости, католик, учился в реальном училище. Работа – гос. служба лесного кондуктора. За перепись получил 60 руб. и медаль.

Счётчики переписали 4714 человек безвозмездно [3, л. 17]:

1. Солдатов Егор Изотович – 34 года, женат, казак Красноярской казачьей сотни, приписан в с. Каратуз Сагайской волости, получил домашнее обучение, на службе в лесной страже, переписал 1877 человек.

3. Краснодемский Александр Матвеевич – 38 лет, женат, крестьянин из однодворовых, родился и приписан в Минской губ., Пинский уезд, живёт в Курагинской волости, д. Покровская (68 дворов), католик, получил домашнее обучение, на службе в лесной страже, получил 13 руб., переписал 1463 человек.

4. Фёдоров Иван Ефимович – 27 лет, женат, крестьянин из государственных, приписан в Сагайской волости, с. Верхне-Кужебар, живёт в Курагинской волости, заселок Сидоровский (72 двора, 396 чел.), учился дома, на службе в лесной страже, переписал 1374 человека.

Курагинский участок № 13. Заведующий – Девятов Фёдор Фёдорович, 59 лет, вдовец, крестьянин, родился во Владимировской губ., живёт в с. Курагинское, самоучка. Содержит мельницу, землевладение.

Доп. сведения. Годы жизни талантливого человека: 1838–1901.

В его подчинении семь счётчиков, которые переписали 6668 человек [3, л. 15]. Далее кратко об этих семерых.

Государственные крестьяне:

1. Жибинов Иван Максимович, сельский писарь в с. Курагино.
2. Жибинов Константин Иванович, писарь в с. Берёзовское.
3. Щербаков Михаил Артемьевич, работает учителем.
4. Саврасов Константин Прокопьевич, живёт в Белом Яре, получил 8 руб.
5. Мещанин Сазонов Александр Васильевич, живёт в Пойлово, 8 руб.
6. Панин Иван Ефремович, учитель Курагинского училища.
7. Зимин Михаил Тимофеевич, 21 год, учитель Берёзовского училища, закончил Красноярскую учительскую семинарию, переписал 1777 человек безвозмездно, награждён медалью.

Доп. сведения. Сохранилась афиша любительского спектакля «На дне», состоявшегося в Минусинском театре 6 апреля 1906 г. в пользу общества попечения о начальном образовании. В числе актёров: М. Т. Зимин (картузник Бубнов), Н. В. Фёдоров (Барон), И. И. Лыткин (Лука), А. И. Егорычев (Татарин).

Михаил Зимин работал корректором газеты «Красноярский рабочий», расстрелян 13.08.1838 в Красноярской тюрьме. Реабилитирован в 1956 г.

Брат Михаила Иван Тимофеевич был счётчиком **Лугавского участка № 21**, работал учителем, а позднее директором школ в сёлах Знаменка и Лугавское. За работу в переписи награждён медалью. Годы жизни 23.06.1873 – 23.08.1933, похоронен в с. Лугавском.

Сведения о Зиминых, их фотографии представила внучка Ивана Тимофеевича – Валентина Ивановна Маньковская (Шеремет).

Интересны для нас и сведения о переписи на приисках.

Сисимский участок № 35. Заведующий – Солдатов Петр Евгеньевич, 29 лет, женат, родился в Минусинске, учился в трёхклассном училище, конторщик на Владимирском прииске Ивана Петровича Окулова. Работал на переписи бевозмездно, получил медаль, как и счётчики, которые переписали 488 чел. [3, л. 57]:

Вольский Николай Алексеевич, 28 лет, крестьянин из государственных, учился в приходском училище, родился в Кочергинской вол., работает на Прокопьевском прииске конторщиком, переписал 280 человек.

Его помощник Солдатов Пётр Евгеньевич, переписал 53 человека.

Федосеев Василий Антонович, государственный крестьянин, 27 лет, женат, учился дома, родился в Томской губ., приписан в Шалоболино, работает на прииске Иннокентьевском, переписал 155 человек.

Кизирский участок № 36. Заведующий – мещанин Пётр Иванович Рязанов, 33 года, женат, родился в Минусинске, трехклассное городское училище, управляющий Спасо-Преображенским прииском в Чибижеке, работал на переписи безвозмездно, получил медаль.

Под его руководством счётчики переписали безвозмездно 1031 чел. [3, л. 59]. Далее кратко об этих счётчиках.

1. Дворянин Конопко Константин Иванович, 25 лет, холост, католик, учился в гимназии, управляющий прииском, переписал 524 чел.

2. Мещанин Лукьянов Николай Иванович, 43 года, женат, проживает на Спасо-Преображенском прииске, учился дома, конторщик, переписал 194 чел.

3. Крестьянин Кривощёков Александр Емельянович, 21 г, холост, учился в четырёхклассном училище, приисковый служащий, переписал 116 чел.

4. Крестьянин Григорьев Александр Аверьянович, 39 лет, женат, учился дома, служащий прииска на Тиберкуле, переписал 197 чел.

Амыльский участок № 37. Заведующий – Бальтазар Дрозелович Гарчинский, потомственный дворянин, 60 лет, женат, родился в Киевской губернии, учился в Киевском университете, живёт Минусинский округ, католик, работает письмоводителем. На переписи работал безвозмездно, получил медаль.

Счётчики участка безвозмездно переписали 1037 человек [3, л. 61]. Далее кратко об этих счётчиках.

1. Дворянин Мозгалевский Лев Карлович, 23 года, холост, счетовод; переписал 277 человек.

2. Дворянин Прежуцкий Георгий Константинович, 28 лет, холост, служба на прииске, переписал 332 человека.

3. Мещанин Митрофанов Василий Ильич, 28 лет, холост, письмоводитель, переписал 153 человека.

4. Крестьянин Рекуц Лев Карлович, 24 года, женат, письмоводитель, переписал 219 человек.

5. Казачий урядник Каратузского казачьего населения Мосин Афанасий Александрович, 50 лет, женат, полицейская служба на приисках Амыльской системы, доп. хлебопашество, охотник в Ачинско-Минусинском промысловом казачьем отряде, переписал 86 человек. Горный исправник Сергеев лично ходатайствовал о награждении Мосина медалью.

В числе переписных нашёлся и **участок № 24 «Означенский»**, близкий автору этой статьи: селение Означенное – моя малая родина, находится на левом берегу Енисея.

На горе казаки Саянского острога установили Крест, под ним находятся остатки деревенского кладбища с моими предками. В перепись 1897 г. вошли Темниковы, Шумихины, Чихачёвы, Спирины, Коковы…

Библиографический список:

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 22. Оп. 1. Д. 28. Блок 346–391. Л. 24–26. Ведомости по бесплатным счётчикам, которые получили медали за участие в 1-й всеобщей переписи населения.
2. ГАКК. Ф. 22. Оп. 1, Д. 29. Блок 174–200. Л. 1–26. Списки членов окружных переписных комиссий и счётчиков Енисейской губернии.
3. ГАКК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 29А. Блок 201–262. Л. 1–26. Списки членов окружных переписных комиссий и счетчиков Енисейской губернии.
4. Леонтьев Н. В. Мартиролог Минусинского региона. Конец 1920 — 1950 гг. [Электронный ресурс] : URL: https://мартиролог-музей-мартьянова.рф
5. Муниципальное казённое учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ АГМ). Ф. 33. Оп. 3. Д. 150. Личное дело 17, Л. 6.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. В 89 т. Т. 73. Енисейская губерния. / под редакцией Н. А. Тройницкого. — Санкт-Петербург: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. — С. 2–3.

М. Е. Серебренникова,
г. Красноярск

Книги и публикации меценатов Кузнецовых

Семья красноярских купцов-золотопромышленников Кузнецовых известна своей благотворительностью и меценатством. Кузнецовы оставили богатое наследие в виде архитектурных сооружений, музейных экспонатов и коллекций; в библиотеках и музеях сохранились редкие экземпляры книг, принадлежавшие Кузнецовым. Кроме того, многие представители семейства Кузнецовых не только публиковали свои статьи и писали книги, но и на собственные средства издавали книги — и свои, и других авторов.

В 1869 году в Санкт-Петербурге Пётр Иванович Кузнецов на свои средства издал книгу «Способы добычи и статистика золота и серебра. Сочинение Артура Филлипса». Перевод с английского.

Этот труд содержит подробное описание местоположения, размеров и значимости рудных месторождений Англии, Америки, Австралии, России, результатов их разработки и способов получения золота и серебра.

Из предисловия книги: *«…В изложении своего сочинения г. Филлипс имел в виду преимущественно промышленные цели и, по-видимому, рассчитывал особенно на распространение его между людьми, употребляющими свои капиталы на горнозаводские предприятия. <…> издатель исключительно имел в виду доставить пользу русской промышленности»* [9, с. 2].

Следуя примеру отца, дети Петра Ивановича Кузнецова публиковали свои статьи, издавали книги, финансировали издания других авторов.

Иннокентий Петрович Кузнецов финансировал издания В. А. Ватина и Д. А. Клеменца, подписывался «Кузнецов-Красноярский». Многие его статьи по истории Сибири были опубликованы на страницах томского журнала «Сибирский наблюдатель».

И. П. Кузнецов-Красноярский предпринял на свои средства издание исторического сибирского материала. Так он напечатал «Материалы для истории Сибири» вып. 1 и вып. 2. Писал статьи и издавал книги. Среди них:

Кузнецов-Красноярский. Древние могилы Минусинского округа. – Томск, 1889.

Кузнецов-Красноярский. Исторические акты XVII столетия (1633–1699): материалы для истории Сибири. Вып. 1. – Томск, 1890.

Кузнецов-Красноярский. Описание празднования в Тобольске Кучук-Кайнарчжийского мира. – Томск, 1891.

Кузнецов-Красноярский. С бытности губернаторской коменданты и Томского уезду в острогах и слободах приказчики, кто был и в которых годах и по каким указам. – Томск, 1891.

Кузнецов-Красноярский. Томский сын боярский Фёдор Протопопов. – Томск, 1891.

Кузнецов-Красноярский. Архив Аскызской степной думы. – Томск, 1892.

Кузнецов-Красноярский. Ясачные сборы в Сибири. – Томск, 1893.

Кузнецов-Красноярский. Приходные окладные ясачные книги Томского уезда 1706–1718 гг. – Томск, 1893.

Кузнецов-Красноярский. Поездка г. Адрианова по южным частям Томской и Енисейской губерний летом 1883 года (критический очерк). – Томск, 1895.

Кузнецов-Красноярский. Исторические акты XVII столетия (1630–1699 гг.): материалы для истории Сибири. Вып. 2. – Томск, 1897.

Кузнецов-Красноярский. Заметки о древних обитателях южных частей Енисейской губернии. – Томск, 1902.

Кузнецов-Красноярский. Рафли: памятники старинной русской письменности в Сибири. – Томск, 1905.

Кузнецов-Красноярский. Отчёт о раскопках, произведённых в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 г. – Томск, 1907.

Кузнецов-Красноярский. Из истории южных частей Енисейской губернии. – Томск, 1908.

В предисловии книги «Приходные окладные ясачные книги Томского уезда 1706–1718 гг.» Иннокентий Петрович Кузнецов написал:

«…Изданные мною ясачные книги извлечены из объемистой листов в 500, сильно от времени попортившейся, рукописи, находящейся в моем собрании старинных документов относящихся до Сибири, и писанной скорописью первой четверти прошлого столетия…» [4, с. 1].

На средства Иннокентия Петровича Кузнецова-Красноярского в 1886 году была издана в Томске книга Д. А. Клеменца «Древности Минусинского музея» (185 страниц) и приложенный к ней атлас рисунков (21 лист).

Издав книгу Д. А Клеменца, И. П. Кузнецов способствовал распространению славы о минусинских древностях и авторитета её автора в научном мире. Из 500 экземпляров половина была пожертвована в пользу Минусинского музея [8, с. 180].

Прежде чем книга вышла в свет, была долгая переписка между И. П. Кузнецовым и Н. М. Мартьяновым. В одном из писем Н. М. Мартьянову Иннокентий Петрович сообщил:

«…Не менее 100 экз. потребуется мне для бесплатной раздачи (например в Восточно-Сибирский Отдел Географического общества — 6 экз., в Западно-Сибирский Отдел – 5, в Сибирский Университет, в Вашингтон экз. 10, и т. д.) *…Затем для покрытия издержек сверх 500* руб., *(которые я принимаю на себя) остается около ста пятидесяти экземпляров каталога, которые будут продаваться в магазине Макушина в Томске (цена 2* р. *50* коп.). *Вам поступит 250 экземпляров*» [5, л. 18].

Из письма Н. М. Мартьянова к А. В. Адрианову:

«…Музей не истратил на издание ни копейки. Все нужные расплаты делались и будут делаться Кузнецовым, который весь расход принял на себя. <…> из 500 экз. 250 И. П. пожертвовал Мин. музею, себе оставляет 125 для бесплатной раздачи и 125 отдает в книжный магазин Макушина для продажи по 2 р. 25 к… Издание И. П. Кузнецову обошлось в 1000 руб.» [6, Л. 31].

В типолитографии П. И. Макушина напечатана переделка романа И. А. Гончарова «Обломов» – «Утро Обломова» (1892), автор И. П. Кузнецов-Красноярский [8, с. 180].

К 25-летию красноярской женской гимназии за период с 1869 по 1894 г. была написана книга преподавателем истории, русского языка и словесности той же гимназии (преподавал в 1888–1890 гг.) Николаем Никитовичем Бакаем [1, с. 51].

Книга «К 25-летию Красноярской женской гимназии (1869–1894 гг.)» была напечатана по постановлению Совета Красноярской женской гимназии, издана на средства председателя Попечительного Совета Красноярской женской гимназии Александра Петровича Кузнецова [1, с. 1].

В 1897 году по заданию Енисейского губернского статистического комитета в Минусинский и Ачинский уезды была направлена экспедиция в составе А. А. Кузнецовой (дочь А. П. Кузнецова), А. А. Ярилова и П. Е. Кулакова для изучения жизни минусинских и ачинских инородцев. Разъезды по исследованию Кузнецовой и Яриловым были совершены на их собственные средства [2, с. 3].

По итогам этой экспедиции в 1898 году вышла в свет книга «Минусинские и Ачинские инородцы (материалы для изучения)». В создании книги приняла участие Александра Александровна Кузнецова – дочь Александра Петровича Кузнецова [2, с. 109].

В предисловии книги автор П. Е. Кулаков написал: *«Главнейшая цель предпринятого исследования и предполагаемого труда – собрание материала для изучения характера, причин и значения той эволюции, которая совершается в настоящее время в жизни минусинских и ачинских инородцев под влиянием экономических, административных и бытовых факторов»* [2, с. 3].

Изменения в жилищах, одежде и питании инородцев с достаточной полнотой и обстоятельностью описаны в книге в отдельной статье А. А. Кузнецовой «Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев» [2, с. 105].

Большая часть фотографических снимков для рисунков была сделана самими исследователями и Александром Петровичем Кузнецовым, часть была скопирована с разрешения Комитета музея со снимков, хранящихся в Минусинском общественном музее [2, с. 4].

Автор А. А. Кузнецова выразила благодарность лицам, оказавшим свое содействие настоящей работе: профессору Казанского университета Н. Ф. Катанову, любезно взявшему на себя труд сообщить научную транскрипцию приведенных в тексте инородческих слов, а также М. П. Барташевой и инородцам Г. Шоеву и Д. Ф. Чаркову, сделавшим письменные сообщения по предложенным программам относительно еды, пищи и жилищ инородцев [2, с. 109].

Кроме того, ранее (в 1890 г.) была опубликована статья А. А. Кузнецовой «Шесть сказок минусинских татар» в Известиях Восточно-Сибирского Отдела И. Р. Г. О. [3, с. 36–45].

Юлия Петровна Матвеева (Кузнецова) в 1888 году издала на свои средства сборник стихотворений разных авторов под названием «Отголоски Сибири».

В предисловии сборника можно прочитать такие слова редактора Ивана Брута: *«В минуты усталости и тягости приятно иметь под рукой несколько вполне понятных, родных поэтических строф, которые, лаская ухо созвучиями, вызывают в душе картины,*

мысли, или чувства, отрывающие нас от атмосферы обыденного существования. Смеем думать, что в этом смысле предлагаемая нами книжечка не будет излишнею» [7, с. 2].

В состав сборника вошли произведения трёх родов: стихотворения и стихотворные отрывки сибиряков, не только воспевающие родину, но и на общие темы. Пьесы, написанные в Сибири, и появившиеся в сибирских изданиях. Произведения общерусских поэтов, появившихся вне пределов Сибири, но имеющие своей темой Сибирь или такие общественные явления, которые, волею исторических судеб стали особенно характерными чертами её жизни, – например, тюрьма и ссылка. [7, с. 2–3].

В сборнике, сохранившемся до настоящего времени, можно найти как произведения известных авторов XIX века, опубликованные в «Сибирской газете», «Восточном обозрении», так и строки стихов поэтов случайных, которым, может быть, всего раз в жизни посчастливилось создать несколько поистине вдохновенных строф.

«…кое-что из разбросанного таким образом положительно жаль обречь на забвение; жаль ради его поэтической ценности, так и ради того, что все это – отголоски Сибири, интересные и даже дорогие для многих…» [7, с. 6–7].

Некоторые стихи посвящены женам декабристов, нелегкой доле декабристов в сибирской ссылке, открытию первого университета в Сибири. В сборник вошли несколько песен народного происхождения, а также приисковые песни рабочих, обозная песня, дума Рылеева «Ермак».

В результате нашего исследования найдено несколько экземпляров книг и публикаций Кузнецовых, о которых и рассказано в настоящей статье. Полный перечень публикаций представителей семьи Кузнецовых, как и публикаций собственно Иннокентия Петровича Кузнецова, ещё не выявлен. Кроме того, продолжаются поиски экземпляров книг, которые изданы на средства Кузнецовых и сегодня находятся в библиотеках и музеях.

Библиографический список:

1. Бакай Н. Н. К двадцатипятилетию Красноярской женской гимназии. 1869–1894 гг. / Н. Н. Бакай. – Красноярск, 1895. – 80 с.

2. Кузнецова А. А. Минусинские и ачинские инородцы: (материалы для изучения). Статьи: А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова. – Красноярск: Изд. Енисейского губ. стат. ком., 1898. – 326 с.

3. Кузнецова А. А. Шесть сказок Минусинских татар. // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. О-ва. – Иркутск, 1892. – Т. 23, № 5. – С. 36–45.

4. Кузнецов И. П. Приходные окладные ясачные книги Томского уезда 1706–1718. Издал Кузнецов-Красноярский. – Томск, 1893. – 132 с.

5. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова (МКМ). ОФ 10655/7, Л. 18.

6. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова (МБУК МКМ). ОФ 10655/21, Л. 31.

7. Отголоски Сибири: сб. стихотворений разных авторов / издание Ю. П. Матвеевой под ред. Ивана Брута. – Томск: Типография Михайлова и Макушина, 1889. – 194 с.

8. Серебренникова М. Е. Великие меценаты России. Кузнецовы / М. Серебренникова, Е. Серебренников. – Красноярск: Буква Статейнова, 2020. – 280 с.

9. Филлипс А. Способы добычи и статистика золота и серебра / А. Филлипс: пер. с англ. В. Ковригина с доп., касающимися рус. золотого и серебряного пр-в, И. Полетики. – СПб: издание П. И. Кузнецова, 1869. – 515 с. + 8 л. таб.

А. Ф. Чепашева,
с. Байкит, Эвенкия

Клеточное звероводство

Мех соболя, лисицы, норки, песца ценились ещё со времён правления Ивана Грозного. Он знал цену мехам. Отлично понимал, что такое государственная монополия, и как можно пополнить казну за счёт «мягкого золота». Опасность зелья, привозимого купцами для торговли с аборигенами, первым заметил царь Алексей Михайлович. Он повелел поставить таможни на пути следования купцов, которым запретил везти северянам алкогольную отраву. Его Указ соблюдался всеми царями на протяжении 300 лет и применялся, пусть даже под другими лозунгами, но применялся.

В конце XIX века и в начале XX века основным объектом пушного промысла в пределах Приангарья были белки, на Подкаменной Тунгуске водились песцы, лисы, норки, соболи, белки. Обмен добытой эвенками пушнины на боеприпасы, хлеб, мануфактуру проводился безжалостным, обманным путём. Купцы обирали таёжных жителей, получая от этого огромную, баснословную прибыль.

Революция, безвластие, Гражданская война и долгое установление на Севере советской власти усугубили положение жизни северян. Кроме того, оказались плачевными количественные показатели и состояние пушного зверя в тайге. Хищнически истреблялись пушные звери. Деньги шли в частные карманы. Купцы, богатые эвенки всячески препятствовали присутствию на севере новых порядков. Они понимали, что у них закончатся золотые дни, когда эвенки примут новую жизнь и поймут, что такое правильный обмен и торг пушниной. Поэтому они настраивали эвенков против новой власти, применяя различные методы и способы, вплоть до привлечения шаманов, настроенных против советской власти.

Установление советской власти шло трудно. Стойбища были растянуты на сотни и тысячи километров друг от друга, что не давало возможности эвенкам в короткий срок понять и принять преимущества новой власти. Но молодая советская власть справилась с этой трудной задачей и совместно с местными жителями стала восстанавливать численность пушного зверя. Методы и способы восстановления известны были охотникам испокон веков: требовалось время и нужно было организовать правильный отстрел зверя.

Туземные сельские советы образовались к 1930-м годам, поэтому как такового бюджета у сельских советов не было. Советы в основном пользовались дотацией из краевого бюджета, их общая сумма расходов составляла до 30 процентов. Доходная часть бюджета округа по собственным закрепленным доходам без дотации была незначительной. Необходимо было искать пути пополнения местного бюджета своими собственными средствами. В 1932 году туземные районные советы были переведены на самостоятельный бюджет. Было решено для пополнения собственного бюджета развивать оленеводство, добывать рыбу, мясо, обратив внимание в южных районах на огородничество, открытие молочных ферм, а также сделать упор на разведение пушного зверя в клетках, образовав в населённых пунктах звероводческие фермы.

Уже в 1938 году новое и успешное развитие получило клеточное звероводство, и оно дало хорошие результаты. В тот год при Оскобской промыслово-охотничьей станции Тунгусско-Чунского района построили новую звероферму по разведению серебристо-чёрных лисиц. Звероферму расположили за посёлком, считая, что сельский шум будет пугать зверей. Завезли в Оскобу зверей из Туруханска, обоз сопровождал Чепеленко Алексей Семёнович, который потом много лет трудился на ферме и даже восстанавливал её, вернувшись

с фронта. Звероферма принадлежала Главному управлению Северного Морского пути. Чуть позже открыли ферму в п. Муторай. Но именно Оскоба обеспечила племенным поголовьем животных многие колхозы Эвенкии. Звероводство стало иметь особое значение: здесь не только получали ценную пушнину, но одновременно повышали доходы колхозов, улучшалось материальное благосостояние колхозников.

В Великую Отечественную войну в нескольких колхозах произошёл спад клеточного звероводства, в некоторых фермы закрылись по понятным причинам. Но в то же время особое внимание округ обратил на таёжную пушнину. Окружной совет депутатов обратился с призывом к охотникам: «Товарищи охотники! Дайте стране пушнины за сезон не менее 2 тысяч белок под ружьё. Используйте все орудия лова, повышайте добычу песца, соболя, лисицы, колонка, горностая, зайца, ондатры и других видов пушнины…» [10]. Эвенкийская пушнина нужна была для оплаты поставок техники, материалов и оборудования оборонных предприятий и даже на оплату лизинга американцам за поставку самолётов, боеприпасов.

В послевоенное время, 5 июня 1947 года исполком Илипийского районного Совета установил срок строительства фермы для разведения чёрно-бурых лисиц в Тутончанском колхозе «Победа» до 1 июля 1947 года. А в 1948 году Крайфинотдел вновь сделал анализ бюджета местных туземных советов. Они всё ещё были на краевой дотации. Из заключения Красноярского краевого финансового отдела по отчёту об исполнении местного бюджета Эвенкийского национального округа за 1952 год узнаём, что бюджет округа за 1952 год выполнен по доходам «в основном отчислениями госзаймов, от подоходного налога с населения, от налогов от холостяков, одиноких малосемейных граждан, с потребительской кооперации… Состояние дел по учёту и отчётности в округе обстоит совершенно неудовлетворительно… В округе не имеется сельских бюджетов…» [10]. По этим замечаниям принято Постановление, из которого следует, что сельским Советам надо увеличить местные производства для пополнения сельских бюджетов, а не ждать дотаций из краевого бюджета. И край предложил уменьшить объём государственных дотаций округу и этим самым решил подтолкнуть округ к достижению рентабельности бюджета своими производственными силами. Исполком Эвенкийского окрсовета в лице председателя М. Койначенка и секретаря ОК ВКП(Б) И. Васильева в свою очередь пишут докладную записку председателю исполкома Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся Е. П. Колущинскому, секретарю краевого комитета ВКП(Б) тов. С. М. Бутузову, начальнику краевого управления сельского хозяйства тов. Карпенко о завозе гренландских голубых песцов в Эвенкию. В записке говорится, что в Эвенкии разводят только серебристо-чёрных лисиц, для которых «построено 14 колхозных звероферм. В них имеется 450 зверей… Имея некоторый практический опыт, как строительства, так и содержания их, имеем полную возможность организовать одну звероферму голубых песцов в одном из северных колхозов Илипийского района (50 голов). Голубой песец значительно плодовитее, чем серебристо-чёрная лисица. Кроме этого, будет подходить для разведения его в северных колхозах Илимпийского района, где имеются большие запасы водоёмов. По отзывам специалистов-звероводов, лучший племенной материал гренландского голубого песца сосредоточен в Салтыковском зверосовхозе под Москвой. Просим крайком ВКП(Б), исполком крайсовета возбудить ходатайство перед Советом Министров СССР о выделении наряда для Эвенкийского национального округа на 50 голубых песцов, из них 35 самок и 15 самцов, из Салтыковского зверосовхоза» [10]. Голубых гренландских песцов завезли в Тутончаны, где для них подготовили звероферму и укомплектовали коллектив. А осенью 1952 года перед самой шугой в п. Мирюга появился необычный груз. Через сотни километров, сквозь дожди, туманы, холод добрался он в колхоз. Беспокойные пас-

сажиры не давали покоя и сопровождающим, нужно было вовремя кормить животных и чистить им клетки, смотреть, чтобы животные не поранились и не заболели. Это были серебристо-чёрные лисы, которых вывезли из Емельяновского зверосовхоза и зверосовхоза Иркутской области. Почти в каждом совхозе Эвенкии теперь имелись звероводческие фермы либо серебристо-чёрных лисиц, либо голубых песцов, либо норок. И в эти годы завершился этап становления клеточного хозяйства.

Работникам Тутончанской зверофермы было нелегко: чем и как кормить зверя в неволе, что добавлять в рацион питания кроме мяса, какие болезни могут преследовать животных, где их держать, при какой температуре. На воле звери в постоянном движении, но как скажется на них жизнь в клетке? Дело было новое, необычное. Опыта как такового не было: ни у зоотехников, которых катастрофически не хватало, ни у ветврачей, ни у кормачей. Не хватало клеток, домиков, инвентаря, оборудования. Кроме того, плохая первичная обработка шкурок влияла на качество сдаваемого меха. Но постепенно утвердился коллектив, и через два года ферма дала свою прибыль – 109 тысяч рублей. А в 1954 году Тутончанская звероферма представила свой округ на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, и в феврале 1963 года ферма дала в колхозе «Путь к коммунизму» по 7,5 щенка голубых песцов от штатной самки из 35 песцов. Это была победа зоотехника колхоза Суворовой Валентины Исаевны. 20 мая 1963 года Валентина Суворова получила на каждую ощенившуюся самку по 8,3 голубого песца.

Звероводство, несмотря на новизну и некоторую сложность, быстро развивалось и сравнительно за короткий срок стало одной из главных отраслей колхозного производства, которое имело большое значение в экономике округа. Клеточное звероводство стало устойчиво давать доходы. Удельный вес клеточной пушнины в общих заготовках Эвенкии составлял 45 %. На 1 января 1966 года на зверофермах округа насчитывалось 1445 лисиц, 249 голубых песцов и 396 норок. Семилетний план по развитию звероводства по племенному поголовью выполнен на 122,4 %, по сдаче клеточной пушнины – на 100,7 %. За годы семилетки государству сдано клеточной пушнины на 3062,3 тысячи рублей. Звероводство в целом стало рентабельным. Звероводы Эвенкии стабильно поставляли государству «мягкое золото». Округ давал краю 13 % пушнины вместе с клеточным: соболь, серебристо-чёрные лисы, голубые песцы, горностай, белка, ондатра, норка.

В 1966 году была принята в эксплуатацию звероферма Байкитского совхоза. Заведовать фермой назначили Скиданову Александру Васильевну, до этого работавшую ветврачом в Байкитском районе. Имя Александры Скидановой прочно и навсегда вписано в историю развития Эвенкии – как ветврача, которая спасла не одну сотню оленей от разных болезней, и как заведующей зверофермой колхоза Байкит. Она удостоена высшей награды страны – ордена Ленина; награждена медалью «Золотая Звезда», орденом Красного Трудового Знамени, Почётной грамотой Советского комитета защиты мира, Почётными грамотами ВЦСПС, Красноярского края и округа, всевозможными дипломами. Её имя внесено в Золотую книгу Эвенкии.

Биография Александры Васильевны Козловой (девичья фамилия) достойна фильма. Закончив в 1950 году Тутаевский ветеринарный техникум (около Ярославля), Александра по направлению поехала в далёкую, для неё неведомую Сибирь, в тайгу, в Эвенкию. Добиралась три месяца и когда наконец добралась до места, то была удивлена и до слёз огорчена тем, что придётся лечить и выхаживать оленей и оленят, которых она видела только на картинках, красивых и сильных, с мощными витиеватыми рогами. Местный представитель строго предупредил: будет тяжело, «нюни не распускать», олени – те же коровы, только больше. Не имея ещё жизненного и профессионального опыта, не зная, как подступиться к оленям, чтобы не попасться на рога либо под копыта, Александра ночами от бессилия

тихо плакала. Беда ещё была в том, что эвенки не говорили по-русски, Александра не знала эвенкийского.

Но не слабый оказался характер девушки, детство которой пришлось на Великую Отечественную войну. Жила она в большой семье на станции Ваулово под Ярославлем впроголодь и, встречая вместе сестрой Машей санитарные поезда, шедшие с фронта, спрашивала: нет ли среди них Козлова Василия Семёновича. Отец вернулся с фронта израненный и первые годы был очень слаб. На плечи девочек легла тяжёлая работа по домашнему хозяйству. Эта ответственность и понимание того, что за тебя никто ничего не сделает, определили дальнейшее отношение Александры к окружающему миру. Она начала учиться новому и потом всю жизнь будет учиться и применять в работе новое.

Александра Васильевна благодаря доброжелательному отношению к ней эвенков и благодаря собственной настойчивости не только научилась ладить с оленями, но и освоила дойку важенок, ловко садилась на оленя верхом, ловко накидывала на него маут (аркан), умело управляла упряжкой оленей при помощи хорея (шеста), могла на глаз определить возраст оленя, умела читать звериные следы. Месяцами пропадала она в тайге с оленеводами и в мороз при минус 60 градусах, и в жару при плюс 40. Ела, пила с одного котелка с оленеводами, научилась понимать и говорить по-эвенкийски. Сама разбирала и собирала, ставила чум. Её стараниями прекратился падёж молодняка, увеличился прирост оленей, не стали олени болеть чесоткой (для них это страшная болезнь!), перестала мучить оленей «копытка» и т. д.

Александра Васильевна стала настоящим профессионалом в своём деле. Она постоянно была нужна всем: простым жителям села, оленеводам, молодым специалистам; решала депутатские запросы. И когда встал вопрос, кого поставить заведовать зверофермой – возглавить новое дело, ещё не совсем понятное, но которое получило одобрение в округе, – руководство колхоза предложило кандидатуру Александры Васильевны Скидановой, и не ошиблось.

Звероферму для серебристо-чёрных лисиц построили за селом по примеру других ферм, чтобы шум машин, людей и другие звуки не мешали спокойному разведению зверей. Александра Васильевна, требовательная к себе, человек долга и дела, так могла объяснить человеку суть его работы, что тот воспринимал её как первую необходимость, что именно от него, от его работы зависел успех фермы. Она создала сплоченный коллектив единомышленников, который понимал серьёзность нового необычного дела, хотел научиться новому, добросовестно выполнял свои обязанности. Товарищеская помощь, взаимовыручка, взаимозаменяемость, поддержка, умение применять новое, дисциплина труда в скором времени дали хороший результат – звероферма первой выполнила план пятилетки за четыре года. Александра Васильевна стала инициатором почина «Пятилетку – за четыре года». Среди звероводов округа развернулось социалистическое соревнование. Это опять было то новое, что заставляло звероводов подтянуться, и этот девиз дал новый импульс в соревновании. Две пятилетки удерживала звероферма первенство. Возглавляемый Скидановой коллектив выполнял план раньше срока. Пять лет ферма удерживала звание «Коллектив коммунистического труда».

Не всё было просто. Александра Васильевна понимала, что сплочённый коллектив, живущий общими интересами и заботами, создаст предпосылки для производственных успехов. Она всегда училась новому, осваивала новые технологии в звероводстве, много читала, изучала материалы по ветеринарии, применяла научные принципы в работе. Газета «Советская Эвенкия» в июне 1980 года писала на своих страницах: «Первой в округе на практике стала применять рекомендации учёных звероферма, которую возглавляет А. В. Скиданова» [8]. Одним из главных методов увеличения поголовья лисиц было

правильное кормление и уход за зверями, от чего шкурки должны лосниться и переливаться серебристым светом. Это применение витаминов и добавок в рационе зверей, это умение правильно вычёсывать старый мех, правильная обработка шкурок. А для того чтобы мех лисиц был ровный, без изъянов, струящийся, нужно было, чтобы лисица стояла смирно. Какой же зверь будет стоять тихо, когда его вычёсывают. Думали, думали – придумали станок, который зажимал лису аккуратно с обеих сторон, не позволяя ей вертеться, выкручиваться, кусаться, царапаться. Лиса находилась на весу, и можно было спокойно вычесать старый мех, не нанося урона шкурке. Байкитский мех серебристо-чёрных лисиц не залёживался, «с лёту» уходил на международный аукцион.

Александра Васильевна оставила в Эвенкии глубокий, яркий, красивый след своими трудовыми успехами, отношением к людям. Она была генератором идей, ими заражала людей, бескорыстно делилась с другими коллективами своими открытиями, умениями. Когда А. В. Скиданова с мужем уехала за пределы Эвенкии, на смену ей, на заведование Байкитской зверофермой назначили её младшую сестру Марию Васильевну Зайцеву. Мария Васильевна рядом с сестрой прошла хорошую практику. Природный, пытливый ум, наблюдательность, проницательность, умение все схватывать на лету позволили ей еще при сестре стать знаменитым звероводом. Газеты 70–80-х годов – районные, окружные, краевые, центральные – писали о её заслуженных победах: «знатный звероводь», «лучший звероводь Красноярского края», «одна из лучших», «слава нашим звероводам – М. В. Зайцевой». Мария Васильевна, приняв заведование фермой, не уронила ту высоту, на которую подняла звероферму А. В. Скиданова.

Мария Васильевна не командовала, не повышала голоса, не ругала провинившегося в присутствии всего коллектива. Оставшись один на один, узнавала причину провала, опоздания, нежелания добросовестно выполнять свои обязанности. Мария Васильевна не жалела времени на обучение вновь принятых на работу. Доброжелательно, с улыбкой подробно объясняла новеньким суть работы кормача-звероводa. И вела новичка до тех пор, пока не увидит, что тот освоил весь процесс. Новички отвечали ей тем же, старательно осуществляя уход за зверями.

Мария Васильевна знала каждую лисичку «в лицо», у каждой была своя кличка, на которую они охотно откликались, они чувствовали её присутствие на ферме. Мария Васильевна в дни гона и щенения почти не отлучалась с фермы. Домашние понимали, что эти дни и ночи – самые важные на ферме, и маму дома не стоит ждать. Дочь готовила ужин, относила на работу, ужин превращался в завтрак, а то и в обед. Было некогда даже перекусить. Лисы во время гона необычайно привередливы, насторожены, возбуждены, капризны, боятся всякого шума. Это работа без перерывов и остановок. Особенно надо быть внимательным в период щенения лисиц, во второй половине марта. Постоянно следует находиться у клеток с животными, не создавая излишнего шума. Это один из самых ответственных и напряжённых моментов. Устанавливается круглосуточное дежурство. Дни и ночи напролёт звероводы, сменяя друг друга, остаются на ферме. За каждой лисицей требуется чёткое наблюдение. Бывает, что молодая самка может безжалостно поранить своего малыша, удушить его или выкинуть крохотного щенка из клетки, а то и отказаться от кормления своих щенят. Звероводы отлично понимали, что щенение – это основа будущего урожая и отсчёт всей большой и далеко не простой работы.

Особых механизмов на ферме не было, приходилось делать всё вручную: таскать корм, чистить клетки, увозить на тачке отходы и грязь, носить в вёдрах воду, и т. д. Требовалось много времени, умения и старания, терпения и любви к своей работе. «Каждый работник должен выполнять установленные нормы выработки, добиваться повышения производительности труда, относиться к своей работе сознательно, работать на совесть» – такое

негласное правило завела на ферме Мария Васильевна. И коллектив, приняв его, продолжал держать первенство в округе. Как бы ни было жалко, тщательно проводили выбраковку зверя: «От плохого зверя, как его ни корми, ни ухаживай за ним, отличной шкурки не получишь», – говорили звероводы. Повышенная ответственность, чувство достоинства, искреннее отношение к своему делу позволили коллективу быть впереди других звероводов Эвенкии. Выполнение государственного плана пушнозаготовок являлось главным делом трудящихся округа. Мобилизуя все силы, знания, умения, Мария Васильевна вела свой коллектив к выполнению и перевыполнению плана, тем самым делая округ сильнее, богаче, стабильнее. Клеточное звероводство внесло и в краевой бюджет свой вклад. Эвенкия, Красноярский край при сдаче ценного меха «мягкого золота» государству были среди лучших в Советском Союзе. Сибирский мех всё так же был известен на Западе и на мировом рынке, славился высоким качеством и имел соответственную цену.

У Марии Васильевны Зайцевой большое количество заслуженно полученных наград: дипломы, Почётные грамоты разных уровней и рангов, звания «Победитель социалистического соревнования 1977 г. (СССР, Москва), «Лучший звероводКрасноярского края –79», «Ударник коммунистического труда – 83», «Ударник 11 пятилетки» и много других. Особенно ей дороги «Серебряная медаль ВДНХ СССР – 1981 год», медаль «За трудовое отличие – 82», «За трудовую доблесть – 87». Хорошую, добрую, насыщенную, полную жизнь прожила М. В. Зайцева. В декабре 2023 года не стало её. Уходят великие труженицы, которые своими достижениями укрепляли мощь страны, не считаясь с личным временем, живя и работая ради могущества и процветания Родины.

Библиографический список:

1. Золотая книга Эвенкии. – Красноярск: ООО «Версия», 2020. – С. 414.
2. МКУ «Эвенкийский архив». Ф. Р-1/3. Оп. 1. Д. 183. Л. 87.
3. МКУ «Эвенкийский архив». Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 129. Л. 117.
4. МКУ «Эвенкийский архив». Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 40. Л. 21–22.
5. МКУ «Эвенкийский архив», филиал (архивохранилище) с. Байкит. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 142.
6. МКУ «Эвенкийский архив», филиал (архивохранилище) с. Байкит. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 334.
7. МКУ «Эвенкийский архив», филиал (архивохранилище) с. Байкит. Ф. Р-34. Оп. 2. Д. 37.
8. Скиданова А. В. Два подхода к делу. / Советская Эвенкия. № 43, 1980, 8 апреля.
9. Советская Эвенкия: специальный выпуск к двадцатипятилетию округа. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1956.
10. Эвенкия: время больших перемен. По материалам Эвенкийского архива. – Красноярск: Сибирские промыслы, 2019. – С. 287.

РАЗДЕЛ VI.
ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

С. С. Белоусова,
с. Жерлык, Минусинский р-н

Герой Советского Союза Сотниченко Михаил Иванович

Сотниченко Михаил Иванович прошёл долгий жизненный путь, прожив 69 лет. В его послужном списке числится 14 боевых наград, основной из которых является медаль «Золотая звезда» к званию Героя Советского Союза. В боях Михаил Иванович проявлял невероятное мужество и героизм. В наградных листах о красноармейце Сотниченко говорится следующее: «Показывал высокий личный образцовый пример, инициативную смелость в борьбе за Родину. Демонстрировал доблесть и мужество в борьбе с немецкими оккупантами, достоин правительственной награды» [1]. Воссозданный образ легендарного воина и былинного героя в какой-то мере заслоняет от нас образ человека.

Сложившаяся современная тенденция в изучении истории, что исследовать биографию героя необходимо только по письменным источникам и наградным листам, может сыграть с нами злую шутку. Пройдет ещё немного времени, и образ человека может стать для нас красивой картинкой на стене – глянцевой, холодной и абсолютно не интересной в силу изученности и сложившегося шаблона.

Не умаляя значимость М. И. Сотниченко как российского воина, хотелось бы осветить некоторые малоизученные факты его личной биографии.

Михаил Иванович родился в селе Тигрицкое Минусинского уезда в семье крестьянина. Во многих описаниях боевого пути будущего Героя Советского Союза единственным близким человеком указывается мать Михаила Ивановича, об отце же не говорится ничего. Сразу же напрашивается невольный вывод – семья была неполной, хотя это и в то время уже не являлось большой редкостью. Однако отец присутствовал в жизни сына и, как следует из письма самого Сотниченко, работал кузнецом в колхозе. В жизни сына отец участвовал не спонтанно или урывками, а прочно и основательно. Отношения между отцом и сыном складывались непросто.

В 1939 г. Михаил Иванович был призван в ряды Красной Армии Артёмовским РВК из города Артёмовска Красноярского края. Произошло это практически сразу после окончания Тигрицкой школы. В своём письме брату, написанном после войны, Сотниченко указывает причину, по которой был призван из Артёмовска, – он ушёл из дома.

После окончания школы перед молодым человеком возникает проблема выбора дальнейшего жизненного пути. Работа в колхозе его не прельщала. Труд в кузне, к которому приучал сыновей отец, казался неинтересным и тяжёлым. Кровавые мозоли на руках, боль в плечах и спине – с одной стороны, интерес к технике и тракторам – с другой – сделали своё дело: Михаил Иванович решил уйти из колхоза.

Помимо этого обстоятельства Сотниченко был человеком своего времени и, следовательно, был подвержен всем агитационным веяньям того исторического периода. В 1939 г. на советские экраны выходит фильм «Трактористы». Картина оказалась невероятно популярной и стала примером поведения для молодёжи.

Молодой человек выбирает работу в городе, и в этом сложно его винить. О себе он

пишет: «Я ушёл с одной котомкой за спиной в выбранный мною путь – обеспечивать себя харчами в битве с гладом как-нибудь». Разрыв был болезненным, долгое время Сотниченко общается только с матерью Надеждой Николаевной. Однако в тех скудных сведеньях, что дошли до нас, сын не жалуется на отца, даже наоборот, гордится им [3].

В Тигрицкой школе сохранилось не только письмо брату Дмитрию, Герою Социалистического Труда, но и стихотворение, посвящённое городу Минусинску. Михаил Иванович уже в послевоенные годы охотно размышляет об истории города, о революции, о В. И. Ленине. И упоминает один интересный факт из биографии вождя, отбывавшего ссылку в селе Шушенское. В. И. Ленин несколько раз посещал Минусинск и близлежащие сёла. Семья Сотниченко в это время проживала в селе Тесь. Отец Михаила Ивановича служил ямщиком. В семье долгое время существовало предание, что он перевозил В. И. Ленина, но сейчас уже невозможно установить, правда ли это. Дом же в селе Тесь, где проживала семья Сотниченко, впоследствии сгорел, и пришлось переехать.

После призыва в ряды Красной Армии Михаил Иванович получает свою первую воинскую профессию. Свою первую награду «За боевые заслуги» он получает как телефонист 931-го отдельного батальона связи. В описании подвига сообщается «Бесперебойно обеспечивал связью командование под сильным огнём противника. Был ранен в бою» [2]. Помимо первой награды в этом же бою Сотниченко получил первое ранение.

После первого подвига военная карьера молодого человека начинает успешно развиваться. В 1942 г. Михаил Иванович окончил Ульяновское танковое училище. Молодой танкист отправляется на 3 Белорусский фронт в должности командира танка 596 танкового батальона 3 танковой бригады 22 танкового корпуса. В июле 1943 г. в боях за создание плацдарма на правом берегу реки Северный Донец Сотниченко на своём танке первым преодолел реку и укрепился на окраине села Среднее, его машина была подбита. В этом бою совместно со своим экипажем он уничтожил два танка, три орудия и более 30 немецких солдат и офицеров. Из наградного листа: «тов. Сотниченко не покидал поле боя до тех пор, пока не выполнил боевою задачу» [4]. 2 августа 1943 г. Сотниченко был награждён орденом Отечественной войны II степени.

Звание Героя Советского Союза Михаилу Ивановичу было присвоено 3 июня 1944 г. Тогда это была целая череда удачных для Красной Армии боёв. Первый бой состоялся у села Казанка. Сотниченко М. И. одним из первых ворвался в осаждённое немцами село. В уличных боях уничтожил 15 автомашин с грузом и до 70 солдат и офицеров. Второй бой, где Сотниченко М. И. проявил героизм, состоялся в районе хутора Шевченково. 13 марта 1944 года Сотниченко получил приказ зайти с тыла немецкой колонне, чтобы огнём и гусеницами уничтожить её. Выполняя приказ, тов. Сотниченко «стремительно ринулся в бой и быстро настиг колонну, которая охранялась самоходной артиллерией и танками. Огнём из пушки он подбил один танк и три самоходные пушки, из них один «Фердинанд», и гусеницами начал давить машины и повозки противника». Танк Сотниченко был подбит, но экипаж не вышел из боя. Напротив, увеличив скорость и потушив машину, вступил в бой с двумя самоходными орудиями, Машина Сотниченко вторично загорелась, и Сотниченко был ранен, но несмотря на это он потушил танк и подбил одну самоходку, а экипаж второй взял в плен. В этом бою был уничтожен один танк, пять самоходных орудий, из них один «Фердинанд», 190 колёсных машин, 450 повозок с грузом и более 600 человек солдат и офицеров. Лично героем-сибиряком взят в плен 21 человек. Таким образом, согласно наградному листу, на личном счету М. И. Сотниченко – три танка и семь самоходных орудий.

В 1945 году М. И. Сотниченко окончил «Ленинградскую высшую бронетанковую школу», в запасе, жил в селе Новоборисовка. После войны он занимал активную жизненную позицию, работал бригадиром тракторной бригады, сбылась его довоенная мечта.

Он много сделал для развития своего села. Переписывался в учащимися Тигрицкой школы и неоднократно говорил о пользе учения и стремлении к получению новых знаний. В письме брату он очень много размышлял о будущем и об итогах жизни. И как человек своего времени много говорил о коммунизме и В. И. Ленине. И даже написал стихотворение, посвящённое городу Минусинску и Минусинской земле. В августе 1990 года Михаил Иванович Сотниченко погиб в автокатастрофе. Похоронен в селе Новоборисовка Одесской области.

Библиографический список:

1. Архив МКОУ Тигрицкой СОШ № 9. Наградной лист № 1.
2. Архив МКОУ Тигрицкой СОШ № 9. Наградной лист № 2.
3. Архив МКОУ Тигрицкой СОШ № 9. Письмо брату.
4. Сотниченко Михаил Иванович [Электронный ресурс] // ИС «Память народа». – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie16667843/. (Дата обращения 03.12.2023.)

И. А. Горская,
г. Черногорск

Пока горит свеча памяти…

Документальный роман «Склонен к побегу…» издан к 100-летию Марка Феодосьевича Живило – участника Великой отечественной войны, художника, члена Союза журналистов СССР, главного художника Красноярского кукольного театра, главного художественного редактора Красноярского книжного издательства и ответственного секретаря художественно-публицистического журнала «Енисей» (1969–1988).

Рассказ о судьбе главных героев Марка и Зинаиды Живило – всего лишь штрих к портрету истории нашей страны, поколения, родившегося в 1923 году. Книга посвящена сложной, порой трагической судьбе, их большой, всё преодолевшей любви, становлению Марка как профессионала. Как он сам шутил, рассказывая друзьям о себе: «У меня было два университета: три года войны и семь лет лагерей».

В июле 2023 года в Красноярске в течение недели в нескольких культурных центрах прошла презентация книги «Склонен к побегу». Книга сразу получила высокие оценки знающих людей – профессионалов, державших её в руках.

Хочу представить одну из завершающих глав книги, с рассказом о том, как начиналась работа, завершившаяся изданием книги к 100-летнему юбилею Марка Живило, и о том, как в этом помог семейный архив, в котором на сегодня собрано около девяти тысяч единиц хранения…

Итак, август 2001 года, когда в газете «Черногорский рабочий» была напечатана статья «Свеча у алтаря нашей памяти…». Она стала моей первой публикацией о жизни и творчестве Марка Феодосьевича Живило – ветерана Великой Отечественной войны, художника и журналиста, ответственного художественного редактора Красноярского книжного издательства и редакции альманаха «Енисей». Зажжённый более двух десятилетий назад огонёк памяти продолжает гореть, высвечивая для читателей и потомков неизвестные подробности событий, связанных с его именем, с работой – в общем, с судьбой.

К сожалению, в одной книге невозможно написать обо всём, что сохранилось в архиве: дневники, воспоминания, письма, фотографии – многое в книгу не вошло. Да, собственно,

и не было такой цели. К этой юбилейной дате мы попытались рассказать о большой любви двух людей, которая, преодолев преграды, сложности судьбы, продолжала жить в сердцах до последних дней… Хотелось показать, что такая любовь существует не только в литературе, в сюжетах художественных кинофильмов. Ещё при жизни героев о них слагались легенды, которые верой согревали души и сердца людей не один десяток лет, – и этому есть письменные подтверждения. Насколько это удалось нам, авторам книги – судить читателям документального романа «Склонен к побегу…».

Теперь же хочу восстановить хронологию событий, останавливаясь на основных, важных моментах биографии главного героя – Марка Живило, – для тех, кто с ней не знаком.

Годы жизни: 11.07.1923 – 17.01.1989.

Родился 11 июля 1923 г. в с. Троицкое Кулундинского района Алтайского края.

Отец – Живило Феодосий Филиппович (1898–1953) – печатник-линотипист, журналист, работник культпросвета, режиссёр, директор театров.

Мать – Живило Елизавета Ивановна (1900–1982) – учительница начальной школы, служила ответственным секретарём в редакции газеты «Тревога» (ОКДВА под командованием В. К. Блюхера).

Семья Живило проживала в городах Камень-на-Оби, Владивосток, Хабаровск, Москва, Сталино, Черногорск, Красноярск, в Крыму, на Колыме.

1942–1945 гг. – воевал на фронтах Великой Отечественной войны.

В июне 1942 г., окончив десятилетку в г. Магадане, ушёл на фронт добровольцем.

Участвовал в сражениях на Курско-Орловском, Смоленском, Прибалтийском фронтах. Трижды ранен.

Война заканчивалась, и Марк мог посвятить себя карьере военного… Но главной целью его, со школьной скамьи, было желание стать художником! Это желание не выжгли осколки мин на полях сражений. Один, застрявший в лёгком, постоянно напоминал о себе. Возможно, именно он, отозвавшись резкой болью, и подтолкнул совершить ту роковую ошибку – нарисовать недостающую справку о ранении, которая была потеряна на войне и без которой исполнение мечты было невозможно.

1945–1954 гг. – аресты, побеги, суды, лагеря.

Но, нарисовав её (ведь он художник, а шрамы – вот они, под гимнастёркой!) и демобилизовавшись, Марк не только отодвинул главную цель на десять лет, но и обрёк себя на немыслимые страдания, став, по мнению следствия, дезертиром. С таким выводом он был категорически не согласен.

Пережить все перипетии ему помогла любовь – большая, сильная, настоящая. Любовь помогла выжить и остаться человеком.

1955–1958 гг. – учитель черчения и рисования.

И на войне, и в лагерях он всегда оставался художником, пусть и без образования. Освободившись, Марк стал учителем черчения и рисования в средней школе № 11 г. Черногорска, а по совместительству руководителем кружка рисования и лепки во Дворце пионеров и школьников, – доверили! И за три года доказал, что он – учитель. Коллеги уважали его за требовательное отношение к урокам. Ученики затаив дыхание смотрели, как он без циркуля и линейки чертит на доске, рисует портреты и плакаты, а также с огромным желанием ходили с ним в настоящие походы.

1957–1960 гг. – внештатный корреспондент нескольких газет.

Увидев напечатанными в местной газете «Шахтёр» свои дневники с фотографиями из туристических походов, он вспомнил, что когда-то, ещё до революции, печатались фельетоны отца – Феодосия Живило. Мама Елизавета Ивановна, работая секретарём в дальневосточной газете «Тревога», тоже печаталась.

Почему бы и ему не попробовать! Цель поставлена: он рассылает в редакции свои очерки о незабываемых впечатлениях, полученных в походах; о молодом, строящемся городе Черногорске. Дополнением к тексту в конверт вкладывает собственные рисунки.

Так формировался будущий художник-журналист Марк Живило.

Его очерки привлекли внимание редакторов оригинальной формой подачи текстов, иллюстрированных собственными рисунками, выполненными в чёрно-белых тонах тушью, а портретные зарисовки героев помогали в раскрытии их характеров. Во многом благодаря его работам в Хакасии и Красноярске утвердилось понятие изорепортаж, о котором раньше здесь и не слышали. Для работы корреспондентом нужен был свободный график работы, необходимы поездки, командировки… И Марк перешёл на работу в художественную мастерскую Промкомбината, где познакомился с местными художниками и стал к тому же участвовать в городских и областных выставках.

В 1961 году Марк подал документы на вступление в Союз журналистов СССР. К заявлению был приложен список 60 работ, опубликованных на страницах местных и центральных газет и журналов, а также рекомендательное письмо, подписанное главным редактором газеты «Советская Хакасия» Иваном Говорченко.

1962, апрель – Член Союза журналистов СССР.

В тот период его привлекала столица, куда недавно перебрался Саша Морковкин (Богучаров) и где проживал его близкий друг Юрий Когинов. С ними он удачно соавторствовал несколько лет: друзья писали тексты, а он дополнял их своими рисунками. Да и из прошлой столичной жизни там остались одноклассники, успешно устроившиеся в этой жизни, пока он проливал кровь за Родину, отбывал срок в лагерях, – к ним тоже можно обратиться за помощью.

Получив мамино благословение, согласовав финансовые вопросы с женой, заготовив десяток новых статей с рисунками, Марк уехал покорять столицу. Та поездка обнадёживающе началась с вручения ему членского билета № 33810…

Сама поездка в Москву и последовавшие несколько командировок в Ставрополье, на Алтай, по предприятиям Красноярского края с заданиями от редакторов, были плодотворными и полезными. Но вопрос о переезде в Москву на постоянное жительство за три-четыре месяца отпал сам собой. Марк навсегда вернулся в Сибирь, которая буквально бурлила новыми грандиозными стройками. Журналисту было о ком писать, рассказывать, рисовать – создавать своеобразную летопись.

Он постоянно публикуется в центральных газетах, журналах, еженедельниках. Его работы неоднократно удостаивались первых премий. Он – победитель и дипломант тематических конкурсов, объявленных в газетах «Известия», «Советская Россия», «Труд», «Гудок», «Красноярский рабочий», «Красноярский комсомолец».

Казалось бы, цель, которую он себе поставил, достигнута. Но через десять лет он бросает всё нажитое в Черногорске и переезжает в Красноярск.

1964–1966 гг. – главный художник Красноярского кукольного театра.

Дома остались жена со старшим сыном и малышом, родившимся в январе. Обмен квартирами не получился. Редкие поездки в Черногорск, телефонные разговоры да письма. Снова письма – жене, маме. Чтобы не только жить, но и помогать семье, Марк устроился в Красноярский кукольный театр – главным художником.

Но и журналистику не бросил. Работая над спектаклями, он продолжал писать материалы. Чего сто́ит ряд его репортажей, которые он опубликовал после командировки на Север по Енисею, когда встречал «Лодьму» с двумя первыми колёсами турбин строящейся Красноярской ГЭС. Затем были командировки от редакции «Советской России» в Назарово, Бородино, Дивногорск.

1964–1967 гг. – специальный корреспондент газеты «Советская Россия» по Сибири и Дальнему Востоку.

Только через год перевёз он семью в однокомнатную квартирку в новостройке Правобережья. В двухкомнатную недалеко от станции «Енисей» они переедут только через два года…

В январе 1965 года Марк держал в руках ещё пахнувший типографской краской первый экземпляр собственного сборника «Вы с ними встречались», который отправил маме.

Сколько труда было вложено в книгу за эти годы! Ведь журналист и художник Марк Живило не только наполнил её содержанием, но и самостоятельно оформил: он принёс в Красноярское книжное издательство готовый макет книги, причём с несколькими вариантами обложки.

Впервые редакционная коллегия рассматривала и утверждала издание, полностью подготовленное автором, – бери и отдавай в печать! Кто бы мог предположить, что в это время автор уже внутренне готовился к следующему этапу своей жизни и карьеры – набирался опыта и совершенствовался как будущий книжный график и художественный редактор.

Руководство издательства разглядело и по достоинству оценило талант Марка Живило – ему стали поручать оформление книг. Сначала его приняли на работу художником временно, по договору, а через три года именно он законно занял освободившееся кресло художественного редактора издательства.

1968–1976 гг. – художник, главный художественный редактор Красноярского книжного издательства.

1969–1988 гг. – ответственный художественный редактор альманаха «Енисей».

Работал параллельно и там, и там — все редакции удачно находились на разных этажах одного здания на улице Мира. Здесь же была и типография, куда Марк Живило не стеснялся заходить, чтобы понять, изучить книжную «кухню».

Награды за издания, участие в выставках 1972–1976 гг.

Уже через два-три года оформленные им книги были отмечены Дипломами I, II, III степени ЦК ВЛКСМ и Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли:

- в 1972 г. – за книгу «Плюс пятьдесят по Цельсию»;
- в 1973 г. – за книгу «Друзья мои – нганасаны»;
- в 1974 г. – за книгу «Сильнее Енисея»;
- в 1975 г. – за книгу «Здравствуй, Абакан – Тайшет».

В 1975 и 1976 годах Марк Живило участвовал во Всесоюзных выставках художников-графиков в Москве. За это время через его руки прошли макеты изданий, которые в те годы выходили миллионными тиражами.

Он ушёл из издательства в 1976 г. в редакцию альманаха «Енисей», чтобы дальше растить и холить своё «любимое детище», и, по скромным подсчётам, оформил более 100 номеров из 160, выпущенных до конца 1980-х годов.

И по-прежнему брался за оформление книг друзьям. Первую свою книгу воспоминаний «Юность моя фронтовая» Иван Уразов, друг и соратник по альманаху, тоже доверил Марку Живило, который с любовью сделал макет, обложку, нарисовал удивительно точные рисунки к тексту. Придумывать ничего не надо – фронтовые эпизоды остались в памяти с войны.

А война всё чаще напоминала о себе – здоровье стало подводить. Тогда и обратился Марк Феодосьевич за помощью к другу Михаилу Глазкову, чтобы тот помог сделать запросы в военные архивы. И справки пришли – те самые, им когда-то потерянные и перерисованные, за которые он и отсидел в лагерях столько лет!

Военные награды 1983–1989 гг.

В год его шестидесятилетия, в июле 1983 г., Марку Феодосьевичу Живило был вручен орден Славы III степени. Наградные документы пролежали 40 лет в военных архивах, вместе с документами о ранениях (теми самыми, которые он подделал). В газете «Красноярский комсомолец» была напечатана статья «И слава тебя найдёт» – о нём, о его ратных подвигах, о том, как долго награда ждала своего героя.

***

Жизнь подходила к концу, но для книги были написаны отдельные главы и придумано название: «Склонен к побегу… Моей любви посвящается…» Написать её он так и не успел. Не хватило ему 65 лет, отпущенных Богом, да и не для кого было – его любовь, Зиночка, ушла пятью годами раньше…

Хорошо, что остался архив, начатый дедушкой и бабушкой, в который Марк добавил сотни документов, так как собирал материалы для будущей книги. На сегодня в архиве собраны документы четырёх поколений семьи: 50–100-летней давности: семейные фото с начала прошлого века; дневники и фронтовые письма; копии приговоров суда; письма и стихи, написанные в лагерях строгого режима, из Барнаула, Китоя, Ванино, Циммермановки; редкие аудио- и видеозаписи; газетные статьи и очерки о строителях Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС, о трассах Абакан – Тайшет, Абаза – Ак-Довурак, которые он прошел пешком в поисках героев публикаций. Всего – около девяти тысяч единиц хранения.

С 2002 года и до настоящего времени я остаюсь хранителем архива. Мне, как и двоюродному брату Льву Марковичу – младшему сыну Марка и Зинаиды, – в первую очередь дорога память о родителях, часть жизни которых прошла на наших глазах. Папа Марк и мама Зина – так я их всегда называла. Ведь до 13 лет я воспитывалась в нашей большой семье, бабушкой и дедушкой, вместе с двоюродным братом Мариком – Марком Марковичем, который, к сожалению, тоже ушёл от нас в 2010 году, и прах его покоится на Бадалыке, рядом с родителями…

С чего всё началось?

Переосмысление жизненных ценностей, глубокое понимание сути событий происходит не вдруг, а с годами, когда проживёшь не одно десятилетие, наберёшься опыта, другими глазами увидишь дорогих и любимых людей, которые жили рядом, дарили тебе свою любовь, тепло души и делали мир красивее, ярче, добрее.

Вот и ко мне это понимание пришло только в пятьдесят, когда я написала свою первую большую статью, рассказывающую о судьбе дяди – папы Марка. При написании статьи я понадеялась на собственную память и допустила неточность, указав, что за ратные подвиги на войне дядя был награждён орденом Красной Звезды. Прочитав этот материал, замечание сделал Людвиг Яковлевич Скубиро – его первый директор и давний друг. Это он в далёком 1955 году поверил недавно вышедшему из заключения Марку Живило, принял его на работу учителем черчения в школу. С того дня память Людвига Яковлевича – учителя истории – много лет хранила многие подробности биографии друга. Он и подсказал, что в год 60-летия дяде был вручён орден Славы III степени. Мне стало стыдно. Я должна была исправить ошибку! Для этого мне необходимо было познакомиться с подлинными документами, которые много лет после смерти дяди и тёти лежали нетронутыми в ящиках его письменного стола, пока мы, его дети, выросли и прозрели.

Эти обстоятельства заставили меня в 2002 году перевезти семейный архив из Красноярска в Черногорск. Я просмотрела, рассортировала, разложила по папкам документы. Перечитав многие из них, решила, что с ними должны познакомиться не только родные,

но и люди заинтересованные, прежде всего художники, журналисты, историки. Так началась моя подвижническая работа с архивом. И чем больше я ею занималась, тем чаще слышала положительные отклики совершенно незнакомых людей, часто предлагавших помощь в работе. Многие стали моими хорошими друзьями, сподвижниками.

Свече памяти суждено было зажечь интерес многих людей, которые, едва прикоснувшись к документам, загорались желанием узнать больше, делиться знаниями с другими. С тех пор и передаётся этот «эстафетный» огонь, ежегодно освещая имя Марка Живило на экранах телевизоров, в эфире радиопередач, на газетных страницах, в книгах, журналах, календарях, на выставках, в музейных экспозициях, – так, как он сам этого хотел: *«Я почти перестал восторгаться собой, но имя своё мне не только хочется видеть, читать, я болезненно переживаю, когда его нет… ни деньги… ни слава – ИМЯ!.. И только… Марк Живило».*

Есть точные сведения: где, когда и сколько мероприятий проведено; сколько статей написано и опубликовано в печатных изданиях; корреспонденты каких газет писали о Марке Живило. К ним присоединились искусствоведы, работники музеев, издательств, художественных школ, общественных организаций. Цифр много, но уместны ли они, когда речь идёт о творчестве, судьбе такого человека, каким был Марк Живило? Лучше обратиться к личным воспоминаниям и к записям, оставленным в Книге отзывов, – их десятки, и все они положительные.

Вот одна из многих подобных записей – отзыв с юбилейной выставки графических работ художника и журналиста Марка Живило, проходившей в музее Б. Ряузова летом 2018 года.

«…Восхищение, вдохновение и восторг! Открытие творчества Марка Живило – одно из ярких событий этого лета. Рада возможности познакомиться с биографией художника.

Считаю, что всем необходимо знакомство с творчеством нашего земляка… Педагог-психолог СШ-99 Н. В. Левина».

Есть и другие:

«…Неповторимая графика, замечательные портреты сибиряков, чистые, легкие акварели вдохновляют и радуют свежестью и гармоничным колоритом… Его работы сохранили для нас и романтику великих строек, и дух созидания… [Подпись]»

«Интересно, объективно, красиво – правда жизни. Сам жил честно, честно трудился. Больше бы таких картин и выставок по стране — было бы больше любви, счастья, успеха, удачи, культуры… Замечательно!!!... 28 июня 2013 г., г. Владимир. ВГУ».

«Великолепная выставка о М. Живило! Спасибо большое её организаторам за то, что познакомили нас с чудесным человеком с разносторонними талантами, к тому же — нашим земляком! Чудесный, теплый рассказ сопровождает выставку графики и фотографий. Всё очень человечно, и это приближает нас к тому неоднозначному времени… Достойная жизнь и достойные люди моей любимой Сибири… 16 июля 2013 г., Мария Кичеева, Абардин, Шотландия».

«Спасибо огромное за полученное эстетическое удовольствие от графики М. Живило. Они проникнуты энергетикой, живостью того времени! Это поразительно живые зарисовки ушедшего времени нашего края, республики! Они очень современны и своевременны! Спасибо большое! 25 июля 2013 г. Наталья Колесник, г. Саяногорск».

А сколько добрых слов и пожеланий было высказано друзьями, знакомыми и незнакомыми участниками мероприятий во время проведения выставок – не сосчитать. Согласно отчёта, составленного по окончании юбилейной выставки 2013 года, её посетило 492 человека, – и это только одну, а выставок было проведено 20.

«Эти работы М. Ф. Живило достойны большого внимания не только жителей Хакасии, но и всей России. Лично меня они впечатлили своей грандиозностью – просто удивительные произведения! Творчество настоящего художника высокого класса… 24 января 2011 г., выставка в Мин. Культуры РХ, [Подпись], г. Абакан».

«Выставка поражает профессионализмом рисунков, хотя автор Марк Живило не был профессиональным художником. Красивы акварельные портреты. Импонирует то, что человек не гнался за славой, а рисовал портреты простых тружеников, то есть людей честных, искренних и открытых. Безусловно, Марк Живило – это человек огромного таланта, это дар Божий, так чтобы рисовать, не учась нигде, а у самой жизни. Самое теплое, искреннее, сердечное спасибо родственникам, которые были инициаторами создания, организации этой выставки!.. 12 ноября 2010 г., преподаватель ДХШ имени Д. И. Каратанова – Киселёва».

«Потрясающая графика! Талантище. Замечательно, что выставка увидела свет. 12 ноября 2010 г. Абакан. ДХШ имени Д. И. Каратанова, [Подпись]».

Многие, очень многие унесли в сердце, в памяти волнующие чувства от увиденного и услышанного. Вот что сказал на открытии выставки директор выставочного зала «Чылтыс» Алексей Юрьевич Ватутин: *«Выставка эта необычная: кроме творческих работ художника, впервые многогранно показана жизнь человека и гражданина – Марка Живило, через фотографии пяти поколений семьи и личные вещи, а их представлено более двухсот».*

Но мне особенно дорог один отзыв (который прозвучал устно, а потом и был записан) человека знающего, понимающего суть происходящего. Дать профессиональное заключение, оценку работам, выставленным в зале «Чылтыс» в 2018 году, я попросила Ирину Кононовну Кидиекову – искусствоведа с полувековым опытом работы. Посмотрев выставку М. Живило, внимательно изучив работы, она обратила внимание на то, чего не заметил ни один профессиональный художник, ни более молодой искусствовед – Эльвира Казанцева. Вот её вердикт:

«Марк Живило создаёт психологически насыщенные образы, проявляет себя как мастер композиции. Пространство рисунков-репортажей наполнено жизнью, которую художник понял, глубоко прочувствовал. Важная особенность этих рисунков – изменение художником пропорций человеческого тела, его утяжеление, подчеркнутое укрупнение черт лица, кистей рук. (То, за что на первых порах его критиковали, ругали, отвергали рисунки в редакции газеты «Советская Хакасия» – прим. авт). *Огрубляя рисунки, художник ищет и находит новые выразительные средства, благодаря которым создает эмоциональный образ жизни: грубой, трудной, требующей невероятных усилий и преодолений. Каждый рисунок: сатира и юмор, пот и кровь.*

Эта выставка на самом деле стала гораздо бóльшим явлением, чем просто выставочный проект. Устроитель выставки Ирина Горская, племянница художника, устанавливает незримую внутреннюю связь между нами – зрителями – и Марком Живило, минуя десятилетия. Кульминацией изучения ею архива Марка Феодосьевича Живило несомненно станет Книга, пропагандирующая сохранение и приумножение тех богатств, которые она получила по наследству от Марка Живило и его детей. Марк Живило – явление 60-х годов XX века; а человек, который сохраняет, преумножает это явление, открывает его массам, само по себе – явление уже нашего времен. Ирина Анатольевна Горская скрупулёзно разбирается с этим явлением и помогает нам его понять. Ирина Кононовна Кидиекова».

Эта книга перед вами: о судьбе дорогих и любимых. Но работа не закончена, история будет продолжена во второй части книги, чтобы рассказать о творчестве и показать те бесценные работы, которые здесь представлены малой толикой.

О. Саянский (Попков),
Республика Алтай

Хребет Крыжина. Точка на карте Южной Сибири

В Саянах есть немало географических точек, названных именами русских людей, замечательных исследователей этой сложной горной системы. Хребты Крыжина, Обручева, вулканы Кропоткина и Перетолчина, пик Эдельштейна, ледники Стальнова, Соловьёва, Ильина, Кузургашева и Вологдина, перевал Федосеева. Это имена исследователей сложной горной системы Центральной Азии, сделавших огромный вклад в изучение Саян. Крупный хребет на юге Красноярского края, в Курагинском районе, расположенный в водоразделе рек Кизир и Казыр, носит имя Крыжина.

Хребет Крыжина. Хребет труднодоступен, удалён со всех сторон на десятки и сотни километров от дорог и населенных пунктов, имеет множество непроходимых стенок, карнизов, сильно разрушен ледниками. Здесь нередко бывают камнепады, лавины, случаются землетрясения. Над хребтом возвышается одна из крупнейших вершин Восточных Саян – пик Грандиозный. Это самая высокая точка Красноярского края – 2922 метров над уровнем моря. Назван хребет в память о топографе, точнее геодезисте Иване Степановиче Крыжине. В лето 1858 года Крыжин впервые прошёл практически не известные ранее районы Центральной части Восточных Саян. Он описал природу, дал первые географические данные, сделал замеры высот гор, совершил топографическую съёмку, наблюдение за погодой, дал первые данные о ледниках, описал местных жителей этой горной страны – карагасов и тоджинских тувинцев – и многое другое.

Хребет Крыжина до революции назывался хребтом Святого Иннокентия. Имя Крыжина присвоил хребту сибирский геолог В. П. Косованов взамен неудачного, по его мнению, имени Святого Иннокентия, которое обозначалось на старых картах (Труды ботанического института АНСССР, 1961 г.), позже хребет называли Кизир-Казырским и Фигуристым хребтом. Во второй половине 20-х годов XX века за хребтом окончательно закрепилось имя исследователя, участника Первой Сибирской экспедиции Императорского Русского Географического общества в Восточной Сибири, военного топографа, межевого инженера Ивана Степановича Крыжина.

Крыжин. Кто же он есть? Многие годы я занимался поиском и исследованием фактов жизни и деятельности И. С. Крыжина. В популярной географической литературе и научных статьях об этом человеке имеется много неточностей и спорных фактов, часто не указаны даже его имя и отчество. При перечислении его военных званий и должностей допускается много ошибок. Многое из жизни Крыжина овеяно тайной. В основном исследователи разных лет опирались на труды Первой Сибирской экспедиции ИРГО в Восточную Сибирь под руководством Л. Э. Шварца.

Полное имя исследователя – Крыжин Иван Степанович. Дата рождения пока не выяснена, умер он от продолжительной тяжёлой болезни 10 декабря 1884 года. Он прожил около 50–54 лет, – исходя из того, что в 50-х – начале 60-х годов XIX века он обучался в Константиновском Межевом институте, в котором срок обучения составлял восемь лет, а юношей принимали на обучение с 12–16 лет. Место захоронения неизвестно. Отец Крыжин Степан Егорович, мать Крыжина Александра Петровна (девичья фамилия Рослева), родной брат Крыжин Александр Степанович. Родители проживали в Симбирской губернии. О детях Ивана Степановича ничего не известно, и факт наличия у него детей пока не подтверждён. Фамилия Крыжиных имеется в списке дворянских родов Симбирской губернии, внесена

И. С. Крыжинъ.

в Родословную книгу в 1855 году и утверждена решением Дворянского депутатского собрания губернии. У Крыжиных дворянство военное, приобретённое чинами военной службы. Но принадлежал ли сам Иван Степанович к дворянскому сословию – вопрос пока открытый.

Учеба в Константиновском Межевом Институте. Константиновский Межевой институт (Межевой корпус), где проходил обучение Иван Степанович Крыжин, ранее имел гражданское, а потом получил военное устройство – с августа 1850 года, при ведомстве Министерства юстиции Российской Империи. Указом царя институт и вся профессия межевых инженеров были преобразованы в военизированные. Корпус межевых инженеров (Межевой корпус) упразднён в 1867 году.

В 1854 году (III офицерский выпуск) Крыжин окончил Константиновский Межевой институт в звании межевого инженера в чине прапорщика. (Учащиеся, окончившие с отличием два специальных класса, получают звание межевого инженера и зачисляются на службу старшими землемерными помощниками с чином X класса, а особо одарённые получают чин подпоручика).

До Сибирской экспедиции И. С. Крыжин нёс службу при обсерватории Константиновского Межевого института.

Сибирь. Летом 1857 года из обсерватории Константиновского Межевого института (Межевого корпуса) города Москвы для работы в Первую Сибирскую экспедицию ИРГО командируют межевого инженера, прапорщика Ивана Степановича Крыжина в качестве астронома, а также поручика Генерального штаба И. В. Орлова.

Офицеров направляют взамен трагически погибшего участника экспедиции подпоручика Александра Яковлевича Смирягина. Крыжин в экспедицию попал почти случайно, о чём свидетельствует переписка Л. Э. Шварца с ИРГО. Шварц 9 мая 1857 года получил уведомление от 22 марта за № 452 – о прикомандировании в экспедицию прапорщика Зеленина на место погибшего Смирягина. Шварц откладывает свой выход на маршрут и вместо даты 24 мая назначает выход на июнь – чтобы лично встретиться с офицером, составить инструкции и сметы для путешествия Зеленина, а также привести инструменты в порядок из-за долговременного пребывания их в воде. 21 июня Шварц получает из канцелярии ИРГО уведомление от 14 мая за № 752 – о болезни прапорщика Зеленина и о назначении вместо него прапорщика Крыжина. Л. Э. Шварц по указанию генерал-лейтенанта Карла Бургарда Карловича фон Венцеля (военный губернатор города Иркутска и Иркутский гражданский губернатор) передаёт инструкции, инструменты, деньги и прочие вещи в Сибирский отдел ИРГО, откуда их по приезде в Иркутск получит прапорщик Крыжин. Шварц с отрядом выступил в тайгу только 1 июля.

В Первой Сибирской экспедиции ИРГО в Восточной Сибири уже в феврале 1855 года работали три выпускника офицерского класса Константиновского Межевого института,

ученики астронома Богдана Яковлевича Швейцера: господа Дмитрий Петрович Рашков (поручик), Арсений Фёдорович Усольцев (подпоручик) и Александр Яковлевич Смирягин (подпоручик). Смирягин погиб при весьма загадочных обстоятельствах практически в начале экспедиции – его убил проводник на маршруте вблизи захоронения шамана. Первая Сибирская экспедиция официально проходила с 1849 года по 1863 год, то есть длилась на протяжении почти 15 лет. Экспедиция готовилась Генеральным штабом в 1848 году, была утверждена императорским указом 8 февраля 1849 года. Экспедиция проходила в два этапа. Первый этап длился с 1849 года по 1854 год – Забайкальский регион. Начальник экспедиции – полковник Николай Христианович Агте. Экспедиция организована и снаряжена Генеральным штабом. Второй этап длился с 1855 года по 1863 год – Сибирская экспедиция ИРГО.

Сибирская экспедиция ИРГО. 26 мая 1854 года было рассмотрено и дано разрешение Императором Российской империи на продолжение исследований в Сибири экспедицией ИРГО. Экспедиция направлялась для изучения пограничных территорий с Китаем. В планы экспедиции входило: исследовать территорию между Иркутском, реками Леной, Витимом, частью Яблонового хребта, южной пограничной линией страны, обнимающей западную часть Забайкальской области и восточную Иркутской губернии, и, сверх того, распространить предполагаемые исследования на Даурию и Амурский край. Выбор исследований был согласован ИРГО с генерал-губернатором Восточной Сибири Николаем Николаевичем Муравьёвым-Амурским. Упор сделан на малую известность этого края и важность изучения для правительственных целей. Экспедиция была разделена на Физический отдел под руководством Ф. Б. Шмидта (1855–1863 гг.) и Математический отряд под руководством астронома Л. Э. Шварца (1855–1859 гг.). Первая Сибирская экспедиция ИРГО в Восточную Сибирь проводилась за счёт средств, пожертвованных коммерции советником Голубковым и графом Гуттен-Чапским Эмериком Карловичем.

Крыжин в Первой Сибирской экспедиции ИРГО в Восточной Сибири. Межевой инженер, прапорщик корпуса военных топографов, исследователь Иван Степанович Крыжин в Первой Сибирской экспедиции ИРГО в Восточной Сибири 1857–1858 годов под руководством главного астронома доктора Людвига Эдуардовича Шварца провел чуть более 1,5 лет, производил геодезические и астрономические работы.

В лето 1857 года прапорщик И. С. Крыжин занимался исследованиями истоков рек Лены и Киренги, а также Байкальских гор.

1858 год. 14 и 21 мая 1858 года Крыжин участвовал в общем заседании Сибирского отдела Императорского Русского географического по поводу результатов и планов Сибирской экспедиции. 21 мая на общем собрании Сибирского отдела ИРГО заведующий отделом И. С. Сельский дал оценку и прочитал записку о трудах Математического отряда Сибирской экспедиции. Приведём исторический отрывок из речи: «Понимая всю важность последствий учёных изысканий, которые уже совершены, мы с полным убеждением выразимся, что Математическая экспедиция Шварца и его спутников Рашкова, Усольцева, Смирягина и Крыжина останется столь же незабвенною в летописях науки, как знаменитые труды Миллера, Гмелина, Палласа, Крашенинникова и других».

В 1858 году прапорщик И. С. Крыжин выполнил первую топосъёмку Центральной и Восточной части Восточных Саян. 9 июня 1858 года Крыжин прибыл в крепость Тунки, откуда начиналась его путешествие в Урянхай. В пути Крыжин находился с 11 июня по 8 сентября – 89 дней. Экспедицией уточнены высоты гор, расположение хребтов, долин, определена вертикальная граница распространения леса, снеговая линия, обнаружены следы древнего оледенения. На территории края проводились топографические съёмки и наблюдения за климатом, растительностью и животным миром, собрано 60 образцов

минералов. Работу выполнял так называемый Математический отряд Первой Сибирской экспедиции Географического общества. Отряд работал от Енисея до Байкала, исследованиями охвачена огромная территория.

Даже в наше время Саяны изучены недостаточно основательно. А 166 лет назад о территории, которую предстояло посетить прапорщику И. С. Крыжину, практически ничего не было известно. Не знали, какие и как протекают там реки, как располагаются хребты, не было карт.

Маршрут. Маршрут Крыжина в Саянских горах проходил в наиболее сложных местах. Его исследовательский маршрут и сейчас представляется невероятно трудным. Исключительность этого похода заключалась ещё и в том, что Крыжин в одно лето (в горах длится не более двух месяцев) сумел дважды преодолеть Восточный Саян, причём оба раза – в высокогорной его части.

Крыжину оказали помощь и стали участниками этих горных походов такие известные люди тех времён, как Тавастгусский первостатейный купец и промышленник Алибер Иван Петрович (Жан-Пьер), горный исправник Шугаев, окинский бурят Максе и два проводника-карагаса.

Немного о проводниках и участниках. О горном исправнике Шугаеве почти ничего не известно.

Окинский бурят Максе был проводником в Урянхай, впоследствии он распускал среди местного населения плохие слухи и подговаривал урянхайцев никуда не пускать Крыжина, что вызвало большие препятствия для экспедиции. После окончания экспедиции Иван Степанович ходатайствовал через ИРГО к властям губернии о расследовании деятельности окинского бурята Максе, а купца Алибера и горного исправника Шугаева поблагодарить за участие и содействие экспедиции. ИРГО на общем собрании постановило от имени географического общества отправить благодарственные письма Тавастгусскому купцу И. П. Алиберу, горному исправнику Шугаеву, а по окинскому буряту Максе отправить ходатайство Иркутскому земскому исправнику о расследовании его деятельности.

Путь экспедиции. Путь в неизведанные земли начался из Окинского караула, куда Крыжин с небольшим своим отрядом прибыл из Иркутска по долине Иркута. Проводники провели Крыжина к скалистым гребням горы Баш-Тайга («Паш-Тайга» в переводе с тюркского наречия означает «главная»). Современное название этой горы – пик Топографов.

Обозначив на карте точные координаты этой вершины, Крыжин записывает в своем дневнике: «На самом перевале видны только мхи и лишайники, покрывающие каменистую почву. В ущельях окружающих гор лежит вечный снег: под быстрыми горными ручьями изгибаются в виде сводов далеко вниз по ручью кровли из непрозрачного льда, который наполняет всю ширину долины. Под такими кровлями шумит вода, как в огромной трубе. Над водой можно ездить с лошадьми без всякой опасности…»

Это первые данные о ледниках Восточных Саян, как и все другие сведения, вынесенные Крыжиным из экспедиции.

Направляясь строго на запад, путники спустились в долину реки Бий-Хем (Большая вода), русские называют его Большой Енисей. Вот как ярко описал её сам путешественник: «Местность здесь дика и пустынна и производит тяжкое впечатление. Видны только чёрные голые скалы, грязно-белый снег да олений мох, покрывающий обломки камней. Кое-где взор встречает пару лиственниц с высохшими верхушками и невысоко от земли поднимающийся кедровый кустарник. Но даже и в этой пустыне попадаются иногда уединенные юрты урянхов, которые охотятся на диких оленей».

Западное направление маршрута завершается на реке Хамсаре (Тыва). Позади сотни километров по неведомой земле, сделаны первые геодезические определения хребтов,

собраны значительные научные сведения о растительности, животном мире, кочевниках. Материалов собрано предостаточно, помимо всего, их нужно доставить в сохранности. Крыжин принимает, казалось бы, совсем безрассудное решение. Он планирует выход на Красноярск, а для этого ещё раз пересечь Саяны.

Скоро осень. Кто знает, как сложится и возможен ли этот путь вообще? Для проводников-карагасов, проживающих в этих суровых местах, предстоящий переход казался загадкой. Они не знали местности от хребта Ергак-Таргак-Тайга на север, проводники от урянхов тоже, и урянхи оставили Крыжина. Хребты Восточных Саян расположены в широтном направлении, Крыжин перевалил их один за другим поперёк, словно перелетел. Горы в тех местах очень разрушены, кругом отвесные скалы, курумы. Как провести караван лошадей с грузом по скалам? Но Крыжин не отступает. Оставив Хамсару на юге, он вступает в зону альпийского высокогорья в верховьях речки Кадырос. Ему предстоит перевалить хребет Ергак-Таргак-Тайга (Тазарама). Встреченные перед хребтом кочевники, по-видимому, показали проход через него. Вероятно, это произошло в длинном ущелье озера Кара-холь (Тыва). Кара-Холь в перевод с тюркского наречия означает «чёрное озеро».

Экспедиция проникает в район, откуда невооружённым глазом видны пики Грандиозный, Заоблачный и Триангуляторов, а также хребет между реками Казыр и Кизир – в то время ещё безымянная горная система. Обогнув с юго-востока пик (Триангуляторов), путешественники вышли на Уду, а потом в верховье реки Мурхой и вышли на Бирюсинские золотые прииски. Там они прожили 12 дней и пополнили запасы пропитания. Пекли и сушили чёрный хлеб, впереди предстоял долгий путь по водоразделам Агульского, Канского, Пезинского и Манского белогорий. Вышли с приисков 8 августа. Экспедиция Крыжина пересекла реки Гутара, Тагул, Большой и Малый Агул, Кан, Кальту, Большой и Малый Пезо. По реке Мана экспедиция сплавлялась на плотах до устья 67 вёрст (71,69 км) и ещё 32 версты (34,24 км) вниз по Енисею до Красноярска. Общее расстояние сплава составило 105 километров 930 метров. Крыжин прибыл в Красноярск 7 сентября.

А вот как Людвиг Шварц оценивал переход Крыжина в отчёте: «прапорщику Крыжину принадлежит неоспоримая заслуга ведения первого маршрута через эти негостеприимные страны».

М. В. Величко в книге «Кизир – река Саянская» пишет, что «Крыжин принёс первые научные сведения об этом крае, сделал первые геодезические определения, прошёл тысячи вёрст без карты, по территории до него совершенно не известной. И чаще на маршруте не проводники вели его, а он их».

Историческая справка. В 1859 году действительный член ИРГО Л. Э. Шварц получил Константиновскую медаль, высшую медаль ИРГО за 10-летие работы по географии Восточной Сибири.

В 1865 году Людвиг Эдуардович Шварц получил полную Демидовскую премию за «Подробный отчёт о результатах исследований Математического отдела Сибирской экспедиции ИРГО. Санкт-Петербург, 1864 г.» и за «Карту речных областей Амура, южной части Лены, Енисея и острова Сахалин на 7 листах». Премия вручена 25 июля 1865 года, и это было последнее вручение Демидовской награды. Полную премию получили два человека, четверо – половинные премии, восемь человек – почётный отзыв. Премия вручалась при жизни П. Н. Демидова, и после его смерти (24 марта 1840 г.) вручалась на протяжении 25 лет ежегодно, как завещал наследникам Демидов. Премию доставили наследники 1 ноября 1864 года, а 25 июля 1865 вручили. Премия вручалась из года в год на протяжении 34 лет и всегда в одну и ту же дату – 17 апреля (из Общего отчёта о тридцать четвёртом и последнем присуждении Демидовских наград; заседание Академии наук от 25 июля 1865 года).

Жизнь и деятельность после Сибирской экспедиции. Зимой 1858 года Крыжин возвратился в Москву.

23 февраля 1859 года приказом по военному ведомству межевой инженер, прапорщик И. С. Крыжин получает чин подпоручика.

В 1860–1861 годах И. С. Крыжин участвует в экспедиции Министерства Государственного имущества в Калмыцкую степь. Научное и «хозяйственно-статистическое» исследование Калмыцкой степи провела военно-топографическая Кумо-Манычская экспедиция под руководством Капитона Ивановича Костенкова. Участник экспедиции межевой инженер Иван Степанович Крыжин впервые закартировал все Ергени (около 350 километров). Обследования были проведены от степей Терека до Ергеней и от Волги до долины Манычей включительно. Ергени — не горный хребет, а, скорее, плоская возвышенность, протянувшаяся в меридиональном направлении от Маныча за Царицын. Ергени служат водоразделом левых притоков Дона, речек, исчезающих в степи, и (севернее Царицына) небольших правых притоков Волги. Восточный склон Ергеней быстро спускается к низменной степи в виде крутых, округлых скатов, изрезанных лощинами. Поэтому с востока они кажутся настоящими горами; западный же склон их совершенно полог. Низменное пространство, ограниченное Ергенями, Волгой, Каспием и Ставропольской возвышенностью, то есть юго-западная часть Прикаспийской низменности, по Н. Барботу-де-Марни, состоит из бесчисленных возвышений, небольших озерных впадин и бугров сыпучего песка. Системой Сарпинских озёр она делится на две части, северо-восточную, изобилующую сенокосами, без озёр, и юго-западную, содержащую очень много пресных и солёных озёр, солончаков, местами абсолютно лишённую растительности.

Крыжин составил карту Калмыцкой степи Астраханской губернии, в масштабе 5 вёрст на дюйм на 10 листах.

В 1861 году после экспедиции в Калмыцкие степи Крыжин получил чин поручика и орден Святого Станислава 3 степени.

После экспедиции Крыжин опять вернулся в Константиновский Межевой институт и продолжил дело преподавания.

3 мая 1867 года на общем собрании Императорского Русского географического общества заявлены к избранию в действительные члены Общества, в общем собрании, имеющем быть после каникулярного времени: барон К. Н. Корф и поручик Иван Степанович Крыжин.

4 октября 1867 года И. С. Крыжина избрали действительным членом ИРГО.

В конце 1860-х годов Иван Степанович временно участвовал в строительстве Московско-Курской железной дороги, проводил изыскания и наблюдения на одном из участков будущей дороги.

11 мая 1871 года Иван Степанович Крыжин сложил с себя звание действительного члена ИРГО.

18 января 1872 года на заседании отдела физической и математической географии ИРГО И. С. Крыжин как специалист избран в особую комиссию о снаряжении экспедиции для производства нивелировки в Сибири от Екатеринбурга до Иркутска.

В 1878 году И. С. Крыжин избран повторно в число действительных членов ИРГО.

В 1879 году Крыжин Иван Степанович участвовал в VI съезде русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге, проходившем с 20 по 30 декабря.

21 октября 1880 года Крыжин участвовал в заседании соединённых отделений математической и физической географии ИРГО.

Санкт-Петербургский Земледельческий и Лесной институт. В 1871 году Иван Степанович Крыжин назначается профессором геодезии в Санкт-Петербургском Лесном ин-

ституте. Санкт-Петербургский Лесной институт в то время – единственное высшее лесное учебное заведение. И. С. Крыжин был приглашён взамен преподавателя геодезии Григорьева, который оставил институт. С приходом в институт Крыжина изменилась методика обучения. Кроме лекций на первом курсе, добавилась практика 4 часа в неделю и занятия, состоявшие из черчения планов. Летние практические занятия проводились на первом курсе и отчасти на втором. Практика состояла из съёмочных и нивелировочных работ в окрестностях института. В помощь профессору на время летних практических работ приглашался временный ассистент. 15 апреля 1880 года установлены профессорские кафедры в институте. Крыжин избран профессором геодезии и руководил кафедрой. Геодезия преподавалась по-новому с 1880 года по 1884 год профессором Иваном Степановичем Крыжиным, на II и III курсах по две лекции в неделю на каждом. Зимняя практика заключалась в черчении планов и проводилась под руководством ассистента А. Н. Петровского. Летняя практика заключалась в съёмочных работах Лесного института и в лесной съёмке и нивелировке в Лисинском лесничестве. Геодезия в Лесном институте с 1880 года определена «положением» как самостоятельная кафедра среди восьми первых кафедр. И. С. Крыжин работал в институте с такими талантливыми преподавателями и учёными как А. П. Соколов, И. И. Померанцев, С. С. Цветков. Эти учёные-преподаватели и исследователи участвовали в исследовательских экспедициях в разных уголках нашей страны и сделали большой вклад в дело изучения ранее не известных районов.

Иван Степанович Крыжин преподавал геодезию после окончания Константиновского Межевого института в своём родном учреждении и в Петербургском земледельческом илесном институте в течение тридцати лет. Его деятельность в институтах и вне их была всецело посвящена трудам в области геодезии.

Изобретение Крыжина. Во время экспедиций Крыжин предложил усовершенствование астролябии, изобрёл новую конструкцию азимутального угломера и особый прибор «планограф».

В 1882 году на Всероссийской художественной промышленной выставке в Москве Крыжину И. С. присуждена награда высшей степени в номинации «точные инструменты» в III группе за практическое осуществление некоторых новых начал в устроении геодезических инструментов.

27 мая 1880 года Департамент земледелия и сельской промышленности препроводил прошение статского советника Крыжина, проживавшего в Петербурге, о выдаче ему пятилетней привилегии на чертёжный инструмент, названный «планограф». 13 октября 1882 года И. С. Крыжин получил пятилетнюю привилегию, исключительное право на изобретение чертёжного инструмента, названного «планограф». Привилегия давала автору изобретения исключительное право продавать, дарить, употреблять, завещать и прочее.

Работы, опубликованные Иваном Степановичем Крыжиным.

С 1871 года и до самой смерти И. С. Крыжина (1884 год) его работы и статьи публиковались в Лесном журнале.

– И. С. Крыжин. Курс геодезии. – Санкт-Петербург, 1875.

– Планограф И. С. Крыжина, профессора геодезии С.-Петербургского Лесного института. – Санкт-Петербург, тип. В. С. Балашева, 1883. Тираж 600 экз.

– Новый землемерный инструмент «азимутальный угломер», устроенный И. С. Крыжиным, профессором С.-Петербургского Лесного института. – Санкт-Петербург, тип. Э. Винеке, 1883. Тираж 330 экз.

Заключение. Крыжин Иван Степанович – межевой инженер, выпускник офицерского класса Константиновского Межевого института, после института нёс службу при его обсерватории. Проживал до преподавания в Лесном институте в Москве, в общежитии

чертёжной Межевой канцелярии. До конца своей жизни преподавал геодезию. Активный и очень грамотный участник двух серьёзных экспедиций в Сибирь и Калмыцкую степь. Составитель первых более подробных (для тех времён) карт неизведанных пространств Российской Империи. Талантливый учёный, изобретатель, профессор геодезии Земледельческого, а потом Лесного института. Дослужился до военного звания поручика. Являлся до самой своей кончины действительным членом ИРГО. Получил высокий гражданский чин статского советника. При Российской Империи чина статского советника удостаивались чиновники только после 10-летней безупречной, преданной службы и по ходатайству вышестоящего начальства. Несмотря на его вклад в дело науки и исследования он почти не имел наград, досрочных чинов и званий. В ИРГО даже после его смерти не напечатали некролога, а лишь упомянули о его кончине: «Кроме вышепоименованных членов, Общество лишилось ещё следующих действительных членов…» – и далее краткий пофамильный список скончавшихся в 1884 году. Небольшой интересный некролог был опубликован профессором законоведения и полицейского права Лесного института, статским советником Сергеем Владимировичем Ведровым в Лесном журнале, но остался неизвестным источником для исследователей. С. В. Ведров охарактеризовал Крыжина как человека устремлённого, слегка насмешливого, всегда правдивого, всегда отстаивавшего интересы своей кафедры, своего кабинета, своих практических занятий. Ведров вспоминал, как Крыжин, внешне бесстрастный и холодный, руководил экзаменационными испытаниями, как в часы мучительной болезни он старался забыть свои физические страдания – для выработки и тщательной отделки своих лекций. Он был предан своему делу настолько, что бросил лечение в Крыму (1884 г.), дававшее хоть немного облегчения, и спешил в Петербург для руководства практическими занятиями. Почти 100 лет хребет в Восточных Саянах носит его имя, но мало что известно было об этом человеке, и мы постарались приоткрыть завесу тайны, внести свой скромный вклад в дело истории Южной Сибири, собрать по крупинкам его биографию. Через 121 год впервые опубликован здесь его портрет, чтобы знать, как выглядел этот замечательный исследователь и первопроходец горной системы Южной Сибири. Настоящая работа будет любопытна тем, кто любит свою Родину, Сибирь и её природу, кто неравнодушен к своей истории. Остаётся ещё много неизвестного о жизни И. С. Крыжина: о его семье, родителях, дате рождения, месте захоронения и другие подробности из его довольно насыщенной, интересной, но короткой жизни.

Особо хочется подчеркнуть, что за 252 года от начала первых исследований этого горного узла почти все экспедиции проходили с трагической гибелью людей и животных (кони, олени). Хребет Крыжина ещё ждёт своих исследователей. А тем временем покой хребта стережёт каменная птица – пик Грандиозный, грозно возвышающийся на востоке.

Библиографический список:

1. Апухтин А. Л. Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 г. по 1879 г. – С.-Петербург: тип. В. С. Балашева, 1879.

2. Вестник Императорского Русского географического общества за 1858 год. Часть 21. – С.-Петербург, 1858.

3. Вестник Императорского Русского географического общества за 1858 год. Часть 22. – С.-Петербург, 1858.

4. Вестник Императорского Русского географического общества за 1858 год. Часть 24. – С.-Петербург, 1858.

5. Вестник Императорского Русского географического общества за 1859 год. Часть 25. – С.-Петербург, 1859.

6. Вестник Императорского Русского географического общества за 1859 год. Часть 27. – С.-Петербург, 1860.

7. Военный сборник. Том VI. 1859 год. – С.-Петербург, тип. Карла Вульфа, 1859.
8. Вологдин А. Г. Кизир-Казырский район. Тр. ГГРУ. Вып. 2. 1931.
9. Всероссийское Генеалогическое Древо. http://www.vgd.ru/index.html.
10. Генеалогический форум ВГД. http://forum.vgd.ru/post/1229/10970/p1371793.htm
11. Геральдический сайт Сергея Панасенко. Геральдика и живопись. http://goldarms.narod.ru/simbirsk.htm
12. Глуздаков С. И. Растительность Тофаларии (Восточные Саяны): ботанико-географический очерк. / Учёные записки Новосибирского государственного педагогического института. Выпуск 10. – 1955.
13. Журнал Народного просвещения. Том 206. 1879.
14. Записки Императорского Русского Технического общества. Свод привилегий, изданный Департаментом торговли и мануфактур. Год 17. Выпуск 5. – С.-Петербург, 1883.
15. Записки Императорской академии наук. Том VIII. Книга I. – С.-Петербург, 1865.
16. Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Книга 3. – С.-Петербург, 1857.
17. Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Книга 5. – С.-Петербург, 1858.
18. Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Книга 6. – Иркутск, 1863.
19. Землеведение Азии: география стран, входящих в состав Российской империи, Туркестана, независимой Татарии и Персии. Том I. Часть IV–V. ИРГО, Карл Риттер. – С.-Петербург, 1877.
20. Ижицкий Н. Л. Геологические работы в Красноярском и Канском округах Енисейской губернии за 1893 год (предварительный отчет). Горный журнал, 1895 год, № 4.
21. Известия Императорского Русского географического общества. Том III. 1867 год. – С.-Петербург, 1868.
22. Известия Императорского Русского географического общества. Том VII. 1871 год. – С.-Петербург, 1871.
23. Известия Императорского Русского географического общества. Том VIII. Выпуск 3–5. – С.-Петербург, 1872.
24. Известия Императорского Русского географического общества. Том XIV. 1879 год. – С.-Петербург, 1879.
25. Известия Императорского Русского географического общества. Том XVII. 1881 год. – С.-Петербург, 1881.
26. Исторический очерк развития Санкт-Петербургского Лесного института, 1803–1903 гг. – С.-Петербург, 1903.
27. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества 1845–1895 гг. Том I. – С.-Петербург, 1896.
28. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. – С.-Петербург: изд. Министерства Государственного имущества, 1868.
29. Косованов В. П. К орографии золотоносных районов Енисейской губернии. / Известия Красноярского отдела РГО. Том 3. Выпуск 1. 1923 .
30. Куминова А. В. Растительность Кизир-Казырского междуречья. / Известия Западно-Сибирского филиала АН СССР. Серия: биологические науки. 1946 год, № 1.
31. Лепп А. Г. Саянский охотничий район в Канском и Минусинском уезде Енисейской губернии и Саянский охотничий заповедник. / Известия Института исследования Сибири: Тр. Естественно-исторического отдела. В 2 томах. – Томск, 1920.
32. Лесной журнал. 1884 год. Выпуск № 12, Ведров Сергей Владимирович, Иван Степанович Крыжин (Некролог).
33. Отчёт Императорского Русского географического общества за 1857 год. – С.-Петербург, 1858.
34. Отчёт Императорского Русского географического общества за 1867 год. – С.-Петербург, 1867.
35. Отчёт Императорского Русского географического общества за 1878 год. – С.-Петербург, 1879.
36. Отчёт о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года в Москве. Том VI. – С.-Петербург, 1884.

37. Отчёт Императорского Русского географического общества за 1884 год. – С.-Петербург, 1885.

38. Очерк восточного и западного Маныча: (читано в заседании Императорского Русского географического общества 1 февраля 1860 года) К. Костенкова, Н. Барбота-де-Марни и И. Крыжина. – Санкт-Петербург, 1861.

39. Попов В. Л. Через Саяны и Монголию: Отчёт начальника Монгольской экспедиции Генерального штаба капитана Попова. Часть 1. – Омск: тип. Штаба Санкт-Петербургского военного округа, 1905.

40. Сборник Императорского Исторического общества. Том 60. – С.-Петербург, 1887.

41. Список чинам Правительствующего сената и Министерства юстиции: По 1 февр. 1862. – С.-Петербург: тип. Правительствующего сената, 1862. – IV, 416 стр.

42. Список чинам Правительствующего сената и Министерства юстиции: По 1 февр. 1863. – С.-Петербург: тип. Правительствующего сената, 1863. – 424 стр.

43. Список чинам Правительствующего сената и Министерства юстиции: По 1 февр. 1864. – С.-Петербург: тип. Правительствующего сената, 1864. – 264 стр.

44. Список чинам Правительствующего сената и Министерства юстиции: Испр. по 1 июля 1865 г. – С.-Петербург: тип. Правительствующего сената, 1865. – 485 стр.

45. Список чинам Правительствующего сената и Министерства юстиции: Испр. по 1 июля 1866 г. – С.-Петербург: тип. Правительствующего сената, 1866. – 467 стр.

46. Соловьев Д. К. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нём: Отчет Саянской экспедиции Департамента земледелия, работавшей в 1914–1916 гг. под начальством старшего специалиста по промысловой охоте Д. К. Соловьева. – Петроград, 1920.

47. Стальнов Г. И. К вопросу о современных ледниках. / Вестник геологического комитета. Т 1, № 4. 1925 год.

48. Тридцать четвёртое и последнее присуждение учреждённых П. Н. Демидовым наград 25 июля 1865 года. – С.-Петербург, 1866.

49. Труды академика Владимира Афанасьевича Обручева по геологии.

50. Труды ботанического института. Том 9. АН СССР. 1961.

51. Фёдоров А. Л., Фёдоров А. Н. Два года в Саянах. Академия наук СССР. Ботанический институт. Саянская экспедиция 1948–1949 гг. – Государственное издательство географической литературы, 1951.

52. Федосеев Г. Мы идём по Восточному Саяну. – Новосибирское книжное издательство, 1956.

О. А. Савкова,
Казачинский район, Красноярский край

Человек, освещающий путь

Казачинский район прославлен многими громкими именами известных деятелей науки, культуры, и среди них немало тех, кто посвятил свою жизнь делу воспитания и обучения новых поколений наших соотечественников. В муниципальном архиве Казачинского района Красноярского края бережно хранятся фонды личного происхождения, в том числе личный фонд педагога Чащина Валентина Исаковича. Наверное, не найдётся в районе человека, который не знает основателя краеведческого музея Челноковской школы, историка, публициста, ветерана Великой Отечественной войны Валентина Исаковича Чащина. В документах фонда отражена история музея и история формирования его коллекций, общественная деятельность Валентина Исаковича в Совете РМО.

Большое количество документов – вырезки из газет о Чащине, очерки о его жизни, материал районного отдела образования от 1978 года, где рассказывается о самом Валентине Исаковиче, его трудовой деятельности, о создании музея и использовании его материалов на уроках истории. Публикации его размышлений на тему школьной реформы о предна-

значении учителя. Статья «Мой учитель», написанная Николаем Токаревым, о работе Валентина Исаковича в Пискуновской семилетней школе — он был директором и вёл уроки истории, математики, физики и географии, так как не хватало учителей. О том, как Валентина Исаковича, ушедшего на заслуженный отдых, волновали школьные проблемы. Он стремился к тому, чтобы учитель с наибольшей отдачей вложил свои знания в каждого ученика, чтобы методы знаменитого Шаталова стали достоянием не только педагогов Челноковской, но и других школ.

Архиву переданы автобиография, удостоверение «Отличник народного просвещения», удостоверение к знаку «Ветеран 13-й армии», справка о нахождении в госпитале после ранения в бою, переписка с местной газетой «Новая жизнь», благодарственные письма, поздравления с Днем Победы от друзей-однополчан, советов ветеранов полков и дивизий, почетные грамоты за организаторскую и воспитательную работу, грамоты за трудовую деятельность и другие материалы.

В. И. Чащин – молодой боец в Польше. (Сандомирский плацдарм). Декабрь 1944 г.

4 октября специалиста архива пригласили на церемонию посвящения в хранители истории на базе Челноковской школы. С учениками Казачинской и Вороковской школ мы побывали на экскурсии в школьном музее Валентина Чащина. Экскурсоводы, ребята команды «Хронограф» рассказали о тружениках тыла, жителях деревни, которым нелегко пришлось в военные годы, но они не сдавались и внесли свой вклад в Победу. Назвали имена награжденных медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Участники экскурсии прочитали фронтовые письма, похоронки, воспоминания участников войны об их боевом пути, представленные в музее.

Очень интересные экспозиции созданы Валентином Исаковичем и его помощниками-учениками. На организацию музея ушло очень много времени и сил.

Из биографии

Валентин Исакович родился в селе Челноки Казачинского района 7 мая 1922 года в семье крестьянина-бедняка, в которой было девять детей.

У этого замечательного человека непростая судьба. Как и все деревенские дети, он сызмальства познал тяготы крестьянского труда. Рано остался без отца, погибшего на колхозной работе. Учился в Челноковской школе, после окончания поехал на учёбу в Енисейское педучилище, которое окончил в 1940 году.

Трудовую деятельность начал в Челноковской средней школе учителем начальных классов, преподавал рисование в 5–6 классах.

В 1941 году с началом войны был призван в армию. Службу проходил сначала в учеб-

ном батальоне, где готовили сержантский состав, а затем в военном (офицерском) училище. На фронте — с осени 1942 года, сразу попал под Сталинград. Был ранен, после лечения в госпитале вернулся на фронт. Снова ранение, госпиталь – и снова фронт. Война для него закончилась 9 мая 1945 года в Праге. Оттуда его дивизия вернулась на родину, а в конце 1945 года он был демобилизован.

После войны работал учителем истории в Рождественской средней школе, с августа 1946 года был директором только что открытой Мокрушинской начальной средней школы, с 1947 г. по 1974 г. — завучем Пискуновской восьмилетней школы.

В 1980 году по итогам краевого смотра Челноковская школа, в которой в то время работал Валентин Исакович, заняла 1 место среди сельских школ края. Сразу же началась работа по созданию краеведческого музея. В 1980 году ему было присвоено звание «Школьный краеведческой музей».

Системе образования Валентин Исакович Чащин посвятил 52 года жизни. Он настоящий историк, краевед, энтузиаст музейного дела. Автор книги «Земля Казачинская. Родина земледелия Приенисейского края». Проводил активную патриотическую работу среди молодёжи, выступал перед школьниками. Среди своих земляков пользовался почётом и уважением.

В знак признания заслуг перед Казачинским районом 16 ноября 2007 года Валентин Исакович Чащин удостоен звания «Почётный гражданин Казачинского района».

С 2022 года школьный краеведческий музей носит его имя.

Но самая большая награда — успехи его учеников. За время работы Валентина Исаковича в школах района было немало выпускников, которые, переняв знания и опыт своего наставника, сами стали педагогами.

Младшая дочь Валентина Исаковича — Альбина Валентиновна Чащина (Линге) — преподавала русский язык и литературу в Челноковской начальной школе, сейчас она на заслуженном отдыхе.

На протяжении всего педагогического пути Валентин Исакович занимался педагогической деятельностью, о чём свидетельствуют его многочисленные научные труды и публикации — как личные, так и в соавторстве с коллегами.

Валентин Исакович был человеком с активной жизненной позицией. Он занимался спортом, выступал на районных форумах, принимал активное участие в общественной жизни коллектива. Материалы из истории района, собранные Валентином Исаковичем, печатались на страницах районной газеты. Его работа всегда находила признание у педагогов и учеников. Для них он всегда был преподавателем с большой буквы. За таким наставником хотелось следовать, зная, что человек, идущий впереди, освещает собой дорогу и всегда готов поддержать.

Библиографический список.

1. Земля Казачинская. Родина земледелия Приенисейского края / [редкол.: В. М. Копылов [и др.]; науч. конс. д-р ист. наук, проф. Г. Ф. Быконя]. — Красноярск: Сибирские промыслы, 2005.
2. Муниципальный архив Казачинского района. Дело личного происхождения Чащина Валентина Исаковича. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 2.
3. Там же. Д. 2.1.
4. Там же. Д. 2.2.
5. Там же. Д. 2.3.
6. Там же. Д. 2.4.

В. С. Пилипенко,
г. Новокузнецк

Топонимический словарь Кемеровской области и его создатель Владимир Шабалин

Около тридцати лет назад Кемеровский областной институт усовершенствования учителей издал книгу «Тайны имен земли Кузнецкой» — краткий топонимический словарь Кемеровской области.

Кто хоть раз соприкасался с наукой топонимикой, исследующей названия населенных пунктов, рек, гор, других географических объектов, тот понимает важность и значимость этой науки. И в этом словаре собрано три тысячи названий нашего родного края. Кажется, что такой объём информации способен обработать и подготовить к печати только целый научный институт, а здесь автором значится всего лишь один человек. И автор этот — учитель словесности, директор средней школы станции Каменный Ключ Прокопьевского района Кемеровской области Владимир Михайлович Шабалин.

Книга стала первым в Кузбассе опытом создания обобщённого регионального топонимического словаря, в котором объяснено свыше трёх тысяч названий населённых пунктов, рек и гор. Дается представление о своеобразии топонимических пластов, лёгших в основу современной топонимики Кемеровской области. Работа над топонимическим словарём шла около десяти лет, на пишущей машинке (компьютер в то время ещё не был распространен) было отпечатано несколько тысяч карточек — в свободное от основной работы время и редкие выходные дни.

Эта работа получила известность в кругу кузбасских учёных, краеведов, журналистов, учителей географии, истории, русского языка.

Владимир Михайлович Шабалин родился в 1937 году в старинном селе Кузедеево Новокузнецкого района Кемеровской области. После школы окончил филологический факультет Новокузнецкого пединститута. В 1960 году выпускник института по распределению отправился работать в сельской школе села Тээли Республики Тува. После нескольких лет работы в ней переехал с семьёй в Прокопьевский район, где работал вначале в селе Верх-Егос, затем — в Каменноключевской школе. Был сначала завучем, а потом двадцать один год и директором поселковой средней школы.

Будучи директором и учителем, кроме составления топонимического словаря он вёл огромную научную, исследовательскую, краеведческую работу: и по участию сибиряков на поле Бородинском, и о детях Великой Отечественной войны. Эти труды опубликованы в двухтомном материале «Детство, опалённое войной».

Шабалин подготовил к изданию исследовательскую работу «Здесь и твоя фамилия». В ней рассказывается о происхождении фамилий людей, проживающих в Прокопьевском районе Кемеровской области. А по итогам работы краеведческой экспедиции по Прокопьевскому району, посвящённой шестидесятилетию образования Кемеровской области, Владимир Михайлович подготовил материалы для «Летописи сёл Прокопьевского района», частично опубликованные в районной газете. Шабалин является автором более пятисот материалов, опубликованных на страницах периодической печати Кузбасса.

Владимир Михайлович Шабалин ушёл из жизни 9 декабря 2003 года, похоронен в Каменном Ключе на местном кладбище. В 2005 году сельской библиотеке присвоено имя Владимира Михайловича Шабалина, в ней открыт мемориальный музей краеведа, историка, литератора. Глава Каменно-Ключевского поселения Лидия Николаевна Матвее-

ва, заведующая сельской библиотекой Валентина Ивановна Чумак, заведующая музеем Ольга Александровна Карандайкина, дочь Шабалина — Людмила Владимировна Иванова — очень многое делают для увековечения памяти о краеведе, авторе топонимического словаря Кемеровской области, а в Прокопьевском сельском районе проводятся ежегодные «Шабалинские краеведческие чтения».

Библиографический список:

1. Шабалин В. М. Тайна имён земли Кузнецкой. Краткий топонимический словарь Кемеровской области. — Кемерово: Наука, 1994. — 224 с.

2. Шабалин В. М. Тайны имён земли Кузнецкой. // Шахтёрский край. — 2005. — №28. — 14–20 июля. — С. 11. — «Абашева» — «Алтамаш».

3. Шабалин В. М. Тайны имён земли Кузнецкой. // Шахтёрский край. — 2005. — № 31. — 4–10 августа. — С. 11. — «Барзас» — «Березовка».

4. Шабалин В. М. Тайны имён земли Кузнецкой. // Шахтёрский край. — 2005. — № 32. — 11–17 августа. — С. 11. — «Березово» — «Большая Натальевка».

5. Шабалин В. М. Тайны имён земли Кузнецкой. // Шахтёрский край. — 2005. — № 33. — 18–24 августа. — С. 11. — «Большая Осипова» — «Большой Улус».

6. Шабалин В. М. Тайны имён земли Кузнецкой. // Шахтёрский край. — 2005. — № 34. — 25–31августа. — С. 11. — «Большой Улус» — «Верх-Калтарак».

7. Шабалин В. М. Тайны имён земли Кузнецкой. // Шахтёрский край. — 2005. — № 35. — 1–7 сентября. — С. 11. — «Верх-Кечен» — «Верх-Шубино».

8. Шабалин В. М. Тайны имён земли Кузнецкой. // Шахтёрский край. — 2005. — № 37. — 15–21 сентября. — С. 11. — «Граматуха» — «Елеск».

9. Шабалин В. М. Тайны имён земли Кузнецкой. // Шахтёрский край. — 2005. — № 38. — 22–28 сентября. — С. 11. — «Еловка» — «Зенковский административный район».

10. Шабалин В. М. Тайны имён земли Кузнецкой. // Шахтёрский край. — 2005. — № 39. — 29 сентября — 5 октября. — С. 11. — «Зенчиха — «Искитим».

11. Шабалин В. М. Тайны имён земли Кузнецкой. // Шахтёрский край. — 2005. — № 40. — 6–12 октября. — С. 11. — «Искра» — «Калмыковский».

12. Шабалин В. М. Тайны имён земли Кузнецкой. // Шахтёрский край. — 2005. — № 41. — 13–19 октября. — С. 11. — «Калтан» — «Карашлан».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГМ – Муниципальное учреждение «Архив города Минусинска».

АМКМ – (он же АММ) Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова,

АН – Академия наук

АНО – Автономная некоммерческая организация

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

АПО – Агитационно-пропагандистский отдел

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика

АЭАЕ – Археология, этнографии и антропология Евразии. Новосибирск

БАМ – Байкало-Амурская магистраль

БХСС – борьба с хищениями социалистической собственности и спекуляцией

ВИК – Волостная избирательная комиссия

ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи

ВСРГО – Восточно-Сибирский Отдел Императорского Русского Географического Общества

ВЦИК – Всероссийский (Всесоюзный) Центральный Исполнительный Комитет

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАРХ (он же ГУРХ НАРХ) – Государственный архив Республики Хакасия

ГДР – Германская Демократическая Республика

ГИК – Городской избирательный комитет

ГРК – Губернский революционный комитет

ГРП – геологоразведочная партия

ГРЭ – геологоразведочная экспедиция

ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей

ГУМО – Главное управление Министерства обороны Российской Федерации

ГУФСИН – Государственное управление Федеральной службы исполнения наказаний

ГЭС – гидроэлектростанция

ДПИ – декоративно-прикладное искусство

ДПО – Добровольное пожарное общество

ДХШ – Детская художественная школа

ЖБИ – железо-бетонные изделия

ЗАО – Закрытое акционерное общество

ЗАТО – Закрытое административно-территориальное образование

ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР

ИА ЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук

ИВС – Изолятор временного содержания

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук

ИТР – инженерно-технические работники

КГПИ – Красноярский государственный педагогический институт

КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет

КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

КРС – крупный рогатый скот

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МАС – Музей археологии и этнографии КГПУ им. В. П. Астафьева

МБОУ – Муниципальное бюджетное образовательное учреждение

МВД – Министерство внутренних дел

МГУ – Московский государственный университет

МКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова

МКУ ЕРА – Муниципальное казённое учреждение «Енисейский районный архив»

МНР – Монгольская народная республика

МНРА – Монгольская народно-революционная армия

МО РГО – Минусинское отделение Русского Географического общества

МО РФ – Министерство обороны Российской Федерации

МПС – Министерство путей сообщения

МТС – Машинно-тракторная станция

МУК – Муниципальное учреждение культуры

МБУК – Муниципальное бюджетное учреждение культуры

НВФ – Научно-вспомогательный фонд

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКО – Некоммерческая организация

ОВЗ – Ограниченные возможности здоровья

ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление

ОКН – Объект культурного наследия

ОМЭ – опытно-методическая экспедиция

ООПТ – особо охраняемые природные территории

ОФ – Основной фонд

ПГО – Производственное геологическое объединение

ПМК – Передвижная механизированная колонна

ПСР – Партия социалистов-революционеров

ПЦР – Полимеразная цепная реакция

РАН – Российская Академия наук
РГО – Российское географическое общество
РИК – Районный исполнительный комитет
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОВД – Районный отдел внутренних дел
РСДРП (б), (м) – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков), (меньшевиков)
РСУ – ремонтно-строительное управление
РТ – Республика Тыва
РХ – Республика Хакасия
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии
СМИ – Средства массовой информации
СМП – Северный морской путь
СНК – Совет народных комиссаров (Совнарком)
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук
СОШ – Средняя общеобразовательная школа
СПТУ – Среднее профессионально-техническое училище
СТЛ – Союз творческих лидеров
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
ТНР – Тувинская Народная Республика
ЦК ТНРП – Центральный комитет Тувинской народно-революционной партии
УК РСФСР – Уголовный кодекс РСФСР
УФСБ России – Управление федеральной службы безопасности России
ФГКУ – Федеральное государственное казенное учреждение
ФГУП – Федеральное государственное унитарное предприятие
ФЗ – Федеральный закон
ХГУ – Хакасский государственный университет
ХНКМ – Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЦВО – Центральный военный округ
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦГА РТ – Центральный государственный архив Республики Тува
ЦСРП – Центр содействия реализации проектов
ЧОН – Части особого назначения
ЧПОУ – Частное профессиональное образовательное учреждение
ШМЗ – Шушенский музей-заповедник

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВГУСТОВСКИЙ Александр Исаевич, краевед, г. Абакан. Республика Хакасия.

АРТАМОНОВА Александра Анатольевна, методист по музейно-образовательной деятельности ОГБПОУ «Томский базовый медицинский колледж», г. Томск

АЛАВЕРДЯН Людмила Ивановна, методист по научно-просветительской работе МБУК «Каратузский районный краеведческий музей», с. Каратузское, Красноярский край

БОРИСОВА Светлана Анатольевна, директор МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск.

БЕЛОУСОВА Светлана Семёновна, учитель истории и естествознания МКОУ «Жерлыкская СОШ № 20 имени Героя Советского Союза А. Л. Журавлёва», с. Жерлык, Минусинский район, Красноярский край.

БЕЛГОРОДСКАЯ Людмила Вениаминовна, доцент, доктор исторических наук, профессор ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, Красноярский край.

БЕРДНИКОВА Юлия Олеговна, учитель истории и обществознания МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 5», магистрант ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет», г. Черногорск, Республика Хакасия.

БУРАШНИКОВА Ксения Сергеевна, студент 4 курса бакалавриата ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск.

ВАЛЕЕВ Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор ФГАОУ Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

ВАЛЕЕВА Роза Закариевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры филолологии и межкультурных коммуникаций ФГБОУ ВО Казанского государственного института культуры, г. Казань, Республика Татарстан.

ГИРЕНКО Сергей Алексеевич, руководитель клуба по стрельбе из лука «Лукоморье», г. Железногорск.

ГОРСКАЯ Ирина Анатольевна, краевед, г. Черногорск, Республика Хакасия.

ГУБЕНКО Екатерина Викторовна, лаборант-исследователь ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск.

ДРОЗД Юрий Петрович, краевед, г. Новосибирск.

ЕРМИЛОВА Валентина Васильевна, член клуба «Краевед» МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск, Красноярский край.

ЕСИН Александр Евгеньевич, бакалавр Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск.

ИДИАТУЛЛИНА Галина Максимовна, исполнительный директор Красноярского краевого отделения Всероссийской общественной организации Русского географического общества, г. Красноярск.

ЙАТАРОЛА Наталья Владимировна, магистр экономических наук, частный исследователь, г. Таллин, Эстония.

КАЛЮГА Антонина Евгеньевна, гл. специалист по архивным вопросам отдела организационного обеспечения и делопроизводства (ОО и ДП) Администрации Курагинского района, пгт. Курагино, Красноярский край.

КИКИЛОВА Ульяна Станиславовна, старший научный сотрудник КГБУК «Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», пос. Шушенское, Красноярский край.

КИРГИНЕКОВ Эдуард Николаевич, научный сотрудник научно-фондового отдела ГАУК РХ «Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова», г. Абакан, Республика Хакасия.

КИСЕЛЁВА Татьяна Анатольевна, экскурсовод МБУК «Тугулымский историко-краеведческий музей», пгт. Тугулым, Свердловская область.

КРИВОНОСОВА Елена Леонидовна, магистр истории, зав. сектором оцифровки ГБУК РХ «Национальная библиотека им. Н. Г. Доможакова», г. Абакан, Республика Хакасия.

КУН Вэйжан, аспирант ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, Красноярский край.

ЛАКТИОНОВА Елена Альбертовна, сотрудник отдела редких книг и книговедения КГАУК «Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края», г. Красноярск.

ЛИГАЧЁВА Анна Андреевна, студент 3 курса бакалавриата ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск.

ЛЫХИН Андрей Павлович, член клуба «Краевед» МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», с. Тесь, Красноярский край.

ЛЮ ЛИЦЮ Школа иностранных языков Нанкинский университет науки и технологий (Китай).

МАКСИМОВА Ирина Андреевна, методист ГАУК РХ «Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова», г. Абакан, Республика Хакасия.

МАНЬКОВСКАЯ Валентина Ивановна, краевед, г. Новосибирск.

МАРИЛОВЦЕВ Дмитрий Владимирович, зав. научно-исследовательским отделом КГАУК «Енисейский историко-культурный музей-заповедник им. А. И. Кытманова», г. Енисейск, Красноярский край.

МАРТЫНЕНКО Татьяна Леонидовна, заведующий Музеем природы и охраны окружающей среды МБУК НТМЗ «Горнозаводской Урал», г. Нижний Тагил.

МИТЬКО Олег Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнографии, зав. сектором археологии ЛГИ ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск.

НАГОРНЫХ Валентина Викторовна, старший научный сотрудник МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск.

НАЧИНКИНА Любовь Викторовна, старший научный сотрудник, КГБУК «Таймырский краеведческий музей», г. Дудинка.

ОЙДУПАА Алёна Андреевна, заведующая отделом истории и этнографии Национального музея имени Алдан-Маадыр, г. Кызыл, Республика Тыва.

ПЕТРЕНКО Андрей Леонидович, научный сотрудник АНО «Археологическое исследование Сибири», г. Красноярск.

ПИВОВАРЕНКО Нина Георгиевна, член клуба «Краевед» МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск, Красноярский край.

ПИЛИПЕНКО Владимир Семёнович, независимый исследователь, г. Новокузнецк, Кемеровская область.

ПОЛЕЖАЕВА Наталья Владимировна, директор МБУК «Тугулымский историко-краеведческий музей», пгт. Тугулым, Свердловская область.

ПОЛОВНИКОВ Иван Сергеевич, младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск.

САВКОВА Ольга Анатольевна, главный специалист по формированию муниципального архива Казачинского района Красноярского края.

САЙБУЛИНА Рузалина Рустамовна, студент ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия», г. Омск.

САЯНСКИЙ (ПОПКОВ) Олег, путешественник, исследователь, экскурсовод базы отдыха «Турсиб», Республика Алтай.

СЕРЕБРЕННИКОВА Марина Евгеньевна, член РОО КК «Союз краеведов Енисейской Сибири», г. Красноярск, Красноярский край.

СПИРИДЕНКО Игорь Анатольевич, председатель Красноярского краевого отделения Всероссийской общественной организации «Русское Географическое общество», г. Красноярск.

СТАРКОВ Олег Геннадьевич, руководитель НКО «Наследие», г. Тюмень.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Леонидовна, зам. директора по научной работе МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск

ТОПЧЕЕВ Валентин Владимирович, старший научный сотрудник МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск.

ТУГУЖЕКОВА Валентина Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», ведущий научный сотрудник Южно-Сибирского филиала ГНИУ «Институт истории материальной культуры Российской академии наук», г. Абакан, Республика Хакасия.

ХУДЫШКИНА Светлана Петровна, заместитель директора по научно-просветительской работе КГБУК «Енисейский краеведческий музей имени А. И. Кытманова», г. Енисейск.

ЧЕПАШЕВА Аграфена Фёдоровна, педагог-организатор МБОУ «Байкитская средняя школа», с. Байкит, Красноярский край.

ЧЕРЕПАНОВ Андрей Владимирович, магистрант ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия.

ФИЛИППОВА Ольга Григорьевна, Алтайский государственный краеведческий музей, АНО «Многоликий Алтай», г. Барнаул.

ШЕКШЕЕВ Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество «Мемориал», г. Абакан, Республика Хакасия.

ШОЕВА Маргарита Павловна, хранитель отдела фондов 1 категории ГАУК «Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова», г. Абакан, Республика Хакасия

ШЕСТАКОВА Ксения Игоревна, ведущий архивист КГКУ «Государственный архив Красноярского края», г. Красноярск.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамова М. М. – 133
Абрамовы (род Абрамовых) – 133-137
Авдеева Е. А. – 69
Августовский А. И. – 45
Адрианов А. В. – 164
Алавердян Л. И. – 122
Алексеев А. Д. – 109
Алексеев С. В. – 112
Артамонова А. А. – 120
Арыштаев М. – 33
Байбердина М. А. – 54
Баландин А. А. – 19-25, 73
Баландина В. А. – 22, 72, 73
Баландина Н. А. – 21
Белоусова С. С. – 172
Белгородская Л. В. – 13
Белозёрова С. Г. – 138
Бердникова Ю. О. – 15
Бернадский В. – 130
Бобины Е. Я. И О. С. – 120
Борисова С. А. – 8, 37
Бородовский А. П. – 66
Бурашникова К. С. – 48
Валеев Р. М. – 26
Валеева Р. З. – 26
Ведерникова А. И. – 121
Верещагин А. В. – 14
Вильнер Г. М. – 9, 10, 17-19
Вильнер М. Я. – 9
Волков Л. Б. – 17-19
Воронин В. И. – 109
Гагарин Ю. А. – 123
Георги И. Г. – 37
Гиренко С. А. – 61
Горская И. А. – 174
Губенко Е. В. – 50
Гуревич А.В. – 103
Гусев А. В. – 68
Гущина Н. В. – 112
Данькин Е. Н. – 56
Довгер В. К. – 122
Довгер К. Е. – 122
Достай-оол О. – 77
Дрозд Ю. П. – 125
Дроздов Н. И. – 11
Дудина (Пук) Д. – 109
Дэвлет М. А. – 55
Елькина З. В. – 120
Емельянцев Т. М. – 108
Ермилова В. В. – 17
Есин А. Е. – 52
Живало М. Ф. – 174
Жимайлов А. М. – 109
Зимин И. Т. – 125
Зимин М. Т. – 126
Зырянов А. Д. – 70
Игорев Л. С. – 14
Идиатулина Г. М. – 113
Ильин Г. – 90
Йатарола Н. В. – 133, 138
Кайбышев Х. Г. – 33
Калюга А. Е. – 142
Каратаев Г. Г. – 122, 123
Каратанов Д. И. – 102
Карлов С. В. – 46
Катанов Н.Ф. – 26
Кикилова У. С. – 69
Киргинеков Э. Н. – 56
Кисилёва Т. А. – 145
Клеменц Д. А. – 163
Клочков В. И. – 13, 14
Ковалёв В. А. – 34
Козлов П. – 90
Комиссаров В. Н. – 46
Кон Ф. Я. – 37
Кормушин И. В. – 37
Косованов В. П. – 181
Кривоносова Е. Л. – 71
Кривошапкин М. Ф. – 69
Крыжин С. Е. – 181-188
Кузнецов Н. И. – 122, 124
Кузнецов П. И. – 162
Кузнецов-Красноярский И. П. – 163
Кузнецова А. А. – 164
Кулаков П. Е. – 164
Кун Вэйжан – 148
Кутимский И. В. – 153
Куулар С. – 77
Кучендаев Г. – 33
Лактионова Е. А. – 19
Лалетин И.Т. – 21
Лаптев Х. П. – 118
Ларичев В. Е. – 46
Лекаренко А. П. – 102
Леонтьев, Н. В. – 8, 35
Ли (семья) – 148

Лигачёва А. А. – 58
Липский А. Н. – 56
Лыхин А. П. – 151
Лю Лицю – 26
Мазурик И. П. – 109
Макаренко А. А. – 69
Максимова И. А. – 30
Макушин П.И. – 22
Малов С. Е. – 37
Мамин-Сибиряк Д. Н. – 146
Маньковская В. И. – 125
Мариловцев Д. В. – 80
Мартыненко Т. Л. – 105
Мартьянов Н. М. – 12, 37, 164
Мессершмидт Д. Г. – 37
Миддендорф А. Ф. – 118
Мигас А. Я. – 9
Миллер Г. Ф. – 37
Миненко Н. А. – 69
Минор О. В. – 59
Митько О. А. – 48
Мосолов А. – 90
Мушкин М. И. – 76
Нагорных В. В. – 125
Начинкина Л. В. – 108
Никольский В. В. – 74
Новгородова Э. А. – 60
Ойдупаа А. А. – 77
Окладников Е. А. – 53
Окулов С. К. – 72
Оюн С. – 77
Оюн Т. – 77
Паллас П. С. – 37, 43
Парфёнова А. П. – 146
Пейзын Г. – 69
Перлов Б. А. – 75
Петренко А. Л. – 61
Пивоваренко Н. Г. – 155
Пилипенко В. С. – 193
Полат О. – 77
Полежаева Н. В. – 145
Половников И. С. – 64
Попов В. В. – 36
Попов К. Ф. – 101, 103
Пясецкий П. Я. – 14
Радлов В. В. – 29, 37
Решетникова И. Л. – 34
Румянцев М. В. – 12
Рыбак-Меснянкина Р. М. – 122, 123, 125
Ряннель Т. В. – 102
Савельев А. А. – 101, 103
Савинов Д. Г. – 52
Савкова О. А. – 190
Сайбулина Р. Р. – 111
Сат Т. – 77
Сат Ч.-Д. – 77
Саянский (Попков) О. – 181
Севостьянова Э. А. – 56
Селиванова А. Н. – 72
Серебрянникова М. Е. – 162
Серёдкин П. И. – 32, 34
Сизов Л. Г. – 101, 103
Скобелев С. Г. – 43
Солдатов А. И. – 126
Сорокин М. Я. – 109
Сотниченко М. И. – 172
Спасский Г. И. – 103
Спириденко И. А. – 113
Спицын А. А. – 65
Спундэ А. П. – 90
Старков О. Г. – 145
Старцева С. П. – 120
Суриков В. И. – 8
Суханов А. Ф. – 154
Суханов К. М. – 154
Суханов Ф. К. – 154
Титов А. А. – 13
Товарищтай Н. – 77
Тока С. – 77
Топчеев В. В. – 85
Тугужекова В. Н. – 37
Урванцев Н. Н. – 118
Фёдоров Н. В. – 126, 156
Филиппова О. Г. – 38
Фоманди В. Ю. – 35
Хазанович А. – 109
Харчевников А. В. – 36
Хемчик-оол А.-Т. – 77
Чащин В. И. – 190-192
Чепашева А. Ф. – 166
Чермак Л. К. – 74
Шабалин В. М. – 193, 194
Шагдыр-Сюрюн О. – 77
Шадрин А. А. – 21
Шантаров Н. И. – 86
Шекшеев А. П. – 89
Шестакова К. И. – 101
Широкова Р. Е. – 126
Шоева М. П. – 41
Щапова Ю. Л. – 51
Юдин Г. В. – 13-15, 22, 101
Яворский А. Л. – 101
Ярилов А. А. – 164

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абакан (город, Республика Хакасия) – 33, 148-150
Алтайский край – 38-41
Алтайский район (Республика Хакасия) – 56
Артёмовск (город, Красноярский край) – 172
Аскиз (село, Республика Хакасия) – 29
Ачинск (город, Красноярский край) – 73, 81-84, 90
Бейский район (Республика Хакасия) – 56
Белый Яр (село, Алтайский район Республики Хакасия) – 65
Владивосток (город, Приморский край). – 80
Енисейск (город, Красноярский край) – 80-84, 125
Ивье (город, Гродненская область Республики Беларусь) – 11
Иркутск (город, Иркутская область) – 72
Казачинское (село, Казачинско-Ленский район Иркутской области) – 151
Китайская Народная Республика – 13-15
Красноярск (город, Красноярский край) – 17, 125
Красноярский край (ранее Енисейская губерния) – 19, 30, 34, 86, 89-98, 101-104, 138-141, 181
Курагинский район (Красноярский край) – 142, 181
Кутима (село, Казачинско-Ленский район Иркутской области) – 151
Кызыл (город, Республика Тыва) – 77
Лугавское (село, Минусинский район Красноярского края) – 127, 133, 138
Луганская Народная Республика – 9
Малая Минуса (село, Минусинский район Красноярского края) – 36
Минусинск (город, Красноярский край) – 8-12, 28, 34-36, 73, 86, 125-132
Москва (город) – 9
Нижний Тагил (город, Свердловская область) – 106
Новоборисовка (село, Одесская область) – 174
Пекин (город, Китайская Народная Республика) – 14
Республика Татарстан – 26-30
Республика Тыва (ранее Урянхайский край) – 26, 61, 77-79
Республика Хакасия – 30-34, 86
Санкт-Петербург – 28, 74
Смоленская область – 61
Таймыр (полуостров, Красноярский край) – 113-119
Тесь (село, Минусинский район Красноярского края) – 172
Томская область – 120
Тугулымский район (Свердловская область) – 145
Турция (государство в Западной Азии) – 11
Усть-Абаканский район (Республика Хакасия) – 56
Усть-Абаканское (село, Усть-Абаканский район Республики Хакасия) – 73, 76
Чаньчунь (город, Китайская Народная Республика) – 11
Челябинск (город, Челябинская область) – 80
Черногорск (город, Республика Хакасия) – 15, 149
Шушенское (посёлок, Красноярский край) – 70, 173

Муниципальное бюджетное учреждение
«Минусинский региональный краеведческий
музей им. Н. М. Мартьянова

МАРТЬЯНОВСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВЫПУСК XVII

Сборник докладов и сообщений
(2023)

Подписано в печать
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Тираж 150 экз.